Алексей Иванов
ВЕГЕТАЦИЯ
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этот раз Алексей Иванов обратился к фантастике. Бригада лесорубов на вездеходе пробирается по лесным чащобам Урала к заброшенному военному объекту в таинственной горе Ямантау. А мир вокруг — вроде наш, но как-то не совсем… География реальна, однако посёлки и городишки — пустые, заводы — мёртвые, дороги заросли деревьями. И главное — изменился сам лес. Его вегетация искусственно ускорена для добычи древесины, и лес мутировал. Он живёт своей жизнью. Он ополчился на цивилизацию: в его дебрях скрываются чумоходы — обезумевшие машины и люди здесь теряют свою биологическую природу. Впрочем, только ли биологическую?.. Бригады лесорубов не лучше окружающего их мира: они друг другу конкуренты и между ними — война.

Роман «Вегетация» построен по канонам многих жанров. Это роуд-муви — история путешествия, одиссея. Это постап — постапокалипсис. Это дизельпанк в российской глухомани. Это крепкий сай-фай — научная фантастика. Видовое разнообразие антиутопий подобно мутагенному лесу, однако «Вегетация» рассказывает не о том, куда едут герои, а о том, куда идём мы сами.

- Алексей Иванов
  - Пролог
  - 01
  - 02
  - 03
  - 04
  - 05
  - 06
  - 07
  - 08
  - 09
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- notes
  - 1

Алексей Иванов
Вегетация

Пролог
Автобаза

Не сможет убить его — будет лохом по жизни. Это Серёга понимал твёрдо. Впрочем, злобить себя как собаку ему и не требовалось: давняя ненависть к Харлею въелась в душу глубоко и прочно. Серёга был уверен, что сегодня он всё исполнит по плану, то есть решительно и без ошибок, и даже замахнуть водки для храбрости его совсем не тянуло. Успеется.

Он знал, где Харлей прячет свой мотоцикл, — про тайное место, сама того не заметив, проболталась Маринка. Моцик у Харлея был крутым зверюгой, за него Харлей и получил своё прозвище, хотя, ясный хрен, зверюгу его переделали где-то в гаражах из обычного агрегата. Движок форсировали, глушитель сняли для понта, к обычной дуплексной раме приварили усиление, на грузовой коляске заменили рессору, вилку собрали новую, под широкое колесо. Все завидовали, и Харлею приходилось прятать мотоцикл в лесу — в городе его сто пудов уведут. Свои же пацаны и отработают просто погонять.

Харлей устроил укрытие на заброшенной автобазе. Когда-то здесь располагалась стоянка грейдеров и бульдозеров дорожного стройуправления: площадку отсыпали щебнем, ямы какие-то здоровенные выкопали, начали возводить бетонный каркас для станции техобслуживания, а потом взяли да и плюнули на всё — на фиг надо. Автобаза одичала, никто сюда не заглядывал.

На попутке Серёга доехал до остановки «Шестой километр». Отворот на автобазу находился ещё через два километра, а возле остановки с обочины соскальзывала почти неприметная тропинка, убегающая напрямик через лес. Плотно жгло солнце, на старой пустынной дороге пахло пылью, из трещин в асфальте торчала короткая и жёсткая трава, в лесу чирикала какая-то птичка.

Тропинка почти заросла. Серёга огибал густые непролазные кусты, пинал с пути упавшие гнилые стволики, продирался сквозь ветки осин. К лицу липла паутина. Сучки цеплялись за футболку, за обвисший брезентовый рюкзак. На шею сыпалась иссохшая древесная труха. Серёга быстро взмок от духоты.

В рюкзаке у него лежали фляжка с водкой и пистолет, завёрнутый в полотенце. Ствол Серёга купил в гаражах — там же, где Харлею подшаманили моцик. Правда, в обойме было только пять патронов. Два из них Серёга уже отстрелял, тренируясь по бутылкам. Обращаться с оружием он умел. Да это все пацаны умели: их тренировали на уроках военной подготовки и в школе,

и в учаге. На пистолет Серёга без сожалений ухлопал две получки — пришлось два месяца сидеть на иждивении у матери. Ничего, мать потерпела.

Тропинка всё тянулась и тянулась, и Серёга даже забеспокоился: не сбился ли с пути? Лес вокруг был молодой, мусорный — осины, берёзы, вербы, ивняк в низинах. Серёга сердито ломал ветки, рвал клейкую листву, руки ему исхлестало. Справа из-под дёрна вдруг высунулась изгибом ребристая бурая автопокрышка, и Серёга догадался, что почти у цели. И вдруг издалека донёсся хриплый треск мотоцикла. Это, конечно, был Харлей — кому же ещё тут быть?

Сердце заколотилось ещё сильнее. Нет, Серёга не боялся и не сомневался в себе, хотя раньше никогда не стрелял в людей. Наоборот, его охватила недобрая истома, как при раздаче карт: вот сейчас ему выпадут козыри, ведь он лучше всех остальных, и он этих всех остальных просадит и обует.

Харлей жил в своё удовольствие. Всегда при деньгах, и всегда при нём парни и девки. Они собирались на хате у Харлея и бухали за счёт хозяина, а Харлей пил помаленьку, покуривал дорогие американские сигареты и смотрел на гостей: приглядывал девку, с которой потом уходил в комнату. Так пацаны рассказывали. Сам-то Серёга побывал у Харлея только один раз — с Маринкой, и Харлей тогда спокойно увёл Маринку к себе, а Серёга свалил домой. Что ж, Маринка была законной подругой Харлея, и ей это нравилось. А Серёге — нет.

Серёга осознал, что идёт уже по автобазе. Под ногами хрустел щебень, но площадка заросла тонкими деревцами — сразу и не отличишь её от обычного леса. В зарослях виднелось что-то железное, в высокой траве горбились груды кирпича, за кустами мелькали какие-то полуразрушенные стены. Где-то впереди ещё раз рявкнул мотоцикл Харлея, потом клокотанье движка затихло.

В Харлее Серёга всегда чувствовал пренебрежение — и к себе лично, и вообще ко всем, и даже к Лексеичу, Маринкиному дяде, у которого Харлей работал, и к самой Маринке тоже. А Маринка этого не замечала. Ну, девки — дуры. Лёгкая угрюмая усмешечка Харлея казалась Маринке нормальной, типа не про неё, а про других. Что ж, заценим, как Харлей сейчас будет улыбаться…

Серёга остановился, вытащил из рюкзака свёрток, достал пистолет, сунул полотенце обратно в рюкзак и встряхнулся, подвигав плечами и локтями.

Лесок поредел перед громадой недостроенного ангара. В два ряда торчали бетонные опоры с длинными балками перекрытий, стопами были сложены плиты с торчащей арматурой. Серёга

обогнул облупленный вагончик бытовки с выбитыми окошками и увидел Харлея. Тот возился возле своего мотоцикла — переставлял канистры в грузовой коляске. Серёга понял, что в качестве укрытия Харлей использует яму возле фундамента: закатывает в неё мотоцикл и сверху укладывает ржавый и рваный лист профнастила.

Надо было сразу шмальнуть Харлею в затылок, но Серёге очень хотелось увидеть страх на лице врага. Серёга негромко свистнул.

Харлей повернул голову и распрямился.

— Хана тебе, гад! — торжествующе сказал Серёга, поднимая пистолет.

Харлей помолчал, оценивая ситуацию, и усмехнулся свой усмешечкой:

— Ты что, Димон, за мной с «Гарнизона» припёрся?

Серёга не знал никакого Димона и никогда не был на «Гарнизоне».

— Берега попутал, козёл? — с вызовом спросил он.

Харлей не волновался, лишь поправил матерчатый козырёк кепи. Одет он был как все — по-армейски: камуфляж, зелёная футболка, берцы.

— Оборзел в лесу, ага? — Харлей словно не замечал нацеленного на него пистолета. — Один хрен я сдам бригадам всё, что у вас там есть.

Серёге стало ясно, что Харлей принял его за кого-то другого. Его, Серёгу, Харлей видел вблизи только в тот вечер — ну, на хате, когда Серёга припёрся с Маринкой. Вряд ли Харлей его запомнил. Серёга был для него никем.

— Я Серёга Башенин, — Серёга должен был заявить, кто он такой и зачем убивает Харлея, иначе нет победы над соперником. — Я с Маринкой хожу, племянницей Егора Лексеича Типалова.

Харлей задумчиво оглядел Серёгу.

— Чмо ты дворовое, — подвёл он итог. — Отдай ствол и сдёрни отсюда.

Харлей шагнул к Серёге и протянул руку за пистолетом.

Он был одного роста с Серёгой и примерно такого же телосложения, но показался Серёге и выше, и сильнее. Сейчас он просто отнимет оружие, как у шкета какого-нибудь, а потом даст берцем под зад — крути педали, урод… Нет, этому не бывать. Сам он чмо, Харлей. Пусть сдохнет тут.

Серёга выстрелил Харлею в грудь. Эхо щёлкнуло в развалинах ангара.

Харлей остановился. Он будто бы размышлял, убит он или

нет, — так в детстве пацаны решали свою судьбу, когда играли в войнушку. И Харлей решил, что убит. Ноги у него подогнулись, и он упал на спину.

Серёга огляделся по сторонам. Его потряхивало от напряжения, а в груди растекалось жгучее тепло — там, как живая тварь, ворочалась недоверчивая радость. Неужели он смог? Да, смог! Вот ведь Харлей — валяется на грязном гравии, сквозь который проросла трава! И вокруг никого. Мотоцикл. Бытовка. Громада недостроенного ангара с рёбрами опор. Штабеля бетонных плит. Тонконогий лесок. Синее небо. И нет больше этой сволочи — Харлея!

Серёга подошёл и пнул Харлея в плечо. Голова у Харлея мотнулась, и кепи свалилось. Харлей дохлый! Блин, выпить бы сейчас, да рано ещё…

Окрестности автобазы Серёга внимательно изучил ещё дома по карте. В километре от площадки находилось болото, с одной стороны ограниченное дамбой. К дамбе от автобазы вёл просёлок. Удобно, чтобы утопить труп.

Кряхтя, Серёга подтащил Харлея к мотоциклу и свалил в коляску. Ноги у Харлея торчали как две палки. Серёга залез в удобное седло, с первого толчка завёл движок и погазовал вхолостую. Крутой аппарат, мощный.

— Пора тебе, падаль, в могилу! — сказал Серёга Харлею.

Просёлок обнаружился сразу за ангаром, он даже зарос не очень сильно — так, кусты одни. Мотоцикл качало и потряхивало, руль прыгал у Серёги в руках, ветки скребли по коляске, по колену Серёги, по крышке картера. Серёга думал, что хорошо бы оставить моцик себе — но нельзя. Вообще нельзя ничего забирать из имущества покойника. Типалов наверняка будет искать Харлея. Вдруг Типалов или Маринка увидят какую-нибудь его шмотку у Серёги?..

По дамбе Серёга доехал до невысокого откоса, забетонированного вокруг дренажной трубы. Похоже, трубу давно заткнуло мусором и всякой дрянью — с другой стороны дамбы стеной стоял ивняк и никакого водотока не имелось. Ну, нормально вроде бы. Серёга остановился, выключил двигатель, слез, обошёл мотоцикл и с натугой вывалил Харлея из коляски на землю.

Харлей тихо захрипел. На губах у него появилась кровавая пена.

Живой, что ли? Вот ведь гад бессмертный!

Серёга, конечно, удивился, однако новый поворот дела уже ничего для него не значил. Он убил Харлея — и баста. Станет тот булькать в болоте или не станет — неважно. А болото словно

поджидало. Оно расползлось по низине как-то бесстыже и нагло. Кое-где чернела вода, но в основном поверхность была бурой и гнилой, с клочьями травы, с камышом и осокой. Из поганой жижи выставлялся склизкий и сучковатый валежник, облепленный тиной. На подтопленной и прокисшей опушке леса чахлые деревца покосились, готовые упасть. Пахло тухлятиной. Короче, гиблое место. Вдали тупо орала лягушка.

Серёга подтащил тяжеленного Харлея к откосу и пихнул ногой. Харлей неохотно покатился вниз и вяло бултыхнулся в дряблую ряску. Погружался он медленно, будто по частям: живот, грудь, колени, бледное лицо, безвольные руки — и всё-таки затонул весь целиком. В ряске образовалась длинная дыра, всплыли мелкие пузыри. Серёга швырнул в воду и пистолет.

Он ещё долго торчал над откосом, глядя, как потихоньку уменьшается дыра в болотине. Харлей захлебнулся, в этом нет сомнений, и теперь уже точно мёртв. Серёга ощущал себя как-то странно. Жизнь кажется непонятной, запутанной, всё сливается так, что не разделить, — а в натуре жизнь состоит из очень конкретных вещей. И правильно он сделал, что не стал ревновать Маринку, не стал скакать вокруг неё, доказывая своё превосходство, не стал бодаться с Харлеем — в общем, маяться дурью. Он без базара взял и убил врага. Рисково, конечно, зато дальше всё будет однозначно.

Серёга повертел головой. Теперь надо избавиться от мотоцикла, затопить его где-нибудь подальше — но это уже не трудно. А потом можно и выпить. Заслужил.

01
Соцгород Магнитка (I)

Он ничего не помнил о себе, ничего не понимал. Кто он? Где он? Каким образом он здесь оказался? Куда идёт? Что вообще такое с ним творится?

Еле передвигая ноги, он брёл по асфальтовому шоссе, вернее по старой дороге со вспученным и растрескавшимся асфальтом. Из трещин кое-где росла трава. Валялись обломанные ветки и сбитые ветром шишки. Канавы никто не чистил, из них торчал высоченный бурьян — дикий, вольный, без обычной пыли от проезжающих машин. За бурьяном плотной стеной клубился и шумел молодой лиственный лес — непролазный, дурной, жадный до света. Где-то в глубине этой чащи угадывались растопыренные тёмные ёлки, верхним ярусом вздымались кроны сосен. Небо тихо обжигало просторной и горячей синевой. Похоже, день клонился к вечеру: солнце висело уже низко и не слепило, поперёк шоссе вытянулись длинные зубчатые тени. Где-то стучал дятел. Пахло смолой, свежестью зелёной листвы, потаённой грибной прелью.

В общем, в самый раз для блаженства, если он явился сюда из города, где застойная духота многолюдных улиц и запах автомобильных выхлопов. Да, в самый раз — но ему было плохо. Тошнило так, что желудок дёргало к горлу. Болело в животе, ломило грудь, ныли колени и локти, а голова раскалывалась. Хуже всего, что лес качался в глазах и шевелился, будто огромный паук, дорога зыбко двоилась, расплываясь миражом, в небе мерцали тёмные кольца.

Грязная одежда засохла коркой, тёрла жёсткими складками, а в ботинках ещё чавкала жижа. В волосах запуталась какая-то тина. Руки были в зелёно-бурых разводьях, лицо наверняка — тоже. Он сплюнул — и плевок тёмный…

Он шёл и шёл, шёл и шёл, точно у него имелась какая-то цель. Впрочем, цель имелась: увидеть хоть что-то, чтобы хоть чуть-чуть начать соображать. Дорога ползла по лесу в мучительном безвременье. Рябины, берёзы, липы, кусты ивняка, глухой малинник, бурьян. Дорога медленно повернула, и вдали наконец показалась косая дырявая будка. Автобусная остановка из вкопанных труб и ржавых листов гофрированного железа. Рядом — куча заросшего травой мусора. На табличке еле читалась облупленная надпись «6-й км».

Он обессиленно сел на скамейку — на доску, положенную

поверх двух приваренных кронштейнов. В тени всё равно было жарко. Он понял, что никуда больше не пойдёт — лучше сдохнуть; он привалился спиной к железу и закрыл глаза. В лесу перекликались птицы, и в голове тоже звенело.

Наверное, он отключился. Сознание словно плавало в какой-то вязкой мути, распадаясь невнятными картинами: какие-то лица, дома, заплесневелые коряги, бетонные стены, деревья, ступени, уводящие в сумрак, белые облака… В реальность его вернул сиплый автомобильный гудок.

Возле ржавой будки стоял грузовик. Обычный грузовик с кузовом.

Усатый водитель опустил стекло в дверке и крикнул:

— Серый, давай залазий! Подброшу до дома!

Он — это Серый, то есть Серёга, Сергей?..

— Оглох, что ли? — поторопил водила.

Он — Сергей — с трудом поднялся, обогнул капот и открыл другую дверь. Еле влез в высокую кабину, еле успел захлопнуть дверь за собой — водила уже двинул рычаг. Нет, этого усатого мужика он — Сергей — не узнавал.

— Чё тут делаешь? — спросил водила, ворочая прыгающий руль.

Грузовик потряхивало на колдобинах.

— Ничего не помню, — без голоса ответил Сергей.

— Бухал, что ли, с кем в лесу?

— Не помню…

Водила усмехнулся:

— Молодой был, так мы тоже за город бухать гоняли, на речке у нас место было. Я тоже терялся, только с девкой, не один. Эх, блин!.. — водила вздохнул. — Сушняк, небось, мучит? Вон термос стоит, жена в рейс мне компот дала.

Сергей не смог удержаться — выпил весь компот до сухофруктов на дне.

Грузовик подвывал изношенным двигателем, гулял по шоссе то вправо, то влево, объезжая кривые бугры и ямы, засыпанные гравием.

Город начался неожиданно быстро. В зелени мелькнуло что-то жилое, а потом вдоль дороги выстроились в ряд оштукатуренные двухэтажные дома. Дорога превратилась в улицу с трамвайными рельсами, откуда-то вынырнул и сам трамвай — угловатый, облезло-красный вагон. Низкие дома сменились массивными пятиэтажками, какими-то очень основательными и старомодно-помпезными: с эркерами, карнизами и балюстрадами на крышах. Казалось, что в этих величественных зданиях непременно должны жить герои. Сергей молча

разглядывал людей на тротуарах. Люди как люди… Тётки с авоськами, пацан на велосипеде, молодая женщина с коляской, три мужика курят на углу под липой, бабка тащит внука за руку… Тошнота и слабость искажали восприятие, и у Сергея не получалось понять ощущения: то ли он прожил в этом городе всю жизнь, то ли не был здесь никогда. Всё знакомо — и ничего не отзывается.

На краю небольшой площади водила притормозил у обочины. Сергей смотрел на площадь. Первые этажи домов занимали магазины: «Галантерея», «Промтовары», «Обувь». Из дверей «Гастронома» торчала очередь.

— Чего сидишь? — спросил водила. — Вон твой дом.

Сергей завозился, выбираясь из кабины.

— Матери привет, — вслед ему сказал водила.

Озираясь, Сергей направился к своему дому. Трудно было поверить, что всё вокруг — его город, его мир. Тут у него друзья, работа, мать… Как можно это забыть? И почему он это забыл? Должно ведь хоть что-то торкнуть в душе — какой-то ракурс, тень, какая-то мелочь, какая-то привычка…

Обогнув угол дома, Сергей очутился во дворе. Видимо, обычный двор. Тесные балконы, загромождённые хозяйственным хламом, — над перилами торчат длинные рейки. Крашеные железные гаражи. Детишки копаются в песочнице. Тополь. Клумба, огороженная низеньким заборчиком. У подъезда на лавочке сидят старухи. Столбы с перекладинами и верёвками, на верёвках висит бельё. В деревянной беседке три парня пьют пиво. Из окна второго этажа высунулась женщина, повертела головой и закричала:

— Сашка! Сашка! Пора домой ужинать!

Сергей надеялся, что бессознательно сам найдёт свой подъезд, однако ноги никуда его не повели. Он нелепо застыл возле куста акации.

Парни в беседке оставили пиво и вышли наружу. Что-то нехорошее было в их ухмылочках. Сергей их явно заинтересовал — или они как раз его и ждали?

Парни приблизились. Лёгкие рабочие куртки, растянутые майки, мятые спортивные штаны. Один — косой, другой — с золотой цепочкой на шее.

— Думал, не вычислим тебя, Башен? — с пренебрежением спросил косой.

Сергей не знал, что отвечать, и молчал.

— Магнитка — город маленький, — добавил третий парень.

Второй, который с цепочкой, ничего не говоря, поднял сжатый кулак, покачал им, будто прицеливался, и вдруг коротко

и точно ударил Сергея в скулу. Сергей отшатнулся, в голове у него рассыпчато зазвенело. Парень с цепочкой быстро сунул ему и второй раз, и третий.

Вдалеке у подъезда всполошились зоркие бабки на лавочке.

— Чего творите, хулиганы?! — гневно закричала одна из них.

Парни не обратили внимания.

— Андрюха, с ноги ему впечатай! — азартно предложил косоглазый.

Тот, который не имел никаких примет, ловко прокрутил приём какого-то восточного единоборства и ударил Сергея ногой в живот.

Сергей упал набок. Внутри у него бултыхнуло, и горлом хлынул компот.

— Сразу блеванул! — хмыкнул косой и пнул Сергея в рёбра.

Сергей лежал, корчась, и кашлял. Парни обступили его, как деревья. Они явно готовились пинать Сергея и дальше.

— Серёжа! Серёженька! — где-то кричали бабки. — Они человека убивают!..

С парнями, напавшими на Сергея, случилось что-то непонятное: они разом повернулись куда-то в другую сторону — смотрели на кого-то другого. А этот другой не боялся ублюдков — или же ублюдки были чем-то поражены.

— Чё такое?.. — изумлённо охнул косоглазый. — Башенин, ты откуда?..

Договорить он не успел — отлетел, всплеснув руками.

Тот, который знал восточные приёмы, опять прокрутил свой удар ногой, однако новый противник перехватил его ногу в воздухе, и парень грянулся на спину. Ублюдок с цепочкой сам отскочил подальше.

— Башен, ты как это?.. — обиженно крикнул он.

— Вали со двора! — рявкнул ублюдкам неизвестный спаситель.

Сергей услышал топот ног — ублюдки убегали.

Сильная рука схватила его за плечо и усадила в худо-бедно вертикальном положении. А потом воцарилась странная опустошённая тишина. Спаситель стоял над Сергеем без движения, будто окаменел. Сергей плохо видел его на фоне слепящего вечернего неба — только тёмный силуэт.

— Ох-хренеть… — тихо произнёс спаситель.

Он присел перед Сергеем на корточки, вглядываясь в его лицо. И Сергей тоже увидел лицо спасителя — точнее, своё собственное лицо, один в один.

— Ты кто такой? — потрясённо спросил двойник Сергея.

— А ты кто? — ответил Сергей.

02
Соцгород Магнитка (II)

— Серик, ты кого тащишь-то в дом? — испугалась мать.

— Включи лампочку, мам! — ответил Серёга.

Он толкнул гостя вперёд и захлопнул дверь. Мать — вечно она экономила — зажгла свет в тесной прихожей, куда еле влезали два взрослых человека.

— Узнаёшь? — с вызовом спросил Серёга.

Гость, парень-двойник, торчал как чурбан, не зная, что делать. Мать тихо отступила в комнату и закрыла рот руками. Глаза её округлились.

— Во дворе подобрал, — пояснил Серёга, скидывая кроссовки. — Его там шпана с Ленинградки побила, приняла за меня.

Квартира у Серёги с мамой была маленькая, но двухкомнатная. Мать занимала крохотную, как шкаф, спальню, а Серёга жил в комнате побольше — мать уважительно называла её залой. Серёга в носках шагнул из прихожей в залу и развернулся, рассматривая гостя как некое крупное приобретение — вроде холодильника или новогодней ёлки. Вид у гостя был жуткий.

— Снимай говноступы свои, — распорядился Серёга. — Иди в ванную, руки и морду умой. Мам, где полотенца лежат?

— Простите за беспокойство… — вдруг хрипло произнёс гость.

Мать вздрогнула, будто заговорила статуя.

Серёга сунул гостю в руки полотенце:

— На. Ванная вон справа.

Он притворил дверь в прихожую.

Примостившись на краешке дивана, мать глядела куда-то в пустоту.

— Мам, ау! — окликнул её Серёга, стаскивая брюки и натягивая домашнее трико. — Давай на кухню. Пожрать, что ли, приготовь. Я же со смены.

Ошеломление от встречи с двойником у Серёги уже прошло. Да его и не было-то, наверное, ошеломления. Просто он, Серёга, столкнулся с парнем, похожим на него самого. Охренеть как похожим. Ну, бывает. А брата у него никакого сроду не имелось. Ни о чём таком мать не говорила.

— Это Митя, — поднимаясь с дивана, тихо сказала мать. — Твой близнец.

Серёга будто отяжелел под чем-то мягким и неподъёмным.

— Ты чего такое заявляешь? — возмутился он.

За окном, звеня, по рельсам простучал трамвай.

Мать подошла к серванту и, кусая губы, начала поправлять фотокарточку между стёкол — она и трёхлетний Серёжка.

— Был у тебя брат, Серик… Ну, есть. Я же двойню родила. Назвала Митей и Серёжей. Тебя забрала, а Митю на больничке оставила.

Серёга взял со стола сигареты и закурил, хотя в квартире он обычно не курил. В голове словно что-то свистело, как на сквозняке. Он даже растерялся. Обнаружить брата — это словно обнаружить в своей квартире третью комнату. Вроде хорошо, но комната уже с жильцом.

— И чё делать? — глупо спросил Серёга.

Мать пожала плечами и вытерла пальцем глаза.

Серёга разозлился. Он не хотел ничего менять в жизни. Всё ведь и так зашибись. Работа у него нормальная, хата есть, и Харлея он убрал с пути — Маринка теперь достанется ему. Какой, блядь, брат? На хера он нужен?

Серёга чуть приобнял мать за плечи:

— Не парься, мам. Сначала давай про этого Митю всё узнаем. Что за типок такой нарисовался? А потом ты мне всё расскажешь, идёт?

Мать всхлипнула и кивнула.

В ванной затих шум воды, и вскоре в двери прихожей появился Митя. Босой. Лицо и руки — чистые, а футболка и штаны — грязнущие.

— А я вообще-то ничего, — оценив его, заметил Серёга. — Красивый.

— Пойдёмте на кухню, ребятки, — тонким, не своим голосом сказала мать. — Покушать что-нибудь вам приготовлю.

Кухня была такой же маленькой, как и прихожая. Серёга указал Мите на свою табуретку возле окна: гостю — лучшее место. Из холодильника Серёга вынул початую бутылку водки, из подвесного шкафчика — гранёные стопки.

— Ты — Митя, Дмитрий значит, — веско сказал Серёга, разливая водку. — Я — Сергей. А это — наша мама, Вера Петровна. Мы с ней — Башенины.

— Я тоже Башенин? — наивно спросил Митя.

Серёга фыркнул, точно брат был недостоин его фамилии.

Мать возилась у плиты, чем-то брякала.

Серёга заметил, что Митя деликатно озирается. Наверняка пытается вспомнить свою жизнь, как-то разместить себя в новой обстановке. Парень, похоже, из городских: скромный, культурный

такой. Городскими называли жителей больших городов — Челябы, Екаты, Уфы. А соцгород Магнитка и ей подобные заводские поселения за настоящие города уже давно не считались. И городских здесь, мягко говоря, не любили.

— Выпьем, — предложил Серёга. — Мам, не отставай.

Они выпили. Мать зажмурилась и принялась махать в рот ладонью, будто остужала, а Митю едва не вырвало, но потом ему на глазах полегчало — водка возвращала силы. Серёга же накатил спокойно, как воду.

— Рис с тушёнкой у меня!.. — спохватилась мать. — Кушать вам надо!

Она вскочила и кинулась к плите.

— Сразу поясню, браток, — по-хозяйски расслабленно заговорил Серёга. — Ты с нами здесь не жил никогда. Я за тебя вообще не слышал. Давай колись, кто ты, откуда, как сюда попал?

— Ничего не помню, — виновато ответил Митя. — Очнулся в лесу — иду по шоссе, вокруг никого, карманы пустые, всё болит, весь в грязи…

Мать у плиты тяжело вздохнула от сострадания.

Серёга чувствовал, что Митя не врёт. Да и зачем ему врать?

— Может, ты ехал куда на попутках? — предположил Серёга. — Ну, тебя грабанули и выбросили на дорогу. Дали по башке — она и повредилась.

— Не исключено, что и от сотрясения мозга амнезия, — согласился Митя.

— Может, ты к нам ехал? — с надеждой спросила мать. — Ну, познакомится, посмотреть на родственников…

Митя беспомощно развёл руками.

Мать включила в кухне свет — за окном уже темнело — и поставила на стол сковородку с ужином.

— Бедно у нас, не обессудь, — сказала она.

— Да уж, бананьев нету, — хмыкнул Серёга. — Не городские разносолы.

Он снова разлил водку, и они снова выпили.

Митя ел вежливо, аккуратно, но Серёга видел, что он голоден как волк. Серёге интересно было наблюдать за братом — будто за самим собой в зеркале. Ощущения были непонятные. Хотелось угостить брата чем-нибудь ещё, как себя, — или врезать по морде. Ведь собственный облик принадлежал только ему, Серёге, и тот, кто пользовался им, этим обликом, — вор. Мать присела чуть в стороне на табуретку и тоже смотрела на Митю, но жалостливо.

Митя наконец отложил вилку.

— Простите за бестактность, — осторожно сказал он. — Но получается, вы про меня вообще ничего не знаете, да? Я жил

отдельно? А почему?..

Серёга уже понял почему, но ответ обидел бы маму.

— По кочану, — грубо отрезал он.

А мать заплакала:

— Война же, Митенька…

— Какая война? — искренне удивился Митя.

— И этого тоже не помнишь? — опять разозлился Серёга.

— Амнезия…

— Хуямнезия!

Серёга налил себе одному, выпил и встал.

— Вымыться тебе надо полностью, братец, воняешь, — бросил он, усмиряя гнев. — Титан включу, чтобы вода нагревалась. Шмотки свои дам.

— Искупайся, а твою одежду я постираю, — тотчас пообещала мать.

Серёга пошёл в прихожую. Света здесь уже не было — мать экономила. В темноте Серёга споткнулся о ботинки Мити и в сердцах выругался, нашаривая выключатель. Вспыхнул жёлтый пластмассовый плафон. Расшнурованные армейские берцы брата валялись прямо посреди прихожей, как огромные дохлые крысы. Серёга вдруг вперился в них, и в голове замелькало. Такие же берцы были у Харлея. Серёга вёл мотоцикл, мёртвый Харлей лежал в коляске, а его ноги, обутые в берцы, торчали вровень с рулём…

Харлей… Тогда — перед выстрелом — он ведь принял Серёгу за кого-то другого… Он сказал: «Димон, ты за мной с “Гарнизона” припёрся?» Димон… Дмитрий… Митя… Харлей принял Серёгу за Митю! Они были знакомы!

А ведь Маринка говорила ему о последнем маршруте Харлея… Серёга стоял в прихожей и вспоминал, как гулял с Маринкой по Ленинградке. У него-то нет никакой амнезии, он всё помнит… Бли-и-ин… Ну и дела… Вот, значит, кто ты — братец Митенька!.. Ты — из тех городских мудаков, что упрямо сидят на объекте «Гарнизон», сдвинутые мозгами на своей долбаной хрени… Ты, Митенька, пришёл не к брату и не к матери… Ты шёл за Харлеем!

03
Соцгород Магнитка (III)

Серёга виделся с Маринкой недели три назад, в конце июня. В последних числах месяца обычно отоваривали талоны, и Серёга пошёл в гастроном на Ленинградской за водкой. Так-то он пил редко, дома уже скопилось бутылок пять, но не пропадать же талонам. И в очереди он заметил Маринку — недалеко от кассы. Он пристроился рядом, хотя дело, конечно, было не в длине очереди.

— Эй, парень, ты здесь не занимал! — недовольно загомонила очередь.

Возле Маринки Серёгу всегда охватывала какая-то дурацкая лихость — или угрюмая злоба, как тогда, когда он оставил Маринку Харлею.

— Это жена моя! — оборачиваясь, весело пояснил Серёга.

Маринка возмущённо фыркнула, сдув с глаз чёрную чёлку.

— Чё несёшь! — ответили из очереди. — Она ещё со школы!

Маринка только что окончила учагу и считала себя взрослой.

— Не со школы ни с какой! — отсекла она. — Стойте и не лезьте к людям!

— Хамка малолетняя! — сообщили из очереди.

Маринка и Серёга одинаково отвернулись, чтобы не связываться.

С Маринкой Серёга познакомился на комбинате. Он работал на скиповом подъёмнике, а Маринка тогда ещё училась: Типалов подсуетился, чтобы его племянницу приняли в группу бризолосинтеза, и потом Маринка получила бы непыльную должность оператора ректификационной колонны. В тот день из учаги привели экскурсию, чтобы показать производство. И Серёга сразу отметил эту девку с чёрным хвостом. Она напоминала вороного жеребёнка.

— Как выпускной отметила? — негромко спросил Серёга.

— Нормально, — Маринка жевала жвачку. — Напились все как дураки.

— А ты сама пила?

— Я-то немного. Не как эти.

— Что делать собираешься после учаги? — улыбаясь, допытывался Серёга. — На комбинат пойдёшь? Оператором?

Серёга знал, что комбинат Маринка ненавидит. Вернее, презирает.

— Не пойду я туда! — Маринка строптиво махнула хвостом.

— Егор Лексеич ради тебя столько жоп там вылизал.

Егор Алексеич Типалов, Маринкин дядя, заменял ей отца.

— Да мне пофиг! Я для него эту долбаную учагу закончила, и хватит!

— Работать-то надо, — заметил Серёга. — Или хочешь у дяди на шее сидеть?

— На комбинат говно варить я не пойду!

Серёга даже обиделся. Бризол — не говно, а главное топливо в мире!

— Я же варю — и ничё, — глупо сказал он.

— Ну и вари, кому ты нужен! — Маринка гневно надула пузырь из жвачки.

«Кому ты нужен?» — повторил про себя Серёга. Вот Маринке-то он как раз и не нужен, потому что работает на комбинате, а не Бродяга, как Харлей.

Маринка не хотела смиренно оттрубить всю жизнь оператором. Серёга знал, о чём она мечтает. Мечтает быть красивой, опасной и загадочной: ездить в командировки, на вездеходе ломиться сквозь дикие чащи, стрелять с борта по комбайнам… Мечтает командовать грубыми и крутыми бойцами. Конечно, командировки — это хороший заработок, но Маринке нужны вовсе не деньги; она хочет жить интересно и рисково, как её дядя. Она хочет увидеть тот страх, что таится в лесах, по которым упрямо пробираются отчаянные бригады, хочет испытать себя на прочность и, ясное дело, победить. Она же лучше всех.

Их очередь придвинулась к прилавку. Серёга достал свои два талона и соединил их с тремя талонами Маринки — на неё, на мать и на Типалова.

— Десять бутылок им, — бросила продавщица мужику-разнорабочему и отсчитала сдачу — сорок рублей.

Мужик сноровисто выставил на прилавок десять бутылок.

— Говорил, только за себя с женой берёшь! — заметили Серёге из очереди.

Ничего такого Серёга не говорил.

— Так ещё за детей! — буркнул он.

Маринка засмеялась. Она уже забыла спор.

У крыльца гастронома Серёга перераспределил груз: себе — две авоськи по четыре бутылки в каждой, Маринке — лёгкую авоську с двумя бутылками. На площади, лязгая, поворачивал трамвай. Вдали, в перспективе улицы, была видна синяя река, а за ней — промышленные башни, трубы и дымы бризолового комбината. С тополей вдоль по тротуарам ветерок нёс белый пух.

У Маринки в кармане короткой курточки закурлыкал

телефон.

— Приве-ет, — певуче произнесла Маринка, делая Серёге знак подождать.

Телефон у Маринки был розовый, девчачий, с какими-то звёздами.

По голосу Маринки Серёга мгновенно догадался, что звонит Харлей. И Серёгу тотчас окатило ненавистью. Серёга, будто играя, наклонился поближе к Маринке, чтобы слышать соперника. Маринка сделала страшные глаза — «Мешаешь ведь!» — но не отстранилась: пусть Серый слышит. Маринка не дразнила его, а просто хвасталась своим крутым мужиком.

Раньше Серёга ломал голову: если Маринка трахается с Харлеем, почему тогда не отошьёт его, Серёгу? Неужели не понимает, с какой целью Серый упорно ходит вокруг неё? Но потом Серёге стало ясно: Маринка — та ещё поганка. С подружками ей скучно, потому что подружкам любопытна не она сама, а Харлей — парень с деньгами, к тому же загадочный Бродяга. А Серому на Харлея положить с прибором. Серому важна только Маринка. Что она думает, что чувствует, что делает, о чём мечтает… Ради такого преданного и честного восхищения Серёги можно смириться и с его приставаниями.

— Я шестого числа вернусь, — звучал в трубке голос Харлея. — Мотоцикл на автобазу отгоню, помоюсь, и заваливайся вечером на хату.

— Ла-адно, — жеманно согласилась Маринка.

Тогда Серёга и подумал: надо убить Харлея, сколько ещё терпеть такое!

— Ты чего подслушиваешь? — весело спросила Маринка, убирая телефон.

— На хера тебе этот Харлей? — желчно ответил Серёга. — Он же через пять лет с концами в леса свалит, как все Бродяги. Как твой батя.

Маринка непокорно мотнула хвостом:

— Может, не свалит? Может, не через пять лет?

Серёга плюнул на тротуар, выражая своё мнение о глупости Маринки.

— Ты же всё равно его не любишь! Тебе не западло с ним спать?

Маринка передёрнула плечами: чё за глупости?

— Ты не врубаешься, Серый, — снисходительно сказала она. — Как ты, на комбинате я работать не буду! В жопу комбинат! В жопу соцгород! Харлей дядь Гору нагнёт, и я, короче, на командировки буду ездить, как тётя Лёна.

Серёга знал, что Егор Лексеич берёт в командировки свою

любовницу.

— И денег больше, чем на комбинате, и вообще.

— Лексеич будет против, — не поверил Серёга. — Не нагнёт его Харлей.

— Нагнёт. Бродяга всегда бригадира нагнёт.

Люди, что шли по тротуару навстречу Серёге и Маринке, смотрели на них неодобрительно: такие молодые — и столько водки несут.

— Если дядь Гора откажется, мы с Харлеем на другую бригаду свинтим. Бродяги всем нужны. А Харлей нашёл целый лес «вожаков» на Ямантау. Он мне с телефона сказал. За лес «вожаков» дядь Гора на всё согласится.

— Ну ты и красава! — признал Серёга с осуждающей похвалой.

Маринка всех заставит подчиниться своему желанию: Харлея — койкой, дядю-бригадира — Харлеем. А Серёге смяло душу давнее горькое ожесточение. Командировки — это херово, можно и не вернуться. И денег за них не так уж много платят. Маринка ни шиша не соображает.

— Ямантау — гиблое место.

— Комбинат — гиблое место.

— В лесу — радиация и чумоходы, — упорствовал Серёга. — На Ямантау — объект «Гарнизон», а там всё заминировано, и никто туда не суётся.

— Фигня, сказки это! — насмешливо заявила Маринка. — Харлей разведал дорогу на Ямантау. А в «Гарнизоне» вообще городские торчат. Которые «зелёные». Они там какие-то опыты делают. Харлей с ними познакомился.

— И чё, никак тебя не отговорить? — Серёга ещё не потерял надежду.

Маринка закатила глаза — «Ну, придумай что-нибудь, если ума хватит».

— Когда вы уезжаете?

— Дней через пять или через неделю. Харлею отдохнуть надо, а дядь Гора бригаду соберёт и мотолыгу подремонтирует.

— И сразу на Ямантау?

— Угу! — кивнула Маринка. — Харлей сказал, что там «вожаков» — каждому с бригады по косарю отстегнут. Зашибись!

За косарь Серёга на комбинате три месяца вкалывал.

— Слушай, Марин, я тебя нормально же прошу, — вздохнул Серёга. — Забей на всё — на Харлея, на командировки… Ну гнилая тема же.

Маринка снова надула пузырь из жвачки.

— А чё ты мне взамен предложишь, Серый?

Кроме себя, Серому предложить было нечего, а он — это не круто.

От трамвайной остановки им навстречу шли два парня, оба возраста Маринки, то есть года на три помладше Серёги. Один — в спортивном костюме и заметно косоглазый, другой — голый по пояс, в чёрных очках и с крупной золотой цепочкой на шее. Серёга с одного взгляда уловил их внутреннюю слабость: спортивный типа как демонстрировал, что он качок, отвлёкся от железа на тренировке, а полуголый показывал, что он весь на расслабоне.

— Не хило водясиком-то на двоих затарились, — заметил косоглазый.

— Поделись по-братски, — нагло добавил тот, что с цепочкой.

— Вали! — отмахнулся Серёга.

— На чужом районе не бурей, — с угрозой сказал полуголый с цепочкой.

Серёгу душила злоба на Маринку, точнее на свою судьбу. Он осторожно опустил на асфальт звякнувшие авоськи и, оскалившись в улыбке, жестом указал парням на бутылки: угощайся, прошу!

— Ты чё, без байды? — хохотнул косоглазый.

— Да нам хватит, пацаны. Берите по одной.

Эти шпанюги были уверены, что предъявили себя правильно и на районе они хозяева, а чужак вправду отдаст им водку. Тот, который с цепочкой, сделал шаг к Серёге и наклонился к бутылкам. Серёга сразу ударил его снизу в солнечное сплетение. Парень, хрипя, согнулся ещё больше, и Серёга пнул его в голую грудь. Парень осел на асфальт.

Косоглазый проворно отскочил.

Маринка спокойно смотрела на драку и жевала жвачку.

— Двигаем, — хмуро сказал ей Серёга. Ему стало полегче.

Он поднял авоськи и прошёл мимо косоглазого.

— Ответишь! — уже в спину ему крикнул косоглазый. — Мы тебя вычислим!

04
Соцгород Магнитка (IV)

Ужин, водка и горячая вода совершили подлинное чудо: Митя ощущал, что потихоньку воскресает. Конечно, он страшно устал, просто вымотался, но это была правильная усталость — от долгого дня, а не прежняя болезненная немощь, будто бы тело оказалось чужим. Сознание порой ещё плыло, словно его нарушали помехи при неуверенной трансляции, однако так бывает, когда от слабости засыпаешь на ходу. И почти не тошнило.

Серёга закидывал чаще Мити, и его порядком развезло. Серёге хотелось продолжить выпивать, да и побазарить тоже. Захмелев, он стал разговорчив и благодушен, его переполняли разные идеи и причудливые планы.

Вера Петровна работала на комбинате табельщицей, ей надо было рано вставать, и Серёга решил дать ей выспаться нормально. Он захватил бутылку, стопки, сигареты, рыбную консерву на закуску и выбрался с Митей в подъезд. Здесь светила жёлтая лампочка. Голоса звучали гулко. Серёга сел на ступеньку лестницы и пошлёпал ладонью рядом с собой:

— Садись… Не морщи морду, тут не грязно, мы с подъезда моем по очереди… Да и штаны у тебя всё равно мои.

— Я лучше постою, — ответил Митя.

Серёге было пофиг.

— Матушка говорила, что отец на комбинате погиб при аварии, — поделился он. — Я поначалу верил. Чё, мелкий ведь был… А когда вырос, в шестом, что ли, классе уже, подумал, что отец в лес ушёл. Да и хер с ним. Все заражённые так делают. У моей подруги, у Маринки, батя тоже в лес свалил.

Судьба отца Серёгу и в детстве не волновала. У многих ребят в его классе отцов не было, потому Серёга воспринимал это как дело обычное.

Может, и не следовало так откровенничать, но Серёгу несло:

— Матушка — она ведь добрая, робкая. Ты сам, наверное, уже увидел. Я прикидываю, что в молодости она и парня-то никакого себе завести не смогла. Боялась она этого. А ребёнка надо было, без него тогда никуда…

— Почему? — удивился Митя.

— Как почему? Квартиру на соцгороде только с детьми давали. Без детей — живи в общаге. А в общаге — полный пиздец, даже в бабской.

Митя слушал внимательно. О себе он так ничего и не вспомнил, но жизнь брата всё равно казалась ему совершенно чужой и дикой.

— Матушка, значит, в Челябу поехала, до больнички, и ей там врачи детей подсадили. Когда подсаживают, то для верности с запасом делают, и часто двойня получается. Так что мы с тобой — того, искусственные!

Серёга поневоле хохотнул. Забавно было ощущать себя искусственным.

У Мити не укладывалось в голове, что речь идёт о нём самом. Да и не только в голове не укладывалось — в душе тоже ничего не отзывалось.

— А почему же Вера Петровна второго ребёнка не взяла? — спросил он, будто о ком-то другом, не о себе.

— Жить-то и с одним ребёнком тяжело! — простодушно ответил Серёга. — Мужа нет. Война, считай, идёт. Ну матушка и оставила тебя в Челябе.

Серёга говорил так, словно речь шла о какой-то ерунде, словно его брата-близнеца лишили какой-то мелочи. Митя не знал, как относиться к этому. Видимо, никак. Будто к невезению: обидно, но никто не виноват.

— Выпьем! — разливая водку, распорядился Серёга. — Не обижайся давай. Всё, что раньше было, — херня. Главное — нашлись!

Митя подумал, что выпить — единственно разумная реакция.

— В башке-то не прояснилось? — поинтересовался Серёга и взял пальцами кусок рыбы на закуску. — Меня-то поддатого прёт.

— Что-то пока не пропёрло.

— Мало выпил.

Серёга смотрел на Митю с удовольствием — как на себя. Ну ничё он так.

— А я догадался, кто ты такой, Митяй, — хитро заявил Серёга. — И у меня тут замануха для тебя обозначилась…

В общем-то, ради своего замысла Серёга и продлил пьянку. Внезапный брат подвернулся ему очень даже вовремя.

Митя молчал и ждал. Он не помнил, как он выглядит, и Серёга не был для него отражением. Да и трудно было поверить, что этот грубый парень, рабочий с комбината, — его копия. Точнее, версия. Неужели он стал бы таким же, если бы мать от него не отказалась?

— Короче, есть одна гора — Ямантау называется. Километров сто писят с Магнитки. В горе — заброшенные военные бункеры, шахты ракетные, всякое разное на случай войны. Это объект

«Гарнизон». Вокруг Ямантау вообще глушняк, ебеня, поганое место. Никто туда не ходит, лесозаготовок там не ведут. Вот на «Гарнизоне» и засели учёные с города. Не знаю, с какого — с Челябы или Еката. А ты был с ними.

Митя не почувствовал никакого узнавания: слова Серёги точно бились в оконное стекло, как ночные бабочки, которые не могут влететь в дом на свет.

Серёга глядел испытующе.

— Мелькает? — Он повертел ладонью над головой, шевеля пальцами.

Митя закрыл глаза, чтобы из сознания исчез этот обшарпанный подъезд, этот парень, который называет себя его братом, эта водка и закуска… Гора… Дремучий лес… Бетонные стены, стальная арматура, темнота и фонари, запах плесени, ручей на каменном полу, электрические кабели, дисплей… По спине у Мити пробежали мурашки, будто его обдало холодом из тех катакомб.

— Вроде что-то есть… — передёрнув плечами, признался он.

— Ага, аукается, да? — удовлетворённо улыбнулся Серёга.

В принципе, ему было плевать, угадал он или нет. Для его цели это ничего не меняло. Но хотелось, конечно, угадать. Брат всё-таки. Если он, Серёга, ошибается, то подставит брата. И перед Типаловым стрёмно будет.

— Получается, я — учёный с той базы?

— Профессор, — хмыкнул Серёга.

— А как же я в Магнитке оказался? И зачем?

Серёга скорчил непонимающую физиономию.

Для себя он уже составил вполне убедительное объяснение. Маринка растрепала ему, что Харлей отыскал на Ямантау целый лес «вожаков». А сам Харлей — тогда, на автобазе — сказал Серёге, что хочет выдать бригадам свою находку. Судя по всему, Митя двинул с «Гарнизона» вдогонку за Харлеем. Уговорить его не выдавать «вожаков». Или подкупить. Или убить. Неважно. Однако Харлея грохнул он, Серёга, а Митя забыл, зачем и куда шёл. И с потерянным братом Митю свело только внешнее сходство. Однако Серёга не собирался растолковывать Митяю, что к чему, иначе начнутся вопросики, отвечать на которые Серёге нельзя. Например, куда делся Харлей.

А Митя разволновался. Кроме тёмных бетонных подземелий, он больше ничего не вспомнил, но и этого было достаточно. Пустота в сознании, в душе словно бы чем-то заполнялась. Появлялся смысл, а смысл порождал ощущение укоренённости в жизни, прочности своего существования.

— Не знаю, зачем ты с Ямантау к нам намылился. — Серёга

закурил, чтобы не глядеть Мите в глаза. — Но точно, что ты не с города приехал на попутке. На хер тебе на попутке? С Челябы автобус ходит. С Уфы — поезд. У вас, у городских, денег, что ли, нет на автобус или на поезд? Есть у вас деньги. А про грабёж, когда тебе по башке дали, — это для матушки, чтобы ей понятно было.

— Почему же я всё забыл?

Серёга недобро усмехнулся:

— Потому что в лесу радиация. Ты дозу хапнул. С большой дозы человека вырубает, а потом мозги набекрень. Тебе надо в город, там с этого лечат.

Митя окаменел. Он — облучён, заражён? Ему надо в больницу?

— Да не трясись, — пренебрежительно махнул сигаретой Серёга. — С этого быстро не помирают. Прочистят тебя, и будешь нормальный.

Серёга не знал, правду ли говорит. В Магнитке все были уверены, что в больших городах от радиации лечат. В больших городах жили хорошо, богато, там не скрывали презрения к простым рабочим вроде жителей Магнитки. В больших городах не было Бродяг, подобных Харлею, и никто оттуда не уходил в лес, как отец у Маринки. Значит, там умеют лечить от облучения.

— А почему в лесу радиация? — спросил Митя.

Серёга снова усмехнулся. Городским всегда всё надо знать. Лезут везде — как эти мудаки в подземелья под Ямантау.

— Ну почему радиация-то? — Серёга загасил окурок в консервной банке, она служила в подъезде пепельницей. — Взрывы были. Я же говорю — война.

Митя ослабел, будто устал стоять — а может, устал сопротивляться Серёге. Он сделал пару шагов и наконец присел на ступеньку рядом с братом.

Серёга разлил водку и покровительственно приобнял Митю.

— Да я уже всё порешал за тебя, — сообщил он. — Со мной не пропадёшь!

План у Серёги родился сразу в тот момент, когда он увидел берцы брата и понял, что Митя прискакал с объекта «Гарнизон» за Харлеем.

— Завтра с утра я смотаюсь к одному мужику — знакомому бригадиру, и он возьмёт нас с тобой в командировку. Как раз на Ямантау. Доедешь до своих на мотолыге — с ветерком. А твои тебя уже и подлечат.

Серёга знал, что новую командировку Типалов наметил как раз на гору Ямантау. Зачем же ещё Харлей туда таскался?

Бродяги разведывают новый маршрут для бригадира, и Харлей тоже ходил на Ямантау для Типалова.

Но дело-то не в Мите. Дело в Маринке, которая поедет с дядей. Серёгу Типалов не взял бы с собой. Кто такой Серёга для знаменитого бригадира? Никто. Обсос левый с района. А Митя будет полезен Типалову, особенно когда Типалов лишился Бродяги, то есть Харлея. Митя может вспомнить то, что знал Харлей. А может просто быть заложником, если придётся бодаться с учёными из «Гарнизона». Учёные — они же суки, они всем враги… Но не в этом дело. Главное — что Серёга на несколько недель окажется рядом с Маринкой!

— Ну что, хорошего ты брата нашёл? — довольно спросил Серёга у Мити.

Митя виновато улыбнулся, и Серёга дружески и даже как-то по-хозяйски потрепал его по затылку: вот так-то, городской!

05
Автобаза

Типаловы жили в одном подъезде и на одной лестничной площадке — так устроил Егор Лексеич. Своей семьёй он не обзавёлся и потому помогал сестре — матери Маринки. Когда муж у сестры, то есть Маринкин отец, окончательно слетел с катушек, Егор Лексеич настоял, чтобы сестра вернула себе девичью фамилию: бригадира Типалова в Магнитке все знали, все уважали, и фамилия очень упрощала жизнь сестры.

Маринка, уже одетая для поездки, позвонила в дверь Егора Лексеича.

— Пора, дядь Гора, — сказала она. — Ты опять опаздываешь?

Из подъезда они вышли вдвоём. На лавочке сидели бабки.

— Утречко доброе, девушки, — по-деревенски сказал им Егор Лексеич.

Во дворе за кустами акации у него стоял железный сварной гараж. Егор Лексеич, щурясь от солнца, долго возился с ключами. Маринка ждала.

Она ещё не разобралась, любит ли она дядь Гору. Наверное, да. Дядь Гора был коренастый, плечистый, лысый, с брюшком и большими руками. Маринке нравились его самоуверенность и добродушие, нравилась его снисходительная насмешливость, нравилось, что он всё умеет и ничего не боится. Дядя казался ей каким-то потёртым, удобным, прочным, как испытанное в бою оружие.

Егор Лексеич вывел из гаража камуфлированный джип «Лифан» с широкой решёткой интерфератора на крыше. Пока дядя запирал пустой гараж, Маринка забралась на переднее сиденье и опустила стекло в двери.

Джип осторожно вырулил из дворов на проспект Ленина, повернул пару раз, выскочил из соцгорода, миновал отворот на Северный мост и оказался на шоссе. Егор Лексеич немного прибавил скорость — он никогда не спешил. На обочине промелькнули последние дома, и дорогу стиснул густой лес.

Маринка знала, что ехать им недалеко и недолго. Она уже пару раз бывала на заброшенной автобазе, где Харлей хранил свой драгоценный мотоцикл.

— Как считаешь, дядь Гора, его убили? — спросила Маринка, глядя в окно.

Егор Лексеич пошевелил крупными складками лица:

— Без понятия, Муха. Всё возможно.

— Вдруг он просто бухает где-то?

— Неделю, что ли? — хмыкнул Егор Лексеич. — Тогда точно сдох.

Сам он никогда не напивался, алкашей считал жалкими тварями и не сочувствовал похмельным страданиям.

— Что же стряслось, дядь Гора?

Типалов задумчиво крутил руль. Впереди появился рейсовый автобус: покачивая тяжёлым квадратным задом, он еле полз по ухабам и ямам. Егор Лексеич сбросил скорость, чтобы остаться сзади. Тем, кто в автобусе, не надо видеть, куда поедет знакомый всему городу «Лифан» бригадира Типалова.

— Скажу, как полагаю, Муха, — вздохнул Егор Лексеич. — Харлей звонил мне за день до возвращенья. Сказал, что в Белорецке его захватили два каких-то бойца и сутки держали в доме связанным. Допрашивали. С телефона сняли трек. Выходит, узнали про «вожаков» на Ямантау. Харлей вырвался и бошки этим чертям свернул. Но не спросил, дурак, от какого они бригадира. А тот бригадир, похоже, двинул за Харлеем. И догнал.

— Ни фига себе! — охнула Маринка. — Значит, Харлея на цепь взяли?

Бродяги принадлежали бригадирам. «Взять на цепь» означало, что какой-нибудь бригадир похищал чужого Бродягу и заставлял работать на себя. Такое случалось, хоть и редко. Но за подобный фокус бригадира могли пристрелить.

Егор Лексеич скептически покачал головой:

— Если бы взяли на цепь, то заставили бы вести на Ямантау. Дорога туда одна — через станцию Татлы. И про выгрузку надо договариваться. А у меня на Татлах надёжные подвязки. Мне бы сообщили, что кто-то новый нацелился на «Гарнизон». Короче, никакая бригада на Ямантау не проезжала. Убили Харлея, Муха, и всё. Пытались взять, он не давался — и его убили.

Егор Лексеич крутанул руль, и джип скатился с дороги на просёлок, уже заросший пока ещё совсем низенькими кустами ракитника и бузины. Джип переваливался с боку на бок, под колёсами и под днищем хрустело и шуршало.

— А как же Ямантау?.. — хватаясь за поручень, спросила Маринка. — Трек-то Харлея у другого бригадира…

— Трек и у меня тоже есть, Харлей мне сбрасывал, — Егор Лексеич крепко держал руль. — Но одного трека мало. Сама понимаешь. Нужен Бродяга.

В открытое окошко Маринке лезли ветви, и Маринка подняла стекло.

— Думаю, Харлея сгрёб кто-то залётный, — продолжал вслух

размышлять Егор Лексеич. — Наши против меня залупой не попёрли бы, знают, что со мной базара не будет… Какой-то левый бригадир остался безлошадным и решил хапнуть себе любого чужого Бродягу, который с леса подвернётся. Подвернулся Харлей. Его на лёжке в Белорецке ненароком выловили…

Егор Лексеич замолчал.

— А дальше?

— А дальше залётный посмотрел трек Харлея и всё понял про Ямантау. На «Гарнизоне», Муха, добыча — охуеть не встать! Залётный снова за Харлеем кинулся. Ну, где-то с ним и пересёкся.

«Лифан» тряхнуло так, что Маринка едва не оторвала поручень.

— Будешь другого Бродягу искать, дядь Гора?

— Некогда. Тот бригадир, что Харлея завалил, тоже за Бродягой охотится. Найдёт раньше меня — пиздец моему плану… Извини, конечно, что ругаюсь.

— А как без Бродяги?..

— Пойду твоего отца просить. Или силком его потащу.

Маринка по-мальчишески присвистнула.

Джип наконец выкатился на площадку заброшенной автобазы.

— Сиди в машине, — сказал Типалов Маринке. — Побереги здоровье.

Хрустя гравием, Егор Лексеич бродил по заброшенной автобазе, но никаких следов Харлея не видел. Тонкие деревца, кучи мусора, железный лом, бесформенные развалины, стопа бетонных плит, разбитый вагончик бытовки. Тоскливо торчали в небо столбы недостроенного ангара, с балок перекрытий свисали провода. Безмятежно сияло синее небо. Глубокая яма у фундамента ангара, в которой Харлей прятал мотоцикл, оставалась пустой. Нет, Харлей не вернулся. Да Егор Лексеич и не рассчитывал на это. Сюда он приехал уже в третий раз, а на хате у Харлея побывал уже четырежды — и всё напрасно.

Маринке надоело сидеть в джипе, и она выбралась наружу. Из решётки интерфератора на крыше торчали оборванные ветки с листьями. Дядя уныло мелькал поодаль за молодыми тополями — искал вчерашний день. Маринка пошла к нему. Типалов палкой шурудил в траве: вдруг проглядел какую-то оброненную вещь и она что-то подскажет?..

— Пойдём лучше кофе выпьем, — позвала Маринка. — Я термос взяла.

У джипа они встали в зоне излучения решётки.

— Трудно быть бригадиром, дядь Гора? — спросила Маринка, дуя в чашку.

Типалов усмехнулся. Трудно ли? Быть бригадиром — это игра. Сложная. Рисковая. Но в этой игре Егор Лексеич жил на все обороты. В беспределе командировок надо держать бригаду в подчинении. Надо управлять Бродягой. Надо искать «вожаков», рубить их и вывозить к железной дороге, а городские, которые принимают товар, готовы кинуть при любом удобном случае… Самое же опасное в командировках — лес. Он убьёт, если зазеваешься. Однако всё равно приходится драться с чумоходами и валить их, чтобы комбинатовское начальство видело пользу от командировок, а потому назначало работников в бригады, выдавало продукты и боеприпасы. Зато в лесу — настоящая жизнь. Адреналин. Это круче, чем бабы, вискарь или деньги.

— Нормальное дело, — небрежно уронил Егор Лексеич.

— Возьми меня на Ямантау! — напрямик сказала Маринка.

Она требовательно смотрела в глаза Егору Лексеичу.

— Не-е, Муха, — засмеялся тот. — В лесу яйца нужны. Бабам там не место.

— Ты же берёшь с собой тётю Лёну.

Егор Лексеич покашлял в кулак.

— Она — взрослая, а ты — ещё соплячка.

— То есть ебаться с Харлеем я гожусь, а в командировку — нет?

Егор Лексеич чуть не облился кофе.

— Ты чё несёшь? — изумлённо выдохнул он.

— Чё слышал! — дерзко ответила Маринка.

Егор Лексеич осторожно поставил горячую чашку на капот «Лифана» и внимательно вгляделся в племянницу. Красивая девчуля. Чёрненькая, как отец. Глазищи — огонь. Восемнадцать лет — а всё уже при ней. И характер — бронебойный. Эх, была бы она парнем… Нельзя сказать, что Егор Лексеич любил племянницу. Слишком уж своевольная. Но она заставляла считаться с собой, и Егор Лексеич признавал это достоинство.

— Я же понимаю, что ты меня под Харлея подложил, чтобы держать его при себе на поводке, — ухмыльнулась Маринка.

Егор Лексеич догадался, что разговор у них серьёзнее, чем показалось поначалу. И ему понравилось, что племянница раскусила его хитрость. Приятно, когда ценят ту ловкость, с которой он незаметно заставляет людей работать на него. Нет, девка не дура!

— Ну молодец, что прочухала, — с удовольствием признал Типалов.

— Возьми меня в командировку, — твёрдо повторила Маринка.

Егор Лексеич в сомнении почесал скулу.

— Я же тебе, Муха, столько лет заместо отца… А какой отец пожелает дочке в лесу работать? Лидия меня пришибёт. — Лидией звали мать Маринки. — Она мне до сих пор в глаза тычет, что Пётр ушёл, хотя я тут ни при чём.

В тополях на автобазе беззаботно чирикали птички.

— Если не возьмёшь меня, дядь Гора, я трек Харлея другим бригадирам солью, — Маринка говорила спокойно и беспощадно. — А другие бригадиры наготове, и Бродяги у них есть. Попрощайся тогда с Ямантау.

Это был умелый и сильный удар.

Егор Лексеич рассматривал племянницу с недоверчивым уважением и в общем одобрительно. Он не разозлился на шантаж. Чего злиться-то? Жизнь устроена так, что каждый карабкается как может. И Муха не сдаётся, кусается, царапается. Это нормально. Это по-взрослому. Девочка выросла.

— Ну, тогда лады, — улыбнулся Егор Лексеич. — Значит, уговорила. Ты же мне племяшка, а я — дядька покладистый.

— Без обид, да? — на всякий случай уточнила Маринка.

— Свои же люди, — кивнул Егор Лексеич. — Но ты скажи мне на берегу, красава: на кой хер тебе командировка? Деньги нужны? Так я дам.

Маринка скорчила презрительную гримасу и отвернулась.

— Я хочу стать бригадиром, — с вызовом ответила она.

06
Соцгород Магнитка (V)

Серёга шагал быстро и объяснял Мите на ходу:

— У него Бродяга пропал, Харлей звали. Хер знает, куда делся. А ты скажи, что там, на «Гарнизоне», ты работал с этим Харлеем и он показал тебе нужные деревья. Ну, типа ты их знаешь и тоже можешь показать.

— Я же ничего не помню, — возразил Митя. — Что я могу ему показать?

— Да херня! — раздражённо ответил Серёга. — Главное — чтобы Типалов нас с тобой к себе в бригаду взял! Он и привезёт нас на «Гарнизон»! А в дороге уж как-нибудь расторгуемся! Вдруг вообще у тебя мозги снова включатся?

Митя чувствовал, что план у его брата крайне легкомысленный.

— Не хочу я врать, — поморщился он.

Серёга с разгона остановился и остановил Митю тычком в грудь.

— Вот вы все городские такие! — Городских Серёга видал на комбинате только двоих, но говорил правду. — Сначала все вежливые: улыбаются, блядь, культурные, ко всем хорошо относятся! А потом понимаешь, что они суки ещё те и мы, которые не с города, для них вообще не люди! Мы лесорубы, дровосеки! И ты так же говорить станешь, когда мозги зашевелятся! Так что не тяни резину! Сразу уж будь каким у вас там в городе положено!

— Не помню, каким у нас там положено! — буркнул Митя.

Серёга снова пошагал вперёд, взъерошенный от возмущения. Улица была почти пустой: будний день, все на работе. Изредка мимо с шорохом проезжали автомобили — старые, китайские. По тротуарам тянулись косые утренние тени, окна домов на другой стороне блистали под низким ещё солнцем.

— А кто это — бригадир? — спросил Митя. — Что он делает?

— Бригадир бригаду в командировки возит. Бригадиры — они сами по себе. С комбинатом у них контракты, а так они на производстве-то не вкалывают. Гордые, с-сука. Типалов — самый, наверное, козырный у нас бригадир.

— А бригада?..

Серёга понимал, что Митя всё забыл — если раньше знал, конечно, однако растолковывать ему вещи, известные любому школьнику, Серёгу доставало.

— Бригада — это бригада! Комбинат посылает в лес патрули с работников — командировки называются. Бригада едет в командировку на неделю, на две, на три, как получается. Там, в лесу, взрывает технику, которая спятила с радиации и мешает лесозаготовкам. Бригадиры лес лучше всех знают.

— Лучше Бродяг?

— Бля-я-ядь! — почти завертелся Серёга, не зная, как объяснить. — Нет, не лучше! Но Бродяги — они совсем отмороженные! Им на всех положить! Бродяг бригадиры при себе содержат как собак-ищеек. Бродяги умеют находить «вожаков» — деревья такие особые. Бригады их рубят и вывозят на станцию, а бригадиры командуют… Ну и договариваются, чтобы продать «вожаков» городским. Только это запрещено. А всё равно все так делают. Едут типа как технику взрывать, а сами «вожаков» рубят и продают. Бабло зашибают.

— А на комбинате знают, чем их бригады в действительности занимаются?

— Конечно, знают! Не долбоёбы же там в начальниках!

Серёга, а за ним и Митя свернули во двор — такой же, как у Серёги: дома по периметру, акации, самодельные гаражи, детские площадки.

— Кто же тогда запрещает деревья рубить? — осторожно спросил Митя, чувствуя закипающее Серёгино недовольство.

— Ну кто-кто?.. Китайцы! Мы же на них пашем!

— Китайцы? — поразился Митя. — А они тут при чём?

— При том, что война идёт! А они нас победили!

Серёга подошёл к подъезду, в котором жили Типаловы. Пожалуй, не стоило сразу показывать Егору Лексеичу своего брата-близнеца — это отвлечёт Типалова от главной просьбы. Пусть бригадир сперва пообещает взять Серёгу с собой в командировку, тогда можно и брательника предъявить.

— Ты посиди тут у подъезда, потом я тебя позову, — распорядился Серёга.

— Погоди! — задержал его Митя. — Пока ты занят, дай мне свой телефон, пожалуйста. Я посмотрю в Сети, может, чего-то пойму…

Серёга подумал, вытащил телефон и протянул Мите:

— На. Только за порнухой не лазий, нахватаешь там мне вирусов…

Подъезд у Типаловых был ухоженный, красивый: богатый бригадир, конечно, не пожалел денег на ремонт. Серёга потоптался у крепкой двери Егор Лексеича, собираясь с духом, и надавил на кнопку звонка. За дверью звякнуло, но никто не открыл. Серёга снова нажал на кнопку. Результат тот же.

Серёга подумал, постучал костяшками пальцев и произнёс погромче:

— Егор Лексеич, это Серёжа Башенин!..

Открылась соседняя дверь — в этой квартире жили Маринка с матерью. Лидия Алексеевна стояла в халате и непричёсанная.

— Чего тарабанишь, Серёжка? — сказала она. — Выспаться не даёшь после смены… Нету Егора. В командировку он уехал.

С матерью Маринки Серёга был в очень хороших отношениях. Он видел, что нравится Лидии Алексеевне. Конечно, хороший парень с комбината для Маринкиной мамы был куда приятнее нелюдимого Харлея. Лидия Алексеевна по своему опыту знала, каковы Бродяги.

— В командировку? — опешил Серёга. — Без Харлея?..

Лидия Алексеевна, отвернувшись, зевнула:

— Дак сколько за ним бегать надо?.. Без него. Егор сказал, что вытащит Петра с берлоги и заставит поработать. Тот вроде ещё чё-то соображает.

— Какого Петра?

— Дак отца Маринки-то.

Отец у Маринки ушёл в лес незадолго до появления Харлея. Маринка говорила, что он живёт где-то в Белорецке, в заброшенном доме. Одичал, как все ушедшие в лес Бродяги. А раньше — до Харлея — он работал на Типалова.

— А сама Маринка? — напрягся Серёга.

— Ой, Серёжка, — поморщилась Лидия Алексеевна, — она же мне такой концерт закатила… Поеду, говорит, с дядей Егором, папку хочу посмотреть… Ну ты же её знаешь, как вобьёт себе чё в башку… Короче, с ним она умотала.

— Когда? — мёртвым голосом спросил Серёга.

— Да вчера утром.

Серёга спускался по лестнице разбитый и опустошённый. Маринка всё равно свалила в лес, пускай и без Харлея… А ведь как было бы круто, если бы в командировке рядом с Маринкой вместо Харлея был он — Серёга!..

Во дворе его ослепило солнце. С детской площадки доносился скрежет ржавых качелей и весёлый визг мелкой ребятни. Митя сидел на лавочке, двигал пальцем по экрану телефона и читал. Серёга присел рядом. Закурил.

— Слушай, я ничего не могу понять, — виновато сообщил Митя. — Смотрю про войну — чего только не пишут… Что были атомные взрывы, что вся страна радиоактивная, что никакой войны не было, что была война между Западом и Китаем и Китай над нами сбивал европейские ракеты, что мы победили всех, что Китай победил, что Запад победил, что Китай в упадке, что Китай

самый сильный и захватил нас… Как всё это истолковать? Сорок лет назад всё это случилось, так почему до сих пор нет никакой адекватной информации?

Серёга не слушал — думал о своём.

— Или я просто не могу правильно сформулировать запрос, вот мне и вывалило кучу нерелевантных ответов?

— Каких? — вздрогнул Серёга, уловив незнакомое слово.

— Нерелевантных, — повторил Митя и удивился, что в его памяти вдруг всплыл этот термин — явно не из мира бригадиров и Бродяг.

— А ты и вправду учёный с «Гарнизона», — сам для себя заметил Серёга.

Он шарил мыслями в пустоте в поисках нового плана действий, словно вслепую пытался руками нащупать что-то во тьме.

— Я прочитал в сетях про «Гарнизон»… Утверждают, что это — старый военный объект на Ямантау и там сейчас укрывается миссия «Гринписа»[1].

— Их «зелёными» называют, — отчуждённо подтвердил Серёга.

— «Гринпис» во всём мире под запретом и потому действует в подполье.

Митя был очень увлечён своими открытиями в Сети.

— Так он вредитель, — спокойно согласился Серёга. — Вы, «зелёные», — вредители. И ты тоже, наверное, вредитель.

— А кому и чем мы вредим? — осторожно поинтересовался Митя.

Он как-то сразу почувствовал, что связан с «Гринписом». В информации о «Гринписе» он не ощутил новизны — получается, раньше знал, да забыл.

— Вы лес рубить не даёте, — пояснил Серёга. — А лес — это бризол. А бризол — это всё. Но мне положить на «зелёных». У меня свои дела. Давай телефон.

Митя с сожалением закрыл все вкладки, отдал телефон и спросил честно:

— А твой бригадир повезёт на Ямантау вредителя?

Серёга курил и медлил с ответом. Перед лавочкой по асфальту прыгали воробьи. Они привыкли, что люди, сидящие на лавочке, кормят их крошками.

— По ходу, облом у нас, Митяй, — нехотя признался Серёга. — Бригада уже упиздила в командировку.

Митя смотрел на Серёгу, а Серёга смотрел в сторону.

— И как же мне быть, Сергей?

Митины беды Серёгу не особо волновали. «Зелёные»,

возвращение Мити домой, потеря памяти — ему, в общем-то, на это плевать. Серёгу мучило другое. Душу скручивало досадой, что Маринка сейчас в лесу — а его рядом нет.

Командировка такая штука, когда в жизни Маринки он, Серёга, мог бы занять место Харлея. А он торчит в городе как придурок!.. Нет, блядь, нет! В голове у Серёги потихоньку начал складываться офигенный замысел. Эх, недаром же он на комбинате работает! У него есть способ исправить ситуёвину! И брат в этом деле ему очень даже пригодится!

— Не ссы, — мрачно и решительно сказал Серёга. — Мы догоним бригаду.

07
Город Магнитогорск

На городских продуктовых складах при железнодорожной станции Егору Лексеичу по накладным выдали продукты для всей бригады на двадцать суток, в арсенале при военкомате — спецгруз, на комбинате — снаряжение. Волокита заняла четыре часа. Хорошо, что топливо и расходные материалы просто включали в цену договора, иначе за день было не управиться. Ближе к вечеру возле заводоуправления Типалов наконец посадил бригаду в автобус.

Автобус покатился вдоль трамвайных путей, потряхиваясь на ухабах.

— Ну, здорово, что ли? — добродушно сказал бригаде Егор Лексеич.

Он стоял в узком проходе, обеими руками цепляясь за поручни — будто повис; его крепкое брюшко натянуло камуфляжную футболку.

— Это Егор Лексеич Типалов, если кто ещё не знает или не слышал о нём, — пояснил Холодовский. — Человек в командировках самый авторитетный.

Четыре мужика, три тётки и парень шестнадцати лет — бригада — еле распихались в небольшом салоне автобуса среди коробок и мешков. Неудобно торчали длинные и узкие зелёные ящики с трубами гранатомётов.

— Бригадир, пусти в сортир! — сразу пошутил один из мужиков.

— Люблю весёлых, — улыбнулся Егор Лексеич.

В каждой бригаде непременно обнаруживался весельчак, который принимался испытывать бригадира шуточками. Думал, что он такой первый, и не догадывался, что опытный бригадир обламывал подобных уже хер знает сколько раз. Оглядывая работников, Егор Лексеич прикидывал, как в бригаде распределятся роли. Кого будут уважать, а кого — нет.

За окнами под солнцем широко заблестела река, точнее выгороженные дамбами технические бассейны запруд. Потом потянулась ограда моста.

— Как представитель комбината, я передаю полномочия бригадиру, — сообщил Холодовский. — Теперь главный — Егор Лексеич.

Саню Холодовского Егор Лексеич знал по двум командировкам. Дельный мужик. Умный. Спокойный.

Холодовский и внешне производил очень приятное впечатление: высокий, поджарый, всегда выбрит, одет и пострижен аккуратно, не пьёт, говорит чётко, строго смотрит сквозь тонкие очочки.

На правом берегу автобус повернул к домам. Жилой зоной являлся только соцгород Магнитка — старая часть Магнитогорска, торжественная, где все дома напоминали дворцы, оштукатуренные и с арками, а разные учреждения были с колоннами и лепниной. Над крышами соцгорода возвышались мачты с многослойными решётками интерфераторов, защищающих от излучения. Мачты с интерферaторами выглядели как батареи прожекторов на стадионах. Но жилая зона занимала лишь четверть прежнего города, никак не больше. Остальное было заброшено и зарастало дикой буйной зеленью.

В окнах автобуса мелькали магазины, пешеходы, машины, трамваи.

— Кто из вас, братцы, раньше бывал в командировках? — спросил Типалов у бригады. — Саня и Алёна, вопрос не к вам.

Алёна Вишнёва — красивая, полная женщина с короткой светлой косой — улыбнулась. С Егором Типаловым, своим любовником, она ездила уже давно.

— Да никто, дядя Егор! — ответил за всех неугомонный шутник.

Типалов сделал вид, что не заметил фамильярности.

— Тогда запоминайте. Я вам — отец родной. Только я спасу, если что. И подчиняться мне надо безоговорочно. Уезжаем недели на три. С чумоходов вам платит комбинат, не настреляете — сами виноваты. А я плачу с «вожаков». С бревна каждому по полтиннику. Это ваш навар сверх казённого.

— Почему так мало? — придирчиво поинтересовался мужик с дотошной и какой-то крысиной физиономией.

— Меньше чем обычно, — согласился Егор Лексеич. — Но «вожаков» будет много, это я вам гарантирую. Так что в целом нащёлкает до хрена. Вернётесь довольные. Только учтите: за своё снаряжение, если сломаете или потеряете, вычитаю с вашей доли. И за боеприпасы к стрелковому тоже.

— А кому какое оружие? — не утерпел молодой губастый парень.

Это был Костик, сын Алёны. Алёна упросила Егора Лексеича взять Костика с собой в командировку. В сыне Алёна души не чаяла, но с показным негодованием легонько шлёпнула его по затылку.

— Твой ствол в штанах, — тотчас влез шутник. — Иди почисти!

Бойкая бабёнка за спиной у Костика прыснула со смеху.

— Базуки — мужикам, стрелковое — бабам, — пояснил Типалов, на первых порах прощая бригаде разные вольности. — Тут ведь все военнообязанные? Все умеют с оружием управляться?

— Всех на военной подготовке ещё в школе дрючили! — ответили ему.

— Ну и лады, — искренне улыбнулся Егор Лексеич. — Страна вас научила всему, всё дала, да ещё и бабки платит за работу — уж не подкачайте, голуби.

За улицей Гагарина воздействие больших общих интерферaторов слабело и постепенно исчезало — жилая зона заканчивалась. Мимо проплыл дорожный знак: жёлтый треугольник с чёрным трилистником — предупреждение о радиации. Водитель в автобусе молча включил решётку на крыше: все машины были оборудованы собственной защитой — малыми интерферaторами.

А город продолжался. Но владел им уже лес.

Когда-то эта улица была широкой, как проспект, по три полосы в каждую сторону, а между ними тянулся газон с трамвайными путями. Теперь асфальт, засыпанный мусором, ветками и листьями, уродливо взломало и вспучило — это в земле поперёк дороги проползли древесные корни. Газон превратился в длинный ряд узловатых тополей, из травы торчали концы вывороченных шпал и ржавые дуги изогнутых рельсов. Бетонные столбы покосились вразнобой.

Густой лиственный лес — одичавшие городские посадки — стоял и справа, и слева. Порой деревья расступались, и показывались заброшенные дома: панельные пятиэтажки и девятиэтажки, плоские пристрои магазинов в один этаж, коробки былых торговых центров. Окна и витрины в основном уцелели; снаружи их промывало дождями, но изнутри нарос толстый слой пыли и грязи, и стёкла тускло потемнели; солнечный свет блестел на них отчуждённо, как глянец. Кое-где бетонные панели уже отодрало, они повисли на арматуре, а из щелей весело высовывались зелёные ветки. Вверх по стенам лезли упрямые плети жимолости. На балконах, на крышах, на козырьках подъездов росли пышные кусты. Лес неодолимо поглощал все здания: окружал их, облеплял, протискивался внутрь, распирал собою, расшатывал и разваливал. Только люди могли остановить тихий напор зелени, но людей здесь не было.

Впрочем, почему не было? Были. Точнее, бывали. Жители соцгорода часто наведывались в пустые дома: искали по квартирам что-нибудь полезное, оставленное хозяевами при переселении, — посуду, мебель, одежду, бытовую технику.

И, между прочим, находили, хотя со времени эвакуации миновало уже лет тридцать-сорок. В мёртвом городе ошивались подростки. Этих ничем было не пронять — ни угрозой облучения, ни запретами родителей. Егор Лексеич вспомнил себя: сам был таким же. Они, пацаны, шастали сюда, чтобы безнаказанно курить, пить самогон и трахаться с девками-оторвами.

Ещё здесь жили — и умирали — бомжи. Ведь не всем в Магнитке нравилось сидеть под интерферато́рами. Не все соглашались ходить на работу. Приятнее было устроить себе берлогу в безлюдье заброшенных кварталов, раз в три дня таскаться к гаражам, чтобы выпросить объедки у мужиков, а потом просто лежать на тряпье — и облучаться. Это было не больно. Чем меньше двигаешься, тем быстрее действует облучение. Сознание растворяется, и ты безмятежно исчезаешь. В конце концов подыхаешь. Порой в квартирах, заросших кустами, подростки или охотники за барахлом натыкались на полуистлевшие трупы и кости людей, что наплевали на свою жизнь. Однако чаще бомжи превращались в животных и убирались в лес. Таких называли лешаками.

А самыми известными обитателями мёртвого города были Бродяги.

Излучение разрушало мозги не сразу. Поначалу Бродяга почти ничем не отличался от обычного человека — только не прятался от излучения. Бродяга сотрудничал с бригадирами, зашибал бабло и заводил себе в городе хату: жил в полное удовольствие на деньги от командировок, бухал, драл баб. Но мало-помалу становился всё более угрюмым и нелюдимым, на излёте дичал — и тоже сваливал в дебри, тоже обращался в лешака. Путь от человека до тупого зверя бомж преодолевал за полгода-год, а Бродяга — лет за семь-десять.

У Лидки, сестры Егора Лексеича, муженёк спёкся на девятый год. Егор Лексеич спровадил его за Белорецк, на дикую гору Малиновую, и оставил там дозревать до скотского состояния. А Харлею до лешака оставалось ещё года четыре, не меньше — Егор Лексеич взял его свеженьким и сильным Бродягой. Такими управлять легко, особенно через девку. У Харлея хата располагалась неподалёку — в бывшем автоцентре. Удобно, чтобы мотоцикл чинить.

Егора Лексеича от размышления отвлёк всё тот же мужичок-шутник.

— Бригадир, а где наш мутант? — спросил он. — Ну, который Бродяга.

Егор Лексеич хмуро посмотрел на мужичка:

— Тебя как зовут?

— Ну Витюра, — заулыбался тот. — Матушкин я.

— Не лезь не в своё дело, Матушкин Витюра.

Бригадиры возили бригады на собственном транспорте. В лесу на тесных и опасных просеках не следовало доверять казённой машине — надёжной будет лишь своя: тщательно подготовленная, отлаженная, испытанная, вылизанная до последнего винтика. Егор Лексеич тоже имел собственный транспорт — мотолыгу. Она стояла в секретном месте — в разгрузочном боксе заброшенного магазина. Егор Лексеич сам укрепил железные ворота бокса, чтобы до его мотолыги никто не сумел добраться, иначе угонят, или разворуют снаряжение, или снимут запчасти. Сегодня рано утром Егор Лексеич вывел мотолыгу из укрытия и отъехал на пару кварталов, чтобы никто из бригады не знал, где он держит машину, пока находится дома. Егор Лексеич был очень осторожен.

— Вон там сверни налево, — сказал он водителю автобуса.

Хрустя колёсами по мусору, автобус свернул в боковую улицу.

Мотолыга ждала немного подальше, в тени раскидистой берёзы.

— Ёбанный в рот… — охнули в автобусе за спиной Типалова.

Машиной бригадира Типалова был гусеничный вездеход. Армейский. Бронированный. В камуфляже. Вместо крыши над моторным и десантным отсеками громоздился открытый стальной короб с амбразурами, а над ним, как навес, на стойках была укреплена широкая и длинная панель интерфератора.

На скошенном капоте мотолыги сидела Маринка в солдатском кепи, в чёрных очках и с автоматом на коленях. Она сторожила машину дяди.

Берёза чуть шумела листвой под ветерком. По асфальту и по мотолыге перебегали прозрачные лёгкие тени. И небо над мёртвым городом синело так ярко и безмятежно, словно с миром ничего не случилось.

08
Комбинат

На задней площадке трамвая трясло, качало, и Серёга с Митей держались за поручни. Рюкзак с продуктами и одеждой Серёга свалил на грязный пол.

— Да всё просто, — говорил Серёга. — Мы с американосами воевали и почти победили, тогда американосы ударили ядерными ракетами. Мы их ещё в воздухе взорвали, только всю нашу территорию накрыло радиацией. Народ сдриснул в большие города, где защита была. Мелкие городишки и деревни вообще вымерли. И лес мутировал. Жить там нельзя. Но потом китайцы нарисовались. Поможем, сказали, справиться, а сами всё под себя загребли. Так и торчим теперь под решётками, на китайцев пашем. Одни лесозаводы и остались.

— Получается, мы проиграли войну? — осторожно уточнил Митя.

— Ни хера не проиграли! — тотчас рассердился Серёга. — Война ещё идёт! Запад там у себя затихарился, а китаёзы и морды свои к нам не суют!

Митя благоразумно решил не спорить, понимая, что Серёге — да видимо, и не ему одному — важно ощущать себя непобеждённым.

— Армия, которая ещё осталась, готовит вооружение, а работяги — наши, а не городские — помогают. На то бригадиры и нужны.

— А что они делают?

— Сырьё армейским закупщикам сдают.

— Какое сырьё? — не удержал любопытства Митя.

Серёга глянул на него с досадой: чего под кожу лезет? С другой стороны, брательник ведь и правда ни ухом ни рылом… Всё забыл, если вообще знал.

— Деревья особые, мы их вожаками называем. С ихней древесины вояки производят пиродендраты — ну, взрывчатки. Мощнее гексогена в двадцать раз. Можно снаряды начинять, можно в ракетное топливо переплавить. Накопим запас и захуярим в пиндосов. Да и по Китаю не хило бы въебать.

Трамвай, насквозь высвеченный солнцем, катился по мосту, по длинной дамбе, и за окнами весело искрила мелкая река. Всё казалось безмятежным. Синеву неба чертили ласточки. Вдали плыло над землёй белое пухлое облако.

После дамбы потянулись зелёные заросли, а за ними Митя

вдруг заметил высокую ограду из железного профиля с колючей проволокой поверху.

— А это что? — спросил он. — Какая-то тюрьма?..

— Зона комбината началась. Комбинат по площади — как город. А забор — потому что работяги тащат с производства всё, что не приколочено.

— Воруют? — удивился Митя.

— Хера ли не пиздить? — удивился и Серёга. — Комбинат-то китайский!

Они выбрались из трамвая на площади у первой проходной. Митя хотел рассмотреть памятник и могучие барельефы — наследие довоенной эпохи, но Серёга быстро погнал брата по ступенькам к дверям: нечего время терять.

Митя уже получил пропуск и подробные инструкции — куда идти, что делать и говорить. Серёга остался снаружи, а Митя направился к турникету.

— Привет, Серёжа, — сказала тётка на вахте. — Мать-то здорова?

— Здорова, тётя Паша, спасибо, — ответил Митя.

За проходной располагалась ещё одна площадь, уже заводская. Щурясь от солнца, Митя сидел на скамейке в скверике. В тополях щебетали воробьи. На остановке толпились рабочие, о чём-то разговаривали и пересмеивались; время от времени к ним подруливали автобусы с номерами цехов на бортах. Слева за сквером возвышалось огромное здание без окон. За площадью по железнодорожным путям катились и катились вереницы белых блестящих цистерн с красными иероглифами, изредка гудели локомотивы. Вдали торчали батареи труб, извергающих бурый дым, башни градирен с белым паром, мачты с решётками интерферометров, кауперы и опутанные арматурой верхушки перегонных печей с наклонными фермами скиповых подъёмников.

Митя думал о мире, в котором он вынырнул будто из ниоткуда. С миром сделали что-то очень плохое, хотя внешне это незаметно. Однако мир стал непригоден для людей. Люди теснятся под излучателями — больше им нигде нет места. Всё пространство занял враждебный лес. Он поглотил посёлки и городишки. Остались лишь отчуждённые от реальности мегаполисы и селения при лесоперегонных заводах. Такие, как Магнитка при комбинате. Правда, Магнитка — самая большая, потому что комбинат тоже самый большой. А при чём здесь он, Митя? Кто он? Что привело его сюда?

А Серёга тоже размышлял о жизни. Он околачивался на площади перед проходной и вспоминал Маринку. Девки сами

не знают, чего хотят. Ясен пень, они хотят дом и детей — но с кем? Да с первым же, кто покажется пригодным. А пригодный — или тот, кто выделяется, или тот, кто самый упорный. Он, Серёга, ничем не выделяется. Он не Бродяга. Но зато он самый упорный.

Серёга подхватил рюкзак и устремился к проходной.

— Ты же полчаса назад вошёл! — изумилась тётя Паша на вахте.

— Да я выехал с автобусом, — соврал Серёга, — рюкзак вот мне передали, забрать надо было… А пропуск в каптёрке забыл.

— Когда думать-то начнёшь? — вздохнула тётя Паша, открывая турникет.

Митяй дожидался там, где ему было указано.

— Двигаем! — Серёга хлопнул его по плечу.

Они загрузились в автобус до установки номер одиннадцать.

— Привет, Башенин, — сказал кто-то из попутчиков. — Кто это с тобой?

— А по морде не узнаёшь? — ухмыльнулся Серёга.

Мужик-попутчик посмотрел на Митю, на Серёгу и снова на Митю.

— А чё ты не говорил, что у тебя близнец есть?

— А ты, Потапов, ебать как интересовался!

Территория комбината была гигантской. Автобус катился по дорогам, переезжал рельсовые пути, над ним проплывали трубопроводы; за деревьями мелькали длинные корпуса, разная техника и ряды белых цистерн; в просветах или на отворотах внезапно вздымались могучие промышленные сооружения.

— Смотри туда, охренеешь, — с удовольствием предложил Серёга.

Митя увидел обширную площадь, сплошь заваленную горами коротких, как бочонки, брёвен. На высоких эстакадах застыли автопоезда из тягачей с вагонами-думпкарами; ребристые бункеры вагонов медленно наклонялись, и сквозь проёмы в днищах высыпались, ворочаясь внутри себя, как потоки глыб в камнепад, лавины чурбаков, а бульдозеры отгребали их в сторону.

— Товарный двор дефибрерного цеха, — пояснил Серёга. — Сюда привозят древесину с лесосек, а на цеху жерновами её размалывают в щепу. Потом по конвейеру щепу передают на рафинерную фабрику, где измельчители крошат её в древесную массу. А древмасса уже к нам на установки идёт.

— А вы что производите? — спросил Митя.

— Бризол! — гордо ответил Серёга.

— Это топливо?

— Это наша жизнь! Раньше нефть была, теперь — бризол! С него энергии в десять раз больше, чем в нефти. В Китае всё на бризоле. У нас, ясен пень, тоже.

— Бризол увозят в Китай? — Митя кивнул на цистерны с иероглифами.

— Куда ж ещё? — усмехнулся Серёга. — Нам без Китая не прожить.

— Почему?

— Мы ему — бризол, он нам — всё. Машины, материалы, жратву. У нас же радиация, сельского хозяйства нет. Ни хуя вообще нет. Есть только большие города, которые на наши рубляни жируют, а вся остальная страна валит лес и гонит бризол для Китая. Китай без нас сдохнет, а мы без него. Вот так-то, братан, если ты раньше этого не знал.

Автобус повернул к исполинской конструкции: над прямоугольными бетонными сооружениями вставала многоярусная стальная вышка, густо оплетённая мостиками и переходами, к её верхней площадке протягивалась длинная решётчатая ферма; рядом возвышались ещё две могучие толстые башни с купольными верхушками — кауперы; отдельно торчала кирпичная труба с монтажной лестницей; сбоку находился цилиндрический резервуар; к подножию всей конструкции с одной стороны примыкала сложная эстакада на два уровня: нижний — с белыми железнодорожными цистернами, верхний — с ржавыми вагонетками; над эстакадой нависало разгрузочное устройство.

Пассажиры выбрались из автобуса на солнцепёк. Серёга закинул голову, оглядывая промышленную громадину, и улыбнулся. Митя вдруг понял, что его брат любит всё это: бризол, масштабы производства и свою работу.

— Раньше, до войны, комбинат был металлургическим, — рассказал Серёга. — Варили сталь, делали прокат. Но металла в Китае и своего хватает до хрена. А доменные печи, оказалось, можно переделать под перегонку древесины на бризол. Процессы кое в чём схожи, только компоненты разные и температуры гораздо ниже. Остальное — то же самое: футеровка, фурмы, нагрев, продувка, охлаждение, загрузка, выгрузка, всё такое… И металлургические заводы перепрофилировали на лесоперегонные. Китайцы подшаманили кое-где, чего надо достроили — и завертелась карусель.

— А ты кем работаешь? — спросил Митя.

— Видишь вон ту халабуду с тележками? — Серёга указал пальцем. — Это скиповый подъёмник. Загружает подготовленную древмассу в установку. Я — оператор. Хорошая работа, без байды.

Мне другой не надо.

Серёга скинул рюкзак Мите под ноги.

— Пойду к начальству отпуск выбивать. Жди меня тут.

Он двинулся ко входу.

Митя опять стоял и ждал. Лесоперегонная установка мощно и объёмно гудела, в её утробе лязгало и погромыхивало, время от времени откуда-то со свистом выбивался пар, на эстакаде постукивали колёсами цистерны.

Серёга вынырнул из-за угла, взъерошенный, будто после драки.

— Орали, блин, всем отделом, как потерпевшие, — пояснил он и сплюнул в досаде, а потом протянул Мите что-то вроде часов: — Держи. Дарю. Это индикатор. Подрезал у кого-то в душевой, нефиг хлебалом щёлкать…

— Для чего он? — спросил Митя, принимая подарок.

— Считает твою дозу радиации. Три часа в день можно в лесу без защиты проводить, это безопасно. Индикатор показывает, сколько часов ты набрал. Потом научу пользоваться. Пошли, нам сегодня далеко ещё шпарить.

Серёга навьючил рюкзак.

— Куда мы идём? — спросил Митя.

— На карьер, — не оглядываясь, бросил Серёга. — Он уже за территорией, а там облучение.

— И зачем нам туда? — удивился Митя, еле поспевая за Серёгой.

— Подрежу самосвал. За Типаловым с ветерком погонимся.

09
Дорога на Банное (I)

— Просеке этой года три, — сообщил Егор Лексеич. Он стоял в полный рост и держался руками за край броневого короба, край находился на уровне его плеч. — Если бы не протравили, мы бы уже не проехали.

Просека выглядела как длинная прямая щель между двумя массивами почти зрелого леса. Лесу было лет пять. Рябины, липы, ёлки, тополя, клёны, пихты, берёзы — всё вперемешку. Деревья вымахали уже на десяток метров, стволы были толщиной в ногу человека. А на просеке из красноватой земли, выжженной кислотой, реденько торчали кривые уродцы с мелкой листвой. Мотолыга давила их легко, с громким хрустом, словно не давила, а жевала.

Вёл машину Холодовский. Он крепко сжимал двурогий руль, оплетённый пластмассовой сеткой, и поглядывал на планшет с картой местности; планшет в держателе торчал рядом с круглыми циферблатами на приборной панели. К борту рядом с Холодовским ремнями был пристёгнут автомат.

Машину трясло, и Егор Лексеич опустился на своё место.

— Ладно, — сказал он. — Доставайте телефоны, начнём карту учить.

Десантный отсек был забит ящиками и коробками: люди сидели там, где смогли втиснуться. За бортами шуршали и скребли ветки.

— Сбрасываю вам ссылку, — Типалов ловко тыкал коротким пальцем в экран. — Цените, что забочусь за вас. Давайте открывайте.

— Это что за навигация, шеф? — деловито поинтересовался Фудин, судя по всему, мужик дотошный и въедливый. — «Скайроуд» или «Чи линь»?

— Кто лес рубит? — спросил его Типалов. — Пиндосы или китаёзы?

— Понял, «Чи линь», — быстро ответил Фудин.

— Смотрите, — продолжил Егор Лексеич. — Всё разбито на делянки… Лес восстанавливается за восемь лет. Значит, каждые восемь лет каждую делянку вырубают. Те, которые сейчас рубят, закрашены тёмно-зелёным, остальные — просто зелёные. Цифры на делянках с нуля до восьми означают, сколько лесу лет. Где светло-зелёное — там без леса: вырубка, луговина, поляна или ещё что-нибудь. Грязненькое такое — заболоченный лес.

— Ой, Егора, ничего не понимаю… — жалобно вздохнула Алёна Вишнёва.

Маринка прикусила губы, чтобы не ухмыльнуться. Крупная, фигуристая тётя Лёна изображала беспомощную дурёху, чтобы нравиться дядь Горе. Дядь Гора любил быть главным, любил покровительствовать — Маринка это знала, и тётя Лёна умело ловила мужика на его предпочтениях.

— Да чё ты прибедняешься, мам? — сморщился Костик, сын.

Костик был высокий, тощий, голенастый, длиннорукий, сутулый, весь какой-то разболтанный. А ещё — губастый, носатый и лохматый. Не в мать, короче. Он сразу заметил Маринку, и та почувствовала его интерес.

— Ты мне снова всё объясни, Костичек, — попросила тётя Лёна.

— «Костичек», — фыркнула Маринка.

Бризоловый дизель мотолыги был компактнее, чем тот, что изначально предусматривался конструкцией машины. Сдвинутый к борту, он освобождал проход к местам водителя и штурмана. Закрытый железным кожухом, а сверху ещё и дощатым настилом, он рокотал глухо и размеренно. От горячего масла в мотолыге пахло как-то по-древесному — одновременно дёгтем и смолой.

— Самые опасные делянки — даже не те, где лесоповал, а те, где проводят риперовку, — продолжал обучение Егор Лексеич. — Это цифры с трёх до пяти. Риперовка — это когда по делянке шныряют такие шустрые комбайны, риперы называются, и рубят молодняк и кусты. Прореживают лес, чтобы здоровее был. На карте делянки под риперовкой обозначают с крестиками. Риперовка может начаться с любого момента, так что делянки три — пять лучше обходить.

— Какая у риперов скорость передвижения? — спросил Фудин.

— Не убежишь, не надейся.

— Ясно, шеф. А чумоходы где?

— У чёрта на елде! — огрызнулся Егора Лексеич. Фудин его раздражал.

— Ты как, уже ездила с дядькой-то, да? — подкатил к Маринке Костик.

— Тебе какая разница? — сразу встопорщилась Маринка.

— А ты почему без телефона сидишь? — спросил Егор Лексеич у рослого и грузного мужика с обиженным лицом.

Мужика звали Николай Деев, а прозвище у него было Калдей.

— На хуя мне? — с вызовом ответил он.

— Останешься в лесу один — как ориентироваться будешь?

— С хуя ли я один останусь? — Калдей передёрнул

плечами. — Не останусь.

Егор Лексеич всмотрелся в мужика повнимательнее.

— Тупой ты, — сделал вывод он.

Калдей просто отвернулся.

В небе над мотолыгой справа и слева плыли вершины деревьев. На грузах и на лицах людей мерцала светотень от решётки интерфератора. Вокруг царил покой, однако Егор Лексеич знал: нельзя верить в безмятежность этого дня. Дураки думают, что лес — просто охеренная толпа неподвижных и неразумных деревьев. Нечего бояться. Но всё не так. Нет, Егор Лексеич не чуял лес нутром, как чуют Бродяги, зато ни на миг не терял понимания, что лес их всех видит и слышит. Бесплотно ощупывает их души. И сейчас — тоже. Он, лес, терпеливый и злопамятный. И он непременно нападёт, когда подвернётся возможность.

— А ты где училась? — не отставал от Маринки Костик. — На лесотехе, да? У меня там кореш тоже учится. Вовка Бидон, толстый такой, знаешь его?

— Фиг ли ты лезешь ко мне? — рассердилась Маринка.

Костик был младше её на два года и не представлял интереса.

— А чё ты сразу как крыса-то? — не обиделся Костик. — Понравился, да?

Маринка, выражая презрение, издала губами неприличный звук.

Фудин вернул Егора Лексеича к обучению:

— Шеф, а линии — это просеки?

— Да, — подтвердил Типалов. — Зелёные — заброшены. По ним можно и не пройти, если старые и заросли хламником. Жёлтые — используются сейчас, но по ним перемещается техника, и там рисково. Красные — магистральные, для больших лесокараванов. На красные трассы лучше не соваться, их регулярно протравливают кислотой, чтобы ничего не росло, и там дышать вредно.

— Да как это всё запомнить-то, Егор Лексеич? — весело огорчилась Талка, крепкая молодая и глазастая бабёшка, звали её Натальей Назиповой. — Одна путаница… Если, мужики, кто чё понял, дак я лучше при таком буду!

— Давай при мне, не пропадёшь! — тотчас встрял шутник Матушкин.

— Ага! — скептически согласилась бойкая Талка. — Ты-то чё соображаешь, Витюра? Ты же на столовке разнорабочий!

— Ну и чё? Дров ни полена, зато хуй до колена!

В мотолыге засмеялись, даже Егор Лексеич как-то утробно

хрюкнул.

— Борзые вы ребята, гляжу, — заметил он и повернулся к третьей тётке, что сидела с краю и, похоже, всех побаивалась: — А ты чего молчишь? Как зовут?

— Булатова Вильма, — еле слышно произнесла тётка.

— Чё за имя такое? — буркнул Калдей.

— С картой понятно?

— Я знаю карту, — сообщила Вильма. — Я уже была на командировке.

— А чего не призналась, когда я спрашивал? — удивился Егор Лексеич.

Вильма зажато молчала, уставившись себе в колени.

— С кем из бригадиров ездила?

Вильма поколебалась.

— С Обрезом, — выдала она. — Мы за Красным Яром рубили.

— Обрезкин Артур Данилыч, — тихо подсказал Типалову Фудин. — Он на Московской живёт…

— Знаком я! — оборвал его Типалов.

Мотолыга, колыхнувшись, притормозила.

— Лексеич, трасса! — через плечо бросил Холодовский.

Егор Лексеич поднялся с места и полез к водителю. Просека вливалась в большую лесную магистраль.

Эта трасса рассекала лес как река — широкая и укатанная. Красной она была не только на карте. Такие дороги регулярно разглаживали грейдерами и поливали кислотами, чтобы ничего не росло. Грунт приобрёл кирпичный цвет, болезненно контрастирующий с живой и переменчивой зеленью леса.

Холодовский уже взялся за рычаг, но Типалов предостерёг:

— Погоди, Саня. Дозорный летит.

Высоко над трассой, стрекоча, пронёсся маленький винтовой коптер. Все лесокараваны всегда гнали перед собой наблюдателя — на тот случай, если впереди упавшее дерево, авария или какой-нибудь спятивший чумоход.

— Пропусти, и поедем. Нам два километра, затем отворот влево.

Егор Лексеич хлопнул Холодовского по плечу и полез обратно к бригаде.

— На магистраль вышли, — пояснил он. — Запоминайте, главное правило здесь — никому и никогда не загораживать путь. Иначе грохнут.

За дальним поворотом нарастал глухой рёв, а потом показался могучий тягач — многоосный балластный буксировщик. Его прямоугольная кабина выдвигалась вперёд, будто в неимоверном усилии. Спаренные колёса курились

багровой пылью. Из задранной выхлопной трубы валил синий дым.

Тягач прополз мимо стоящей мотолыги, и на мгновение лучи солнца сквозь окна пробили его пустую кабину навылет. Вся лесная техника китайцев была беспилотной, и буксировщики тоже. Ревущий робот-тягач словно бы не обратил внимания на старую мотолыгу, не признавая её ровней. За тягачом, бурно клубясь, волоклось бурое и длинное пылевое облако, и в нём как тени замелькали грузные автовагоны-думпкары, доверху загружённые чурбаками. Караван пёр по трассе с неумолимостью лавины. Равнодушный беспилотный буксировщик своим бронированным рылом сокрушил бы любое препятствие и столкнул бы обломки в сторону, чтобы довести своё стадо до цели.

Люди в мотолыге поднялись на ноги, наблюдая за лесокараваном. Это зрелище впечатляло, но ни для кого не было новым. Караваны с древесиной шли на комбинат безостановочно, днём и ночью. Те, которые прибывали с запада, с диких хребтов, пересекали мёртвую часть города двумя потоками, устремляясь к мостам на комбинат.

Егор Лексеич подумал, что сейчас самое время дать бригаде накачку.

— Так и живём, братцы, — горько сказал он. — Кланяемся… Не страна у нас, а китайский лесоповал. Нас даже не грабят — нас ебут как сучью морду. Так что помните: «вожаков» валить — значит родине помогать.

10
Промзона

Этот выход с территории комбината никто не охранял — он вёл в гущу радиоактивного леса. В заборе из колючей проволоки были ворота с калиткой, а на столбе висела жёлто-чёрная табличка с предупреждением об опасности. Серёга отодвинул засов на калитке и первым пошагал вперёд.

Лес тихо поднялся весь сразу, высокий, словно волна цунами, и затопил дорогу мягкой тенью. Впрочем, это был старый лес, мощный, устоявшийся, с воздухом и просветами. Под ногами на взломанном асфальте хрустел опад: бурая хвоя, шишки, пожухлые листья, хворост. Проплыл мимо брошенный автобус на обочине: весь в грязных потёках от дождей, колёса спущены, за мутными стёклами — зелень кустов, растущих прямо в салоне. Митя смотрел по сторонам, смотрел на Серёгу, а Серёга не оборачивался, думая о своём. Митя понял, что знает, о чём размышляет брат. О той чёрненькой девчонке с хвостиком. Вчера Серёга показал Мите в своём телефоне сто миллионов фоток этой девчонки. Да, Серёга устроил это путешествие ради своей подружки, а не ради брата. Ну и что? Митя не обижался. Ему хотелось, чтобы у Серёги всё сложилось хорошо.

— Рюкзак по очереди будем нести, — буркнул Серёга. — Я не ишак.

— Далеко нам идти?

— Километров десять, а то и побольше.

Время от времени Митя замечал в лесу следы былой промышленности: то какое-нибудь бетонное сооружение, то облезлый бульдозер, то трубопровод на решётчатых опорах, то полуразрушенный железный ангар.

— Это тоже ещё зона завода? — спросил Митя.

— Хе! — воскликнул Серёга. — Да тут везде зона комбината! Он же охуеть какой с размера! Там, где мы сейчас работаем, — может, четверть с того, что было, может, и меньше! Сколько уж китаёзы решили переоборудовать. А всё остальное под лесом лежит!

Внезапно лес расступился, и Митя увидел два грандиозных комплекса доменных печей — точно ступенчатые храмы, затерянные в джунглях. На всех ярусах обоих комплексов, на спутанных переплетениях конструкций торчали ёлочки и берёзки; с массивных балок и площадок свисали корни деревьев и волосатые пласты почвы. Над катастрофой весело сияло солнце.

Казалось, домны ухнули в прошлое на столетие, но этого никак не могло быть.

— Просто Атлантида, — признался Митя.

Вид индустриального величия, безмерно сложного в своём изначальном предназначении, а теперь бессмысленного, будто забытая клинопись, поражал воображение Мити. Лес, точно океан, топил былые достижения цивилизации, и на первый взгляд казалось, что это распад существования, что простота тихо и неумолимо поглощает сложность. Однако Митя откуда-то знал, что на самом деле всё не так. Это не лес вырос на заводе, а многомерность вбирала в себя то, что ограничено всего тремя измерениями. А Серёга промолчал. Он никогда не слышал слова «Атлантида». Да и похер. У городских свои заморочки.

Они шли дальше по территории комбината мимо руин, и Серёга порой сверялся с картой в телефоне. Каменные и металлические развалины то почти исчезали в дикой зелени, то мощно выпирали на свет, не желая растворяться в чуждой среде. Завод казался безвозвратно мёртвым, а лес — вечно живым.

Серёга сплоховал только один раз — вывел их обоих в длинную полосу пушистых пихточек чуть выше человеческого роста. Пихточки росли редко и почти не мешали идти. Серёгу нисколько не насторожило, что слева и справа в земле мелькали концы шпал: ну, старые железнодорожные пути, и всё. И ещё слева тянулась стена цеха, покрытая сизыми пятнами лишайников, а справа стояла ограда из бетонных плит, увешанная побегами жимолости. И вдруг впереди что-то громыхнуло и тяжко заскрежетало. Над цехом взлетели птицы.

— Чё за на фиг?! — вскинулся Серёга.

Из-за пихточек ничего нельзя было разглядеть, но земля чуть задрожала. Гулко клацнуло. Опять клацнуло. Опять клацнуло. Явно приближалось что-то жуткое и огромное. И наконец над пихточками впереди всплыла широкая, как мост, балка передвижного промышленного крана на четырёх опорах.

—Ёптыть! — охнул Серёга. — Козловой кран ожил! Зачумлённый!..

Стальная раскоряченная громада медленно катилась на Серёгу и Митю, зажатых на её пути стеной цеха и бетонным забором. Колёсные тележки крана с шумом сминали мелкие деревца. Кабина, загудев, сдвинулась по балке, точно там кто-то прицеливался; с грузовой платформы вниз на тросах спускалась могучая крюковая подвеска — будто кистень. У злой воли, что овладела агрегатом, не было иного раздражителя, кроме Серёги и Мити.

— Бежим назад! — крикнул Серёга.

Они отчаянно кинулись обратно сквозь чащу пихточек. Козловой кран грозно катился за ними, раскачивая подвеску; он словно перегородил всё небо разлётом своих плеч. Серёга малодушно опередил Митю, и Митю хлестнуло ужасом. Мягкие ветви били по лицу — они перестали быть мягкими; рюкзак шлёпал по спине. Мите казалось, что ещё миг — и холодно-безумная махина настигнет его и расшибёт вдребезги огромной стальной балдой на тросах.

— Туда! — на бегу указал Серёга.

Он свернул через рельс к бетонной ограде. Одна плита здесь вывалилась, и Серёга юркнул в пролом. Митя продирался сквозь заросли, отмахиваясь от веток. Он споткнулся у забора и застрял рюкзаком в дыре. Серёга рванул брата на себя. Митя неловко выпал наружу. За проломом, вороша пихточки, по ржавому рельсу на колёсах проехала исполинская опора крана.

Они стояли в кустах у стены и тяжело дышали, а кран за оградой ещё пару раз прокатился туда-сюда, словно отыскивал беглецов.

— Пездол я тупой! — сообщил Серёга. — Не подумал за такой вариант…

Митя уже знал о чумоходах, нападающих на людей, — о машинах, которые спятили от радиации. У них перемкнуло электронику, и сбой программы заставляет их атаковать мнимую угрозу. Впрочем, иногда и не мнимую.

— Если автономные машины чумоходами становятся, так ведь и заводское оборудование тоже может очуметь! — сделал вывод Серёга.

Митя уже успокоился, хотя сердце ещё колотилось.

— Откуда здесь электричество? — спросил он.

— Бризола полные подвалы за годы напрело! А генераторы на заводе целые. Чего ещё надо заводу? Только мозгами ёбнуться.

Им обоим требовался привал. Серёга посмотрел карту в телефоне: через полкилометра находился какой-то пустырь. Пустырь — это хорошо.

За густым березняком они вышли к железнодорожному переезду и здесь снова наткнулись на машины. Два мёртвых стальных зверя застыли в кустах, будто изображали свою последнюю яростную схватку. Один агрегат был Мите понятен — обычный маневровый мотовоз. Видимо, он ударил буферами в борт другому агрегату и соскочил с колеи. А другой агрегат выглядел причудливо и даже страшно: трёхкорпусный, на мощных паучьих ногах, он изогнулся в мучительной агонии, почти разорванный пополам, но дрался, судя по всему,

до последнего. Изломанный манипулятор, выпятив локоть с гидравлическим поршнем, дисковой пилой взрезал кожух на двигательном отсеке мотовоза. В воздухе висела суставчатая и неестественно длинная механическая рука с шипастой клешнёй-захватом. Многоногий комбайн напоминал скорпиона.

— Это харвер, — пояснил Серёга. — Лесорубный автомат. Угадай, кто из этих двух уродов — чумоход?

Лесорубный комбайн-автомат казался пугающе-агрессивным, он больше соответствовал безумному понятию «чумоход».

— Харвер, — сказал Митя.

— Хренушки тебе! — с удовольствием возразил Серёга. — Харвер культурно шёл через переезд, а мотовоз его атаковал. Так что зачумлённый тут — мотовоз.

Митя посмотрел на локомотив с опаской.

— А в город чумоходы прорываются? — спросил он.

— Не-а, — Серёга помотал головой. — Они дохнут под решётками.

Обогнув место битвы, Серёга повёл Митю дальше в лес.

Пустырь был заводской промплощадкой, засыпанной доменным шлаком. Здесь стояли мятые контейнеры и автоприцепы на сдутых колёсах. Серёга и Митя расположились на обочине в траве под высокой крепкой сосной. Серёга принялся рыться в рюкзаке, а Митя привалился к сосне спиной.

— А что делал на заводе лесорубный автомат? — спросил он у Серёги.

— А что он ещё может делать? Пироги стряпать? — Серёга был поглощён содержимым рюкзака. — Он лес рубил… Его с восьми лет весь вырубают, чего добру-то пропадать, когда рядом комбинат… Да где, блядь, пластырь?

Митя сидел под сосной и озирался. Этот лес вокруг — ему не больше восьми лет? Не может быть! Такой зрелости фитоценоз достигает лишь годам к пятидесяти, не раньше… Сергей напутал? Или же ляпнул что попало?..

Серёга нашёл пластырь, стащил кроссовку и носок и наклеивал плёнку на свежую мозоль. Митя почувствовал, что ему припекает спину, и пошевелился, пристраиваясь поудобнее… И лишь потом сообразил, что под спиной у него — сосна, а не труба с горячим паром или водой. Митя перевернулся и потрогал ствол дерева ладонью. Сосна и вправду была горячая.

— Сергей, что это? — изумлённо спросил Митя. — Сосна горячая!

— На солнце нагрелась, — Серёга натягивал кроссовку.

— Нет, — уверенно ответил Митя. — Не настолько же… Проверь!

Серёга потрогал сосну:

— Обычная.

— Горячая!

Серёга снова потрогал сосну, а потом внимательно посмотрел на Митю.

— Чего ты на меня так смотришь? — заподозрил неладное Митя.

— Слышь, Митяй… — осторожно произнёс Серёга. — А ты ведь облучился, пока пёр с Ямантау до Магнитки…

— Знаю! — с вызовом сказал Митя.

Он старался не думать об этом. Вот вернётся домой, обследуется, и тогда будет ясно, большую ли дозу он набрал. И что ему делать дальше.

Серёга закинул голову, разглядывая сосну. Здоровая, прямая, крепкая… Ветки с хвоей растворяются в сине-золотом сиянии полуденного неба…

Эта сосна наверняка «вожак». Главное дерево в округе. Царь окрестного леса. Дерево, без которого древесина других деревьев не превратится в бризол. Дерево, из которого производят пиродендрат, если, конечно, бригадир найдёт «вожака», срубит, вывезет к дороге и сдаст городским закупщикам.

— Митяй, — Серёга сообразил, что ему лучше скрыть от брата свои чувства. — Митяй… Ты того… Ты Бродягой стал. Только Бродяги могут «вожака» с других деревьев отличить… «Вожак» для них — горячий.

11
Дорога на Банное (II)

Увязая гусеницами на топком берегу, мотолыга медленно заползла носом в бурую воду озера и остановилась. Двигатель тихо клокотал. Через дверку в стальном коробе Типалов и Холодовский вылезли на капот. К правому борту вездехода была прикреплена гофрированная труба из толстой резины; Типалов вытащил её из зажимов и подтянул вперёд. Холодовский задрал крышку трансмиссионного отсека и присоединил горловину трубы к фитингу насоса, Типалов сбросил другой конец трубы с мотолыги в воду.

Озеро лежало на полпути между Магниткой и горами. За кромкой леса на дальнем берегу поднимался пологий и промятый хребет, тёмно-синий на фоне золотого заката. Сопел и всхлипывал насос, в камышах крякала утка.

Егор Лексеич вернулся к бригаде.

— До войны обычное озерцо было, ничего такого, — пояснил он. — Потом лес с радиации вырос. Деревья падали в воду, гнили. Понятно, что и «вожаки» тоже. Пошёл процесс, как в конвертерах на комбинате. Теперь это охеренная лужа бризола. Бесплатная заправка для всей техники на округе. Только воду надо отжать и бризол отфильтровать. Подождём малёхо, пока баки заправятся.

— Жрать уже охота, — пробурчал Калдей.

— Может, бутербродики сделать? — спросила у бригадира Алёна.

— Давайте, девушки, — согласился Егор Лексеич.

— Назипова, достань консервы, — сразу же распорядилась Алёна, деловито одёргивая на себе синий спортивный костюм. — Мариночка, где ножики?

Костик стоял и глядел поверх короба.

— А кто там ещё заправляется, дядя Егор?

Вдали виднелся другой вездеход, беспилотный, на шести толстенных колёсах, с двухколёсной цистерной на прицепе. Сунувшись рылом в озеро, он тоже выкачивал бризол через длинный хобот заборника. Звука его двигателя слышно не было — всё заглушали урчанье насоса в капоте мотолыги и плеск воды, которую выбрасывало из патрубка фильтра.

— Просто бункеровщик, — пожал плечами Егор Лексеич.

— Может, чумоход? Дай шарахну с базуки? — мгновенно загорелся Костик. — Я в школе на сборах лучше всех стрелял!

— Не нападает же, — сказал Матушкин. — Ну и сиди на жопе

ровно!

Егор Лексеич, кряхтя, достал откуда-то планшет и начал проверять.

— Не, — наконец сообщил он. — Обычный агрегат. Зарегистрирован в сети как заправщик с делянки на Кужагуле.

— А чё, если нормальные комбайны повзрывать? — не унялся Костик. — Платят-то ведь по шильдерам!

Шильдерами назывались большие металлические пластины с логотипом и номером. Они крепились к лобовой части любой машины. Их отдирали от уничтоженных чумоходов и сдавали на комбинате как отчёт о командировке. По добытым шильдерам высчитывали размер премии для бригады.

— Шильдеры по базе смотрят, — тотчас разъяснил Фудин. — Исправные машины на связи с регистрационным центром. Если контролёры на комбинате увидят, что бригада уничтожала исправную технику, то наложат штраф.

— А чумоходы тоже можно отследить? — спросила Маринка.

Выскочка Фудин ей не нравился, но она хотела понимать, как устроена работа бригады и как командует бригадир. Она ведь тоже будет бригадиром.

— Заражённые машины отключаются со связи с центром, чтобы их не деактивировали дистанционно, — охотно ответил Фудин.

— Гляжу, я тут не нужен, — недовольно заявил Типалов. — Всё сами знаете.

— Молчу, шеф! — быстро покаялся Фудин, подняв руки, будто сдавался.

— Указчику — хуй за щеку, — угодливо хохотнул Матушкин.

Талка раздала бутерброды с консервированной рыбой.

— Эй, ты, — жуя, окликнул Вильму Булатову Калдей. — Сколько Обрез платил с «вожака»?

Он имел в виду бригадира Обрезкина, с которым ездила Вильма.

— Чё, блядь, за бунт на борту? — вскипел Егор Лексеич. — Один слишком умный, другой слишком бедный… Чё-то не устраивает — так пиздуйте домой! Долбоёбов не держу! И ковыряться в своём деле не позволю!

Бригада притихла.

— Семьдесят пять, — покорно ответила Калдею Вильма и отвернулась.

В это время насос остановился.

— Баки полные, — сообщил Холодовский.

Гневно сопя, Егор Лексеич вслед за Холодовским полез наружу.

— Разбушевался начальник, — негромко сказала Талка. — Стр-расти!

— Шлифанули нас? — весело спросил Матушкин у всех.

Он был некрупный мужичонка, но какой-то ладный, хотя и помятый. Он вдруг скорчил небритую морщинистую физиономию, отвесил нижнюю губу, как Егор Лексеич, и словно по волшебству превратился в бригадира.

— Хозяйство вести — не мудями трясти! — проворчал он голосом Типалова. — Идите на хуй мелкими шагами!

В мотолыге покатились с хохота, даже Алёна смущённо прикрыла рот ладошкой — так точно Матушкин передразнил сердитого бригадира.

— Ну ты мудак! — без улыбки проворчал Калдей.

Типалов и Холодовский убрали трубу насоса на место. Потом Егор Лексеич пролез к рулю мотолыги.

— Здесь слякотно и комарьё с болотины, — через плечо бросил он. — Переедем на нормальную поляну, где ночевать удобнее.

Мотолыга выпустила синюю тучу дыма и попятилась, чавкая гусеницами. За горами сочно багровел закат; озеро, покрытое бурыми разводьями бризола, отражало его неровно, нервными пятнами румянца. Развернувшись, мотолыга ломанулась вдоль берега сквозь густую поросль ивняка.

А за ивняком распахнулась луговина с невысоким обрывчиком к воде. Для гусеничных машин подход к озеру здесь был неудобен, а для шагающих — в самый раз. И в высокой траве луговины, озарённые мрачным светом заката, лежали два мёртвых комбайна, похожие на гигантских раздавленных пауков.

Егор Лексеич вывел мотолыгу к обширной проплешине со следами колёс и гусениц. Бригады давно уже облюбовали это место для ночлега. Сбоку был выложен из камней очаг, в нём чернели угли и обгоревшие консервные банки. В траве угадывалась куча мусора, валялась автопокрышка.

Егор Лексеич остановил мотолыгу, переключил двигатель на холостые обороты и перелез в отсек к бригаде.

— Заночуем тут, — пояснил он. — Обзор хороший, и обдувает с озера.

Бригада задумчиво разглядывала взорванные машины вдали — будто поле боя, на котором остались погибшие танки.

— Дядь Егор, это чумоходы? — спросил Костик.

— Они.

— Страшные-то какие, — призналась Талка.

— Что, они и ночью нападают? — поинтересовалась Маринка.

— Они же роботы, Муха. У них нет дня и ночи. А тут у них

водопой.

— Надо на ночь дозор выставить, да, шеф? — тотчас сказал Фудин.

— Вот всегда у мужиков ночью какие-то свои дела! — опечалилась Талка.

— «Дозор выставить», — усмехаясь, передразнил Фудина Егор Лексеич. — Много ты в темноте увидишь?.. Хороший бригадир, братцы, на любой случай хитрую приспособу имеет. У меня радар есть. Незаметно чумоходы к нам не подойдут. Не надо никому всю ночь караулить.

— Обнадёжил, Егор Лексеич! — двусмысленно улыбнулась Талка.

— А чумоходы быстро передвигаются? — всё допытывался Фудин.

— Быстрые они только в лесу, в буреломе, когда человек сам еле пролазит. Там чумоход догонит. А на ровном месте он километров пятнадцать на час бежит, не больше. Ног-то много. Пока переставит каждую, человек со своих двоих втопит как ракета.

В сумерках, что наползали на поляну, даже ближний чумоход сложно было рассмотреть в подробностях. Над травой рисовался только общий контур машины: переломленный позвоночник, развороченный взрывом моторный отсек, острые углы вздёрнутых коленей, дырявая кабина и стрела с бессильно раззявленным челюстным захватом.

— Саня, давай решётку разворачивать, — позвал Типалов Холодовского.

Верхнюю панель интерфератора можно было перекинуть на шарнирах в сторону, будто обложку книги. Рядом с бортом вездехода появлялось защищённое пространство. Этот участок вполне годился для лагеря.

— Дядь Егор, пусти посмотреть на чумоходы! — взмолился Костик.

— Куда ты! — испугалась Алёна. — Там радиация!

— Мам, да у меня ещё пятьдесят часов! — Костик потряс рукой с таймером на запястье. — Чё ты вечно ничё не даёшь?

— Поздно, Константин! — строго произнёс Егор Лексеич. — Темнеет уже. Завтра сам всё покажу. Тут не только эти два, в лесу ещё несколько штук есть.

— Да вы чё? — разозлился Костик. — Вон же они!

— Тебе бригадир запретил!

— Я у него не работаю! Я без вашего разрешения пойду!

— Алёна, уйми своего углана! — рявкнул Егор Лексеич.

Ему не нравилось, когда в командировке своевольничают,

даже если и безвредно. Дело было не в том, что покушаются на власть бригадира, а в том, что тревожат лес. Лес — это дикий зверь. И его лучше не дразнить.

— Ну-ка тихо! — зашипела на сына Алёна. — Или никогда больше тебя с собой не возьму!

— Да и не бери, на хуй надо! — обиженно крикнул Костик. — Я всё равно схожу ночью, когда вы задрыхнете!

— Обосрёшься — не возвращайся, — предупредила его Маринка.

12
Котлован

Их запрограммировали выкопать котлован определённых размеров, и они взялись за дело, а потом котлован стал не нужен и эти машины оказались просто брошены. Забыть о них было дешевле, чем разбирать и утилизировать.

— Китайцы всегда так делают, — пояснял Серёга. — У них все машины как гондоны одноразовые. А мы для них — помойка.

Но машины продолжали работать. Сошедшие с ума от радиации, они копали котлован за котлованом с бессмысленным механическим упорством.

— Штук десять уже выкопали! — хохотнул Серёга. — Один котлован роют — а грунт в другой котлован сваливают, в предыдущий. Охереть трудозатраты!

Митя не вникал в пояснения брата.

— Это ещё что! — разглагольствовал Серёга. — Говорят, на Сибае в медных шахтах до сих пор комбайны уцелели. Под землёй-то они в натуре озверели. А возле Челябы какой-то карьер остался, и там агрегаты мрамор пилят. Никто оттуда не возвращался. Так что, Митяй, наш зоосад ещё не самый обосранный.

Митя прислушивался к своим ощущениям. Что в нём изменилось?.. Вроде бы ничего… Хотя он ведь почувствовал тепло сосны… Он — Бродяга?.. Мите сейчас было страшнее, чем тогда, когда на них с Серёгой поехал козловой кран. Неужели он жестоко облучился? Неужели он обречён?.. Митя истово убеждал себя, что там, в большом городе, где он живёт по-настоящему, уже давным-давно научились лечить людей от радиационного поражения, ведь столько лет после войны пролетело, наука и медицина развивались!.. Чем ещё объяснить легкомыслие Серёги, кроме спокойствия за брата?

Меж деревьев впереди засверкало солнце — там был котлован, а не лес.

Серёга и Митя остановились на краю. Прямоугольный котлован в длину вытянулся, наверное, на километр, а в ширину был метров триста. В глубину — с пятиэтажный дом. Противоестественный, какой-то инопланетный провал тихо дышал прохладой. Объём пустого пространства воспринимался так остро, что поневоле влекло шагнуть с обрыва. На дальней стороне — на дне и на террасе — работали два экскаватора, к ним и шли самосвалы. Съезд на дно котлована выглядел как

широкая, постепенно углубляющаяся траншея.

— Короче, — сказал Серёга. — Я выяснил, как «Лю Чонги» устроены… Ну, самосвалы китайские. Задача такая. Влезем в кабину, я отрублю автоматику и переключу на ручное управление. И потом двинем на Банное озеро, где мы должны перехватить Типалова. Там все бригады проезжают, которые в горы. Пешком туда мы бы два дня пёрли и опоздали, а на «Чонге» к вечеру прикатим.

Серёга решительно направился к выемке — спуску в котлован.

— Спрячемся сбоку, — на ходу излагал он свой план. — Дождёмся самосвала с карьера, гружёные — они ползут медленно, и когда пойдёт мимо — заскочим на лесенку. Я первый. Если не успеешь за мной, пиздуй вниз, там подберу тебя.

Серёга заметил, что Митя подавлен. Понятно, испугался быть Бродягой. Ничего, как-нибудь потом устаканится. А сам Серёга был воодушевлён тем, что стряслось с его братом. Бродяга — это решение всех проблем Типалова, и Серёге с таким братом обеспечено в бригаде место рядом с бригадиром — значит, рядом с Маринкой. Чего он и хотел. Круто, блин. Серёге казалось, что он ловкий и удачливый, всё ему по силам, всё у него получится легко и быстро.

Широкая траншея становилась всё глубже, справа и слева поднимались неровные стенки. Отчётливо запахло сырой, тяжёлой, могильной землёй. Дно траншеи было намертво утрамбовано грузовиками весом в сотни тонн; в ребристых отпечатках колёс, огромных, как следы динозавров, блестела вода.

— Вот нормальное место! — указал Серёга.

Плечом к плечу они втиснулись в рытвину, оставленную в стене траншеи грубым ковшом экскаватора.

— Не очкуй, — успокоил брата Серёга.

Снизу, из котлована, в ущелье выемки уже взъезжал самосвал.

Квадратная морда исполинской машины загородила, похоже, весь проём траншеи. Выло обросшее грязью сопло воздухозаборника, рокотал могучий дизель. В спаренных колёсах гудели электродвигатели. Вместо бампера у гиганта была широкая рама с батареей прожекторов. Стёкла в рулевой рубке от вечной пыли помутнели, словно самосвал и вправду сошёл с ума. Козырёк кузова накрывал кабину, как нахлобученная на глаза кепка.

Грузовик приближался с многообразным шумом, с пыточным

хрустом грунта под протекторами. Он казался уже не механическим, а геологическим чудищем. Митя и Серёга поневоле затаили дыхание. Загородив весь белый свет, мимо проплыла глыбища капота, покрытая ржавчиной и лишайниками, потом — колесо высотой в два человеческих роста, потом — выпуклый и грязный топливный бак, потом — ещё одно колесо и, наконец, где-то вверху — край кузова. А лестница в кабину у самосвала находилась с другой стороны.

Прижимаясь спинами к земляной стенке, Серёга и Митя глупо стояли в туче бризолового чада. «Лю Чонг» неторопливо уползал вверх по траншее.

Митя молчал. Серёга тоже молчал, а потом наконец взорвался:

— Я, блядь, не обязан знать, с какого бока на него залазиют!

Он вывалился на дорогу и сердито потопал вниз.

Митя догнал брата лишь на дне котлована. Дно — взрытое, всё в буграх и ямах — было исполосовано колеями самосвалов. После вездесущей пышности леса здесь было как-то пугающе безжизненно: глина, щебень, лужи, земляные вывалы, следы когтистых ковшей. Бурые и отвесные борта котлована резко ограничивали пространство. Сырость холодила до озноба.

— Туда пойдём! — Серёга сердито махнул рукой на дальний край, где экскаватор с длинной решётчатой стрелой наваливал грунт в кузов ещё одного самосвала. — Пока стоит под погрузкой, я подберусь и заскочу.

Серёга оглянулся на Митю, вдруг развернулся полностью и попятился.

— Ё-моё! — охнул он. — Сзади прёт!..

Митя послушно посмотрел обратно.

Из траншеи, покачивая квадратной башкой, выезжал ещё один «Лю Чонг» — пустой, словно бы голодный. Хотя это было невозможно, Митя и Серёга одинаково почувствовали, как машина цепко ощупывает их ультразвуком — определяет препятствия на пути или объект для устранения. Они, люди, — угроза, им здесь не место, их требуется уничтожить. Раздавить колёсами. «Лю Чонг» выбросил струю выхлопа и сошёл с колеи, нацеливаясь на врагов.

Митя понял, что сунуться в котлован было дурацкой идеей.

Лицо у Серёги стало хищным и жёстким.

— Ну, сам напросился… — сквозь зубы процедил он.

— Что ты задумал? — насторожился Митя.

— Давай, Митяй, — Серёга принялся стаскивать с него рюкзак. — План, значит, такой… Сейчас этот говновоз подъедет поближе, и я отбегу, а ты ещё подпусти его к себе. Потом чеши

куда-нибудь. Он за тобой погонится — на меня у него радиуса поворота не хватит. А я сбоку подлечу и влезу на него.

— А почему я должен быть приманкой? — возмутился Митя.

— А ты умеешь его автоматику вырубать? Ну и не мороси!

Спорить с Серёгой не имело смысла.

Они смотрели, как огромный грузовик, переваливаясь на ямах и буграх, увеличивается в размерах. Воют компрессоры, рокочет генератор, комья земли падают с колёс… Казалась, что машина угрожающе выдвинула челюсть, прожекторы на раме были как зубы. «Лю Чонг», не мигая, вперился в Серёгу и Митю круглыми соплами, будто исступлённым взглядом мёртвых глаз. На капоте грузовика за оградой рабочей площадки росла какая-то трава. Серёга хлопнул Митю по плечу и бросился в сторону. Митя остался один на один с непобедимым дизельным мамонтом. Внутри у Мити всё тряслось.

Он успел подумать о Серёге с ненавистью: как легко Серёга рискует и его, и своей жизнью!.. Серёга — сволочь!.. Это ведь он, долбанутый придурок, решил заполучить самосвал, это он привёл Митю сюда, в карьер… А теперь на Митю наваливается озверевший великанский чумоход!

Митя метнулся прочь от самосвала.

А Серёга в этот раз не ошибся. Мозги у самосвала были устроены просто: машина считала не расстояние до цели, а свой путь, и до Мити по прямой ей было ближе, чем до Серёги по дуге. Оглянувшись, Серёга увидел, что Митя бежит куда-то к борту карьера, а самосвал катится за ним, забыв о другом враге. И Серёга тотчас развернулся — нельзя было терять время.

Кроссовки вязли в рыхлом грунте, рюкзак бил по спине, а чёртов грузовик ехал не так уж и медленно — хрен догонишь. Серёга выкладывался на полную, задыхался. Он огибал земляные кучи и ямы, прыгал через рытвины с водой, а грузовик впереди раскачивался, точно корабль на волнах. Серёга перестал его бояться. На финальном рывке он бежал уже рядом с неимоверным колесом, с которого на него сыпались ошмётки грязи. Наконец, почти сгорая, Серёга бросил себя вперёд и ухватился за шершавую ступеньку лесенки.

Он взвился наверх, на огороженную леером площадку возле рулевой рубки. Эту площадку, прикрытую козырьком кузова, не омывало дождями, и здесь скопился всякий мусор, земляной прах, а на нём выросла чахлая трава. Серёга дёрнул дверь в рубку — заперто! Локтем Серёга вышиб из прогнивших уплотнителей пластиковое стекло, влез в щель рукой и отщёлкнул замок. Из рубки пахнуло застойной вонью, сразу и растительной, и синтетической.

Всё в рубке — панель управления, руль, кресла, окна и пол — было окутано какой-то невесомой зелёной паутиной, моховыми нитями. Экраны мониторов светились сквозь живую волокнистую пряжу. Серёга брезгливо содрал эту пакость руками и на приборной панели оголил секцию автоматики. Секцию надёжно защищала металлическая крышка. И ключа от неё у Серёги, конечно, не имелось. Серёга злобно врезал по крышке кулаком. За Митю он сейчас не боялся — о Мите он и не вспомнил. В этом котловане у него всё получалось через жопу: так неужели, блядь, он конченый лох?!

А Митя в это время понял, что угодил в западню.

Митя убегал от чумохода к стене котлована: он надеялся вскарабкаться по откосу, будто забраться на дерево, спасаясь от волков. И обманулся. Красновато-сизый, как мясо, откос был сложен из плотной хрящеватой глины, и по нему струилась вода из верхнего водоносного пласта. У подножия стены образовалось болото — жидкий глиняный творог. Вряд ли у Мити получилось бы преодолеть это месиво и подняться на скользкий обрыв… Тупик.

Митя не знал, что делать. Он стоял у края болота и с ужасом смотрел на прямоугольное рыло грузовика, словно искажённое презрительным оскалом. Грузовик подползал всё ближе и ближе. Митю гипнотизировали титанические колёса, вздутые рубцы их протекторов. Взрытое дно котлована… Частокол ельника на гребне дальнего обрыва… Безлюдье искалеченной радиоактивной земли… В ослепительной синеве неба вокруг солнца пылало жгучее кольцо… Сейчас безумная и тупая машина раздавит его, Митю, как лягушку…

В голове у Мити звенело. Где этот гад — Серёга?.. Почему не выручает?!..

Митя понял, что он должен сделать. Клиренс у «Лю Чонга» здоровенный — наверное, в метр. Надо лечь под самосвал, другого способа спастись нету!.. Митя мгновенно представил это: самосвал накатывается, заслоняет небо, и Митю плющит ощущение неимоверной тяжести над головой; сверху нависают промасленные глыбы грязи, облепившей механизмы; два чудовищных колёса грузно плывут слева и справа, будто солнечные затмения, а потом плывут ещё два колеса… Сумеет ли он, Митя, совершить такой трюк?..

Но Мите не пришлось испытывать свою выдержку. Морда «Лю Чонга» надвинулась на него — и вдруг замерла. «Лю Чонг» остановился. Митю окатило странное чувство, что чумоход опознал в нём существо, которое никак нельзя уничтожать… Хотя, скорее всего, машина лишь помедлила на мгновение,

изучая болото — не опасно ли?.. Неважно! У Мити появился шанс не бросаться под колёса!.. Неподвижный грузовик не собьёт его смертоносным встречным ударом, и можно попробовать запрыгнуть на капот!..

Митя метнулся к самосвалу и сиганул на раму с прожекторами, на разгоне забросив на неё и правую ногу, вцепился в железяки и подтянулся. Всё, он на капоте! Сквозь вентиляционные прорези в корпусе на него дул обжигающий жар радиатора. «Лю Чонг» ещё стоял на месте, вхолостую рокоча дизелем. Хватаясь за горячие прорези, Митя принялся карабкаться по морде грузовика наверх. «Лю Чонг» стравил тучу бризолового дыма и попятился, со скрипом поворачивая колёса, а Митя уже держался за стойку ограждения.

Он перемахнул через леер и очутился на площадке под козырьком кузова. Дёрн, травка, безопасность… Дверь в рулевую рубку была распахнута. Серёга, скорчившись над панелью управления, ножом пытался отколупнуть крышку на секции автоматики. Увидев Митю, он распрямился в изумлении.

— Митяй!.. — с облегчением выдохнул он.

Не говоря ни слова, Митя врезал ему кулаком в глаз.

13
Дорога на Банное (III)

Мотолыга качнулась на рессорах и тормознула возле комбайна — почти борт к борту. На раннем солнце разбитый агрегат не казался таким страшным, как ночью. Да, здоровенный — в полтора раза длиннее мотолыги, шестиногий — коленями назад, но всё равно не дракон. Правые ноги подогнулись, а левые, распрямившись, упёрлись в землю, и комбайн лежал на боку, словно дохлая лошадь. Кабина перекосилась. Средний отсек был разворочен взрывом. Над травой зависла в воздухе огромная раскрытая лапа челюстного захвата, будто исполинский железный цветок — надломленный, поникший, истлевший до скелета. Мёртвая машина обросла плесенью; в щели и впадины ситаллических корпусов ветер уже нанёс пыль, и там росли мелкие жёлтые цветочки.

— Это форвардер, попросту — форвер, — сказал Егор Лексеич.

Бригада, стоя в мотолыге, разглядывала комбайн поверх края короба.

— На лесоповале форвер своей клешнёй поднимает брёвна и складывает к себе на трелёвочную раму. Вон она, вся покорёженная. Как наберёт полный комплект, утаскивает с лесоповала на верхний склад — так называется рабочая площадка. Там автопогрузчики пилят брёвна на чурбаки и грузят в колёсные вагоны. Их увозят на нижний склад, он всегда рядом с магистралью. Приходит буксировщик, цепляет состав, и привет — по магистрали вперёд на комбинат.

— В бочину-то ему миной залепили? — спросил Костик.

— Миной, — подтвердил Типалов. — Хороший был выстрел, правильный. Дебилы с новеньких часто по кабине целят, а тут стрелял мужик опытный. Сразу всадил в моторный отсек. Бить надо по моторному отсеку, поняли?

— А чё не по башне? — спросил Калдей.

— Тебе по башне дать — разве чё-то изменится? — сказал Матушкин.

В мотолыге засмеялись, а Калдей сунул кулаком Матушкину в плечо.

— Кабина — для ручного управления, — пояснил Егор Лексеич. — А все агрегаты с автоматики. Кабина — так, на память осталась. Наших-то к своей технике китайцы не подпускают, а сами не желают под радиацию лезть.

— И кто его подбил? — не унимался Костик. — Партизаны?

— Партизаны минами взрывают, а не стреляют. Стрелять опасно.

— Ссутся рыпаться на такие пиздяболы?

— Ко-остик! — укоризненно протянула Алёна.

— Бригада Майора сработала. Тут натоптанный водопой у чумоходов. Майоровцы и напоролись на двух форверов, этот и вон тот, — Егор Лексеич, повернувшись, указал пальцем на второй разбитый комбайн поодаль. — Троих с бригады чумоходы клешнями перекусили, четвёртого помяли, пока их самих не пожгли. Там на опушке могилы. Увидите сами, когда в лес пойдём.

— А мы в лес пойдём? — испугалась Талка.

— Я ещё харверов должен показать, а они в лесу. Вам надобно знать, как эти зверюги выглядят, а то киксанёте при встрече и других подставите. Саня, — Егор Лексеич окликнул Холодовского, сидящего за рулём, — давай к крестам.

Грубо тарахтя движком, мотолыга по высоким травам поплыла к лесу, будто корабль к берегу. За ней по луговине тянулся развороченный след.

— Егора, я лучше на машинке посижу, — попросила Алёна. — Покараулю.

— Твоё дело, Алён.

Мотолыга остановилась на опушке, а бригада слезла и двинулась в лес.

Могилы прятались за малинником. Кресты уже обветшали — древесина, способная разлагаться в бризол, была рыхлой и непрочной. Бригада неловко потопталась рядом с осевшими холмиками — никто не знал, как себя вести.

— В общем, слушайте, что я говорю, — ещё раз заявил Егор Лексеич. — Вас же, дурней, сберечь хочу. На командировке сгинуть — плёвое дело.

— Мертвяки под землёй уже клумбарями стали, — вдруг ляпнул Костик.

— Шеф, про клумбарей — это сказки? — сразу спросил Фудин.

— Нет, — сказал Егор Лексеич. — В лесу ничего не сказки.

Он огляделся. Лес как лес. Всего понамешано — рябины, сосны, подрост, упавшие стволы, папоротник, солнечный полусвет, и дятел вдали стучит. Но обыденность леса была обманчивой. Лес мутировал. Не изменившись внешне, он превратился в тихий и опасный мир. Опаснее, чем сумасшедшие комбайны, шастающие где попало. Угрозу, что таилась в лесу, не расстрелять из базуки. Порой её даже не почуешь. От неё

только одно спасение — бегство.

— Дальше идём, — распорядился Егор Лексеич. — Чего радиацию хапать?

Костик помедлил, чтобы взрослые скрылись за деревьями, и повернулся к крестам. Ему интересно было, крепкие ли они.

— Киба-дачи! — прошептал Костик и встал в стойку карате, а потом нанёс удар ногой с разворота по перекладине креста: — Маваши гери — ий-яя!!

Нога срубила перекладину.

Удовлетворённый, Костик устремился за бригадой.

А бригаду теперь вёл Холодовский. Автомат он взял с собой, повесив на плечо. Строго поблёскивая очками, Холодовский шагал аккуратно и чётко. Он рассказывал, будто читал по книге:

— Рубку леса производят лесоуборочные комбайны. Они организованы в сложные системы. Каждый комплекс машин обрабатывает свою площадь — делянку. Комплексы полностью автономны. Заправщик доставляет топливо. Обслуживающий агрегат меняет расходные части.

— Так говоришь умно, прямо замуж хочу! — восхитилась Талка.

Матушкин морщил щетинистую физиономию, соображая, как бы ему съехидничать, но ничего придумать не мог.

— И на лесоповале, значит, людям делать нечего? — уточнил Фудин.

— На площадях, где идёт вырубка, людям вообще запрещено появляться. Комбайны автоматически стреляют по любому движущемуся объекту. Так их программируют китайцы.

— Зачем? — спросил Фудин.

— Война же! — усмехнулся Егор Лексеич. — Китаёзы боятся, что наши партизаны всю их технику угрохают, и останутся они без древесины.

— А почему комбайны в друг друга не стреляют? — допытывался Фудин.

— Есть технология определения чумохода, — ответил Холодовский.

— Суки, да, дядя Егор? — всунулся Костик.

Пока мужики были заняты разговором, Вильма осторожно отдалилась от бригады. Остановившись, она немного подождала и вытащила телефон. После вызова по экранчику потекли волны радуги, затем появился тот, кому Вильма звонила: красивый молодой мужик с коротко подстриженной чёрной бородой.

— Привет, — тихо и стеснительно сказала ему Вильма.

Она держала телефон мягко, будто руку любимого.

— Привет, мышонок! — широко и белозубо улыбнулся

мужик.

А Калдей тоже приотстал. Ему все эти базары были похуй. Перетирают там чё-то своё, ну и насрать. Его интересовала баба. Он рассчитывал, что Талка или Вильма всё равно отлучатся по нужде — дуры же. И он не прогадал.

Сначала он потерял Вильму из виду, попёр влево через кусты, ломанулся правее, где за деревьями светлело бризоловое озеро, и наконец увидел бабу. Она прислонилась плечом к сосновому стволу и говорила в экран телефона:

— Ночью я тебе звонить не буду, страшно уходить в темноту… А так всё нормально. Мы на озере перед Кужагулом. Вечером будем на Банном.

Калдей успел заметить на экранчике чернобородого мужика.

— Бродяга-то с вами? — поинтересовался мужик.

— Нет, Бродяги нету… Бригадир не говорил, откуда он возьмётся.

Калдей, не скрываясь, пошёл прямо к Вильме.

— Кто там у тебя? — угрюмо ухмыльнулся он. — Ёбарь твой?

Вильма, побледнев от испуга, быстро нажала на сброс.

— Стучишь другому бригадиру? — догадался Калдей.

— Это мужу… — беспомощно произнесла Вильма.

— Видел я твоего мужа. Он не такой.

— Я мужу звонила… — упрямо повторила Вильма.

Калдей помолчал, рассматривая бабу. Мелкая, но покатит. Если шпионит — оно и лучше: не будет целку строить, сразу даст.

Калдей встречал Вильму на комбинате и знал её мужа. Алкаш. На Вильму ему было плевать. Калдей с ним был согласен. Он с первого взгляда угадал в Вильме жертву по жизни — таких безответных, как она, все имеют и давят. Значит, здесь, в командировке, он тоже её поимеет — хуже других он, что ли?

Вильма поняла намерения этого дюжего и тупого мужика. Их несложно было понять. И лицо у Вильмы будто окаменело в тоске. Всё всегда одинаково — и дома, и в командировке… Она никуда не убежала. Её опять пользуют. Но сейчас у неё хотя бы есть ради чего смиряться перед этой скотиной…

Солнце высвечивало перья папоротника, по сосне скользнула белка, в кронах чуть шумел ветер. Калдей принялся расстёгивать штаны.

— Ртом поработай, — обыденно велел он. — Тогда не сдам тебя.

Не поднимая лица, Вильма послушно опустилась на колени.

— Только за волосы не хватай, — глухо попросила она.

А бригада тем временем вышла к другому разбитому комбайну.

Он тоже был трёхкорпусным и шестиногим, только ноги у него были как у паука, чтобы пробираться через лесные завалы и сохранять равновесие на склонах. От среднего отсека с кабиной остался лишь остов, изуродованный взрывом: оторванный двигатель краем вывалился из брюха вместе с трубами и железяками трансмиссий — будто потроха выпали. Но упрямый комбайн всё равно устоял, не поддавшись смерти. Под ним зеленели кусты боярышника, а сквозь вывихнутое колено проросла тонкая осина.

— Ну и хрень — жопа набекрень! — хохотнул Матушкин.

— Это харвестер, — пояснил Холодовский, — основной агрегат комплекса. Он определяет дерево для рубки, с помощью чокерного захвата очищает его от ветвей и срезает вершину, после этого циркулярной пилой отделяет ствол от корня. Готовое бревно падает на землю. Харвестер перемещается дальше по делянке, к следующему дереву, а брёвна за ним подбирает форвардер.

— Вот циркулярка на манипуляторе, — Егор Лексеич пошлёпал ладонью по громоздкому механизму с цепной передачей к широченному стальному диску, зубчатому и ржавому. — А это — чокер на стреле.

Длинная раскладная стрела комбайна, изгибаясь в суставах, тянулась по траве далеко в сторону, похожая на откинутую руку в боксёрской перчатке. Перчаткой был чокер — сложный механизм вроде широкого стального кулака.

Холодовский вскарабкался на корпус харвестера, чем-то заскрежетал и, обернувшись, показал какое-то растопыренное пластиковое устройство:

— Обратите внимание на это.

— Чё за пиздюлина от часов? — удивился Матушкин.

— Коптер, — сказал Холодовский. — Их у харвестера три штуки. Летают и сканируют делянку, чтобы определить тактику обработки. Если вдруг увидите такой в воздухе, знайте, что где-то рядом находится харвестер.

Огромный мёртвый комбайн стоял перед людьми, грозный даже после гибели. На его корпусе расползлись белёсые лишайники, кое-где из пробоин торчала травка, но выпуклые ситаллические бока ещё местами блестели под солнцем, как латы на убитом гладиаторе. Харвестер умер, но не смирился с поражением. И его посмертное упорство до сих пор внушало страх, потому что хищная машина и при жизни живой не была.

— Ну что, напугались до хрена? — весело спросил Егор Лексеич у бригады. — То-то, братцы! — Он назидательно поднял палец: — Запоминайте! Бзди, но бди! А сейчас — всё, урок

закончен, шуруем к мотолыге.

14
Дорога на Банное (IV)

Не рискуя форсировать реку в темноте, они остановили самосвал на берегу. Всю ночь машина рокотала дизелем вхолостую, а они спали на капоте — на огороженной площадке возле рулевой рубки. Серёга прихватил из дома два байковых одеяла: одно он постелил поверх дёрна, другим укрыл себя и Митю. Всё равно было холодно. Они прижимались спинами друг к другу.

Митя проснулся на восходе. Низкое солнце освещало угол площадки нежным розовым светом. Митя перелез к ограждению и уселся на пригреве, рассматривая Серёгу. Брат уже не казался ему отражением в зеркале. Он был отдельным человеком, другим, непохожим. Чужим? Конечно, чужим. Четыре дня назад Митя о нём и не подозревал, хотя и не помнил этого. Но вчера вдруг обнаружил, что верит брату. Там, в котловане, он поверил, что брат выручит. И взбесился не потому, что Серёга его подвёл, а потому, что братья не подводят. Ну, и врезал Серёге — так сказать, по-братски. Правда, Серёга тоже двинул ему в челюсть… Оно понятно: Серёга вырос в маленьком городе, где на удар — даже справедливый — всё равно отвечают ударом.

Серёга проснулся, сел и зевнул, как собака.

— Дак чё, — спросил он, — едем?

Река была мелкая, переметённая жёлтыми песчаными отмелями; солнце пробивало воду насквозь, и весело искрился перекат. В незрелой синеве неба метались и заполошно верещали стрижи. Тихо качалась прибрежная осока. Огромный грузовик с неповоротливой осторожностью перебрался через брод, спуская вниз по течению потоки мути; его промытые колёса заблестели.

Серёга сидел в рубке за рулём. Всякую дурную зелень, насколько было возможно, они с Митей из рубки вычистили. Изуродованная ножом крышка секции автоматики висела на одной петле, из проёма торчали провода.

— Часа за три до Банного доедем, — самоуверенно заявил Серёга.

— Что там? — поинтересовался Митя.

— Старая дорога на Белорецк. Её хорошо протравили — до сих пор ещё не заросла, и лесовозов нет. Бригады всегда по ней в горы ездят.

— А мы не застрянем в лесу на такой большой машине?

Серёга ухмыльнулся:

— Я маршрут по свежим делянкам проложил, где деревья маленькие.

Перед ним на держателе торчал навигатор с картой местности. Серёга пальцем подвигал карту по экрану.

— Здесь аппаратура на китайском, а я свой телефон подсоединил.

Серёге нравилось управлять гигантским самосвалом. Было в этом что-то мощное, значительное, будто он — капитан и ведёт корабль по морю, хотя моря Серёга никогда не видел. Самосвал катился ровно — по лесу как по лугу.

Митя вышел из рубки и встал возле ограждения. С высоты капота открывался вид на просторную равнину. Безмятежно жарило солнце. Молодой лес был ниже площадки, зелёные верхушки казались сплошным мохнатым ковром. Грузовик бестрепетно сминал и валил деревца, перед грубой мордой машины перемещалась зелёная впадина — живая, дрожащая и глубокая. Из неё вылетали птицы, изредка проносились серые зайцы. Дизель гулко клокотал; под колёсами неумолчно хрустело, будто бы там плескались волны.

Серёга посматривал на брата с неожиданным удовлетворением: пускай охренеет — кто его ещё так прокатит? После вчерашнего мордобоя Митяй сделался Серёге как-то симпатичен. Не стерпел подставу — значит, не дрищ.

Серёга настроил круиз-контроль и маршрутизацию, отсоединил телефон от системы, подхватил свой рюкзак и выбрался к Мите.

— Пожрём? — предложил он.

Вчера, подравшись, они даже не поужинали, а мать дала им бутерброды.

Они сели на свёрнутые одеяла. Грузовик ехал сам по себе.

— Чё ничё не спрашиваешь? — спросил Серёга.

— А что я должен спрашивать? — строптиво ответил Митя.

— Ты же всегда чё-то спрашиваешь, — Серёга подал бутерброд.

— Я всё уже знаю!

Серёга понимающе усмехнулся с набитым ртом.

Митя жевал и глядел, как перед грузовиком бесконечно стелется зелёная волна, и ему это было почему-то не безразлично.

— Жалко деревья, — сказал он.

— Херня! — заявил Серёга. — Через год такие же будут стоять.

— Через год не будут. Этому лесочку лет десять.

— Ему год, — возразил Серёга. — Здесь рубили в прошлом июле. На карте написано. Я же тебе объяснял — радиация, всё

растёт быстро.

Митя окинул взглядом равнину с молодыми ёлочками и берёзками. В мыслях что-то шевелилось — словно бы чужое, не его. Или его, но забытое.

— Селератный лес… — вдруг произнёс Митя.

— Чё? — не понял Серёга.

— Фитоценоз с ускоренной вегетацией.

— Кто с чем?..

— Я вспомнил! — поражённо сказал Митя. — Выскочило откуда-то… Этот лес называется селератным. Излучение подхлестнуло темпы его вегетации.

— Говори, блядь, по-человечески! — рассердился Серёга.

— Вегетация — это период развития растений.

— И чё?

Митя поглядел Серёге в глаза:

— Это ведь ненормальный лес?

— Ясен пень, ненормальный! Тут всё ненормальное! Древесина хрупкая, горит синим огнём, сгнивает за пару сезонов — только на бризол и годится.

Серёга достал сигареты и закурил. Митя молчал и о чём-то думал.

— Да за городом вообще ничего нормального не растёт! — Серёга решил добавить подробностей, чтобы Митя ещё что-нибудь вспомнил: — Картошка горькая, морковь, сука, мягкая, яблоки — как бумагу хаваешь… В городе под решётками всё как положено, а с радиацией говно получается.

— Растения не успевают формироваться, — пробормотал Митя.

— Угу! — удовлетворённо кивнул Серёга. — Давай продувай мозги!

Если Митяй восстановит соображение, то от него как от Бродяги пользы бригаде будет куда больше. Укажет тех «вожаков», которых с Харлеем нашёл.

— А на производство бризола какая древесина идёт? — спросил Митя. — Лиственная или хвойная?

— Да однохуйственно. Любую рубят. А что на делянках остаётся, то сразу гниёт и превращается в эту, как её, в почву. Вся земля жирная стала.

— Селератный педогенез, — сказал Митя. Он словно вслушивался в себя. — Нет, я изучал не биогеоценологию, а что-то другое…

— А что? — с любопытством спросил Серёга.

Митя пошевелил пальцами, точно ощупывал нечто неосязаемое.

— Что-то мелькает, а ухватить не могу…

— Ладно, ещё догонишь, — великодушно пообещал Серёга.

Гигантский грузовик плыл в зелёных разливах, а вдали, как линия берега, появилась тёмная зубчатая граница более высокого леса. Серёга, вздохнув, поднялся и направился в рулевую рубку.

— Сваливаем, — сказал он Мите. — Сейчас по просеке попрём.

В рубке Серёга переключил машину на ручное управление.

«Лю Чонг» оказался шире, чем просека. Серёгу это не смутило: он верил в победительную мощь машины, что принимала в кузов двести тонн грунта и вывозила его на подъём из карьера. Левыми колёсами грузовик катился по мелкому подросту на свободном пространстве, а правой стороной загребал чащу. Удар капота сбивал деревья, они с шумом падали на просеку или друг на друга. Машину качало и трясло, под колёсами яростно трещало. Длинные ветви скребли по борту, по кузову, подметали площадку возле рулевой рубки, точно хотели схватить и вытащить из рубки водителя, который устроил это бедствие. В воздухе кружили сорванные листья. Грузовик вспарывал дебри и вываливал их зелёные внутренности себе на морду.

Митя смотрел, как деревья ломаются и размахивают руками. Даже в рубке он уловил свежий и будоражащий запах израненного леса — и вдруг, подпав под власть запаха, словно растворился в лесу, не теряя себя. Всё, что ощущал и осязал этот лес, Митя тоже ощущал и осязал. Пускай лес мутировал от излучения, он всё равно был живым: он страдал и в какой-то недоступной своей глубине вскипал от гнева. Наваждение опалило Митю — и развеялось.

— Лес чувствует, как мы его мучаем, — потрясённо сказал Митя Серёге.

— Ни хера он не чувствует, — ответил Серёга. — Его срубят через три года.

— Он знает, — убеждённо произнёс Митя.

Серёга покосился на брата с подозрением.

— Это ты знаешь, а не он.

Митя мрачно пожал плечами.

— Ты облучился, Митяй, — недовольно пояснил Серёга. — Ты в Бродягу превращаешься. Бродяги всякую байду в лесу понимают.

Ему впервые стало жаль брата. И сразу его взяла досада. Какого хрена?! Митяй знал, когда пошёл в лес за Харлеем, что обязательно словит нехилую дозу облучения. Он сам на это согласился. Чего его жалеть?

— В город вернёшься — вылечишься, до лешака тебе ещё далеко, — сказал Серёга. — Лешаки — это беспредел конченый, а Бродяга — так, терпимо.

Грузовик свирепо прорывался дальше, как носорог: давил, крушил, сметал с пути. Деревья покорно падали, порхала листва, ревел дизель.

Дорога через большой лес заняла часа полтора, а потом впереди снова распростёрлась освещённая ярким солнцем равнина с низенькой порослью. И дальше, за пологим изгибом холмов, густо-синими волнами встала длинная горная гряда. Где-то перед ней и лежало невидимое пока Банное озеро.

15
Банное озеро (I)

Путь искать не приходилось: главная улица посёлка и являлась дорогой на Белорецк. Когда-то асфальтовая, а сейчас непонятно какая, она была плотно утрамбована машинами и протравлена кислотами до керамической красноты. По мнению Егора Лексеича, трасса не представляла опасности: она тупиковая, все лесоразработки далеко и лесокараванам здесь делать нечего.

Заброшенный курортный посёлок вытянулся по берегу озера километра на два. Кирпичные коттеджи, фигуристые виллы, двухэтажные бревенчатые пансионы, рестораны, клубы, спортзалы, гаражи — всё затоптал могучий лес. Здесь его не рубили — неудобно, и он вымахал в полный рост. Во дворах высились шатровые ёлки и раскидистые рябины, над домами взлетали стволы сосен. Кусты росли на балконах и верандах, крыши зеленели мхом.

— Эх, такой бы теремок, да мужичка работящего, да детишек выводок… — мечтательно вздохнула Талка, глядя на посёлок поверх броневого борта.

— Начни покуда с мужичка, Наталья Батьковна, — игриво посоветовал ей Матушкин, он стоял рядом. — А там авось и само добавится.

— Хоба! — изумился Костик. — Секите, подвесная трасса!..

Вдали в просвете меж деревьев мелькнул травяной и каменистый склон горы, а на нём — линия бетонных столбов канатной дороги.

— Богато жили, да, шеф? — Фудин посмотрел на Егора Лексеича.

— Вот американосы на нас и напали.

— Что же за люди там? — огорчилась Алёна. — Кому это всё мешало?

— Лет двадцать назад комбинат восстановил часть этого посёлка и устроил санаторий для работников, — рассказал Егор Лексеич. — По пятьсот человек на сезон приезжало. Но дело не выгорело. Всё закрыли.

— Почему? — спросил Фудин.

— Деньги кончились. Китайцы платят гроши — комбинат-то и так ихний, а Европа отказалась от бризола и дизелей и перешла на фитронику.

— Пидоры мокрожопые, — оценил европейцев Матушкин.

— Ничего, ребята, мы ещё повоюем, — бодро заверил бригаду Типалов. — Затем и едем на Ямантау. Отобьём страну, если халявничать не будете.

Холодовский вдруг ударил по тормозам, и всех качнуло вперёд.

— Чумоход! — негромко предупредил Холодовский.

Улица поворачивала, и за поворотом дальше на дороге показался харвер. По очереди переставляя голенастые ножищи, он медленно брёл куда-то, будто в полусне. Трёхсекционное тело комбайна нелепо изгибалось; ножищи иногда замирали в воздухе, не завершая шаг, и машина ждала саму себя. Стёкла в кабине были разбиты. Длиннющая суставчатая рука с механическим кулаком чокерного захвата бессмысленно двигалась по воздуху, шарила в пустоте — то поднималась, то опускалась, то закидывалась назад. Гудел двигатель.

— Он что, сломался? — шёпотом спросила Талка. — Больной он какой-то…

— Нужно понаблюдать, — тоже шёпотом предложил Фудин. — Да, шеф?

— Говорите нормально, — сказал Егор Лексеич. — У чумоходов ушей нет, они глухие, хоть бомбу рядом взорви.

Костик воспринял эти слова как подсказку, сразу полез в корму мотолыги, выдвинул зелёный ящик и вытащил длинную трубу ручного гранатомёта.

— Стреляла с базуки? — спросил он у Маринки.

— На хер надо мне.

— Пойдём гулять вечером, научу! — пообещал Костик.

— Без меня подрочишь.

Костик заржал и с гранатомётом полез обратно.

Харвер по-прежнему топтался на дороге.

— Дядь Егор, дай грохну его? — сунулся к бригадиру Костик.

— Уймись! — с досадой бросил Егор Лексеич.

Калдей взял Костика за ремень сзади на джинсах и усадил рядом с собой на скамейку. Алёна с подозрением посмотрела на Калдея: не обидел ли сына?

— Лексеич, слева! — быстро крикнул Холодовский.

С левой стороны улицы вдруг всей плоскостью с шумом рухнул ветхий дощатый забор, за ним клубились спутанные кусты дикой малины, а из кустов полезло какое-то автоматическое чудище: два сочленённых друг за другом корпуса и манипулятор с широкой дисковой пилой. Размером этот агрегат был куда меньше, чем харвестер или форвардер, — как лошадь, если бы у неё было два туловища и шесть мощных ног.

— Рипер!.. — опознал машину Типалов. — Вот блядская

тварь!..

Рипер и действовал как машина, а не как животное. Он не примерялся, не принюхивался, а без колебаний устремился к цели — к мотолыге. Он задрал и с лязгом поставил на капот вездехода левую переднюю ногу, выгнувшись вверх, и ударил дисковой пилой в бронированный борт. Пила, вращаясь, дико завизжала зубцами по металлу, снопом посыпались искры. В десантном отсеке мотолыги люди шарахнулись в разные стороны — прочь от левого борта.

Вряд ли рипер смог бы уничтожить мотолыгу, лишь повредил бы, однако для людей он представлял смертельную опасность. Никто из бригады не успел ничего сообразить, а на капоте транспортёра уже очутился Холодовский с автоматом в руках. Высокий и стройный, в узеньких очках, он выглядел как-то презрительно и беспощадно. Растопырив локти, он поднял автомат и всадил во врага короткую, хорошо рассчитанную очередь. А затем вторую такую же.

Рипер повалился набок на землю. Добивая, Холодовский пригвоздил его третьей очередью. Пули с гулким рокотом дырявили гладкий ситаллический корпус агрегата. Агонизируя, рипер лягал в воздухе ногой.

Талка из отсека смотрела на Холодовского с восхищением — открыв рот.

Вдали на дороге всё так же топтался свихнувшийся харвер.

Матушкин, Фудин, Калдей и Костик поднялись, осторожно выглядывая через борт. Рипер лежал без движения, из него в красную пыль вытекал бризол.

— Хуй пополам и пизда вдребезги! — фальшиво хохотнул Матушкин.

Холодовский спрыгнул с капота мотолыги, подошёл к мёртвому агрегату и для пробы пнул его по ноге. А на капот, кряхтя, вылез Егор Лексеич.

— Риперы — самые подлючие твари, — сказал он бригаде. — По размеру небольшие, но шустрые, как понос. Подойдите поближе, зацените.

Егор Лексеич неловко слез на дорогу и встал рядом с Холодовским.

— На лесоповалах риперы убирают всякую мелочь перед харвестерами, — добавил он и плюнул на мёртвую машину. — Косят кусты, подрост, всё такое…

Костик, Матушкин, Талка, Фудин и Маринка тоже друг за другом выбрались из мотолыги и обступили разбитый комбайн.

— Шильдер у него отодрать надо, — заметил Костик. —

Фомка есть?

И тут в мотолыге вдруг бабахнуло, и сразу вдали на дороге грянул взрыв.

Талка взвизгнула и присела от испуга.

У харвера — хотя и свихнувшегося, но безвредного — лопнул борт среднего корпуса, блеснуло пламя, из дыры попёр чёрный дым. Харвер переступил ещё пару раз, потом ножищи его подогнулись, и он как бы по частям рухнул тремя своими корпусами, перегородив всю улицу. Сверху гигантской плетью упала ещё и длинная рука, стальной кулак чокера сжался и разжался.

— Бля-я-ядь!.. — взревел Егор Лексеич и кинулся к мотолыге: — Кто стрелял?

В отсеке транспортёра возвышался Калдей с гранатомётом Костика.

— Ну я, — буркнул он. — Хули там это уёбище торчит?

— Ты дебил, да?! — Егор Лексеич жёг Калдея взглядом. — Руки чешутся?

— А хули он там торчит? — упрямо повторил Калдей.

Для него никаких непоняток не существовало. Пушка — вот, рядом, враг — вон он, на дороге, и шмалять уже начали.

— А что не так-то, Егора?.. — робко спросила Алёна.

— Харвер дорогу перегородил, — за бригадира тотчас ответил Фудин. — А другие улицы все деревьями заросшие.

— Помолчи! — оборвал его Егор Лексеич. — Умных до усрачки развелось!..

Побагровев от злости, он смотрел на горящий комбайн.

— Саня, пойдём глянем, как нам эту херовину оттаскивать…

Сопя, Егор Лексеич пошагал к подбитой машине. Холодовский молча направился за ним. Бригада потихоньку потянулась за командирами.

На ходу Матушкин расправил плечи и выпятил брюхо, изображая Калдея, скорчил надменно-тупую рожу и низким голосом Калдея негромко пробасил:

— Я, блядь, воин, из пизды на лыжах!

Талка прыснула со смеху. Она, конечно, заметила, что Матушкин к ней подкатывает, и ей было приятно.

Дохлый харвер продолжал гореть, в нём, лопаясь, потрескивал пластик. Фудин уважительно пошлёпал ладонью по мощному коленному шарниру, из повреждённого гидравлического поршня ноги по штоку текло масло.

Костик пристроился к Маринке.

— А чё ты такая борзая-то? — спросил он. — У тебя, что ли, чувак есть?

— Да я тебя старше, салага, — устало ответила Маринка.

— И чё? У меня кореш, он вообще мутил с бабой, которой тридцатчик.

— Вишнёв, по-человечески прошу: иди на хуй.

— А ты клёвая, — не смутился Костик. — Люблю борзых.

Егор Лексеич и Холодовский обошли харвер со всех сторон.

— Если тросом вот тут зацепить, — Холодовский указал пальцем, — а трос через ту сосну пропустить как через блок, мы его сдвинем.

— Тогда надо ждать, пока он с головного корпуса догорит, — ответил Егор Лексеич. — Огнетушителя у нас нету… А в лесу, может, целое стадо чумоходов шастает… Откуда сразу два явились, причём разные?

Фудин ошивался возле командиров.

— Можно коптер запустить, шеф. Отследим территорию.

— Не лезь не в своё дело, Михаил, — спокойно осадил его Холодовский.

— Выставим пару дозорных с ракетницами по краям посёлка, — решил Егор Лексеич. — Выпну этого мудака Деева и ещё кого-нибудь из баб.

Фудин быстро прикинул: Алёну шеф не пошлёт в дозор — подруга всё-таки; племянницу тоже не пошлёт; остаются Талка и Вильма.

— Назипова, готовься в лес идти наблюдателем! — крикнул он Талке.

Талка, всполошившись, сразу кинулась к бригадиру.

— Егорушка Лексеич, миленький, не гони меня туда! — взмолилась она. — Я этих тракторов больше смерти боюсь!

— Что же ты в лес-то поехала, коза? — раздосадовался Егор Лексеич.

— Так рубляни нужны! Я девушка одинокая, никто меня не содержит!

Егор Лексеич тяжело вздохнул.

— Фудин, — сказал он, — позови Деева и Булатову.

16
Банное озеро (II)

Вручив сигнальные ракетницы, Егор Лексеич отправил Калдея на один конец посёлка, Вильму — на другой. Калдей что-то недовольно проворчал, а Вильма выслушала распоряжение бригадира молча.

— Встретятся чумоходы — пускайте ракету и возвращайтесь, — пояснил Егор Лексеич. — Если всё спокойно, то просто ждите моего звонка с отбоем.

По главной улице Вильма отошла от мотолыги подальше, затем укрылась в узком проулке и достала из кармана телефон.

— Алло, это я, — тихо сказала она непривычно мягким голосом. — Мы на Банном… Нет, ничего не случилось… И Бродяги тоже нету. Не знаю я, откуда его бригадир возьмёт… Когда ты меня заберёшь? Ладно, позвоню завтра…

Вильма спрятала телефон, осмотрелась, по проулку двинулась к озеру, которое ярко сверкало сквозь сосны, и на поперечной улице, заросшей лесным папоротником, повернула обратно — в ту сторону, где осталась мотолыга.

Калдей тоже не собирался никого караулить: он Типалову не собака сторожевая. Он напрямик проломился через пару дворов с берёзами и ёлками, через кусты, и наткнулся на вполне пригодный дом: бревенчатый, большой, с просторной дощатой верандой. Пошарив по комнатам, он отыскал крепкое кресло, выволок его на веранду и уселся, намереваясь переждать часок-другой. Для такого дела у него имелась с собой плоская фляжка-поллитровка.

Калдей отвинтил колпачок, глотнул водки и занюхал рукавом. Хорошо… Солнце греет сквозь листву, ветерком обдувает с озера. Калдей потянулся, кресло под его грузной тушей заскрипело. Ему ничего не надо. За чумоходами бригадир пускай сам бегает. Он, Калдей, сыт, бабу ему не хочется — утром эта сучка обслужила, и вкалывать он ни хрена не намерен, можно покемарить… Калдей глотнул ещё раз, прикрыл глаза и расслабился.

А через полчаса около веранды бесшумно появилась Вильма.

Она помедлила, проверяя, спит ли Калдей, и осторожно поднялась по деревянным ступенькам на веранду. Она была маленькая, лёгкая, и доски под её ногами даже не прогибались. В руке она держала ракетницу.

Она приблизилась к спящему Калдею и внимательно

всмотрелась в его лицо. Потом нацелила ракетницу ему в лоб, передумала и нацелила в глаз. То, что она сделала утром, ей было безразлично. Муж и не такое заставлял её делать, и ещё бил. Но побои — беда привычная. А этот боров может рассказать бригадиру о её звонках Алабаю. Конечно, Типалов её не застрелит. Выгонит, наверно… А ей нельзя уходить из бригады, иначе Алабай не получит того, что хотел получить, и не сможет забрать её, Вильму, с собой из Магнитки… И у них с Алабаем не будет счастья… Нет, Калдея надо прикончить. Он, скотина, и без Алабая заслужил яму в земле: такой же зверь, как муж. Однако Типалов будет искать Калдея. И найдёт — с ракетой в башке. И поймёт, кто стрелял… Неважно, как бригадир её накажет. В любом случае она не сумеет выполнить то, что обещала, и Алабай тоже не выполнит своего обещания…

Вильма опустила ракетницу и так же бесшумно пошла прочь.

Через дворы и проломы в заборах она выбралась на берег Банного озера. Сияло огромное небо; над озером, отражаясь в зеркальной глади, растянулась гряда невесомых кучевых облаков. Они почти сливались с синевой неба, под солнцем их вздутия слепили белым блеском, словно пустотелые скорлупы. Дальний берег вздымался лесистой горой, по её мохнатому и неровному склону, шевелясь, невесомо текла прозрачная тень от облака. Возле ног Вильмы сквозь воду краснели и желтели чистые, весёлые камешки.

В июльскую безмятежность Вильма Булатова не верила, как не верила ни во что на свете — кроме слов Алабая, конечно. Судя по карте, слева от Банного озера лежало ещё одно озеро, отделённое узким перешейком. Если по лесам вокруг озёр бродят чумоходы, отыскивающие застойные заводи с бризолом, то на перешейке встретить их будет более вероятно. Вильма направилась по берегу в сторону перешейка.

Чумоход она увидела уже за ближайшим мысом.

Рипер просто стоял в кустах, как лошадь, потерявшая всадника.

Риперы — чистильщики будущих лесоповалов — были примитивными комбайнами, без коптеров и с одним радаром. Человека они опознавали только в сумме параметров: температура, форма тела и движение. Вильма встала на виду у рипера и, привлекая его внимание, принялась махать руками.

Рипер переступил с ноги на ногу, будто встряхнулся после дрёмы. Его радар засёк подвижный объект. Тёплый. Контур соответствует заложенным в программу очертаниям. Враг. И рипер пошагал к Вильме. Вильма слышала, как в машине гудит мотор и пощёлкивают механические передачи.

Вильма побежала к дому, где обосновался Калдей. Сзади звучал мерный и уверенный топот преследователя. Вильма знала, что риперы легко обгоняют человека, но в критический момент она могла укрыться где-нибудь, чтобы радар комбайна потерял её. Она всё равно боялась, однако ненависть к Калдею жгла её сильнее, чем страх. Она огибала одичавшие кусты черёмухи и легко проскальзывала в дыры заборов, а рипер пёр напролом.

Вот он — теремок Калдея… Калдей по-прежнему спал в кресле… Вильма взлетела на веранду и оглянулась. Быстро и слаженно переставляя ноги, рипер мчался к ней через двор, задрав манипулятор с циркулярной пилой. Вильма нырнула в дверной проём, оставив машине другую жертву — Калдея.

Развоpотив ограду, рипер очутился на веранде — и обветшалый помост не выдержал его тяжести. Доски под передними ногами комбайна, затрещав, проломились, и рипер провалился, будто в полынью, грохнув грудью о настил. Удар сотряс всю веранду. Калдей мгновенно проснулся — и его будто снесло с места. Бросив и фляжку, и ракетницу, Калдей, здоровенный и разжиревший, метнулся прочь от машины с проворством юноши. Он перемахнул ограду как акробат, а по его креслу рубанула дисковая пила и рассекла пополам.

Застрявший в дыре шестиногий комбайн бешено гудел, дёргался, пытаясь освободиться, и колотил могучими конечностями. Он закрыл собою выход для Вильмы, и Вильма через какую-то комнату кинулась к окну — грязному, в засохших потёках. Схватив по пути валявшийся стул, она разбила стекло. За окном располагался ещё один двор, на котором сейчас росли толстые, корявые берёзы. А под берёзами был ещё один рипер. Звона и дребезга он слышать не мог, но движение уловил — и сразу развернулся к дому. Вильма попятилась.

Рипер разрезал оконную раму пилой, хотя рама его бы не остановила, — так на лесосеках он крушил бурелом, чтобы потом без помех прошли большие комбайны. Габариты окна вполне позволяли машине протиснуться; рипер всунул в проём передние ноги и, корячась, полез в окно, в дом. Вильму на мгновение заворожило это жуткое зрелище: огромная механическая тварь ломилась в комнату, яростно работая ногами, стуча и завывая пилой, которая бессмысленно впивалась в доски пола, будто рипер кусал преграду. У ближней стены стоял платяной шкаф, и дверцы его распахнулись от тряски; закачалась старомодная люстра; вбок толчками поехала кровать с гнилым матрасом. Рипер уже вытащил средние ноги, пропихнув в комнату передний корпус, и дико ворочался, высвобождаясь из оконного проёма.

Вильма выскочила в другую комнату — видимо, гостиную. Здесь высилась голландская печь, облицованная белым кафелем; вдоль стен выстроились заплесневелые диваны. Вильма устремилась к окну — однако сейчас разбить его было нечем. Вильма отчаянно дёргала раму за ручку.

В дверь гостиной влетела пила, а затем, выворотив косяк, попёрло рыло чудовища с маленькими муравьиными глазиками сенсоров. Одну за другой рипер выкинул вперёд две ноги: Вильма увидела, как на гладких половицах раздвинулись сегменты стоп с крючками-фиксаторами. Уже не раздумывая, Вильма выхватила из-за пояса ракетницу и пальнула в чудовище. Сигнальная ракета разбилась о морду рипера с яркой вспышкой и запрыгала по гостиной пылающим шаром, из которого сыпались искры. Наверное, взрыв ракеты на мгновение что-то спутал в сенсорах машины: рипер вонзил пилу в один из диванов, а не в человека — взвились опилки и клочья синтетической набивки. А Вильма последним рывком открыла окно и сиганула наружу, в крапиву.

Заросший задний двор. Толстые берёзы. Ржавый бак для дождевой воды. Покосившийся сарайчик с поленницей. Брошенный семейный микроавтобус, тоже весь ржавый. Ограда из рваной сетки-рабицы… За спиной у Вильмы затрещало — это из дома опять лез упрямый рипер с оконной рамой на морде.

Вильма побежала к ограде, продралась сквозь колючую дыру, нырнула в кусты и вынырнула на поляну — на спортивную площадку загородного клуба. А по площадке, урча движком и пощёлкивая, вышагивал ещё один рипер.

…Ей никогда не везло! Жизнь никогда её не щадила, не помогала ей, не давала даже передышки!.. У Вильмы брызнули слёзы. Никто её никогда не жалел! Но она всегда боролась — затравленно и отчаянно, всегда колотилась о невозможность или терпела — и всегда выживала. Всегда!

Рипер повернул к ней.

На краю площадки торчало растопыренное сооружение из стальных труб — уличный турник: стойки-опоры, перекладины на разном уровне, брусья, лесенки наверх, лесенки сверху, шведские стенки. Вильма метнулась к этому турнику и вскарабкалась на его хребет. Она уже обессилела от беготни.

Рипер приблизился спокойно и даже деловито, будто никуда не спешил. Его примитивным мозгам всё было понятно: враг вне досягаемости, но стойки сооружения — это ведь тонкие деревья, и надо их спилить, чтобы достать врага. Вращающийся диск циркулярной пилы соприкоснулся со стальной трубой, и раздался отвратительный визг, брызнули искры. Рипер трудился, срубая зубцы у своего инструмента, но не понимал того, что делает,

и не слышал визга.

Вильма сидела наверху и наблюдала за действиями комбайна. Срезать трубу обычной пилой рипер никак бы не смог. Вильма осознала, что наконец-то оказалась в безопасности, и злобно плюнула на машину. А рипер тупо топтался внизу, урча мотором и фыркая густым бризоловым выхлопом.

Вильма огляделась. Спортивный корт — точнее, поляна с дремучей травой. Плоское и длинное здание спортклуба с грязными окнами и замшелой крышей. Вокруг берёзы, рябины, сосны, ёлки — в общем, лес. Синее небо, солнце, белое облако. И никого. Никто не придёт ей на выручку. Но это Вильму не угнетало — она привыкла. Она подождёт. Рано или поздно дурацкий робот отвяжется и свалит куда-нибудь, а она позвонит бригадиру и упросит забрать её отсюда, потому что она должна быть рядом с Типаловым, ведь Типалов нужен Алабаю, а для Алабая она сделает всё что угодно. У неё нет ничего, кроме Алабая.

Издалека донёсся звук взрыва. Вильма снова насторожилась. Что такое? Бригада Типалова из гранатомётов стреляет по риперам, которых, наверное, привёл за собой убежавший Калдей?..

Рипер под турником внезапно затих. Похоже, у стаи, которая напала на Вильму и Калдея, была связь, и тварь, что пыталась достать Вильму, получила сигнал, что есть добыча полегче. Рипер поднял манипулятор с изуродованной пилой, выпятился из-под турника, развернулся, топчась, и целеустремленно двинулся в лес по направлению к главной улице.

17
Банное озеро (III)

Ветра сдували почву с плоских каменистых вершин, и потому на гребне гряды, вцепившись корнями в расщелины, росли только ползучие берёзки и скрюченные карликовые сосенки. «Лю Чонг» катился медленно, вперевалку, и деревца хрустели под его рубчатыми колёсами. Митя еле дышал, глядя на просторы, что распахивались с этой высоты. Кривоплечие горы, покрытые звериной шерстью лесов, растопырили костлявые локти отрогов; в плоских озёрах, отражаясь, сияло ослепительное небо; ползли облачные тени, ныряя в мягкие складки хребтов; дальняя равнина зыбко истаивала в жарком мареве…

— В рот кислород! — восхищённо сказал Серёга.

Впереди на краю обрыва виднелось причудливое здание с панорамным окном, выгнутым дугой, а рядом с ним торчали бетонные столбы и мачта.

— Это что? — спросил Митя.

— Когда внизу санаторий работал, здесь канатная дорога была. Комбинат всё содержал. Это — станция. Вон на мачте решётка с радиации, а на подвале там — дизель-генератор. Давно бы всё спиздили, только без крана не вывезешь.

Самосвал не спеша подкатился к зданию и затормозил.

— Бригада сюда приедет? — поинтересовался Митя.

— Да хер её знает, — беспечно ответил Серёга. — Так-то бригады обычно здесь ночуют, но Типалу сейчас ещё рано разбивать лагерь… Может, он вдоль озера через посёлок поедет, там трасса с Белорецка.

— Зачем же мы сюда заявились?

Серёга возмущённо фыркнул:

— Внизу лес толстый, на бандуре нашей не пробиться. А отсюда мы всё увидим. Если они внизу поедут, мы сразу спустимся, говна-пирога.

— Смотри, там дым какой-то, — заметил Митя.

Под склоном горы до берега озера курчавился лес, в нём просматривались крыши домов. Трасса, о которой говорил Серёга, выглядела как длинная и прямая прогалина. С неё и поднималось тёмное пёрышко дыма.

Серёга по лесенке ловко соскочил с кабины самосвала на землю — на бетонированную площадку, и пошагал к обрыву. Митя последовал за братом. Серёга вытащил телефон, навёл камеру и пальцами увеличил изображение на экране. Поперёк

дороги — улицы посёлка — бесформенной грудой, раскидав ноги, лежал и горел комбайн. Поодаль стояла мотолыга Типалова. А к ней, поблёскивая на солнце, приближались два рипера. Кто-то в мотолыге стрелял из автомата, а кто-то уже бежал от транспортёра прочь. Серёге показалось, что он узнал Маринку: гибкая фигурка, бейсболка и чёрный хвост.

— Ё-ёлки!.. — в ужасе охнул Серёга.

Бригада Егора Лексеича и вправду попала в беду.

Холодовский уже готовился зацепить тросом догорающий харвер, как из кустов на дорогу вывалился растрёпанный, исхлёстанный ветвями Калдей.

— Напали там!.. — заорал он.

Егор Лексеич не успел ничего сообразить.

Кусты за спиной Калдея словно рассыпались под взмахом дисковой пилы, и за Калдеем на дорогу полез рипер.

— Всем в машину! — крикнул Егор Лексеич.

Костик и Маринка прыгнули на броню быстро, как кузнечики; за ними, повизгивая, полезла Талка, и Матушкин, ухмыляясь, подпихивал её в круглый зад. Сам Егор Лексеич отступил ближе к Холодовскому, который перекинул с плеча автомат. Фудин не знал, куда податься, и прижимался к начальству. Калдей плюхнулся брюхом на капот транспортёра и, дёргаясь, пополз наверх.

Холодовский ударил по риперу очередью. Механическая зверюга упала как подкошенная, а затем, точно в агонии, неестественно выкрутила задний корпус, махнув парой согнутых ног, и волшебным образом опять поднялась как ни в чём не бывало — будто умерла и мгновенно воскресла. Холодовский хотел выстрелить снова, но его автомат сухо щёлкнул: рожок опустел.

Из других кустов внезапно полез второй рипер, он водил перед мордой манипулятором с пилой и волочил на себе угловатый кусок оконной рамы. Над бронированным бортом мотолыги вырос Матушкин — растерянный, но с автоматом в руках. Он завертелся, не зная, куда стрелять, и принялся палить куда попало; автомат у него плясал; торопливые очереди вспарывали кусты и барабанили по заборам. Понятно было, что толку от Матушкина нет. А на дороге появился ещё и третий рипер, и он тоже устремился к мотолыге.

В мотолыге имелось достаточно оружия, чтобы отбиться, вот только отбиваться там никто не умел, а Холодовского и Егора Лексеича риперы от машины отрезали. И Егор Лексеич закричал бригаде:

— Живо все обратно! Уходим!

Повторять ему не пришлось: бригада посыпалась из мотолыги на дорогу.

Фудин суетился возле Типалова, желая пригодиться — но без риска.

— Там коттедж кирпичный! Я поведу их! — предложил он.

— Веди, — отмахнулся Егор Лексеич.

— За мной! Все за мной! — по-командирски завопил Фудин и помчался к ближайшим воротам в заборе.

Оглядываясь на Егора Лексеича, бригада всё же побежала за Фудиным — Калдей, Талка, Алёна, подгоняющая Костика, Матушкин и Маринка.

— Молодец, Алёна! — подбодрил Егор Лексеич. — Муха, не отставай!

Два рипера с лязгом и клацаньем уже взбирались по борту мотолыги.

Холодовский менял рожок на автомате.

— Давай за всеми, Лексеич, — сказал он. — Я прикрою.

Коттедж, который присмотрел Фудин, был большим и двухэтажным, с черепичной крышей. Стены его понизу оплела жимолость, цепляющаяся за фигурные карнизы. Во дворе высились сосны, в зарослях акации ржавел легковой автомобиль, из малинника высовывалась резная деревянная беседка.

Егор Лексеич добрался до коттеджа предпоследним, а последним был Холодовский. Он задержался в воротах, чтобы оценить обстановку на улице. Риперы не намеревались прекращать атаку — они не потеряли людей из виду. Тварь с оконной рамой на загривке не успела к мотолыге и сразу двинулась к воротам коттеджа. Две другие твари, с лязгом топчась в отсеке транспортёра, примерялись, как им выкарабкаться наружу, и пытались изнутри пропилить броневые борта: из мотолыги доносился скрежет пил. Холодовский решил пока не стрелять — надо беречь патроны, другого рожка у него не было.

Бригада ждала бригадира в гостиной. Егор Лексеич оглядел своих людей.

— Деев, где Булатова? — сипло спросил он.

— А я хули знаю? — удивился Калдей. — Ты же её в дозор назначил, не я.

Егор Лексеич не стал спрашивать, почему тупой Калдей не предупредил о чумоходах ракетой, ведь для этого его и посылали в дозор. Калдей всё равно внаглую попрёт залупой. Хер с ним. Свою ответственность Егор Лексеич признавал только за Муху: он пообещал сестре вернуть девку живой и здоровой. И ещё ему был нужен Холодовский, мужик надёжный, опытный

и верный. Да и Алёна тоже хорошая баба. А на остальных Егору Лексеичу, в общем-то, было плевать. Пускай долбятся как хотят. Кто ему эти люди? Никто. Лишь бы в пути их уцелело достаточно, чтобы потом сделать нужную работу.

В гостиную вошёл Холодовский.

— Чумоходы сейчас сюда вломятся, — спокойно сообщил он. — Или бежим дальше, или на втором этаже укроемся.

— Куда скакать-то?! Не зайцы! — буркнул Егор Лексеич. — Давай наверх.

Наверх вела деревянная лестница. Холодовский опять шёл последним. Когда все поднялись, он положил на одну из ступенек плоскую карманную гранату, выдернул чеку, без спешки убрался на второй этаж и захлопнул дверь. Да дверью громыхнуло, в щели выбило пыль — лестница рухнула.

— А что дальше, дядь Гор? — спросила Маринка.

Егор Лексеич устало опустился в грязное кресло. Блядь, как же он так глупо прокололся-то?.. Как подставился, что злобный лес всё же изловчился нанести ему зубодробительный удар?.. В лесу нельзя расслабляться. Лес — он ждёт, он следит, он ловит. У него тысячи рук с ножами.

— Будем ждать, Муха. Риперы повертятся и смотаются куда-нибудь.

Маринке это не понравилось. Ей вообще не нравилось то, что случилось в посёлке. Дурь какая-то. Идиот Калдей подстрелил чумоход и запер дорогу, а в бригаде все лохи, кроме дяди Саши Холодовского, — отбиться не смогли и мотолыгу просрали… Маринка ощущала себя в стаде. Все бегают туда-сюда, как ошпаренные, тычутся куда попало, всё тяп-ляп. И дядь Гора, оказывается, ещё тот бригадир: он только понтуется, что всё держит под контролем…

На нижнем этаже топали и бренчали мебелью чумоходы — искали людей. Бригада разбрелась по комнатам: Калдей повалился на кровать; дядя Саша притащил стул и сел с автоматом у двери на лестницу; Фудин околачивался возле бригадира; Матушкин нашёптывал испуганной и бледной Талке что-то успокаивающее; тётя Лёна тихо допытывалась у Костика:

— Большой гвоздь-то был? Ржавый? Ступать на ногу можешь?..

У Маринки в кармане зазвонил телефон. Он звонил, наверное, десятый раз — Маринка не брала, некогда. А сейчас вытащила из кармана. Серёжка Башенин… Не до него в такой момент! Маринка сбросила звонок и увидела, что телефон переполнен сообщениями. Сорок семь штук! Что за фигня? Маринка открыла список. Все сообщения были опять же

от Башенина. И все — одинаковые. Из одной фразы: «Бегити на конатную дорогу». Маринка никак не могла сообразить, что это значит…

Полыхнув на солнце, оглушительно лопнуло окно, и в комнату влетела огромная стальная лапища с растопыренным чокерным захватом. В чокере виднелись зубчатые колёса и диски, с помощью которых этот механизм перемещался по стволу дерева и обрезал ветви. Егор Лексеич шарахнулся в сторону, а лапища цапнула его пустое кресло — полетели щепки и клочки ткани.

Сквозь другое окно Маринка увидела тот харвестер, что атаковал их дом. Здоровенный, он еле протиснулся меж сосен. Широко расставив паучьи ноги, он круто задрал головогрудь — передний корпус и запустил внутрь коттеджа длинную суставчатую лапу с чокером. Шарил в поиске врагов.

Чокер уехал обратно в разбитое окно — его движение было неестественно плавным и точным. Маринку обдало свежестью смолистого воздуха, такой яркой в затхлости запертого этажа. И тут Егор Лексеич вдруг грубо толкнул племянницу в коридор, а сам кинулся вслед за ней. Сзади скользнул и Фудин. Второе окно тоже лопнуло под ударом, и в комнату снова влетел чокер.

— Шмонает, с-сука! — прошипел Егор Лексеич.

— Откуда он появился? — тонким голосом спросил Фудин.

Егор Лексеич не ответил.

— Уходи с окон! — закричал он в глубину этажа.

Харвер — это было очень серьёзно. Куда опаснее простеньких риперов. Харвер взял коттедж в осаду. Два маленьких коптера, жужжа пропеллерами, летали вокруг здания, просвечивая его невидимыми лучами радаров, и харвер знал, где укрываются люди. Знал — и действовал методично. Он совал свою ручищу в окна, огромные клешни чокера хватали и крушили ветхую мебель. Помещения второго этажа заполнились пылью; люди шарахались в этой мгле, перебегая из комнаты в комнату. Впрочем, поймать их было не так уж и легко. И тогда харвер ударил кулаком в один из простенков между окон.

Простенок выломился и повалился внутрь кривой глыбой из кирпича. Часть фасада с шумом потрескалась и медленно осела; захрустели, поддаваясь, балки перекрытий; кровля стронулась и поехала вниз; дождём посыпались с карниза черепицы. Харвер неумолимо разрушал второй этаж коттеджа, загоняя людей в какой-нибудь угол, где их можно будет раздавить.

Егор Лексеич понял нехитрый замысел машины — да его все поняли, не только бригадир. Бригада столпилась на кухне. Лица у всех были в грязи, это пыль пропиталась потом; волосы

и одежда — в крошеве штукатурки.

— Надо убираться отсюда, Лексеич, — без нервов сказал Холодовский.

Алёна прижимала к себе дёргающегося Костика, в её толстой и короткой русой косе блестело стекло. Калдей густо сопел и отхаркивался. Талка молча давилась ужасом. Матушкин нелепо и виновато улыбался, не зная, что делать. Фудин был готов в любой момент куда-нибудь метнуться.

— Съёбываться надо! — гневно и обиженно крикнул Костик.

Где-то за стеной ворочался и грохотал чокер, разбивая кирпичную кладку.

А Маринке не было страшно. Даже наоборот — она торжествовала. Да, поначалу её ошеломило, нахлобучило паникой, но потом в сознании всё как-то прояснилось, и она почувствовала, что уже не боится, что она сильнее, она владеет собой. Этот харвер с его кулачищем — он всё равно тупой, как пьяный мужик, от его ударов можно увернуться, и у неё есть куда бежать.

— Дядь Гора! — Маринка требовательно потрясла Егора Лексеича за плечо. — Дядь Гора! Смотри сюда!..

И она поднесла к лицу Егора Лексеича свой телефон. На экране светилось сообщение: «Бегити на конатную дорогу».

18
Канатная дорога (I)

Когда-то давно здесь была горнолыжная трасса: линия бетонных столбов тянулась от вершины горы до подножия. Каждый столб держал перекладину, по которой перемещался тяговый трос канатной дороги. Лишь канатная дорога могла спасти бригаду, потому что в посёлке или в лесу чумоходы всё равно достали бы людей. Серёга понял это сразу — едва только увидел на экранчике телефона харвестер, шагающий по улице посёлка к брошенной мотолыге.

На звонки Маринка не отвечала. Серёга сунул свой телефон Мите в руки и велел посылать сообщение за сообщением, а сам кинулся в подвал станции к мотору, который приводил канатную дорогу в движение.

— А ты умеешь? — спросил Митя, он стоял в двери подвала.

— А чё тут не уметь? — прорычал Серёга из глубины. — Я же на скиповом подъёмнике работаю, одинаковое устройство!..

Бак с бризолом был пуст. Ясно, блядь: проезжие бригады скачали топливо себе!.. Но Серёга сообразил, что сделать. От контроллеров дизель-генератора один кабель шёл к мотору канатной дороги, другой — к трансформатору под мачтой с решёткой; Серёга вырвал этот кабель из трансформатора и перекинул на дизель-генератор своего грузовика. Теперь электромотор канатной дороги будет крутиться от «Лю Чонга». Серёга повернул рубильник. Мотор завыл.

С края обрыва Серёга и Митя смотрели на укатывающийся вниз горный склон со скальными выходами и мелкими ёлочками. Над склоном на тросах, чуть покачиваясь, неспешно плыли кабинки канатной дороги — облупленные, с разбитыми стёклами. Видна была тёмная дырявая крыша нижней станции. Серёга с мучительным напряжением вглядывался в кроны деревьев, пытаясь уловить какое-нибудь мельтешение: что там с бригадой, с Маринкой?..

— Говорю тебе, я видел, как они из того дома выскочили, — успокаивающе сказал Митя. — Из окон выпрыгивали, пока харвер с другой стороны ходил… Всё нормально будет с твоей Мариной.

— Да чё ты понимаешь!.. — нервно дёргаясь, отозвался Серёга.

А бригада Егора Лексеича тем временем действительно прорывалась к станции канатной дороги. До станции было полкилометра через посёлок.

Рассыпавшись, они бежали кто как мог по дачным дворам, заросшим лесным орляком, продирались сквозь кусты, в которых ржавели автомобили, перелезали через упавшие стволы деревьев и обрушенные заборы. Затянутые зеленью мёртвые дома. Пластиковые детские качельки, вросшие в берёзу и поднятые над землёй. Опрокинутый стол в перекошенной беседке. Скелет парника. Гараж с шиповником внутри. Засыпанное мусором кафельное корыто бассейна. Развалины былого благополучия, теперь потерявшего всякий смысл.

Последним бежал Егор Лексеич — не из-за какой-то там ответственности, а потому что был старше прочих и нагулял вес. Он побагровел, натужно дышал и матерился. Злоба и тяжесть бега вытеснили его страх. Да и не было страха-то особого. Только дурак думает, что есть разница между первым и последним беглецом — типа как последний рискует больше. Херня. Они все — одинаково в лесу, в его полной власти. Лес унюхал их всех. И он не сзади, а вокруг.

Поджарый и сильный Холодовский просто шагал рядом с бригадиром — энергично, широко и точно. Он то и дело оглядывался, готовый стрелять по харверу из автомата. Алёна, нелепо грудастая и толстозадая в своём синем спортивном костюме, тоже держалась возле бригадира. Поначалу Маринка и Костик не обгоняли старших, но Алёна сказала Егору Лексеичу:

— Егора, отпусти молодёжь…

Егор Лексеич махнул рукой. Маринка и Костик тотчас помчались вперёд. О матери Костик не думал — как-нибудь сама справится, всегда справлялась. А Маринка не сомневалась в опытности дяди Горы и Холодовского.

Калдей, пыхтя, продирался собственным путём — неожиданно быстро для его грузного тела. И Фудин увязался за Калдеем. Он как-то сразу сообразил, что тупой Калдей совсем не тупой, когда требуется спасать шкуру.

Матушкин бежал вместе с Талкой: подсаживал её, если надо было что-то перелезать, убирал ветки с её дороги, раздвигал перед ней доски заборов.

— Ох, какую фигурку наведёте стройную, Наталья Батьковна! — заботливо приговаривал он. — Обвенчать и ебать умчать!..

— Заткнись, Витюра! — бессильно отвечала Талка. — Я же сдохну!..

Все они помнили, что харвестер идёт за ними по следу. Время от времени над людьми, жужжа, пролетали коптеры — харвестер знал, где находятся его жертвы, и не терял их, просто выбирал удобную дорогу. Огромный и длинный, он двигался зигзагами.

Его мощные растопыренные ноги безжалостно топтали кусты и сшибали заборы. Ручищу с чокером, чтобы не мешала, он сложил по суставам и прижал к спине. Перед собой он выставил манипулятор с пилой; иной раз у него не получалось обогнуть какую-нибудь сосну, и он легко срезал её у корня, будто ствол был мягким, как масло; сосна обморочно валилась, зашумев кроной в вышине, а харвер уже уходил дальше. Он всё равно догнал бы людей. На больших расстояниях он всегда побеждал. Но до канатной дороги было не так уж и далеко.

Нижняя станция оказалась приземистым сооружением с замусоренным перроном под крышей. Первыми на перрон выбежали Костик и Маринка. К потрескавшемуся бетонному краю уже на штанге подплывала кабина с давно выломанными автоматическими дверями. Костик сразу юркнул внутрь.

— Залазий! — крикнул он Маринке.

Маринка, тяжело дыша, остановилась. Кабина уплывала дальше.

— Я дядь Гору подожду… — ответила Маринка.

Костик хотел что-то возразить, но передумал. Он хлопнулся задом на сиденье и просто смотрел на Маринку. Кабина выехала из-под крыши.

Потом на перрон вывалились Калдей и Фудин, за ними — раскрасневшаяся Талка и Матушкин. К перрону плавно подъезжала следующая кабина. Калдей ломанулся первым, кабина даже закачалась, шаркая мятым бортом по краю платформы. За Калдеем проскользнул Фудин и хлопотливо протянул руку Талке, будто бы та не могла забраться сама. Последним запрыгнул Матушкин.

— Давай к нам! — позвал он Маринку.

Кабина была четырёхместной.

— Куда пятой-то? — отдуваясь, просипел Калдей.

— Да она лёгкая!..

Маринка помотала головой. Кабина опять уехала без неё.

Маринка ждала, вглядываясь в зелень леса. Проползли ещё две кабины.

Наконец за деревьями появились Алёна с Егором Лексеичем и Холодовский. Алёна почти тащила бригадира на себе — подставляла плечо.

— Блядь, старый я… — на перроне прохрипел Егор Лексеич.

Холодовский деловито запихнул их всех в кабину и запрыгнул сам.

Кабина выползла из-под крыши, и полыхнуло солнце.

— Костик-то уже там? — спросила тётя Лёна, кивая на вершину.

— Все там, — подтвердила Маринка.

Казалось, что вершина горы ещё бесконечно далеко. Ободранная кабина, поскрипывая на ржавой штанге, всё никак не могла взлететь — ехала и ехала над травой, над кустами, над мелкими ёлочками.

— Вырвались? — хрипло дыша, спросил Егор Лексеич.

— Рано утверждать, — сухо сообщил Холодовский, сунулся к разбитому окну и выставил в пролом ствол автомата. — Харвер идёт за нами.

Мимо кабинки, жужжа, пронеслись два коптера.

Харвер вынырнул из леса и даже не отвлёкся на здание станции — сразу повернул к трассе канатной дороги. Он будто бы и не спешил, уверенный, что люди никуда не денутся, шагал широко и свободно — и нагонял кабину. С его спины поднялась и распрямилась ручища с чокером, зубчатые челюсти захвата раскрылись. Расстояние между кабиной и чокером неумолимо сокращалось. Мелькали столбы опор. Маринка стискивала подлокотник кресла. Неужели в механике канатной дороги что-то сломалось и кабина не взлетит уже никогда?

— Что ж так медленно тащимся? — в отчаянии прошептала Алёна.

Холодовский дал короткую очередь, потом другую. Бесполезно.

И вдруг кабина начала подниматься. И сразу раздвинулось пространство: лес будто бы просел, здание станции вдалеке наклонилось, показав заросшую мхом кровлю, и распахнулась блестящая плоскость озера.

Но харвер не отцепился. Огромная механическая зверюга продолжала погоню, проворно перебирая голенастыми ногами. Длинная лапа тянулась к дырявому яйцу кабины, подвешенному на штанге к тросу. Люди в кабине молча смотрели, как широкие челюсти чокера хищно клацают совсем рядом, хотя и впустую. Если бы харвер был поумнее, то лапой оборвал бы трос, чтобы кабина упала, однако на эту идею микропроцессоров комбайна не хватало. Зато ни уклон горы, ни угловатые скальные выступы лесной машине ничуть не мешали: харвестер был спроектирован для передвижения по косогорам и буреломам. И он уверенно топтал ёлочки, легко перешагивал каменные глыбы и ловко влезал на крутые откосы. Над канатной дорогой, как вороны, кружили два его коптера.

Там, впереди, склон становился совсем крутым. Это означало, что харвер вскарабкается на него и всё же лапой достанет кабину. Алёна и Егор Лексеич не глядели в окна — они измученно ждали, когда доедут до конца, а Маринка и Холодовский видели, как

харвер, опередив их, упрямо лезет на обрыв, чтобы приблизиться к добыче. Холодовский обречённо бил из автомата по комбайну, но тот казался неуязвимым. Маринка сжалась, готовая выпрыгнуть наружу.

А с вершины горы, с края площадки у верхней станции, за действиями харвера наблюдали Митя, Матушкин, Костик, Фудин, Калдей и Талка. Серёга бегал над обрывом, сдавленно матерясь и стискивая кулаки. Он думал о Маринке, до которой пытался дотянуться этот ёбаный чумоход. Что сделать? Как отогнать его? Как его, на хер, замочить?!..

— Прибавь скорости-то!.. — капризно крикнул Костик, будто Серёга был виноват перед ним. — Там же мать у меня!

Фудин не переживал за тех, кто болтался в кабинке над харвером, потому и соображал более здраво. Он осторожно взял Серёгу за локоть.

— Слушай, парень, — тихо сказал он. — Харвер уже засёк нас… — Фудин кивнул на коптеры, жужжащие в небе напротив станции. — Нас тут больше, мы — новая цель… Давай смотаемся отсюда на твоём грузовике.

Серёга перевёл взгляд с харвера на Фудина, а с Фудина — на самосвал. В глазах у Серёги тёмной вспышкой отразилась какая-то сумасшедшая мысль.

— Ё-ё!.. — внезапно испугался Матушкин, смотревший с обрыва. — Чё там творится-то? Харвер к нам попёр!..

И это уже не вызывало сомнений. Харвер без труда выберется на вершину и устроит новую охоту — теперь за теми, кто сумел уйти от него внизу.

Серёга сорвался с места и кинулся к самосвалу.

Харвер, что карабкался по скальным лбам, взял немного в сторону от канатной дороги. Со своими угловатыми ногами, с летающей когтистой лапой, с изгибающимся сегментированным телом, эта механическая тварь казалась каким-то чудовищем индустриального ада. Кабинка уже приближалась к платформе верхней станции — но и харвер был совсем рядом. Калдей, Костик, Талка и Матушкин побежали прочь от обрыва, лишь Фудин ещё вертелся, ожидая бригадира, — при начальстве всё равно было больше надежды.

Грузовик, что стоял возле здания станции, взревел дизелем. Едва кабинка с Типаловым и его спутниками поравнялась с платформой станции, грузовик стронулся и двинулся вперёд. Кабель, что соединял генератор грузовика с электромотором канатной дороги, натянулся и отскочил. А грузовик, хрустя колёсами по мусору, неотвратимо-самоубийственно поехал прямо к обрыву. В последний момент с лесенки «Лю Чонга» птицей

спорхнул Серёга.

Грузовик завис квадратной мордой над пустотой — и подался передними колёсами вниз. Он с треском раскрошил рамой бетонный край площадки, но задние колёса продолжали толкать его, и он канул с обрыва, на миг высоко воздев стальной гребень кузова. Раздался гул — будто обрушился утёс.

Каким-то чудом грузовик удержался на колёсах и покатился по склону, подпрыгивая на скальных выступах с лёгкостью, невероятной для такой большой машины. Но разогнаться он не успел — прямо перед ним оказался харвестер. «Лю Чонг» врезался в него всей своей тяжестью, смял его, скомкал, сплющил, только дрыгнулись в воздухе суставчатые ноги и взлетели обломки. Грянул взрыв — сдетонировал бризол в баке харвера. Во вспышке, блеснув, провернулся подброшенный ситаллический кожух от корпуса комбайна; гигантский кузов самосвала, грузно отделившись, встал на ребро и упал. В чёрной туче дыма крутилось объятое пламенем колесо. Груда искорёженных и горящих конструкций, распадаясь, поползла по склону, поджигая траву.

Егор Лексеич, Холодовский и Маринка выбежали на площадку, чтобы своими глазами увидеть гибель чумохода. Да, всё так: адская зверюга пылала внизу, перепутавшись каркасом и конечностями с искалеченным остовом грузовика. В дыму косо носились туда-сюда осиротевшие коптеры. Маринка смотрела на пожарище с жадным восторгом. Она, конечно, понимала, что всё это Серёжка Башенин устроил только для неё.

Серёжка стоял рядом. Маринка шагнула к нему, по-хозяйски притянула к себе, наклонила и поцеловала в губы. А он засмеялся и сказал:

— Я не Сергей.

19
Канатная дорога (II)

Солнце коснулось горизонта, и сиреневая тень хребта затопила долину, однако озеро, отражая закатное небо, ещё пламенело в сумерках, словно дыра в какие-то вулканические недра земли. Желтизной светилась верхушка горы на восточном берегу. Распадки мягко размыло туманом. А на верхней станции канатной дороги бригада готовилась к ночлегу.

В подвале с мотором нашлись жестяные вёдра, и Типалов сгонял Костика и Матушкина за бризолом вниз под склон к обломкам машин: бак у самосвала уцелел, хотя и лопнул, и можно было начерпать топлива. По собственной инициативе Костик железякой отодрал от обломков оба шильдера — Костика почему-то очень заботил сбор доказательств уничтожения чумоходов, без шильдеров Костик не чувствовал себя победителем. Серёга заправил дизель-генератор станции, вернул кабель к мачте с решёткой и запустил систему; решётка заработала, и бригада получила нормальную защиту для ночёвки.

Жратвы с собой не имелось, но им повезло. В кладовке при ресторане на станции Алёна отыскала коробки со старыми, почти окаменевшими брикетами китайской лапши быстрого приготовления. К коробкам пришлось пролезать через высокие — выше пояса — бледные дебри. Когда-то в кладовке хранились мешки с картошкой, они истлели, картошка рассыпалась и проросла. Кусты из побегов выглядели жутко и омерзительно, как белые, вставшие дыбом черви. «Этиоляция», — вдруг прозвучало в голове у Мити. Так называются изменения растений при недостатке или отсутствии света. Это знание выплыло откуда-то из прежней жизни, в которой Митя что-то делал на объекте «Гарнизон».

Зал ресторана занимал половину здания. Панорамное окно, выгнутое дугой, смотрело на восток; некоторые сегменты были разбиты, и по залу гулял ветерок. Бригада расселась за одним большим столом. Серёга пристроился так, чтобы оказаться на глазах у Маринки — пусть помнит, кто всех спас.

Трапезу открыл Егор Лексеич:

— Нелегко нам сегодня пришлось, братцы, однако ничего, справились. Все молодцы. Как бригадир, объявляю благодарность!

— Кушайте, ребята, на здоровье! — ласково заговорила Алёна, поварёшкой раскладывая спутанную лапшу. — Перец ещё

есть и горчица засохшая…

Под потолком мигали несколько уцелевших газосветных ламп. Митя с любопытством рассматривал людей, с которыми ему предстояло ехать до Ямантау. Люди как люди. Обычные работяги. Калдей жрал молча и шумно. Фудин использовал все блага: тряс над железной миской перец и скрёб ложкой горчицу. Талка всасывала лапшу, сложив губы дудочкой, а Матушкин, глядя на её старания, корчил потрясённую физиономию, и Талка смущённо фыркала. Егор Лексеич ел сосредоточенно. Он широко расставил локти и отдувался.

— Не торопись, Егора, — заботливо сказала ему Алёна.

Егор Лексеич вёл себя по-хозяйски бесцеремонно. Отодвинув пустую миску, он откинулся на стуле и рыгнул. Потом огляделся.

— Дай чего-нибудь запить, что ли, — велел он Алёне. — У китаёз всё острое.

— Я малины нарвала, только навар слабый, — захлопотала Алёна.

Уверенность Егора Лексеича на самом деле была показной — для бригады. Бригада должна видеть, что у него всё нормально. А внутри Егора Лексеича грызли сомнения. Он бросил Вильму Булатову, бросил мотолыгу, и даже из беды бригаду выручил не он… Егор Лексеич не боялся потерять авторитет или утратить власть в бригаде. Херня. Эти долдоны всё равно ничего не сообразят и никаких выводов не сделают. Они всё принимают как должное и не умеют сомневаться в бригадире. Егор Лексеич боялся другого. Боялся, что начинает проигрывать лесу вчистую. Он ведь остался без Бродяги и без машины.

Мрачный настрой Типалова почувствовала только Алёна. Однако она знала, что её Егора непременно что-нибудь придумает. Надо не мешать ему, а, наоборот, подыграть, услужить. И он найдёт выход.

А бригада, поужинав, повеселела.

— Досталось нам сегодня, да, шеф? — спросил Фудин у Егора Лексеича.

Егор Лексеич не удостоил его ответа.

— Моя ошибка, — спокойно произнёс Холодовский. — Харвер отслеживал нас через коптеры, а я в суматохе не захватил передатчик радиоподавления.

— Я только в школе с физкультурой так бегала, — призналась Талка. — И страшно было — вообще кошмар какой-то!

— Круче всех у нас Костянтин оказался, — сообщил Матушкин; он ловко сложил щетинистые морщины своей физиономии, выпятил губы, задышал часто, как собака, выпучил

глаза — и получился меткий портрет Костика. — Съёбываться надо! — заполошным голосом Костика выпалил Матушкин. — Там мамка моя харверу сичас ноги с жопы вырвет и за мной погонится!

Бригада заржала, даже Митя и Серёга засмеялись.

— Ты чё, клоун, блядь?! — побагровев, заорал Костик. — Ты чё, охуел?!

— Да это шутка, дурак, — пояснила Костику Маринка.

— Ко-остичек!.. — охнула Алёна. — Маты при взрослых-то не говори!

Про Вильму никто и не вспомнил. Где она? Что с ней стряслось во время набега чумоходов?.. На телефонные звонки Егора Лексеича она не отзывалась, и тема Вильмы стала для бригады как бы слепой зоной.

За панорамным окном уже сгущалась синева.

— Лады, — завершая ужин, поднялся Егор Лексеич. — Спать ложитесь, братцы, завтра вставать рано… Парни, вы хотели за что-то потолковать? — Егор Лексеич посмотрел на Серёгу и Митю. — Давайте за мной.

Егор Лексеич, вздыхая, направился в кабинет директора станции — он ведь тоже был начальником. Серёга и Митя поспешили за Типаловым, а за ними в кабинет пошла и Маринка: она тут не посторонняя, она при делах.

Егор Лексеич тяжко расселся в заскрипевшем кресле.

— И кто у вас главный? — спросил он у Серёги и Мити. — Хотя всё равно вас хер отличишь друг с друга…

Маринка разглядывала братьев с жадным любопытством. Наконец-то они были рядом и не ходили туда-сюда — можно спокойно сравнить. Прикольно!

— Короче, Егор Лексеич… — начал Серёга.

— Это Серый, — тотчас узнала и пояснила Маринка.

— Короче… — продолжил Серёга. — Это мой брат. Митяй. Он с города. Какой-то там учёный, сидел со своими в объекте «Гарнизон». На Магнитку в гости ко мне завалился… Надо его обратно доставить на Ямантау.

— Как припёрся, так пусть и возвращается, — резонно заметил Типалов.

Ему эта история очень не понравилась. Подозрительно как-то. Городские, объект «Гарнизон», запрещённый «Гринпис»… Ну на хер.

— Пока шёл, он дозу получил и всё забыл. Даже имя только мать сказала.

— Ложку в ухо, что ли, несёт? — усмехнулся Егор Лексеич.

— На уровне бытовых навыков у меня всё нормально, —

слегка обиженно сообщил Митя. — Я основных обстоятельств не помню. Иногда появляется что-то в голове, но бессистемно и несвязно.

— А ты откуда про мою командировку пронюхал? — Егор Лексеич просверлил Серёгу хмурым взглядом.

— От… Марины, — поколебавшись, выдал Серёга. — Мы это… Ну, дружим.

Егор Лексеич грузно повернулся и хмурым взглядом пронзил теперь уже Маринку. Пока Харлей бродяжил по чащобам для бригадира, шустрая Муха, значит, другого парня себе завела?.. Впрочем, конечно, это нынче неважно… А Маринка сделала непроницаемое лицо, дескать, «а чё такого-то?».

Серёга понял все сомнения бригадира.

— Егор Лексеич, — он осторожно подступился к главному. — Митяй же не просто с леса пришарашился… Он Бродягой стал. А у тебя ведь нет Бродяги.

Егор Лексеич яростно запыхтел: Муха и об этом разболтала?! Маринка догадалась, что сейчас ей влетит не по-детски, но вдруг заговорил Митя:

— Я действительно почувствовал тепло коллигентного дерева. Сергей сказал, что этой способностью обладают только Бродяги.

Егор Лексеич сразу отвлёкся от мыслей о Мухе.

— Какого дерева? — заинтересованно переспросил он.

Митя и сам обомлел. В его памяти опять словно открылось окно.

— Коллигентного дерева, — повторил он, слушая себя с изумлением. — Альфа-особь, или, по-вашему, — «вожак». Аккумулятор энергии фитоценоза.

Серёга и Маринка уставились на Митю так, будто он сам был деревом, которое внезапно обрело дар человеческой речи. А Митя взволнованно заторопился, пока окно в его памяти обратно не помутнело.

— Коллигентное дерево отличается от обычного только на клеточном уровне, и определить его можно лишь в лабораторных условиях… Но Бродяги ощущают тепло от коллигентов. Такое дерево есть в каждом фитоценозе. Оно — стабилизатор сообщества высших и низших растений, основа селератного леса… Без древесины коллигентов невозможно образование бризола.

В комнате повисла благоговейная тишина.

— Похоже, вы мне и вправду не спиздели… — вздохнул Егор Лексеич.

Маринка вглядывалась в Серёгиного брата с опасливым

почтением. Он — Бродяга? Бродяги — самые загадочные люди на свете. Они в одиночку ходят по неведомым и страшным чащам, они видят то, что никто больше не видит, и они ничего не боятся. Они вольные — сами по себе. Никому не подчиняются. Они мрачные, грубые и самоуверенные. Они берут, что хотят, и не отдают долгов. У них есть и деньги, и власть, но это им безразлично. Маринка и сама не отказалась бы стать Бродягой, но Бродяги — обречены…

А Серёга на миг почувствовал, что влюблён не в Маринку, а в Митю. Это надо же — так ошарашить бывалого бригадира!.. Серёга с гордостью глянул на Маринку: нехилый у меня братец, а? Маринка быстро поджала губы.

И Серёга понял, что вопрос об их с Митей участии в поездке на Ямантау решён окончательно и бесповоротно. Типалову нужен Бродяга. Мите нужен объект «Гарнизон». А ему, Серёге, нужна Маринка.

Егор Лексеич обвёл Серёгу, Митю и Маринку тяжёлым взглядом.

— Тогда объясню вам, голуби, — сказал он. — «Вожаков» скупают, чтобы делать пиродендрат, взрывчатку. Война же идёт. А вояки — мужики серьёзные. Если я им туфту вместо «вожака» продам, у меня больше никогда ничего не купят, и пиздец моему делу. Бывало, бригадиров с такого вообще кончали. Так что я должен доверять Бродяге. Ручаешься за этих братьев, Муха?

— Да ни фига не ручаюсь! — дерзко отпёрлась Маринка.

— Вот что за девка ты поперечная? — страдальчески спросил Егор Лексеич.

Переговоры завершились почти в темноте: день угас, потолочные лампы в кабинете не горели и косой свет попадал только сквозь окно от прожектора на бывшей парковке. Бригада располагалась ночевать на полу в ресторане. Серёга хотел выцепить Маринку, но она исчезла — наверное, отлучилась в кусты. Серёга караулил её у входа. Маринка подошла к нему через парковку.

— Чё, как ты? — спросил Серёга, млея и мало что соображая.

— Нормально ты сегодня сработал, — снисходительно одобрила Маринка.

— Дак могу ведь, когда чё! — косноязычно отозвался Серёга.

Маринка усмехнулась — ей всё было понятно про Башенина. А в глубине души её грело тихое торжество: Серый влюбился в неё по-настоящему, такое дело ради неё сделал — Харлей никогда бы ни на что похожее не сподобился! Значит, она самая лучшая на свете!

— Не знала, что у тебя брат-близнец есть.

— Ты про меня вообще много чего не знаешь! — Серёга наконец выскочил на тему, в которой чувствовал себя свободнее.

— Ну-ну, — туманно ответила Маринка.

— Короче, я ведь не ради Митяя заявился, — Серёга заслонял Маринке вход в здание. — А ради тебя.

— Молодец, — снова похвалила его Маринка.

Хоть Башенин и болван, ей, блин, всё равно это было приятно.

Серёга обнял её и начал целовать в губы. Почувствовал, как она ответила. Не теряя шанса, положил ладонь ей на грудь. Маринка немного подождала, а потом мягко оттолкнула Серёгу.

— Что-то ты на скоростях, Башенин, — заметила она.

Серёга больше не загораживал ей путь.

Он проводил Маринку взглядом, по-дурацки улыбаясь.

Он уже не сомневался, что у него всё получится.

Митяй обнаружился за станцией на площадке, с которой днём Серёга сбросил самосвал, чтобы протаранить харвера. Митяй сидел на обломанном бетонном краю, спустив ноги в обрыв. Серёга, сопя, пристроился рядом. В душе у него всё цвело и переливалось.

Серёге надо было поделиться.

— А ты крутой, Митяй! — щедро заявил он и закурил.

Митя задумчиво покачивал ногами. Стрекотали кузнечики. Вдали над горизонтом внезапно заструилась вертикально вверх цепочка быстрых синих огоньков. Митя не удивился. Оказывается, он знал, что означают бегучие огни: где-то там, возле большого города, устремился к орбите рейсовый шаттл.

— Марина — очень красивая девушка, — ответил Митя Серёге.

Серёга стрельнул окурком в темноту, хлопнул Митю по спине и поднялся.

Митя остался один. Вокруг было тепло, как в комнате. Ветерок шевелил на склоне мерцающую во тьме траву. С высоты горы Митя видел объятую мраком великую равнину, что расстилалась отсюда и до неведомых пределов, до невозможности вообразить. И всю равнину заполнял собой селератный лес — странный, ещё небывалый мир со своими законами, со своей непреклонной волей и беззвучной, многоголосой речью. Он, Митя, изучал этот лес. Говорил с ним на его языке. И не было в его жизни ничего важнее, чем это волшебное понимание. А в чёрном озере внизу отражалась луна. Митя поднял голову. Через небосвод размашисто клубилась светлая туманность Млечного Пути. И небо вдруг оглушительно-тихо взорвалось звёздами Мите прямо в глаза.

20
Банное озеро (IV)

Они спустились с горы по неестественно ровному травяному склону — по бывшей лыжной трассе — и двинулись к мотолыге напрямик через посёлок.

— Шеф, а если там риперы нас поджидают? — спросил Фудин.

— Риперы — не животные, — ответил за бригадира Холодовский. — Засад они не устраивают. И ничего не помнят ни о себе, ни о тех, на кого нападали. Нет цели на радарах — значит, нет её вообще, и они уходят.

По заросшим дворам и переулкам в утренней свежести плыл бризоловый запах смолы. Сквозь зелень весело сверкало чистое солнце. Щебетали птицы.

— Нога-то не болит, Костенька? — тихо приставала к сыну Алёна. — Ты же вчера на гвоздь наступил…

— Да не болит, мам! — отмахивался Костик.

Порой приходилось перелезать через какую-нибудь уцелевшую ограду, и возле Маринки сразу появлялся плотоядно улыбающийся Серёга.

— Подсадить? — предлагал он, предвкушая, как полапает Маринку.

— Башенин, отвянь! — отбивалась Маринка.

Костик, ревнуя, злорадно усмехался.

— Эх, здесь на мотолыге надо переть — напрямик бы заборы прошибали! — вздыхал Матушкин. — Стиль езды — всё до пизды!

Талка смеялась. В отличие от Маринки, она ничуть не возражала, когда Матушкин поддерживал её под круглый зад, чтобы она вскарабкалась.

А на дороге — точнее, на улице посёлка — возле брошенной мотолыги уже находилась другая бригада. Видимо, она возвращалась из Белорецка. Главной машиной у этой бригады был грейдер; широким отвалом, установленным перед первым мостом, он сдвинул с пути обугленные обломки сгоревшего харвестера. За собой на прицепе грейдер тянул колёсный вагончик-бытовку с интерфератором на крыше. Незнакомые люди, спокойно переговариваясь, что-то вытаскивали из мотолыги и загружали в бытовку.

— Эй, мужики! — издалека закричал Егор Лексеич. — Кончай грабёж!

Егор Лексеич шагал к мотолыге широко и уверенно. За ним,

перевесив автомат на грудь, шёл Холодовский. Люди возле мотолыги застыли.

Боестолкновения между бригадами случались, хотя и редко. А сейчас силы явно были неравны: всем вооружением бригады Типалова был только один пустой автомат. Поэтому Егор Лексеич предпочёл миролюбивый тон.

— Что за на хуй? — спросил он. — Что за беспредел?

С мотолыги спрыгнул мужик с короткой рыжей бородой.

— Ты кто? — бесцеремонно спросил он.

— Типалов, — сообщил Егор Лексеич. — Про меня все знают. А ты кто?

— Широков Данил, позывной — Кардан.

— Ясно за тебя, — кивнул Егор Лексеич. — Ты с Юрюзани.

Егор Лексеич протянул ладонь, растопырив пальцы, будто его распирало силой и энергией, и бригадир Широков, поколебавшись, пожал ему руку. Драка отменялась: контакт был установлен.

— Ну и что вы тут творите? — полюбопытствовал Егор Лексеич.

— На мотолыге не написано, что хозяева где-то рядом шастают, — сказал Широков. — Торчит ничейная. Законная добыча, Типал.

— Я ему говорила, — раздалось за спиной Широкова.

Егор Алексеич глянул за плечо рыжебородого бригадира — на капоте мотолыги сбоку у фары сидела Вильма.

— Жива? — удивился Егор Лексеич.

— Я всю ночь тут была.

— А чего на мои звонки не отвечала?

— Телефон потеряла.

— Мало ли что какая-то баба приблудная говорит? — сердито оправдался Широков. — С хуя ли мне верить? Может, вас всех чумоходы нашинковали?

— Как видишь, мы целые, — усмехнулся Егор Лексеич. — А бомбёжку давай прекращай, Кардан. И верни всё, что взяли.

Рыжебородый закряхтел.

— Отойдём в сторонку и перетрём, — предложил он.

Они отошли подальше, чтобы люди из их бригад ничего не услышали. Рыжебородый достал сигареты и сунул пачку Егору Лексеичу: угощайся.

— Лексеич, я оружие у тебя не брал, — сказал он. — Понимаю — казённая вещь, надо отчитываться. Но водка и консервы — мои. Нам ведь до Юрюзани ещё пиздовать, а на Магнитке без талонов нас не отоварят. Голодать нам, что ли? Да и мужики не примут. Сам ведь с понятия, какой закон

на просеках: что без бригадира — то ничьё. У тебя мотолыга без бригадира была. Я честно взял.

— Не дави слезу, Кардан, — сурово отозвался Егор Лексеич. — Моим тоже надо жрать, а мы только вышли.

— Да я ведь ничего не выпрашиваю, — удивился Кардан. — Пушки-то у меня. Чем ты мне свои предъявы обоснуешь? «Козу» из пальцев покажешь?

Егор Лексеич понял, что пережал с требованиями.

— Лады, — проворчал он, сдавая. — Но своих людей отзови с мотолыги.

— Отзову, — пообещал Кардан. — И цени, что я к тебе уважение проявил.

— Да ценю, ценю, — сварливо ответил Егор Лексеич.

Кардан был удовлетворён победой.

— Экскаватор на Арском камне знаешь? — спросил он.

— Все знают.

— Туда городские какие-то прилетели на вертолёте. Человек шесть. То ли партизаны отмороженные, то ли просто щеглы малолетние решили бухнуть на природе. У них наверняка всего до хера. Скажи спасибо за наводку.

— А в жопу тебя не поцеловать? — буркнул Егор Лексеич, хотя известие о городских его вполне ободрило. — Что там вообще в лесу делается-то?

— В лесу? — Кардан задумчиво потоптался, глядя на дачи и сосны. — Лес бунтует. Что-то мутится, это точно. Все встречные бригадиры подтверждают.

— А кого встречал?

— Клима и Моцарта видел. У Бонда на Тирляне два мужика погибли. Разгон со Стрелком сцепились за делянку. Харитон на Зигальгу попёр, Цыган — на Кумардак, Боцман по Лемезе шарится. Алабай без Бродяги остался…

— Что за Алабай?

— У «спортсменов» сейчас самый борзый. Не рассказывали, что ли?

«Спортсменами» называли бригады из больших городов, то есть из Уфы, Челябы или Еката. Городские тоже пытались срубить бабла на «вожаках», но для них рейды в лес были чем-то вроде спортивной охоты. Натренированные, хорошо снаряжённые и дисциплинированные, эти охотники вызывали зависть у бригад с лесокомбинатов, и к ним относились с пренебрежением. Однако у «спортсменов» всегда были проблемы с Бродягами: в городах Бродяг нет.

— За городскими не слежу, — поморщился Егор Лексеич.

— А за Боксёра в курсе?

— Что с ним?

— Он на Зилаире промышлял и пропал со всей бригадой. Его грузовик на автопилоте сам приехал. Всё целое, кофе с термосов горячее, в кунге на столе раздача за преферанс лежит, и нет никого. Видно было, что в секунду всё бросили и сбежали. Так и не нашли никого…

— Лес шугануть может, бывает. Костей потом не соберёшь.

— И у Татарина половину бригады вышибло. Мудаки с грозы на Притёсах тормознули, а молния заебошила прямо в скалу, и разряды поскакали от дерева к дереву. Только сам Татарин уцелел. Двоих своих он откачал — мокрой землёй засыпал, двоих не смог, а одного вообще до головни сожгло. Его даже домой не повезли, страшно такого отдавать — в натуре как с крематория.

— Тупой — считай, покойник, — мрачно заметил Егор Лексеич.

— А ты куда двинул?

— На Ямантау.

— Ёбнулся, что ли? — удивился Кардан. — Если правда лес бунтует, вам там пиздец. Сгинете, как бригада Солиста.

— Солист не с бунта исчез. В прошлом году лес не бунтовал.

— На Ямантау всегда зыбь. Там и бунта ждать не надо.

Многие бригадиры — и Кардан, выходит, тоже — верили, что у леса бывает настроение: то он милостив, то разгневан. Бригадиры придумывали какие-то свои нелепые приметы, чтобы определить это настроение, подмечали какие-то оттенки. Егор Лексеич считал подобное хернёй. Лес всегда озлоблен. Всегда.

— По слухам, весной на Зиргане Сармат со всей бригадой лёг. Причём не под чумоходами. Ты знаком был с этим Сарматом? Он из старых бригадиров.

Но Егору Лексеичу не хотелось говорить о покойниках.

— Лучше скажи, кто на Татлах «вожаков» принимает.

— Как обычно, Ароян сидит, уфимский кассир. Сейчас фарт у бригадиров. Тафгай рубляней поднял — сам охуел.

— Это дело! — оживился Егор Лексеич.

— Ну, поедем мы, — сказал Кардан. — Бывай, Типал. Если захочешь на меня с тыла напасть, я уже метку в Сеть кинул. Все бригадиры узнают, тебе не жить.

— Да не ссы, — ответил Егор Лексеич. — Разобрались же. Пиздуй спокойно.

Кардан сунул два пальца в рот и засвистел по-разбойничьи. Его люди, охранявшие мотолыгу от хозяев, полезли из транспортёра наружу.

Клокоча дизелем, грейдер по обочине обогнул транспортёр

Типалова и покатил дальше; на прицепе у грейдера подпрыгивала и моталась бытовка. Улицу заволокли клубы красноватой пыли.

Бригада Егора Лексеича загрузилась в мотолыгу. Двигатель её работал.

— Разворошили тут всё, козлы, — озираясь, проворчал Матушкин.

Холодовский посмотрел на панели с приборами.

— Половины бака нет… Скачали кардановцы.

— Это я сожгла, — тихо сказала Вильма. — Я с вечера тут сидела. Включила мотор, чтобы защита была с радиации…

Маринка возмущённо фыркнула.

Серёга не стал знакомиться с Вильмой. Похоже, эту бабу тут не особенно-то любят, значит, представляться ей ни к чему. Сама потом выяснит у кого-нибудь, кто они с Митяем такие, как их зовут и что они сделали.

Пыхтя, в мотолыгу влез Егор Лексеич.

— Егора, они у нас продукты украли, — доложила ему Алёна.

— Я сам отдал! — раздражённо ответил Егор Лексеич. — Такой закон.

— А чё жрать будем? — сразу встрял Калдей.

— Завтра на Арском камне туристов грабанём.

— Жену отдай дяде, а сам иди к бляди, — хихикнул Матушкин.

— Завали ебало, балабол! — рыкнул на Матушкина Егор Алексеич, он был страшно недоволен. — Булатова, хули ты пустила сюда кардановцев?

— А как не пустить? — робко ответила Вильма. — Их много мужиков было, с оружием все… А я одна.

— Ну и хули, что одна? Саданула бы в воздух с автомата — вон сколько автоматов тут сложено! На штурм, что ли, они ломанулись бы?

Вильма виновато молчала.

— У нас, подруга хорошая, правило такое — один за всех, все за одного, — назидательно заметила Алёна. — Мы же бригада Егора Лексеича!

— Манда! — отворачиваясь, с презрением сказал о Вильме Егор Лексеич.

К нему просунулся Фудин, в руках он держал армейский бинокль.

— Шеф, а это тебе, — Фудин положил бинокль на ящик возле Типалова. — Я у той бригады с бытовки подрезал, пока все отвлеклись. Тебе пригодится.

Егор Лексеич повертел тяжёлый бинокль в руке.

— Хоть кто-то соображение имеет, — тяжело вздохнул он.

21
Дорога на Белорецк (I)

Урчал дизельный двигатель, натужно поскрипывала торсионная подвеска машины, гудела решётка интерфератора — встряхиваясь на ухабах, мотолыга бодро катилась по багровой дороге между двумя зелёными стенами леса. В просветах меж деревьев и в перспективе редких просек, выходящих к дороге, порой были видны сизые волны ещё далёкого пока хребта Уралтау. Изредка в чаще леса мелькали следы былой жизни: кирпичные развалины, бетонные столбы линий электропередачи, заболотившиеся бризолом котлованы.

За рулём сидел сам Егор Лексеич. Он всё никак не мог успокоиться после утренней стычки с Карданом и хотел отвлечься от мрачных мыслей. А бригада развалилась в десантном отсеке на ящиках и коробках. Калдей спал. Костик играл на телефоне. Матушкин о чём-то шептался с Талкой, и Талка хихикала. Делом занимался лишь Холодовский. Расположившись поближе к бригадиру, он держал на коленях планшет — вёл над дорогой коптер.

— Кто семечки будет? — Алёна показала всем цветной пакет. — Отсыплю. Только на пол не плюйте.

— Скоро Уткаль, — сообщил бригадиру Холодовский.

Егор Лексеич сбросил скорость и остановил машину.

— Надо кому-то по нужде? — спросил он через плечо. — Дальше по делянке поедем, тормозить опасно, идите сейчас. Мальчики налево, девочки направо.

От ручья Уткаль начиналась обширная лесосека — делянка, на которой работали комбайны. Можно было обогнуть рабочую зону по просекам, но это увеличило бы путь вдвое. Егор Лексеич направил мотолыгу по общей дороге.

— Не высовывайтесь! — строго предупредил он бригаду.

Но Митя не мог упустить шанс увидеть всё своими глазами. Он всё равно чуть-чуть высунулся над кромкой броневого короба.

Подражая автоматическим машинам, мотолыга ровно и неспешно ползла по дороге мимо стоянки лесокараванов и нижнего склада. Митя наблюдал, как беспилотный тягач, лязгая сцепами, состыковывается с гружёными колёсными бункерами в автопоезд. Рядом с Митей появилась Маринка с новым дядиным биноклем в руках. Ей тоже хотелось всё рассмотреть.

От дороги и от стоянки лесокараванов вниз к ручью простирался пологий склон холма, сплошь заваленный зеленью,

как сугробами. Зелень осталась на месте леса: мелкие срубленные деревца и кусты, срезанные ветви, отсечённые вершинки. Они лежали рыхлыми пластами и кучами. И Митя понял смысл.

— Сукцессионное хозяйство, — пробормотал он. — Лес восстанавливается естественным образом, потому что для производства бризола бонитет роли не играет… А брошенный биоматериал служит питательной базой для перелога.

Маринка с интересом покосилась на Серёгиного брательника.

Маринка чувствовала себя отлично, настроение было прекрасным, и ей всё нравилось — и леса эти, и горы, и просеки, и мотолыга, и даже чумоходы. Конечно, вчера бригада попала в жопу, чуть не погибла — ну ведь не погибла же! Атаку риперов и бегство от харвера Маринка вспоминала с удовольствием. Особенно было круто, когда харвер тянулся клешнёй к кабинке на канате!.. Маринку воодушевляло даже то, что дядь Гора оказался не таким уж и героем. Просто ему всегда везло — как повезло, что Серый привёл брата-Бродягу. Если уж дядь Гора со своими косяками стал авторитетным бригадиром, неужели она не сможет? Сможет! Надо только опыта набраться! Узнать, как тут чё.

— А ты шаришь с этих дел, да? — улыбнулась Маринка Мите.

Между Маринкой и Митей сразу ревниво вырос Серёга:

— Да не шарит он ни хрена! Он как звать-то его вспомнить не мог!

Маринка засмеялась. Она всё поняла про Серёгу.

Верхний склад находился в километре от нижнего. Там располагались штабеля брёвен и две гусеничные пилорамы. Малые тягачи подтаскивали под пилорамы пустые бункеры, а погрузчики брали брёвна и укладывали на балки. Одно движение рамы с шестью циркулярными пилами — и бревно распадалось на чурбаки, которые скатывались в бункеры, как отрубленные головы с плах.

Маринка придвинулась к Холодовскому и задорно спросила:

— Дядь Саш, а на фиг нам охотиться на чумоходов? Пускай все машины перебьют друг друга, и китаёзы останутся без топлива!

Холодовский поднял голову и слабо усмехнулся.

— Чумоходов всё-таки мало, Марина, — сказал он, — всю лесотехнику они уничтожить не смогут. А убытки мы оплачиваем сами — и за недостачу леса, и за потерю техники сверх норматива. Зачем нам уменьшать свою прибыль от производства бризола? Да и как нам жить без денег Китая?

Маринка, конечно, ляпнула глупость.

— А почему не перебить чумоходы с дронов? —

поинтересовался Митя.

Холодовский холодно блеснул на него очками:

— Хороший вопрос. Если уничтожать чумоходы с дронов, то не будет командировок. А без них не будет и добычи «вожаков». Но «вожаки» нужны очень многим в городах. Так что охота с дронов запрещена.

Серёга не знал, о чём спросить: ему всё было ясно, и потому злился, что не участвует в разговоре. Маринка снова уткнулась лицом в бинокль.

От верхнего склада до края лесосеки было не близко — лесосека постоянно и неудержимо отползала вдаль. По зоне рубки уже прошлись хищные риперы, выкосили мелкий подрост, и оставшиеся деревья казались очень одинокими, хотя стояли в толпе собратьев, — будто бы это была толпа обречённых на казнь, ведь каждого из них будут убивать отдельно. Огромные комбайны-харвестеры на растопыренных ногах подходили к большому дереву и вытягивали вверх лапу с чокером. Чокер сжимался вокруг ствола, откусывая вершину, и ехал по стволу вниз, сшибая ветви. Дерево превращалось в столб. Харвер выпускал его из захвата и срезал у корня пилой. Готовое бревно с шумом валилось на землю.

Харверы двигались вперёд, в глубь леса, а за ними шагали форвардеры — трелёвочные машины. Длинными манипуляторами они поднимали хаотично валяющиеся брёвна и затаскивали комлями на трелёвочную раму. Собрав хвост из десятка брёвен, форверы фиксировали его зубчатой балкой и уходили с лесосеки к верхнему складу. Их ноги по колено тонули в зелёных сугробах.

Видеть, как погибает лес, Мите почему-то было больно.

— А как комбайны становятся чумоходами? — спросил он у Холодовского.

Холодовский долго размышлял.

— На электронике нарастает какая-то плесень. Она и есть чума. По сути, она вырабатывает нечто вроде биоэлектронного вируса и перехватывает управление машиной. Получается чумоход.

— И никак нельзя защитить электронику от плесени? — удивился Митя.

— А как? Нельзя надеть изоляцию на микрочип или на проводок, который тоньше волоса. Газохимическая обработка тоже не годится — она повреждает процессоры. Помогают только интерферaторы, но ими не прикрыть машину целиком, если у машины есть подвижные органы большого габарита. Плесень может поселиться даже на чипе в чокере, а потом

перепрограммирует весь комбайн. На чокер решётку не смонтировать.

Талка сидела напротив Холодовского, стараясь не беспокоить, и слушала с немым восхищением — хотя, похоже, ничего не понимала.

— Значит, уязвимы лишь слабо экранированные машины? — уточнил Митя.

— Да, — кивнул Холодовский. — Бульдозеры, заправщики, грейдеры, тягачи или пилорамы редко становятся чумоходами. Однако и это случается.

Серёга взял у Маринки бинокль, глянул на комбайны, а потом передал бинокль Мите. Митя застыл, рассматривая лесосеку; мотолыгу трясло, и левой рукой Митя держался за борт. Комбайны работали слаженно: переступали суставчатые ноги; изгибались сочленённые корпуса; двигались, складываясь и распрямляясь, манипуляторы с циркулярными пилами и чокерами. Живой лес казался запутанным в полную неразбериху и хитро переплетённым внутри, однако машины элементарными действиями каким-то образом разбирали его на части, словно бы некими математическими операциями ловко вычитали его из самого себя, упрощали и сокращали до пустоты воздуха, до брёвен, до нуля. Поблёскивая металлом, неумолимая, холодная и строгая геометрия деловито вторгалась в биологию, откусывала, перегрызала и заглатывала её.

— А чё, дядь Саш, — не унялась Маринка, — разве китайцы не могут какие-нибудь бомбы за эти машины вставить? Если спятила — сразу бацдах!

Рукавом куртки Холодовский протёр экран планшета.

— Сумасшествие комбайнов — логическая ловушка, — сказал он. — Рубить деревья, разрушать препятствия, убивать людей — это не сумасшествие. Это обычная работа агрегатов. У сумасшествия две формы: нападение на другие машины и уход с делянки. Общий критерий — исключение из комплекса, ведь агрегаты работают во взаимосвязи. Поэтому команда на самоуничтожение комбайна возможна только при его выходе из системы.

— И почему такую команду не дают? — спросила Маринка.

Она должна была докопаться до сути, как и положено бригадиру.

— Дают, — просто ответил Холодовский. — Но чумоходы не взрываются. Видимо, биоэлектронный вирус блокирует подрыв заряда.

— Вот потому вы и гоняете по лесам с базуками, — догадался Серёга.

Холодовский спокойно пожал плечами: а куда деваться?

— Значит, чумоходы — это в первую очередь угроза лесозаготовкам? — подвёл итог Митя. — Угроза другим машинам, а не людям?

— Кого здесь люди интересуют? — усмехнулся Холодовский.

22
Гора Шапка (I)

Эту гору бригадиры называли просто Шапкой, потому что настоящее название никто не мог выговорить. Шапка была самой высокой вершиной хребта Уралтау. Её скалистый конус торчал над холмами и лесами, и взгляд словно спотыкался. Солнце уже опустилось за горизонт, а Шапка ещё горела в грозной синеве нежным алым пламенем, но потом всё равно угасла, словно бы растворилась в тёмном небе.

На плече под горой имелась хорошая травянистая поляна, бригадиры давно облюбовали её для ночёвок. Мотолыга тихо урчала дизелем вхолостую, гудела откинутая плоскость решётки, и сквозь неё поднимался дым от костра. Синий огонь селератных дров озарял лица людей фантастическим светом. Холодные тени шевелились между зубчатых стальных колёс вездехода.

Из оставшихся продуктов Алёна приготовила в котле пустую похлёбку: суповые концентраты, картошка, морковь, капуста, лук.

— Щи — хоть муде полощи, — с сожалением заметил Матушкин.

— Это жратва, что ли? — пробурчал Калдей.

— Не обессудьте, ребятушки, нету больше тушёнки, — вздохнула Алёна.

— Хорош стонать, завтра добудем, — пообещал Егор Лексеич. — Муха, твоя очередь посуду мыть. Вон по той тропке иди, ручей через километр. Там ещё форвер подбитый будет лежать, не промахнёшься.

— А чё на темноту? — недовольно сказала Маринка.

— Дак фонарь возьми, — раздражённо посоветовал Егор Лексеич.

— У меня фонарь есть! — охотно подхватился Костик.

— Сиди! — остановил его Серёга.

Тропка почти затерялась в папоротнике — от облучения он рос так быстро, что никакие тропы не могли сохраниться надолго. Обозначая независимость, Маринка храбро шла впереди в темноте и болтала котелком, в котором звякала посуда. Серёга топал позади по мягкой земле, сплошь покрытой лапчатыми разливами орляка, и глядел на Маринку: любовался её дерзким хвостом, её гибкой талией и круглым задочком, туго обтянутым джинсами. Ему хотелось схватить эту девчонку в охапку и запихать в себя.

Оказалось, что в командировке не так-то и легко уединиться

с Маринкой — но зато можно смотреть сколько угодно. Серёга догадывался, что Маринка изрядно помучит его, но не сомневался, что добьётся задуманного — вытеснит Харлея и начнёт трахаться с Маринкой. Она не отвертится, не сможет отшить его, потому что всё в ней ему охереть как нравилось, даже как она брыкается. Ощущение душевной неуязвимости позволяло ему быть снисходительным к Маринке, хотя его несколько тревожило, что при Маринке он резко глупел.

— Чё, как тебе на командировке? — спросил он.

— Нормально! — Маринка даже не обернулась.

— Не передумала быть бригадиром?

— А с чего мне передумывать?

— Ну, хмыри всякие с бригады…

— Типа тебя, что ли?

Серёга широко и довольно улыбнулся.

— Вижу, к тебе Алёнин подпиздыш клеится, — Серёга имел в виду Костика. — Не пора ли его приплющить малёхо?

— Не бурей, Башенин. Тётя Лёна — подруга дядь Горы.

— А у меня, Марин, всё серьёзно. И я такого не потерплю.

— Шустро ты разогнался, — хмыкнула Маринка. — Чё-то я не поспеваю.

В это время возле мотолыги бригада готовилась к ночёвке: под решёткой раскладывали туристские коврики и спальные мешки. Холодовский накрывал решётку сверху полиэтиленовой плёнкой — на случай дождя. Егор Лексеич, устанавливая ночной радар, ходил вокруг мотолыги, наткнулся впотьмах на порожнюю канистру и с досадой хлопнул себя по боку:

— Ёптыть!.. Забыл Мухе дать, чтобы воды принесла!

— Я передам! — быстро высунулся из мотолыги Костик.

— Не пущу на темноту! — тотчас возразила Алёна. — Егора, не пускай его!

Егор Лексеич страдальчески закряхтел: ох уж эти мамашины страхи…

— Митрий, будь другом — сбегай ты…

Митя понимал, что Серёга, наконец-то уединившийся с Маринкой, будет недоволен появлением брательника, но Митю очень тянуло побывать ночью в селератном лесу, и он решил, что Серёга как-нибудь переживёт.

Митя взял канистру и пошёл к лесу. Фудин проводил его взглядом.

— Как ты их различаешь, шеф? — спросил он.

— Лишь бы Маринка не перепутала, с кем тарелки тереть, — хихикнула Талка и, намекая, потёрла указательные пальцы друг о друга.

— Чё гонишь, шалава? — обиженно закричал на неё Костик.

— Пасть захлопни! — злобно ответил Костику Матушкин.

А Митя благоговейно остановился на опушке — ему надо было стряхнуть с себя всё, что отвлекало: освободить и сознание, и чувства.

В тёмной синеве над Уралтау висел бледный месяц, и скалистая вершина блестела одной стороной — крутым и щербатым взлётом, резко обрывающимся ввысь. Над хребтом широко раскинулись созвездия — словно мерцающие луга; их зыбкий свет напоминал сенокос: волна за волной он тихо и бестелесно стелился на леса и долины, как срезанные серпом травы. Но полуночная жатва не иссякала тысячелетиями, бесконечно прибывала и таяла, исчезая в пустоте.

Митя шёл по лесу, удивляясь, что всё видит во мраке — но только как бы чёрно-белым, а не цветным. И почему-то он не помнил: всегда так было или началось лишь сейчас, после облучения? А лесу — понял Митя — облучение оказалось безразлично. Лес — это жизнь, вегетация. И она не прекратилась, не ослабла, не зачахла от неведомого воздействия; она просто изменилась, но сохранила суть. Жизнь всегда так себя вела, испокон веку, ничего нового.

Земля пружинила под ногами, папоротник обметал колени. Из черноты пространства перед Митей осторожно, будто по секрету, высветлялись густые лиственные кущи или растопыренные еловые лапы. В неясной глубине леса угадывались косые линии упавших стволов и туманные полосы лунного дыма. В прогалах древесных крон над головой искристо синело небо.

Митя не просто шёл по лесу — он чувствовал себя так, будто погрузился в лес, точно в информационную среду. Со всех сторон плыли очнувшиеся ночью тонкие потоки запахов: горечь смолы, холодящая свежесть молодых листьев, сладковатая прель истлевающего опада, водянистая пресность мхов… Митя знал, что растения общаются запахами: поддерживают бодрость друг в друге, учат подрост, предупреждают об опасности, зовут на помощь… Получается, он, как животное, слышал многоголосую речь леса, но, как животное, мало что в ней понимал. Его обоняние обострилось, конечно, после облучения, ведь он теперь Бродяга, человек леса… Изредка его обдавало каким-то мертвящим выдохом: это были облака фитонцидов — так лес отгонял животных и птиц. Лес не любит животных — вонючих, грубых, прожорливых, равнодушных к его, леса, потребностям; лес обойдётся и без них, как, в общем, и без птиц, лишь бы оставались насекомые и кишащие органикой почвы. Но Митя догадывался, что лично он лесу нужен, поэтому лес

и открылся ему. Надо лишь дождаться, когда придёт понимание — зачем?

Он вдруг ощутил, что он в лесу не один. Рядом есть другие люди. И это не Серёга с Маринкой, не бригада. Другие люди двигались через лес к какой-то своей цели, и Митя просто случайно оказался у них на пути.

Он напряг глаза, пытаясь что-нибудь увидеть, — и увидел. Меж стволов, сливаясь с листвой и кустами, скользили вертикальные тени. Люди. Человек десять, наверно… Настоящая стая. У Мити не нашлось другого определения: не отряд, не группа, не команда, а — стая… Она плыла сквозь лес бесшумно и слаженно, словно косяк рыб сквозь тихо покачивающиеся водоросли. Митя шевельнулся, и вся стая разом застыла на полушаге.

Потом от стаи отделилась одна фигура и невесомо приблизилась к Мите, будто материализовалась рядом с ним из пустоты и тьмы. Это была женщина. В грязных джинсах, рваной рубашке, с копной спутанных волос. Лицо у неё было совершенно пустое, словно бы не своё, а общее. На скуле расползалось пятно древесного лишайника. Из плеча в дыре на рубашке рос пучок травы.

Мите стало страшно. Он испугался не того, что его укусят, задушат или разорвут на части, нет: невыносимую могильную тоску вызывало ощущение потери своего человеческого естества. И этот кошмар был реален. Митя понял, что перед ним — лешаки. То есть Бродяги, что дошли до конца превращения, до итога, и теперь живут другой жизнью, тайной и странной. И лешаки эти просто проверяли Митю, свой он или чужой. Женщина протянула руку и легко коснулась горла у Мити, будто хотела прощупать пульс. Митя отбросил руку женщины и попятился. Но за краткое прикосновение осознал, что лешаки приняли его за своего. Пусть ещё не такого, как они, но его время наступит.

Женщина спокойно отвернулась и пошла через папоротники к стае — ровно, как по воздуху. Лешаки безмолвно ждали. А потом все вместе внезапно растворились в зарослях — вновь заскользили туда, куда направлялись. И Митя понял куда. К ручью, где должны были находиться Серёга и Маринка.

Митя постоял, соображая, а затем отшвырнул канистру и кинулся обратно — к бригаде. Бригадир в курсе, что нужно делать!

Возле мотолыги горел зелёный костерок. Отсветы плясали на броне и на лицах людей, сидевших у огня.

— На помощь! — отчаянно закричал Митя.

Он не сомневался, что бригада обязательно поможет.

23
Гора Шапка (II)

— Почему не делают какую-нибудь защиту для человека по отдельности? — спросила Маринка. — Типа как зонтик какой-нибудь с батареей?

Ей надоело всё время быть под решёткой и в толпе — то есть в мотолыге. Хотелось прогуляться одной — или вдвоём, как сейчас.

— Делают такую, — ответил Серёга. — Только она весит девять кило.

Ручей, о котором говорил дядь Гора, был совсем узенький, перешагнуть можно. Он затерялся бы в дремучих папоротниках, но здесь лежал огромный дохлый форвер. Комбайн перегородил собою русло, и возле среднего корпуса образовалась заводь. Журчало тихое течение; где-то ухал филин; лунный свет блестел на ситаллическом панцире агрегата, в стёклах кабины, на шарнирах подогнутых ног. Серёге захотелось сначала потыкать в комбайн палкой.

— Его не расстреляли, — заметил Серёга, оглядывая машину. — Он сам сдох.

— Как это? — удивилась Маринка.

— Ну вот так… Топливо кончилось, болото с бризолом он тут не нашёл, аккумуляторы сели. Он лёг и помер. Видишь — труба торчит?

Форвер, действительно, выдвинул длинную трубу бризолозаборника и сунул в ручей, но бризола в ручье не было — одна лишь вода.

— Ну и хрен с ним, — сказала Маринка.

Она опустилась на корточки и вывалила в заводь посуду из котелка:

— Давай помогай мыть.

— Да ну, бабская работа, — отмахнулся Серёга, как обычно, не подумав.

Он ведь увязался за Маринкой именно потому, что она баба.

— Вот кто я, по-твоему?! — тотчас вспыхнула Маринка.

— Да бля-ядь! — в сердцах простонал Серёга и опустился рядом.

Они молча оттирали миски и ложки пучками травы.

Разумеется, на Серёгу Маринка не обиделась. Намерения Серёги для неё были очевидны и ничуть её не напрягали. Её забавляло, как Серёга вертится, чтобы переход к исполнению

намерений у него получился плавный: он не хотел напугать хищностью своего желания. Маринку это вполне устраивало. Она ждала. А у Серого мозги скрипели от натуги, даже слышно было.

Серый Маринке нравился, хоть и балбес. Он парень честный и ясный, без тайного злобного уродства в душе. Да, простой. Да, скучноватый. Да, ничего ему в жизни не светит: работа на комбинате, маленькая зарплата, квартира-двушка, дешёвенький «Чанган» — вот и всё. Но зато он надёжный — насколько на мужиков вообще можно надеяться. И сегодня он получит, чего жаждет. Маринка была не против. Навязываться она не станет, однако и не откажет. Если уж Харлей куда-то свалил, то почему бы не Серёга? Усилий от неё не требуется. И ей нужно, чтобы кто-нибудь восхищался ею, рвался к ней. Серый — он и восхищается, и рвётся. Даже в командировке её догнал. Всё нормально.

Маринке показалось, что вокруг как-то сразу потеплело. И темнота стала мягкой, зовущей, и ручей ворковал певучее, и неполная луна словно бы чуть-чуть отвернулась в смущении, и две птицы, хлопая крыльями, пролетели над головой, будто их бросили куда попало, как снятую одежду.

— Пойдём заценим, как там у форвера в кабине? — хрипло предложил Серёга. — Ты же бригадиром хочешь быть, тебе надо знать…

Маринка едва не фыркнула от смеха: Серый наконец-то разродился идеей — надумал, какое местечко ему сгодится… Ладно. Какая разница-то?

А под горой Шапкой в мотолыге, ворочая вещи, метался Егор Лексеич.

— Сколько их? — допытывался он у Мити, вставшего на гусеницу.

— Я не сосчитал… Человек восемь…

— «Человек»!.. — яростно выдохнул Егор Лексеич. — Не люди они!

— Они же вроде безобидные, Бродяги-то эти… — растерянно сказала Талка, суетившаяся у костра. — Траву едят, ветки ивовые… Как звери…

Егор Лексеич принялся передавать Мите через борт автоматы и мощные фонари. Оружие досталось Фудину, Костику, Холодовскому и Калдею.

— Там не обычные Бродяги, а уже лешаки, — пояснил Талке Холодовский, закидывая автомат за спину. — Мы ничего не знаем о них.

— И стаями их никто не встречал, — пропыхтел из транспортёра Типалов.

— А разве они на командировки нападали?..

— А разве все командировки возвращались?

— Лешаки, что ли, их сожрали? — обомлела Талка.

Егор Лексеич с фонарём в руке перелез через борт и грузно спрыгнул.

— Деев, ты с Константином остаёшься на охране, — распорядился он. — Бабоньки, берите фонари…

— Я тоже пойду с вами! — возмутился Костик.

— Заткнись! — отрезал Егор Лексеич.

Серёга в это время подсадил Маринку, и она по скобам ловко поднялась на высокий борт форвардера к выемке в корпусе — к проходу в рулевую кабину. Кабина была как бы наполовину утоплена в туше комбайна; единственная дверь оказалась открыта — Серёге не пришлось её выламывать. Внутри было темно от грязных стёкол, всё заросло травой и прочей дрянью, но Серёга не обратил на это никакого внимания. Они с Маринкой втиснулись в узкое для двоих водительское кресло — теснота лишь воодушевила Серёгу.

Оказывается, он очень хорошо целовался, а руки у него были как горячая вода — везде пробирались и мягко облепляли теплом, будто мокрая одежда. Маринка млела. Она чувствовала, что для Серёги она — огромное богатство, просто сумасшедшее сокровище. И по ласковой, повелительной ненасытности Серёгиных рук Маринка понимала, что Серёга не врёт.

— Тебе ведь не нравился Харлей? — сдавленно спросил Серёга.

Маринка тихо засмеялась. Этот дурак и сейчас не верит своему счастью.

— Харлей — козёл, — прошептала она.

Харлей никогда не был с ней нежен. Он равнодушно и умело брал своё — и ничего не давал взамен. Удовольствие Харлея оплачивали другие — тот же Серёга, например, своей ревностью. Или подруги — завистью. Или она сама, когда мечтала, как заведёт себе бригаду и станет жить по своей воле. А Серёга Башенин — он славный. Он старается только для неё. И Маринка была ему благодарна, хотя Серёге знать об этом не надо.

Где-то вдалеке — за бортом форвера, внизу у ручья — звякнул котелок с вымытой посудой. Маринка резко насторожилась, останавливая Серёгу.

— Там кто-то ходит! — сказала она. — Котелок пнули с темноты!

— Да нету, блин, там никого! — Серёга не хотел отвлекаться.

— Погоди!..

Маринка с трудом высвободилась из его объятий

и, поддёргивая джинсы, сунулась к окну. На полянке у заводи, освещённые луной, топтались люди. Они были странные: покачиваясь, медленно слонялись туда-сюда — вроде как что-то потеряли и теперь ищут впотьмах.

— Серый!.. — шёпотом тревожно позвала Маринка.

Серёга тоже пролез к окошку. Он никогда раньше не видел одичавших Бродяг — лешаков, но эти существа внизу были слишком жуткими для людей.

— Это Бродяги! — ошарашенно выдохнул Серёга. — Которые конченые!..

Они с Маринкой, затаившись, наблюдали за гостями из леса.

— Они же того, тихие? — спросил Серёга. — Харлей-то не псих ведь был?

— Харлей не такой… Эти как мой папка — как мамка про него говорила…

— Суки! — разозлился Серёга. — Обломали нам всё!..

— Чего им вообще тут нужно?..

Лешаки заметили, что за грязными стёклами кабины форвера кто-то есть. Трое из них повернулись и словно бы нехотя направились к машине. Тот, что шёл первый, схватился за скобы, намереваясь подняться.

— Загасись в угол! — быстро приказал Марине Серёга. — Не очкуй!

— Сам не очкуй… — отступая, ответила Маринка.

Серёга шарил по карманам:

— Ни телефона, ни ножа… Ни говна, ни ложки, блядь!

Бродяга неуверенно вскарабкался на борт и подался к кабине. Серёга распахнул дверь, ринулся вперёд и толкнул Бродягу в грудь. Взмахнув руками, тот повалился назад и упал — исчез с борта комбайна.

— Уёбывайте на хуй! — с высоты комбайна заорал Серёга другим Бродягам.

Ему было страшно, даже брюхо поджималось. Он юркнул обратно.

А на борт вскарабкался ещё один лешак. Он двигался какими-то вялыми и судорожными толчками, но всё равно проворно. Он цапнул дверь кабины за ручку и потянул на себя. Серёга изнутри тоже вцепился в ручку, не позволяя открыть кабину. За грязным стеклом Серёга видел лицо лешака: окостеневшее, бледное, выморочное. Вместо левого глаза бугрилась чёрная масса, а из неё торчали две тоненькие веточки с живыми маленькими листиками.

У Серёги колени ослабели от страха, но он ещё крепче держал дверь.

Сухие, заскорузлые губы лешака разжались, и Серёга не услышал, а увидел, как лешак произнёс:

— Пусти!

И вдруг лешака ярко осветило непонятно откуда. Неподалёку протрещала очередь из автомата, и у лешака будто слетела макушка с головы. Из дыры на её месте, извиваясь, высунулись какие-то белёсые травяные корешки. Лешак постоял — корешки шевелились, — а потом упал навзничь с комбайна.

Серёга тотчас распахнул дверь — он хотел понять, что же происходит на луговине у заводи. А по луговине метались длинные лучи; они то разбегались, то скрещивались, озаряя кусты, деревья и Бродяг. И грохотали автоматы.

Фонарями светили Митя, Матушкин и сам Егор Лексеич. Лучи бегали как попало, в их беспорядочной чересполосице Бродяг казалось вдвое больше, чем было на самом деле. Фудин и Холодовский стреляли почти наугад.

— Муха! — озираясь, заорал Егор Лексеич.

— Мы здесь! — заорал в ответ Серёга.

Маринка отпихнула его и тоже закричала:

— Я здесь, дядь Гора!..

Егор Лексеич наконец отыскал их взглядом — они стояли на форвере у кабины. Облегчение прокатилось по душе Егора Лексеича, как поток, и словно отмыло понимание, что этот парень — Башенин — явился в бригаду вовсе не из-за брата. Вернее, далеко не только из-за брата. Муха — вот кто интересовал Башенина куда больше, чем приблудный близнец.

А Митя в прыгающем хаосе света и тьмы увидел, что уцелевшие лешаки уже повернулись к атакующим спинами. Они уходили — уходили в лес. Они больше не представляли опасности, если вообще были опасны. И Мите стало их жаль — не как людей, изуродованных до омерзения, а как неких огромных насекомых, которые живут своей непонятной подземной жизнью, но можно их и не убивать, если они уползают прочь.

— Не стреляйте! — крикнул Митя. — Хватит!

— Отбой огню! — сразу же властно рявкнул Егор Лексеич.

Он привык доверять Бродягам.

Грохот автоматов мгновенно затих.

Лучи фонарей обшаривали луговину. С высоты форвера Маринка видела, что в истоптанной траве лежат пять или шесть тел. А затем трое Бродяг — вроде бы мёртвых — заворочались и начали неуклюже подниматься на ноги. Фудин и Холодовский снова вздёрнули автоматы. Но Митя вдруг подошёл к одному из лешаков и начал толкать его по направлению к лесу.

— Уходите! — говорил он лешакам, словно те были домашней скотиной.

И лешаки, спотыкаясь, заковыляли через ручей к деревьям и кустам.

Маринку это заворожило. Какое нужно бесстрашие, какое понимание, чтобы приказывать таким расчеловеченным тварям?..

Егор Лексеич тоже был изумлён, но изумлён неприятно.

— Ты, вообще, на чьей стороне, Митрий? — спросил он негромко. — На нашей или на его?.. — Егор Лексеич кивнул через плечо на лес.

Митя не знал, что ответить. Он ведь не собирался спасать лешаков. Просто стычка была исчерпана — и незачем плодить зло. Митя даже и не думал, что есть две стороны — людей и леса. Не думал, пока Егор Лексеич не спросил.

— Если нас позвал, значит, на нашей, — ответил за Митю Холодовский.

— Ну-ну, — многозначительно изрёк Егор Лексеич, посветил Мите прямо в лицо, а потом отвернулся и пошагал к форверу. — Муха, ты как? — крикнул он.

— Что я сделал неправильно? — моргая, Митя поглядел на Холодовского.

Холодовский размышлял, поблёскивая под луной очками.

— Это кто уж как судит о Бродягах, — наконец сказал он. — Для Лексеича они — выродки. Мутанты. Звери. Вроде псов. Пока пёс домашний, служит верно — он молодец, а отбился, одичал — его лучше пристрелить.

— А для вас? — осторожно поинтересовался Митя.

— А для меня Бродяги — те же чумоходы. Только люди, а не машины.

24
Гора Шапка (III)

Солнце ещё не взошло над горизонтом — оно только высветило небо на востоке, а скалистая вершина горы уже волшебно порозовела на фоне синевы запада. Потом по распадкам поплыли туманы, всё озарилось, деревья и камни на склонах горы отбросили тени, а вершина превратилась в бледное золото.

Алёна расставила шире колени и локти, мягко сопротивляясь свирепым толчкам, и сладко застонала — каким мужикам это не нравится? Егор Лексеич, обессилев, упёрся руками ей в спину и перевёл дух, а затем с хозяйским одобрением шлёпнул её по белому круглому заду. В блаженном опустошении оба они повалились на расстеленное в траве покрывало.

— Могучий ты ёбарь, Егора! — прошептала Алёна, целуя Егора Лексеича.

Она, конечно, преувеличивала, но Егор Лексеич этого не понял.

Он лежал и думал, что хорошо бы сейчас покемарить часочек, но бригада наверняка уже проснулась и варганит завтрак. Он должен быть с бригадой.

— Подъём, бригадир! — вздохнула и Алёна.

Она села, оправила лифчик, спрятав большие груди, встала, одёрнула спортивную кофту и принялась натягивать трусы и трико. Кряхтя, Егор Лексеич тоже поднялся и подобрал одежду. Засовывая ногу в штанину, он едва не рухнул, и взгляд его упал на две консервные банки, что валялись в кустах.

Егор Лексеич босиком направился к кустам и вытащил банки. Китайская тушёнка. Свежая — недавно открыли, желе ещё блестит на дне… Егор Лексеич перевернул банку и посмотрел номер партии на дне. Это была тушёнка из его неприкосновенного запаса. Запас хранился в ящике в мотолыге.

— Смотри, Алён… — позвал Егор Лексеич. — Кто-то у нас на бригаде с моего энзэ продукты пиздит и жрёт.

— Может, не наши банки? — засомневалась Алёна.

— Да как не наши-то? — разозлился Егор Лексеич. — Я собственные талоны все в энзэ вложил!.. Бля, найду и убью падлу! Такое нельзя спускать! Друг у друга воруют — похуй, а у бригадира — не трожь! Или конец бригаде! Не знаешь, кто это может быть?

Алёна замялась, перебирая пальцами свою толстую короткую

косу.

— Колись, дева! — потребовал Егор Лексеич.

— Я же не могу так поклёп-то возводить, Егора…

— Колись!

— Наверное, Деев это, — сказала Алёна. — Пока ночью вы за Мариночкой бегали, он куда-то уходил. Никто не спрашивал его, зачем да куда.

— Ну точно Калдей! — сразу утвердился в мысли Егор Лексеич. — Консерву скрысить только он способен… Глаз ему на жопу натяну!

А возле мотолыги бригада уже готовилась к завтраку. Холодовский убрал полиэтилен с решётки, и Фудин развёл костерок. Над бледно-синим утренним огнём на перекладине висели два закопчённых котелка. Дежурил Матушкин. Он деловито суетился у костра, помешивал в одном котелке поварёшкой.

— Чё хавать будем? — бодро спросил Костик.

Матушкин взял две выпуклые миски и засунул себе под футболку на грудь; придерживая миски рукой, он прошёлся, оттопырив зад и по-утиному двигая выпяченным животом. Сходство с Алёной было таким очевидным и ярким, что бригада грохнула от хохота, даже Холодовский скупо улыбнулся. Матушкин сделал свою щетинистую и морщинистую рожу приторно-сладкой и почти пропел ласковым голосом Алёны:

— Сёдни, ребятоньки, суп из семи залуп! Ведро воды и хуй туды!

Костик тоже заржал, но сквозь смех всё равно крикнул:

— Ты чё, блядь, мою мамку позоришь?!

— А меня можешь показать? — загорелся Серёга.

— Тебя?..

Матушкин вынул миски и смерил Серёгу оценивающим взглядом. Затем сделал глупо-самоуверенное лицо, нахмурил брови, открыл рот и завертелся на месте, быстро, пристально и требовательно вперяясь глазами то в Талку, то в Холодовского, то в Митю, то в Маринку.

— Где тут пизды получить надо? — голосом Серёги спросил он.

Бригада снова грохнула. Это и вправду был Серёга — очень решительный и бестолковый. Митя смотрел на художества Матушкина с изумлением.

— Фудина передразни! — смеясь, предложила Талка.

Матушкин прищурился на Фудина, размышляя, каким-то образом собрал всю свою морщинистую морду к носу, сделал внимательные глаза, наклонил голову, будто одним ухом

прислушивался к небу, и чуть раскорячился.

— Шеф, я обоссался, штаны мне поменяешь? — по-фудински спросил он.

Опять все ржали, даже Фудин — хотя и несколько принуждённо.

— Теперь Николая! — окончательно развеселилась Талка, она сидела рядом с Калдеем на пластиковом ящике. — В тот раз ты так здорово его собезьянил!..

Матушкин расправил грудь и отвёл плечи, на ходу превращаясь в Калдея, но не успел завершить перевоплощение. Взбешённый Калдей воздвигся перед ним во весь свой богатырский рост и прорычал:

— Я дебил, что ли, надо мной тут мудить?!

Он цапнул огромной пятернёй смеющуюся Талку за лицо и толкнул назад — вздёрнув ноги в кедах, Талка кувыркнулась с ящика в траву. С Матушкина мгновенно слетела вся дурашливость. Не колеблясь, Матушкин тотчас нанёс Калдею удар под дых — до рожи он просто не доставал. Могучий Калдей и не дрогнул. Он как-то небрежно махнул рукой, ответив Матушкину кулаком в челюсть. Матушкина отбросило, точно куклу. На миг он потерял ориентацию. А Калдей двинулся на него как трактор и снова беспощадно ударил в лицо.

— Мудишь надо мной, гондон штопаный?! — повторил он.

Все вокруг остолбенели. Первым очнулся Серёга. Он прыгнул на Калдея сзади и облапил, пытаясь перехватить, но Калдей откинул его толчком локтя.

И вдруг Калдею в висок стукнула пустая банка из-под тушёнки. Банку издалека метнул Егор Лексеич. Калдей отпрянул — не от боли, а от удивления. Над его головой просвистела другая банка. Егор Лексеич бежал в атаку.

— Ты, Деев, охуел?! — орал он.

Калдей, стискивая кулаки, развернулся на бригадира; широкая морда у него побагровела, толстые небритые щёки тряслись. Егор Лексеич — пожилой, грузный, с одышкой — не был Калдею соперником, но он верил в свою власть, а не в силу. Калдею же на власть было плевать. Калдея душила слепая злоба.

— Хули надо? — заорал и он. — Обоих уебу!

Между Егором Лексеичем и Калдеем беззвучно возник Холодовский — с автоматом в руках. Автомат был нацелен Калдею прямо в грудь. А Егору Лексеичу в спину вцепилась бежавшая за ним Алёна.

— Крыса жирная! — закричал Егор Лексеич. — Ты тушёнку общую жрал!.. С бригады пиздил, падаль!

Калдей ничуть не испугался автомата. Он попёр вперёд — на ствол.

— Да ты заебал меня, бригадир! Жрать уже нечего, а мы ещё ни одного «вожака» не срубили! Кинул на деньги, да?

Бригада, застыв, смотрела молча. Талка захлёбывалась рыданьями.

— Стоять! — Холодовский уткнул ствол Калдею в брюхо.

— Чё ты мне, сука, тычешь?!

В бесстрашии слепой ярости Калдей одним движением вырвал автомат у Холодовского из рук, будто вынул полено из поленницы.

Фудин попятился под прикрытие мотолыги.

— Крыса поганая! — подскочив к Калдею ближе, надрывался Егор Лексеич. — Выгоню с бригады на хуй!

Обезоруженный Холодовский, растопырив руки, загородил бригадиру путь на Калдея — теперь только так он мог остановить смертоубийство.

— Ты кого крысой назвал, пидарас?! — в праведном гневе взревел Калдей, перехватывая автомат, чтобы выстрелить. — Да я сам пешком свалю отсюда! Похуй мне радиация! Только сначала тебя кончу!

Казалось, ещё мгновение — и Калдей посечёт очередью и Холодовского, и бригадира. Но перед Калдеем каким-то чудом вдруг появилась растрёпанная Алёна. Мягко отодвинув ствол, она с непонятной заботливостью положила Калдею ладони на грудь, будто успокаивала, и обернулась к Егору Лексеичу.

— Не брал он тушёнку, Егора! — плачуще призналась она. — Я ему дала!..

Егор Лексеич обомлел. Грудь Калдея грозно колыхалась.

— Он мужчина вон какой большой! — Алёна уважительно погладила Калдея. — Ему же плохо! Ему питание требуется усиленное!..

Калдей стоял столбом, словно демонстрируя, какой он здоровенный бык.

Егор Лексеич, пошатнувшись, провёл рукой по лбу, точно сдирал паутину с лица. А потом повернулся и потрясённо пошёл куда-то в лес.

Калдей с победным видом швырнул автомат под ноги Холодовскому.

Алёна побежала за Егором Лексеичем.

— Конец свары! — негромко объявил Холодовский, поднимая автомат.

Всё это время Митя сидел без движения. Сначала его изумил артистизм Витюры Матушкина — неотёсанный, но яркий

и сочный, а затем потрясло, как дело мгновенно обернулось мордобоем и озверением. Что за люди в бригаде? Что за люди в мире селератного леса? Вчера ночью они рванулись на выручку Серёге и Маринке, а сегодня готовы были из-за ерунды растерзать друг друга в клочья. Их ничто не сдерживало — ни в таланте, ни в свирепости, ни в эгоизме!.. Митя не знал, как ему к этому относиться.

Алёна отыскала Егора Лексеича за кустами рябины.

— Уйди! — взвыл на неё Типалов.

Алёна обняла его, облепила мелкими поцелуями.

— Егорушка, прости! — умоляла она. — Не давала я ему никакой тушёнки, что ты, родной! Дура я, что ли? Твоих правил, что ли, не знаю?..

Егор Лексеич беспомощно открыл рот. Новый поворот дела окончательно вышиб его из понимания.

— Дак чё такое-то? — тонким голосом спросил он.

— Нельзя тебе Деева гнуть! — убеждённо и жарко зашептала Алёна. — Он же дуболом, он не гнётся! Его ничем не проймёшь — ни виной, ни дракой, ни автоматом, ни радиацией… Ничего он не боится! Будешь давить его — он на рожон полезет! Только себя уронишь!

Об этом Егор Лексеич и сам уже догадался. Тупого Калдея можно убить, но переделать — никак не получится. Ничего ему в башку не вдолбить.

— Деев — он сила! — продолжала Алёна. — Тебе он не врагом нужен, а работником, бойцом! Тогда цены ему не будет! Ну и потакай ему…

Егор Лексеич помотал головой, возвращая соображение.

— Поэтому, что ли, ты его крысятничество на себя взяла?

— Не поэтому, Егора! — Алёна, как ребёнку, поправляла Егору Лексеичу одежду. — Я для тебя старалась… За такое ты Деева выгнать должен, а нас обоих за две банки тушёнки выгонять несподручно как-то будет… И никто не упрекнёт тебя, что воровство спустил. А во всём виноватая стану я, а не ты.

До Егора Лексеича наконец дошёл замысел Алёны. Приручить Калдея и вправду было выгоднее, чем вышибить вон. Тупой, но верный Калдей — это таран, бронебойное орудие. И бригаде после признания Алёны сказать будет нечего… Егор Лексеич изумился животной чуткости и житейской смётке подруги. С виду она просто курица толстозадая, а внутри — баба непростая…

— А ты ведь не промах, Алёнушка, — оценил Егор Лексеич.

Алёна порозовела от удовольствия.

— Не страшно было под автомат соваться?

— Да чего там такого? — Алёна улыбнулась. — Ему же

не убить тебя надо было, не сбежать… Он хозяина себе хотел. Ну и стань ему хозяином, Егора.

25
Дорога на Белорецк (II)

Оказывается, это уже стало привычным и приятным делом — ехать в мотолыге. Машина ломилась вперёд по заросшим просекам, под гусеницами хрустело и трещало, изредка траки взвизгивали на скальных выступах. Дорога то устремлялась вверх, то скатывалась вниз. За краем борта плыли широкие еловые лапы, ветви берёз, шапки взъерошенных кустарников, а выше, в синем небе, — сосновые кроны. В отсеке транспортёра всех трясло и валяло с боку на бок, и порой приходилось подхватывать сдвигающиеся с места ящики.

Егор Лексеич сидел за рулём и ориентировался по навигатору. Путь для мотолыги разведывал коптер: его вёл Холодовский — он держал на коленях раскрытый ноутбук. На мониторе скользили покрытые лесом увалы, потом блеснул изгиб реки и, наконец, появился драглайн. Сверху он выглядел как механическая игрушка: угловая ржавая коробка, мачты с колёсами и косые балки, натянутые ванты, длинная решетчатая стрела с подвешенным ковшом.

— А можете опустить коптер? — спросил Митя у Холодовского. — Хочется посмотреть, как экскаватор делает шаги…

— Он слишком долго лыжи переставляет, — возразил Холодовский. — Идёт двести метров в час. Это не зрелищно. Вечером наглядишься.

Ночевать Егор Лексеич планировал на драглайне, и Митя действительно смог бы любоваться на гигантский агрегат сколько пожелает.

— Откуда он и куда идёт? — поинтересовалась Маринка.

Митя пристроился по одну сторону от Холодовского, Маринка — по другую, и оба наблюдали на мониторе то, что транслировал коптер.

— Никто не помнит, — пожал плечами Холодовский. — Он уже лет тридцать ползёт по лесам и горам сам по себе. Топливо из болот выкачивает. Когда-то работал на карьере в Сибае или в Стерлитамаке, но заразился чумой и ушёл. У него нет никакой цели. Он просто шагает вдаль. Самурай.

Но бригаду механический самурай особенно не волновал. Волновало то, что случилось утром. Калдей расселся почти напротив Матушкина. Получив неожиданно прощение и даже вроде бы одобрение, он не задумался, с какого хрена? — однако

чувствовал, что должен чем-то ответить. Он легонько пихнул носком ботинка Матушкина в колено.

— Ты не муди надо мной, — проворчал он.

Для Калдея это было равнозначно искреннему извинению.

Матушкин сидел угрюмый и насупленный. Лицо у него сбоку распухло.

— И с меня не надо пародировать, — влез Фудин. — Я-то не обижаюсь, всё понимаю, юмор там всякий, но ты же, Виктор, себя дураком выставляешь. Это ведь тебя люди уважать не будут. Я на тебя беспокоюсь.

Матушкин молча отвернулся.

Холодовский в это время приблизил изображение экскаватора. На крыше гиганта был нарисован белый круг — посадочная площадка для вертолёта, а возле круга лежали какие-то тюки, перевязанные ремнями, и пять мопедов.

— Лексеич, — крикнул Холодовский, — городских там пятеро!

— Пятерых мы и без автоматов придавим! — залихватски заявил Серёга.

— В смысле? — удивился Митя. — Мы воевать с ними намерены?

— Зачем воевать? — сказал Фудин. — Просто заберём с них припасы.

— Ограбим?

— Угу! — с удовольствием подтвердил Серёга. — На то городские и нужны!

— Откуда такая ненависть к городским? — Мите это было неприятно, он ведь и сам, судя по всему, городской. — Что они сделали?

— Конкретно эти ничего нам не сделали, — спокойно сказал Холодовский. — Но в целом большие города и остальная страна — очень разные миры. Они взаимозависимы, но, скорее, враждебны друг другу.

— Я ж тебе говорил! — всунулся Серёга. — Мы всей страной горбатимся с бризоловых заводов на Китай, а города ни хера не делают, но все деньги себе гребут! Нам гроши перепадают!

— Дело не только в деньгах, — Холодовский задумчиво поправил ноутбук. — Дело в том, что страна подверглась своеобразной сепарации. После войны у нас остался только один способ существования — обслуживать бризоловую индустрию Китая. Этим и занимаются малые поселения при лесоперегонных заводах. А большие города, управляющие финансовыми потоками, по теории должны были разработать стратегию вывода страны из депрессии. Но они предпочли скопировать форматы

общественной и экономической жизни Запада и жить по западному образцу за счёт ренты с национального капитала.

Талка, замерев, слушала Холодовского с тихим восхищением.

— Городские — предатели, — подтвердила Маринка.

— Города легли под пиндосов, — добавил Серёга. — А мы пашем на китаёз.

— И нельзя ничего изменить? — спросил Митя.

— Мы в тупике. Страна загнана под решётки интерферaторов. С Китаем мы бороться не можем, потому что он нас кормит и снабжает всеми товарами. С Западом мы бороться не можем, потому что он далеко и ему наши ресурсы не нужны — там не бризоловая индустрия, а фитронная. И гвоздь в крышку гроба — наша сепарация. Она обусловила национальный раскол — несовпадение целей инертного базиса нации и пассионарной страты. Проще выражаясь, всех всё устраивает.

— Всех, кроме бригадиров! — строптиво возразила Маринка.

— Ну, кроме бригадиров, — согласился Холодовский.

— А что делают бригадиры? — удивился Митя.

— Спроси у Егора Лексеича.

Митя посмотрел на спину Егора Лексеича, крутившего руль мотолыги. В действиях Типалова Митя что-то пока не заметил никакой особой миссии.

Костик слушал разговор, но мало что понимал, однако очень хотел влезть, потому что в разговоре участвовала Маринка, и нетерпеливо дёргал ногой.

— У нас, прикиньте, пацан с класса был, по математике шарил, — наконец всунулся он. — Родаки хотели его с Магнитки увезти в город какой-нибудь, с института там учиться, короче. Мы его пиздили. Он стукач был. Предатель. Все такие на Челябу, или на Уфу, или на Екат едут. Там предателям все свои.

— Нехорошо других ребят бить, — назидательно заметила Алёна.

— Да ты не видела его, мам! — возмутился Костик. — Всё нормально!

Митя закрыл глаза и попытался вспомнить город, в котором когда-то жил. В памяти всплывало что-то невнятное: стеклянные фасеточные плоскости огромных зданий — в них отражались облака; пологие своды метрополитена и серебристый цокот поездов; какие-то длинные эстакады, изгибом ныряющие друг под друга; каменные парапеты набережных; тихий гомон кафе во время ланча; стада автомобилей у мегамоллов; вереницы фонарей, уходящие в темноту ночных проспектов, и россыпи огней в тёмном небе — светящиеся окна офисов; эскалаторы; голос диспетчера в каком-то переполненном зале; беззвучно

полыхающие над перекрёстками экраны сити-виженов… Что он делал в городе? Кем был? Почему оказался в селератном лесу?..

Впереди меж деревьев засверкала синева — просека скатывалась со склона горы в долину реки Белой. До экскаватора было уже совсем недалеко. Егор Лексеич нажал на тормоз; мотолыга клюнула носом, останавливаясь.

— Кому по нужде — идите сейчас, — оборачиваясь, сказал Егор Лексеич. — Всё как обычно: мальчики налево, девочки направо.

Алёна, Талка, Фудин, Костик и Матушкин полезли из мотолыги. Вильма как сидела, вжавшись в дальний угол, так и продолжала сидеть; она казалась совершенно чужой, и никто её не замечал. Холодовский тоже выбрался из транспортёра на дорогу, отошёл немного вперёд и вытянул руку с пультом: вскоре словно из пустоты появился жужжащий коптер и ловко опустился на пульт, как в старину ловчий сокол возвращался на рукавицу хозяина.

— А вы бываете в больших городах? — спросил Митя у Серёги и Маринки.

— Да я каждый год по работе дважды на Челябу гоняю, — хмыкнул Серёга.

— И я на Челябу ездила, — сообщила Маринка. — Там у дяди Гора квартира здоровущая. Ходила там везде, всё видела.

— И что, предатели в городе живут?

Маринка посмотрела на Серёгу.

— Мы для них — лохи, — убеждённо сказал Серёга. — Они нас называют лесорубами или дровосеками. Им на наши проблемы плевать.

— А вам разве не плевать на их проблемы?

— Да какие у них проблемы? — возмутился Серёга. — Баблососы! Всё у них есть, и не по талонам! Любой дефицит достать можно, даже пиндосовский!

— Дядя Саша не зря так за городских говорит, — Маринка смотрела на Митю очень серьёзно. — Дядя Гора рассказывал, что дядя Саша двенадцать лет на Челябе жил. Институт там закончил, работал, стал главным инженером со стройки. А начальство что-то там распиздило, дом обрушился, и всё свалили на дядю Сашу — типа, тупой, ничего не умеет. Не те материалы использовал, не так построил… И суд поверил. Дядя Саша — он же с дровосеков, не свой им, не городской. У него квартиру и машину отписали, все деньги забрали, с работы уволили и запретили заниматься инженерной деятельностью. И он обратно на Магнитку уехал, как обосранный. Это нормально, по-твоему?

— Нет, не нормально, — признал Митя.

— Пусть городские благодарны будут, что мы к ним не ломимся порядок навести, — с превосходством заявил Серёга. — Хотя давно пора. Ничего, как войну закончим — они сами приползут.

Мите всё это не понравилось, но он решил не спорить.

— А когда войну закончите? — осторожно спросил он.

— Ну, когда-нибудь, — отмахнулся Серёга. — Рано или поздно.

— Нас-то всё равно никому не победить, — пояснила и Маринка.

26
Шагающий экскаватор (I)

— Предлагаю сделать так, — сказал Холодовский. — Транспортёр отвлечёт драглайн ложной атакой, а в это время десант бежит на захват с тыла.

Егор Лексеич задумался. Доверял он только Холодовскому, но при таком варианте ему с Холодовским придётся разделиться. Или Саня ведёт мотолыгу, а он, бригадир, возглавляет десант, или наоборот. Однако Егор Лексеич не хотел в столь острой ситуации оставаться без надежды на Холодовского.

— Усложняешь, Сань, — Егор Лексеич смотрел на драглайн в бинокль. — Он же долго разворачивается. Успеем проскочить.

Преодолев обмелевшую реку Белую, мотолыга замерла на месте бывшей деревни — развалы фундаментов густо заросли кустами бобовника и всякой непролазной хмызью. Впереди расстилалась просторная луговина, покрытая дремучей дикой травищей человеку по плечи; вдали её ограничивала длинная и неровная скальная стена — она называлась Арским камнем. Река делала здесь большую излучину, а стена Арского камня вытянулась вдоль перешейка — по линии исчезнувшей старицы.

Мимо скалы полз драглайн. Или не полз, а шагал — он же был шагающим экскаватором. Только вот ноги у него были не паучьими, как у харвера, и не лошадиными, как у рипера. Драглайн грузно осаживался брюхом на опорную платформу и переносил вперёд две гигантские «лыжи» — две стопы, а потом натужно всплывал на эксцентриках и перемещал на «лыжи» свою громаду. Затем снова осаживался на платформу и поднимал стопы для очередного шага. Он словно бы плыл по земле стилем баттерфляй — но медленно-медленно.

Издалека драглайн казался неуклюжим, совсем не опасным. Но не стоило обманываться. Радары экскаватора наверняка уже обнаружили мотолыгу — исполин учуял врага. Если враг пойдёт на сближение, драглайну хватит времени сесть на опору и развернуться, выставив против угрозы стометровую стрелу с чудовищным ковшом. Этот зверюга умел обороняться, ведь он брёл по долинам тридцать или сорок лет и передавил немало противников.

— Решай, бригадир, — поторопил Холодовский.

— Заедем слева и выжмем по прямой с полного газа, — определился Егор Лексеич и посмотрел на бригаду в отсеке вездехода: — Держитесь там крепче!

Взревев движком, мотолыга покатилась по берегу реки, огибая драглайн и луговину по длинной дуге. Солнце клонилось к горизонту, к линии гор.

— Чё-то я очкую, — глядя на драглайн, смущённо признался Серёга.

Маринка, натянув козырёк кепи, покровительственно улыбнулась Серёге, словно уже не раз штурмовала ходячие механические крепости и всё знала.

У края скальной стены мотолыга остановилась и лихо развернулась.

— Подождём, пока он приподнимется, — сказал Типалову Холодовский. — Получим дополнительную минуту в запас.

Драглайн выглядел как здоровенный железный дом, издалека — жёлтый и чистый, будто новый. В прямоугольном затылке блестели стёкла маленьких окошек. Драглайн полз параллельно Арскому камню на расстоянии метров пятидесяти; между ним и скалой образовалась мёртвая зона — пространство, куда экскаватор не мог завести свою длиннющую стрелу с ковшом. В эту мёртвую зону Егор Лексеич и намеревался заскочить на мотолыге.

— Шеф, а если не успеем? — опасливо спросил Фудин.

Он перебрался поближе к бригадиру и Холодовскому.

— Тогда пиздой накроемся, — ответил Егор Лексеич.

— Гони, Лексеич! — решительно сказал Холодовский.

Движок взревел, в траву ударила струя бризолового выхлопа, и мотолыга рванулась вперёд. Люди в отсеке повалились друг на друга. Мотолыга неслась к драглайну. Её трясло и подкидывало, точно лодку; Егор Лексеич вцепился в двурогий руль; траки выбрасывали комья грунта и высекали искры из камней.

Впереди покачивалась громада шагающего экскаватора, подсвеченная вечерним солнцем. Вблизи было видно, что экскаватор вовсе не новый и не чистый — он старый, облупленный, с ржавыми потёками; высокие борта его, как скала, обросли рыжими лишайниками. Драглайн казался доисторическим монстром, дизельным диплодоком, которому не страшны никакие хищники.

Со слепой последовательностью механизма драглайн завершил свой титанический шаг, плотно сел на опорную платформу и тотчас начал разворот мордой к мотолыге. Решетчатая стрела, закреплённая на тросах, поплыла над травами, будто огромная часовая стрелка. В стальном коробе экскаватора что-то гулко громыхало, гудело и лязгало; тросы потрескивали от натяжения; подвешенный на цепях

циклопический ковш сам был размером с мотолыгу; в нём ещё оставалась земля, а на ней росли зелёные кусты.

Мотолыга яростно сокращала расстояние, целясь в ущелье между скалой и драглайном, но и ковш тоже приближался. В тряске на предельной скорости невозможно было рассчитать, сумеет ли драглайн уронить ковш на мотолыгу, хотя казалось, что сумеет. В высоком скольжении громадного ковша незримо наливалась смертельной тяжестью неумолимая воля рока. Люди в мотолыге с ужасом смотрели на ржавую бомбу в синем небе.

— Мамочки… — жалобно простонала Талка.

Путь мотолыги и трасса экскаваторной стрелы скрестились в налетающем мгновении, и Егор Лексеич со всей силы ударил по тормозам, а затем по газам, отвернув в сторону. Мотолыга словно отпрянула, отпрыгнула. А ковш уже падал в лязге освобождённых цепей. Он туго ударился о землю, и вся луговина вздрогнула волной. Мотолыга с рёвом пронеслась мимо ковша — мимо этого побитого и заржавевшего утёса; сверху промахнула решетчатая ферма стрелы, и мотолыга скользнула в мёртвую зону между скалой и драглайном.

— Заебато проскочили!.. — нервно хохотнул Костик.

Егор Лексеич остановил транспортёр, и в странном покое сквозь урчание движка зазвучал стрёкот кузнечиков. Драглайн тоже замер. Он утратил смысл борьбы, а потому равнодушно переключился на обычный режим. Со звоном натянулись цепи, завыла могучая лебёдка, ковш оторвался от земли и, грузно покачиваясь, поплыл вверх обратно к стреле. На месте, где он лежал, темнела глубокая прямоугольная вмятина. Экскаватор не стал разворачивать корпус — какая ему теперь разница? — и начал новый медленный шаг вперёд. С тихим скрежетом эксцентрика он принялся опускать поднятую конструкцию стопы.

Вход во внутренние помещения драглайна располагался на высоте третьего этажа; к балкончику на борту машины вела металлическая лесенка. Под её нижние ступеньки Егор Лексеич и подогнал мотолыгу.

— Костян, ты самый молодой, слазий, проверь, — приказал он.

Костик охотно вылез из отсека на капот мотолыги и с него перепрыгнул на лестницу, взвился до балкончика и толкнулся в стальную дверь.

— Заперли, суки! — крикнул он.

— Я открою, — пообещал Холодовский.

С гранатомётом в руках он выбрался наружу, отошёл по траве к стене Арского камня, вскарабкался на валун, примерился и бабахнул. Звонкий, как удар колокола, взрыв выбил дверь

и покорёжил одну сторону дверной рамы.

— Витюра, место моё займи, — распорядился Егор Лексеич. — Держи машину под лестницей, пока мы этот самовар не загасим.

С капота мотолыги на лесенку экскаватора Егора Лексеича подсадили Фудин и Серёга. Егор Лексеич поднимался неторопливо и уверенно. За ним двигались Фудин, Серёга, Костик, Холодовский, Митя и Маринка.

От двери вглубь драглайна тянулся неширокий стальной коридор, тускло освещённый лампами в плафонах. Преграждая путь чужакам, в коридоре стоял взволнованный светловолосый парнишка чуть постарше Костика. Он был вооружён пистолетом — даже не боевым, а уличным электрошокером.

— Не дури, — по-отечески предостерёг его Егор Лексеич. — У нас автоматы и базуки, и нас больше, а вас всего пятеро. Спрячь пукалку свою.

Коридор плавно качнулся — драглайн делал очередной исполинский шаг. Егор Лексеич опёрся о стенку.

— Кто вы такие? — непримиримо спросил парнишка.

— Просто бригада с Магнитки. Жратву возьмём, и всё, не ссы.

— Вы нас ограбить, что ли, намерены? — удивился парнишка.

Он смотрел с каким-то облегчением и даже с лёгким презрением.

— А куда деваться? — вздохнул Егор Лексеич.

— Откуда знаете, что нас пятеро?

— Пять мопедов на крыше. Хорош базарить, веди в штаб или что там у вас.

— Я в машинный зал схожу, — сказал Егору Лексеичу Холодовский. — Отключу передачу с главного дизеля на гидравлику передвижения. Думаю, там второй контур есть или аварийная система, так что оставлю интерфератор и свет. Ночевать ведь здесь будем, да?

Драглайн внутри очень напоминал корабль: коридоры, отсеки, лестницы — но ни одного иллюминатора. Парнишка ориентировался вполне уверенно, будто жил в драглайне давным-давно и выучил все закоулки.

— На вертолёте забрасывались? — поинтересовался Егор Лексеич.

— Да, — буркнул парнишка. — У нас каникулы. Мы форест-пати устроили. Сюда многие на форест-пати прилетают, драглайн — популярный объект.

— Сами-то с Челябы? Студенты?

— Студенты, но из Еката. Нас предупреждали на кафедре, что

местные хищничают, однако мы не ожидали, что так нагло.

— Вам тут — забава, а у нас — работа, — усмехнулся Егор Лексеич.

— Ага, работа, — скептически ответил парнишка.

Митя почему-то чувствовал симпатию к этому горожанину, и было стыдно за грубое вторжение и принуждение.

— Дядь Егор, можно я мопед на мотолыге повезу? — спросил Костик.

— Сам тогда пешком почешешь.

— Ну, я сбоку его как-нибудь прикручу! — заканючил Костик.

— Отъебись! — бросил Егор Лексеич.

— Кают-компания, — нехотя пояснил парнишка, открывая дверь.

Просторное и низкое помещение было залито золотым сиянием заката. За большим общим столом сидели ещё четверо студентов — два парня и две девчонки. На вошедших они смотрели напряжённо и недоверчиво.

— Здоровьица всем, — радушно пожелал Егор Лексеич.

На столе стояла какая-то сложная кастрюля с электронной панелью: то ли походная печка, то ли автоклав. Студенты готовились что-то раскладывать по пластиковым контейнерам, будто кашу по тарелкам. Егор Лексеич помрачнел.

— Ужинать собираемся, — сказал парнишка.

Егор Лексеич, гневно засопев, щёлкнул ногтем по кастрюле.

— Ну и пиздоболы же вы, — с чувством произнёс он.

— Выбирайте выражения! — вспылил один из студентов.

— Не пизди! — осадил его Егор Лексеич. — Я мудак, что ли, считаете?

Студенты угрюмо молчали.

— Этот ужин — пиродендрат-цэ, пятая фракция. Взрывчатка, ёб вашу мать! Хватит, чтобы весь драглайн на Арский камень зашвырнуть!

Егор Лексеич обвёл студентов злобным и понимающим взглядом:

— Ни хера у вас тут не потрахушки с бухлом! Вы, сучата, — партизаны!

27
Шагающий экскаватор (II)

Это трудно было назвать грабежом: просто любой мог взять то, что ему приглянулось. Автоклав убрали, и на стол в кают-компании вывалили шмотки из рюкзаков городских хлыщей. Маринке очень понравились очки-хамелеоны. Фудину — самонадувающаяся куртка, в которой можно спать на земле. Талке — эластичная блузка, подтягивающая грудь и живот.

— Покажешь, как сидит? — заулыбался Талке Матушкин.

Сам он из кучи вещей вытащил кроссовки. Серёга сразу рассовал себе по карманам сигареты. Больше всех нагрёб Костик — джинсы, майки, складной нож. Калдею на барахло было плевать. Вильма побаивалась, что её отгонят, и не лезла. Алёна ушла на камбуз, где хранились продукты, поэтому ей ничего не досталось. Митя не мог рыться в чужих вещах. А Типалов с Холодовским были как бы выше соображений выгоды и не проявили интереса к трофеям.

Самой ценной добычей, конечно, оказались телефоны.

— А можно мне? — робко попросила Вильма. — Я свой потеряла…

Остальные телефоны поделили Серёга, Фудин, Костик и Матушкин.

— Дурак ты, что не взял, — сказал Серёга Мите. — У тебя же нет своего. А эти — пиндосовские, дорогие. На Магнитке целую зарплату за такой угрохать надо. Китайские-то, которые у нас, — говно. Заряд держат всего сорок часов, сгорают за год и через неделю уже все какие-то покоцанные. А у пиндосов пластик самовосстанавливающийся, поцарапаешь экран — так он сам зарастает как новенький. И материал фитронный, и начинка.

— Какой материал? — не понял Митя.

— Фитронный. В Китае — электроника, а на Западе — фитроника. Всё выращивают: пластик, микрочипы, аккумуляторы, даже органы для людей. А мы — только дрова на бризол. Понятно, чё: Китай — деревня. Смотри!..

Серёга аккуратно отколупнул заднюю панель телефона и показал Мите внутренности аппарата — очень тоненький лоскуток нежной зелёной плесени.

— Это — его мозги, — с уважением пояснил Серёга. — В Пиндостане всю умную технику на биофермах производят, как дрожжи, а в Китае — на заводах клепают. Фитронному телефону зарядка не нужна. Капля воды раз на три дня, и всё. Воду,

конечно, лучше дистиллированную, но он и обычную пьёт.

Серёга бережно поставил панель на место. Митя думал.

— Если на Западе всё так здорово, почему же Запад — враг? — спросил он.

Серёга возмущённо фыркнул:

— Потому что у них есть, а у нас нет!

Драглайн уже давно замер, усмирённый Холодовским: не полз никуда и даже не шевелился, однако его запутанные отсеки наполняло тихое гудение — генератор продолжал работать. Накатил вечер, за окнами сгустились синие сумерки, и в помещениях зажглись лампы. Выбрав себе подходящие каюты, Алёна и Вильма ушли спать. Матушкин, Талка, Серёга, Маринка, Фудин и Костик обосновались на камбузе: пили чай и перекидывались в карты. В кают-компании Калдей развалился на диванчике, Холодовский сидел с планшетом Джека — командира городских, а Типалов ждал результата информационного обыска. Митя выпросил у Серёги новый телефон: хотел посмотреть новости.

— Вот оно! — негромко сказал Холодовский. — Интерфейс их минирования!

Он пододвинул Егору Лексеичу планшет. Егор Лексеич молча уставился в экран с большой и разноцветной интерактивной таблицей.

— В автоклаве была не первая загрузка, а вторая, — сообщил Холодовский. — Они установили уже восемь зарядов. А где — здесь не отражается. Для того они с собой мопеды и привезли — чтобы подальше заезжать.

— Гондоны…

— Заряды лучше бы прямо сейчас активировать, — заметил Холодовский. — Пусть взорвутся впустую, и диверсии отменятся. Однако нужен код.

— Николай, — окликнул Егор Лексеич Калдея, — будь другом, приведи сюда этого беленького, который нас встретил. Он у них шишку держит.

По совету Алёны Егор Лексеич изменил отношение к Калдею: из главной проблемы переквалифицировал его в помощники. Калдей как по волшебству теперь служил старательно. Он поднялся с дивана и отправился за городским.

Городских от греха подальше заперли в каютах — трёх парней в одной, двух девчонок в другой. Егор Лексеич решил, что городские будут оставаться под замком до тех пор, пока бригада не покинет борт драглайна.

— Чего уши греешь? — неприязненно глянул Егор Лексеич на Митю.

— Я уйду, если надо, но можно послушать? — попросился Митя.

Ему интересны были эти городские партизаны. Судя по всему, он ведь и сам был из каких-то таких же. «Гринпис», который направил свою группу на объект «Гарнизон», тоже считался запрещённой организацией.

— Ну, лады, послушай, — разрешил Егор Лексеич. — Только тебе неприятно будет. Этих фраеров требуется прессануть по полной. Я пугать буду.

Калдей втолкнул в кают-компанию светловолосого парнишку.

— Садись, — Егор Лексеич придвинул ему стул. — Как зовут тебя?

— Джек, если угодно, — буркнул парнишка.

— Не имена у вас, городских, а какие-то клички собачьи… — вздохнул Егор Лексеич. — Вот скажи мне, Жека, на хуй вы это всё творите?

Егор Лексеич повернул к Джеку экран планшета с интерфейсом.

Митя вглядывался в ясное и какое-то правильное лицо мальчишки.

— Да, мы уничтожаем лесовозы, — согласился Джек. — А что ещё мы можем сделать? Знаю, что вы ничего не понимаете, но уж поверьте людям с более широким кругозором: для возрождения страны необходимо прервать нашу зависимость от Китая! Только тогда начнётся развитие!

Егор Лексеич устало опустил плечи, будто учитель, у которого ученик в очередной раз ответил неправильно.

— А кто же нас кормить будет, Жека?

— Неужели мы сами себя не прокормим? — дерзко заявил парнишка.

— Чем? Говном? У нас ничего не растёт!.. Китай нам единственный друг!

— Китай — тупик! — убеждённо заявил Джек. — Какое у нас будущее под Китаем? Дрова, дизеля, экологическая катастрофа, да? А на Западе — чистота, фитроника, свобода! Прогресс — он на Западе!

— Запад воюет против нас.

— Да все со всеми соперничают! Это норма! Вы почему здравый смысл-то не включаете? С чего вы взяли, что кто-то должен с нами дружить? Никто не должен! И Китай с нами тоже не дружит! А конкуренция никогда не мешает перенимать у соперников лучшие их достижения!

Митя увидел, как у Холодовского за стёклами очков потемнели глаза.

— Для Запада мы — дикари, которых нужно держать на расстоянии, — жёстко возразил он. — Мы годимся только на то, чтобы втридорога платить за их технологический хлам. Мы для них — помойка, и остальное неважно! Там, в городах, вы продались за право сортировать мусор из Европы и Америки! И ещё полагаете себя умнее и лучше тех, кто работает на Китай!

— Никто у нас Западу не продался! Это вы Китаю продаётесь!

— Мы на хлеб зарабатываем! — рявкнул Егор Лексеич. — И на войну! А вы, пиндосовские хуесосы, нас предали! Врага за отца родного почитаете!

— Да вы тупые тут в лесу! — вспыхнул Джек. — Ничего не знаете про мир, ничего вам не надо! Живёте как скоты и другим жить иначе не позволяете!

— Кто тебе не позволяет, щенок?! Это ты, партизан ёбаный, лесокараваны взрываешь! А кто заплатит с простоя комбината? Мы, блядь, заплатим, а не ты!.. Это вы, городские, нам работу обламываете! Кто вас звал сюда? Хули ты к нам припёрся делу вредить?.. Называй код, чтобы мины взорвать!

— Не назову! — наотрез отказался Джек.

И Митя вдруг понял, что он — на стороне Джека. Митя не знал почему. Наверное, в своей прошлой жизни он имел ответ, а сейчас просто чувствовал.

— Я тебя властям сдам! — пообещал Джеку Егор Лексеич. — С диверсии против китайцев срок схлопочешь!

— Не схлопочу! — победно усмехнулся Джек. — У меня отец в мэрии!

— У городских всегда так, — мрачно заметил Холодовский. — Все там друг с другом повязаны, своих покрывают и для нас правосудия не предусмотрено.

— Тогда я сам правосудие сделаю! — Егор Лексеич посмотрел на Джека исподлобья. — У вас там девки имеются, да? Ну так тебя перед ними сейчас голого раком поставят и палкой в жопу отпетрушат. Пособишь, Николай?

Калдей как-то всхрапнул в знак согласия. Джек покраснел от унижения и ненависти. Было видно, что в угрозу он поверил. А чего ждать от лесорубов?..

И Митю тоже захлестнуло возмущение. Разве так можно?.. Он открыл было рот — и наткнулся на непримиримый взгляд Егора Лексеича.

— Вы скоты!.. — задыхаясь, повторил Джек. — Код — три двойки, тысяча!

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул Типалов. — Нет с вас героев.

Холодовский уже вбивал цифры в программу.

Где-то вдали на пустых полуночных дорогах в лесах начали взрываться мины, заложенные командой Джека. А до Арского камня не долетело даже эхо напрасных взрывов. И в кают-компании драглайна тоже ничего не изменилось, только на экране планшета восемь синих строк превратились в красные.

— Чик-чик — и вопрос исчерпан! — Егор Лексеич развёл руками. — Николай, уведи молодого человека обратно до апартаментов.

Калдей снова поднялся с дивана и подтолкнул Джека к выходу.

Холодовский задумчиво проводил Джека взглядом.

— Не знаю, как ты расцениваешь, Лексеич, а по мне всё это — самое прямое свидетельство, что мы для городских просто животные. Большие города нас презирают. Поэтому они и стали пятой колонной Запада.

Егор Лексеич не ответил. Он тоже поднялся и, кряхтя, прошёлся по кают-компании. За окнами было темно; потускневшие лампы освещали грубые балки каркаса, железные стены и потолок — всё покрашенное, но облупленное.

Егор Лексеич размышлял о своих делах.

— Завтра возьму мопед и сгоняю до Петра, — сообщил он Холодовскому. — Муху с собой прихвачу. Митрий, ты тоже со мной поедешь.

— Я? — удивился Митя.

— Головка от хуя.

— А нам что делать? — спросил Холодовский.

— После обеда выдвигайтесь на мотолыге, ты — за главного. Встретимся вечером на Сундукташе.

— Понял, — без вопросов кивнул Холодовский.

— Митрий, найди Муху и предупреди, что встаём сранья.

— А где искать Марину? — глупо спросил Митя.

— Без понятия. Она где-то по углам с твоим брательником обжимается.

— Тогда отбой, Лексеич, да? — Холодовский выключил планшет.

Серёга и Маринка в это время уединились в рулевой рубке драглайна. Маринка сидела у Серёги на коленях.

Темнота, обволакивая, мягко пьянила Серёгу и словно бы растворяла все препятствия: что скрыто тьмой, то возможно. Целуя Маринку, Серёга засунул руку ей в расстёгнутые джинсы; его мысли плавились от тесноты сдвинутых девичьих ног. Серёге даже не хотелось спешить — так было хорошо. Держать эту девчонку в руках и гладить, чувствуя, что её сопротивление потихоньку угасает, будоражило Серёгу до мурашек, до нервной

дрожи где-то в животе. За стеклом рубки виднелась освещённая внешним прожектором решетчатая громада стрелы, длинно уплывающая во мрак, будто в сумасшествие.

А Маринка поддавалась просто потому, что угодила Серёге в лапы. Это было приятно, и не более того. Да, вчера в кабине форвера она хотела Серёгу. Но вчера Серёга был героем, победителем. Он скинул самосвал с горы и убил чумоход. А сегодня уже иначе. Сегодня они захватили драглайн, увернувшись от страшенного ковша, и Серёга Башенин тут был уже не при делах. Померк. Уменьшился. Превратился в себя самого — хорошего парня, каких много. И Маринка позволила бы ему всё, к чему он стремился, — чем он плох, Серёжка-то? Однако удовольствие было бы Серёгиной добычей, а не их общей.

Внезапно дверь в рубку открылась, отразившись в стекле световым прямоугольником, и в нём стояла фигура человека. Раздался голос Мити:

— Сергей, Марина, вы здесь?..

Митя почувствовал их присутствие во мраке рубки и не переступил порог.

— По зубальнику ему дам… — замерев, едва слышно прошипел Серёга.

— Здесь! — отозвалась Маринка, высвобождаясь.

— Егор Алексеич объявил отбой… Завтра тебе вставать в шесть утра.

— Отбой! — прошептала Маринка, запечатав пальцем Серёге рот.

Она соскользнула с его коленей и принялась приводить себя в порядок.

Митя посторонился, пропуская её, и Маринка засмеялась, заметив Митино смущение. Она взяла Митю за нос и дёрнула и потом легко побежала прочь по коридору. А Серёга вышел из рубки взъерошенный и злой.

— Чё, не мог нас не найти, урод? — проворчал он, толкнув Митю плечом.

28
Город Белорецк

С помощью ручной лебёдки, закреплённой на ограждении крыши, Егор Лексеич и Митя спустили с драглайна три мопеда. Маринка приняла их внизу. Куда они поедут в такую рань, Егор Лексеич пока не говорил.

Небо на востоке разгоралось широко и нежно, и синий предрассветный сумрак превращался в тихий полусвет. Просторную луговину затопил туман; окутанные мглой купы ивняка поднимались над ним подобно прибрежным валунам во время прилива. Митя смотрел, как белёсые гривы тумана стекают по грубой стене Арского камня, словно медленные призрачные водопады. А потом блеснуло солнце, по долине понеслось сияние — и туман истаял.

— Теперь видно будет колею, — сказал Егор Лексеич. — Вперёд!

Мопеды затарахтели, козлами запрыгали по ямам и булыжникам, и Митя еле удерживал руль. Плечо скалы загородило громаду спящего экскаватора с длинной стрелой, протянутой к низкому солнцу. Поперёк просеки зачастили узкие тени деревьев. Вспышки света перемешались с последними клочьями тьмы. Всё было осыпано росой: крохотными цветными огоньками засверкали берёзы и осины, острыми искрами кололи ёлки и лиственницы.

Просека бежала по увалам, то спускаясь в сырые распадки, то взлетая на высоту, с которой вдали над лесами открывалась розовая поутру волна горы Малиновой. Грузный Егор Лексеич сидел на мопеде нелепо, как цирковой медведь, а Маринка — она ехала перед Митей — ловко, будто влитая, её чёрный хвост задорно болтался туда-сюда. Справа в чаще мелькнули кирпичные развалины, потом просека перескочила через железную дорогу, за ней слева словно бы звонко отбарабанил стволами ядрёный кедровый бор, занимающий поле бывшего аэродрома. По заросшим кучам мусора, старым отвалам, косым столбам и автопокрышкам можно было понять, что приближается город.

Егор Лексеич затормозил, выставив ногу для опоры, и оглянулся.

— На Белорецк заедем, — сказал он Маринке и Мите. — Не отставайте от меня. Тут повороты, к тому же одни спуски и колдоёбины.

Лес по правую руку словно бы начал сходить вниз, под

землю — он стоял на террасах крутого склона. Меж деревьев открылся вид на город. Белорецк лежал в глубокой долине, по дну которой извивалась речка. Повсюду сквозь зелень виднелись ржавые крыши полуразрушенных деревянных домов. Вдали вздымались опутанные арматурой башни бризолоперегонного завода и тонкие трубы, из них валил густой бурый дым. Когда-то здесь было металлургическое производство, но его, как и все прочие производства в округе, переделали в лесохимическое. За сооружениями завода блестел широкий пруд. По берегам пруда толпились кирпичные пятиэтажки, по большей части уже нежилые.

Белорецк нельзя было назвать городом в полном смысле этого слова. Он был зоной. Завод окружала двойная линия колючей проволоки; такими же линиями были выгорожены пара кварталов для заключённых и кварталы для охраны. Высились мачты интерферaторов. Главная улица города превратилась в трассу лесокараванов. Сквозь застройку проложили ветку железной дороги, и по ней катились вереницы белых китайских цистерн. Всё, что осталось вне колючей проволоки, потихоньку ветшало и рушилось в зелени и запустении.

Егор Лексеич, Маринка и Митя ехали по улице деревенской окраины Белорецка. Заборы здесь почти везде упали, во дворах разрослись раскидистые деревья, дома и сараи тонули в диких кущах бурьяна, малины и шиповника. Порой приходилось останавливаться, чтобы перебраться через поваленный ствол. Егор Лексеич то и дело сверялся с какой-то картой в навигаторе.

Он затормозил возле перекошенных тесовых ворот.

— Вроде сюда, — неуверенно сказал он.

Маринка остановилась рядом с Егором Лексеичем, Митя — чуть позади.

— Дядь Гор, чего мы здесь шароёбимся? — недовольно спросила Маринка.

Егор Лексеич поколебался: говорить ей или нет? И решил — говорить.

— Это — трек Харлея, — он показал Маринке экран телефона. — У тебя ведь тоже он есть, да? Посмотри сама с таймингa. В этом доме, — Егор Лексеич ткнул телефоном в сторону ворот, — Харлей проторчал больше суток, а потом за полдня добрался на Магнитку. Почему он тут залип?

— Здесь лёжка у него была, — ответила Маринка.

— Ну переночевал он, лады… А зачем так долго здесь сидеть?

— Думаешь, его в плену держали? — догадалась Маринка.

— Думаю, держали, — Егор Лексеич убрал телефон. —

И думаю, что он перебил тех, кто его схватил. Так что хер знает, чего мы там увидим. Ничего хорошего. Может, тебе не ходить со мной, Муха?

— Я всё равно пойду.

Она ведь будет бригадиром. А бригадир не боится неприятных зрелищ.

Ворота открылись на удивление легко, только скрипнули петлями. Двор зарос кустами и деревьями, как и все дворы заброшенных домов, но к крыльцу вела протоптанная тропа. А на тропе стоял квадроцикл.

Покрышки на его толстых колёсах были разрублены, и колёса сдулись. Из моторного отсека торчал топор, всаженный по обух с поразительной силой. Руль квадроцикла, экран навигатора, крылья, сиденья, багажник и топливный бак уже затянуло склизкой плесенью. Егор Лексеич подёргал топор, пытаясь вытащить, но не сумел: лезвие застряло намертво.

— Топор Харлея, — пояснил Егор Лексеич. — Я ему с Челябы импортный привёз в подарок. Самозатачивающийся.

В кустах крыжовника лежал труп.

Егор Лексеич подошёл и раздвинул колючие ветки пошире. Маринка и Митя тоже подошли. Мужик лет тридцати. Кожаная куртка, камуфляжные брюки, армейские берцы. На животе зеленел мох. Труп был опутан паутиной и корнями, некоторые корни втыкались в тело прямо сквозь одежду. Мертвеца не распучило и не изуродовало разложением, наоборот, лицо его запало и выпукло обозначились все черты. Боковая часть головы была срублена, из черепа вывалилась какая-то масса, и на ней росли маленькие грибы.

— Недели три кочумает, а ещё красавчик, — заметил Егор Лексеич и поднял на ладони ветку крыжовника; ветка была усыпана полосатыми красноватыми ягодами. — Куст-кровососка. Сразу выпил всю кровь со жмура.

Митя смотрел во все глаза, не испытывая ни ужаса, ни отвращения. Перед ним была не смерть, а биология в чистом виде.

— Жалко, что Харлей ему кумпол снёс, — добавил Егор Лексеич. — Без мозгов клумбарь ничего не скажет… Пойдёмте в дом.

— Считаешь, там второй есть? — сипло спросила Маринка.

— С одиночки никто Харлея не повязал бы.

Крыльцо едва не разъехалось под ногами, но всё же устояло. Дом внутри зарос дурной зеленью — она заполнила оконные проёмы, и в комнатах царил полумрак. Рассохшийся платяной шкаф, мутное зеркало, колченогий стол, комод, кровать

с истлевшим бельём, облупленная и замшелая громада печи, трава на полу, кусты в углах, затхлость. С дощатого потолка свисали белёсые плети перепутанных корешков… Второй труп лежал на кухне.

Маленькую кухню заполнили дебри смородины. Егор Лексеич долго и осторожно ворочался среди ветвей, подбираясь к покойнику.

— Ветки ломать не надо, — пояснил он. — Клумбарь может не заговорить…

— А они говорят? — изумился Митя.

— Воды принесите, — не отвечая, потребовал Егор Лексеич. — У крыльца я бочку с дождевой водой видел.

Маринка взяла чайник с печного шестка и пошла на крыльцо.

Второй мертвяк был в окровавленной майке и спортивных штанах, рыжая щетина на его синеватом лице казалась отталкивающе яркой. Харлей убил его ударом топора в грудь. Корни смородины обвили мертвяка и впились в тело. В чёрном разрубе на груди копошилось что-то живое. Изо рта высовывалась трава. Егор Лексеич аккуратно вырвал её, будто выдернул пробку.

Маринка подала чайник. Егор Лексеич принялся поливать лицо мертвяка.

Митя вдруг понял, что во всём этом нет ни чертовщины, ни магии. Просто никто никогда не интересовался потаённой сутью селератного леса. Никто не интересовался, что же там про мутации биоценозов проведали бригадиры — алчные и тёмные лесорубы. А они что-то уловили, чему-то научились…

— Ну давай, не выёбывайся, — поторопил мертвеца Егор Лексеич.

Мертвец открыл глаза.

Маринка сдавленно охнула и впилась пальцами Мите в плечо. Во взгляде мертвяка не осталось уже ничего человеческого, с таким равнодушием зияют раскопанные могилы: «Ты хотел узнать, что тут происходит? Ну гляди. Ты убедишься, что вы все — чудовища, только не хотите в это верить».

— Го-во-ри, — медленно произнёс Егор Лексеич, вперившись в покойника так, будто что-то ему внушал. — Кто твой бри-га-дир?

Мертвец оставался неподвижным, словно размышлял, отвечать или нет. Потом в разрубе на груди вспухли багровые пузыри, губы дрогнули, но голос так и не зазвучал.

Егор Лексеич чуть-чуть полил из чайника мертвецу в рот.

— Кто твой бри-га-дир?

— Алабай, — едва слышно пробулькал мертвец.

Маринка заколотилась, вскочила и опрометью метнулась

в сторону. Она ухватилась за спинку кровати, и её вырвало на заплесневелые тряпки.

Егор Лексеич, кряхтя, распрямился и попятился из кухни.

— Пойдёмте отсюда, — сказал он. — Теперь я всё узнал.

На улице жарило солнце, безмятежно шумела на ветру листва. Маринку ещё мутило, и Митя готов был в любой момент поддержать её. Вдали в створе долины клубились дымы завода, долетел свист маневрового тепловоза. Митя оглянулся на дом, из которого они вышли. Развалюха развалюхой, ничего особенного. Мертвец, который в этом доме врос в куст смородины, сейчас показался невозможным кошмаром. Впрочем, на Егора Лексеича клумбарь не произвёл такого впечатления, как на Митю или тем более на Маринку. Егора Лексеича волновало другое. Алабай — он из городских «спортсменов». Вот почему он охотился за Харлеем. «Спортсменам» всегда не хватает Бродяг.

Возле мопедов Егор Лексеич потрепал Маринку по спине:

— Присядь, Муха. Переведи дух. С дурной башкой за руль нельзя.

Вытирая рот ладонью, Маринка послушно села в траву на пригорке.

— Егор Алексеич, — обратился Митя. — А кто эти клумбари?.. Или что они?

Егор Лексеич пожал плечами:

— Ну… если Бродяги — люди-мутанты, извини, конечно, то клумбари — мертвецы-мутанты. Вся эта зелень как бы пролазит в них, и они вроде как того, немного оживают. Иногда шевелиться могут. И с вопросов отвечают, если вопросы простенькие. Что-то там на мозгах у них ещё мерекает.

Егор Лексеич направился к своему мопеду и принялся рыться в подсумке.

Митя заметил на обочине полынь, сорвал веточку и пошёл к Маринке.

— Разотри пальцами и нюхай, — он подал веточку и сел рядом с Маринкой.

— Я навигатор с квадрика сниму, — предупредил Егор Лексеич, доставая отвёртку. — Подождите минут десять.

Он пошагал обратно за ворота.

— А ты чё не блюёшь? — сердито спросила Маринка, нюхая полынь. — Дядь Гора — он бывалый, а ты ведь раньше клумбарей не видел.

Маринке было стыдно, что она не вынесла мерзкого зрелища. Она воображала себя крутым бригадиром, но оказалась зассыхой, слабачкой. От обиды на себя она готова была обозвать Митю мутантом и выродком, если он проявит своё превосходство

и посмеётся над ней, над глупой девкой.

— Да я всё это как-то иначе воспринимаю, — виновато улыбнулся Митя.

— Как? — с вызовом спросила Маринка.

Митя размышлял.

— Война, то есть наше воздействие на среду, в итоге очень усложнила экологию, — Митя тщательно подыскивал слова для Маринки. — Взаимосвязи в биоценозах усилились в такой же степени, в какой ускорился рост растений. Как результат, изменились и наши отношения с природой. Я понятно говорю?

— Всё понятно, я ж не дура.

— Нам неизвестно, что случилось… Точнее, неизвестно мне, — поправился Митя. — Однако же ясно, что разные клумбари, Бродяги, чумоходы — только внешние проявления новых феноменов жизнедеятельности биосообществ. Да, они пугают профанов. Но я-то не профан, хотя память у меня заблокирована. И для меня всё это — не колдовство, а всего лишь форма вегетации. Вот так.

Митя вдруг вспомнил ощущения, когда ночью в лесу он встретил толпу Бродяг. Тогда его поразил напряжённый энергообмен леса — этой огромной экосистемы, переполненной тонкими потоками информации. А сейчас, в траве на обочине, Митя почувствовал такой же контакт с Маринкой — будто две сети соединились. И Митя осознал, что же так привлекало в Маринке его брата. Открытость к жизни. Дерзость. Жажда того, чего её мир не может ей дать.

А Маринка подумала, что никогда бы не спутала Серёгу с братом. Митя совсем не похож на Серёгу. И разбираться в устройстве леса со всеми учёными городскими заморочками — это куда круче, чем быть Бродягой.

29
Шагающий экскаватор (III)

Утром, ещё до завтрака, Алёна аккуратно упаковала в большие коробки все припасы городских. Получилось внушительно, хотя на деле большая часть трофеев оказалась ерундой: чипсы, конфеты, снеки, пакетированные каши, крекеры, газировка, фрукты в плёнке, нарезка и разная мелочь. Реально полезной добычей были мясные консервы, колбаса, сублимированное молоко и бутылки с вином — это в Магнитке продавали только по талонам, да и то не всегда. Впрочем, надолго бригаде такой жратвы всё равно не хватило бы.

— А ребятам мы ничего покушать не оставим? — спросила Алёна.

— За ними через день уже прилетят, — ответил Холодовский. — Перебьются чаем с печеньками, от голода не умрут.

Костик, Серёга, Фудин и Матушкин утащили коробки в мотолыгу. Под руководством Холодовского в мотолыгу осторожно переместили и автоклав со взрывчаткой. Детонаторы Холодовский прибрал себе.

Завтракали не торопясь, с удовольствием. В окошки камбуза ярко светило солнце, его косые лучи горели на посуде. Добродушная Алёна приготовила и для городских: разложила геркулес со сгущёнкой в пластиковые контейнеры, и Талка унесла их в каюты, где под замком сидели пленники.

До обеда было свободное время. Занятия не нашлось, и решили сыграть в подкидного. За стол в кают-компании сели вшестером: Калдей повалился на диван, Вильма, как обычно, куда-то исчезла, а Алёна играть не захотела.

— Я же доверчивая, — оправдалась она. — Вы меня обдуете.

Холодовский тасовал колоду и следил за порядком. Вид у него был умный и строгий, Талка робела и поглядывала на него заискивающе.

— Если я лажать начну, поправите? — спросила она у Холодовского.

— Весь смысл игры, что каждый за себя, — сухо ответил Холодовский.

Матушкин видел, как Талка клеится к другому, и принялся балагурить.

— Я помогу, Наталья! — заявил он. — Мне и так с карт не везёт, помочь не в ломы! Главное, помни — даму король кроет!

Козыри крести, дураки на месте! Если фарт, не шельмуй! Дала с туза — не пучь глаза!

Костик довольно хохотал, словно Матушкин шутил для него.

Серёге было скучно без Маринки, он хотел поскорее убить время.

— А Сундук, где бригадира подбираем, это что? — спросил Фудин.

— Гора, — кратко уронил Холодовский.

Игра шла с ленцой, без огня. Матушкин время от времени бесцеремонно заглядывал Талке в карты и тыкал пальцем, поясняя, что лучше сбрасывать.

— Был валет — и больше нет! — не унимался он. — Без бубей хоть хуем бей!

— Ох, Витька, — вздохнула Алёна. — Ведь при женщинах маты говоришь!

Кон завершился, проиграла Талка. Матушкин был смущён. Холодовский начал тасовать колоду. Талка смотрела на его пальцы — длинные и сильные.

— Ещё кон — и пойду городских проведаю, — сообщил Холодовский.

— А чего их проведывать? — не понял Матушкин.

Холодовский тщательно и спокойно раздавал карты.

— Хорошо живут. Надо поучить напоследок, как жизнь поворачивается.

Костик испытующе уставился на Холодовского и наконец сообразил.

— Я с тобой! — широко ухмыльнулся он.

— А шеф не заорёт потом? — осторожно поинтересовался Фудин.

— Ему без разницы, — сказал Холодовский.

Они продолжали играть, точно замысел Холодовского был совершенно нормальным и обычным делом: доиграют — и сделают его, торопиться некуда. А Талка растерялась. Глаза её заполнились тёмной водой обиды. Неужели Холодовский не распознал её намёков, не увидел её? Неужели принудить кого-то ему интереснее, чем получить всё то же самое, но по желанию, любовно? Талка задыхалась. Она даже забыла о картах — и опять провалила кон.

— Ты чего совсем-то затупила, дева? — рассердился Матушкин.

Талка молчала, глядя на Холодовского как побитая собака. Матушкин почувствовал, что стряслось что-то неладное, и заметался мыслями.

— Хочешь, покажу, как ты играешь? — спросил он у Талки,

чтобы вернуть ей прежнее лёгкое настроение.

— Покажи! — через стол охотно согласился Костик.

Матушкин, ощутив себя в своей стихии, тотчас преобразился: расправил плечи, сел торчком, как сидела Талка, и слепил на своей физиономии задорно-виноватое лицо Талки. Схватив карты в обе руки, он голосом Талки сказал:

— Мамочка моя, сразу два короля выпало, блондин и брунэт!.. Мущщины-то какие красивые, аж в грудях взопрело! За кого замуж выходить девушке?..

Костик и Серёга заржали, Фудин тоже затрясся в мелких смешках, Алёна спрятала улыбку, а Холодовский словно ничего не заметил.

Талка густо покраснела.

— Мудак ты, Витюра! — тихо произнесла она.

Ни на кого не глядя, Талка выбралась из-за стола. Матушкин сжался, будто Талка могла его ударить, но она пошла прочь из кают-компании.

— Чё, Витёк, сказал — как в лужу пёрднул? — осклабился Костик.

Матушкин тоже выбрался из-за стола и тоже пошёл прочь — за Талкой.

— С нами-то не хочешь? — в спину ему крикнул Костик.

А Матушкин в коридоре почти побежал.

— Ну подожди, Наталья! — позвал он. — Я же шутя!..

Талка скрылась в своей каюте и захлопнула дверь.

— Сергей, а ты что надумал? — спросил Фудин.

Серёга как раз об этом и размышлял. Почему бы и нет?.. С Маринкой у него уже дважды обломалось… Хотя ведь не Маринка его отшила! С другой стороны — всё равно обломалось… Тех городских девок-партизанок Серёга видел только мельком, но успел зацепиться взглядом за одну… Серая мышка в очках… Заучка… Профессорша… У Серёги таких умненьких никогда не было. Ему казалось, что такие девки на самом деле — просто огонь…

— Мы не скажем твоей Марине, — покровительственно пообещал Фудин.

— Говна-пирога! — горячо не согласился Костик. — Я обязательно скажу!

Ему приятно было подгадить Башенину: на Башенина Маринка смотрела, а на него, на Костика, нет. Пусть Башенин хапнет радости.

— Уговорили, не пойду, — отказался Серёга.

Ему неудобно было перед Маринкой, и ничего тут не изменить.

— Тогда помоги, — неожиданно попросил Холодовский. — Возьми автомат и проконтролируй каюту с парнями. Они могут дверь выбить.

— Деев вон на стрёме постоит, — отбрыкнулся Серёга. — Он уже належался.

— Отъебитесь, — с дивана буркнул Калдей. — Это без меня.

— Николай один среди вас приличный отыскался, — с укором сказала всем Алёна. — Вот и ты, Костичек, с него пример бы брал.

— Да чё ты, мам! — зашипел Костик.

По длинному железному коридору драглайна Холодовский шагал первым — уверенно и неотвратимо, будто делал какую-то важную для всех работу. Фудин и Костик шли за ним. Серёга с автоматом замыкал группу.

Двери в каюты партизан были заперты: в петли замков попросту всунули большие болты с гайками. Серёга остановился возле ближней двери — идти дальше он не хотел, это как окунаться в отравленную воду. А Холодовский действовал неторопливо, упрямо и без нервов. Он свинтил гайку, вытащил болт, положил его на пол, открыл дверь и ступил в каюту. Серёга даже не стал смотреть в ту сторону. Ну на хер. Ебанутая затея.

Из маленького окна каюты было видно необыкновенно много — как на картине: луг, залитый солнцем, речка, лесное море и дальние горы под ярко-синим небом. Две девчонки, вскочив, попятились к стене. Лица у них поплыли.

— Что вам нужно? — срывающимся голосом спросила одна.

— Отвечать вам придётся, — рассудительно, даже с сочувствием пояснил Холодовский. — Для вас, городских, мы не люди. С нами как угодно можно обращаться. Мы же тупые работяги. Гоним бризол за китайскую лапшу, а вы-то, городские, знаете, как жить. Ну, теперь обраточку получите.

— Вы не посмеете!..

— Почему? — спокойно удивился Холодовский. — Вы же посмели.

— Мы ничего не сделали!..

— Делаете, только не понимаете.

— Пожалуйста, не трогайте нас! — заплакала вторая девчонка, в очках. — Прошу вас!.. Пожалуйста!.. Хотите, я на колени встану!..

— Встанешь, — заверил Холодовский. — А сейчас обе раздевайтесь.

В проёме двери, глядя на девчонок, теснились Фудин и Костик. Фудин злорадно улыбался, а Костик горел от восторга.

Серёга слышал, как девчонки в каюте закричали и зарыдали,

сдвинулось что-то большое, что-то упало. Серёга завертелся на месте. У него был автомат, он легко сумел бы всё прекратить, но яснее ясного понимал, что вмешиваться не будет. Нельзя против своих. Ничего с теми девчонками не случится. Не целочки же они, если с парнями сюда приехали. И никто их не убьёт.

В каюте, которую охранял Серёга, тоже началась возня. Парни гневно заорали, принялись колотить в стены и в дверь — она злобно залязгала. Серёга перехватил автомат и тоже ударил в дверь прикладом.

— Завалите там ебала свои! — рявкнул он. — Всех перестреляю!

— Прекратите! — доносилось из-за двери. — Скоты!..

Серёга сейчас сам себе был противен до сблёва, и неплохо было бы, чтобы парни вырвались, — он бы отвёл душу, отхуярив кого-нибудь по полной.

— Давай, сломай дверь! — крикнул Серёга. — Чё не ломаешь-то? Не хочешь выйти?! Взаперти безопаснее, никто не угондошит, да?!

Серёге хотелось, чтобы те, за дверью, оказались хуже него. Типа не он — подонок, а городские — бакланы и ссыкуны. Направляясь за Холодовским, он прикидывал, что как-нибудь потом понтанётся перед Маринкой: мол, все пошли к залётным блядям, а он не пошёл, потому что любит её, Маринку, вот такой он верный. А сейчас Серёга глядел на дверь, прыгающую в стальной раме, слышал крики девчонок и осознавал, что будет молчать как рыба.

По металлическим лабиринтам драглайна все звуки раскатывались гулко, будто в барабане, и до каюты Вильмы тоже доносились женские крики и мужская ругань. Вильма прекрасно поняла, что творят мужики из её бригады, но Вильму это не тронуло. Мужики возьмут своё и оставят городских девок в покое, а девки поплачут и утрутся. Сама Вильма поначалу тоже плакала и утиралась, а потом ей стало всё равно. Не побили — уже хорошо. Зато в такой момент никто не услышит, что нелюдимая Вильма с кем-то разговаривает.

На телефоне Вильма по памяти набрала номер Алабая. Сейчас она звонила без видео, словно так было менее заметно.

— Алло, это я, — тихо сказала она. — Раньше позвонить не могла…

Вильма смотрела в окно и прикрывала рот ладонью.

— Вы сейчас где? — спросил Алабай.

— Мы на экскаваторе с Арского камня… На Банном в бригаду Бродяга приехал. Не знаю, откуда он взялся… С новеньких. Зовут

Дмитрий Башенин.

— Фотку пришли, милая.

— Пришлю.

В дверь каюты кто-то толкнулся.

— Не могу больше говорить — стучат… — прошептала Вильма. — Пока!..

— Целую тебя, мышонок, — ответил Алабай. — Скоро вместе будем!

Вильма спрятала телефон и торопливо открыла дверь. В каюту вошёл Калдей, и сразу стало тесно — Вильма поневоле села на койку.

— Там девок ебут, — недовольно пробурчал Калдей.

— Так туда бы валил, — Вильма глядела на него снизу вверх.

Калдей принялся расстёгивать ремень на штанах.

— Возиться ещё с сучками…

Вильма поняла, что Калдею просто лень участвовать в изнасиловании. Хлопотно же, суетливо, неудобно: девки рыдают, сопротивляются, кусаются и царапаются… А она — удобная. Покорная. Вот Калдей и припёрся.

— Вставай раком, — распорядился он.

Вильме было о чём думать, пока над ней сопел этот боров. Она не забудет о скотстве Калдея: она обязательно попросит и Алабай — она не сомневалась в этом — убьёт и Калдея тоже, когда явится убивать бригадира Типалова.

30
Гора Малиновая

От Белорецка они двинулись на северо-запад — на недальнюю гору, чья туша вздымалась над лесами, бесплотно истаивая в жарком мареве полдня. Гора называлась Малиновой, хотя сейчас была голубой, с белёсой щетиной скал на трёх своих макушках. Егор Лексеич первым перевёл мопед по броду через бурливый ручей, и потом начался матёрый, дикий, буреломный лес.

Просека почти заросла. Они пробивались в мелкой хвойной поросли, упрямой и колючей. Ветки хлестали по плечам, по лицам, совались в колёса и в рамы мопедов. Порой приходилось перетаскиваться через упавшие деревья. Дорога вела наверх, из земли вылезали камни с острыми изломами. Липла паутина. Жалили комары. Во всю мощь с безоблачного неба жарило бешеное солнце. В конце концов Егор Лексеич не выдержал и отбросил мопед.

— Пешком, блядь, и быстрее, и легче! — решил он.

Дальше они пробирались уже без мопедов — и вправду стало полегче.

За густым пихтарником внезапно открылась каменная река. Длинный поток валунов, изгибаясь, стекал со склона. Казалось, что это искусственное сооружение, какая-то насыпь, но каменная река родилась сама, без участия людей, и она действительно текла вниз — только бесконечно медленно. По пути она сдирала всю растительность, и даже селератный лес не мог тут укрепиться и остановить движение глыб. А глыбы по размеру были разными: и совсем небольшие, и крупные, и даже огромные — величиной с машину. Митя впервые увидел в этом мире силу, которая превосходила зыбкую мощь вегетации.

Маринка ловко и рискованно прыгала по камням, словно белка, и Митя любовался её гибкостью. А Егор Лексеич отставал. Он пробирался с трудом, цеплялся за всё, за что получалось, и часто останавливался передохнуть — сгибался, упираясь руками в колени, и тяжело отдувался.

— Всё, последний мой визит к Петру на эти ебеня… — прохрипел он. — Или я сам больше не потяну, или Пётр в лешака превратится…

Митя уже понял, что они идут к убежищу Маринкиного отца. Тот был конченым Бродягой — но ещё пока не совсем лешаком. Набрав дозу облучения, он почти прекратил общаться с людьми,

не выполнял никаких заданий для бригадира, ничего не делал вообще, и Егор Лексеич увёл его жить сюда, под гору Малиновую. Места здесь были совершенно безлюдные, и лесозаготовок тут не затевали: слишком неудобный рельеф для комбайнов.

— Давно ты отца не видела? — осторожно спросил Митя у Маринки, когда они оказались на одном камне.

— Ну, года три, — поколебавшись, ответила Маринка.

— Скучаешь?

— Я и раньше-то его видела шиш да маленько. Когда мелкая была, он то вкалывал, то бухал. Потом на зоне сидел. Когда сбежал, вернулся и у дядь Горы Бродягой работал, его как и не было. Ни фига я не скучаю!

Митя догадался, что Маринка врёт. Может, она и не скучала по человеку, который считался её отцом, но скучала по отцу вообще. А как иначе? Потому она и такая дерзкая — безотцовщина. Не на кого надеяться.

— А как он облучился? — спросил Митя.

— Говорю же — сбежал! — Маринка перепрыгнула на другой валун.

— Не понял, — сказал Митя, перепрыгнув к Маринке.

— Он решил бабла срубить по-быстрому на городских, у них и так всего много. Поехал на Челябу, угнал тачку, чтобы продать, а его загребли. Дали трёшку. Он мотал срок на зоне вроде Белорецка, но где-то под Омском. Сидел-сидел, и надоело. Ушёл. Три месяца пешком пёр домой до Магнитки через леса, ну и облучился с дороги. Припёрся уже Бродягой.

— Он что, не знал о радиации? — удивился Митя.

— Кто про неё не знает? Всё он знал.

— А почему же сбежал?

— По кочану, блядь! — огрызнулась Маринка. — Чё там на зоне делать? Он же не лошара — горбатиться под вертухаями на бризоловой установке!

Митя уже сталкивался с абсурдной самоуверенностью, иррациональным фатализмом и слепой надеждой людей на авось и потому не стал углубляться в эту тему. Маринка перескочила на следующий валун, и Митя за ней.

— А как твой отец с Егором Алексеичем связался?

— Дядь Гора давно хотел бригаду завести, а Бродяги у него не было. Дядь Гора предложил папке пошабашить на него, папка согласился, и дядь Гора стал бригадиром. Лет пять они вместе ездили. Папка хорошо зарабатывал, деньги мамке отдавал. Потом, когда понял, что скоро с катушек слетит, привёл заместо себя Харлея. А дядь Гора нашёл ему здесь, под Малиновой, берлогу.

— Вы куда усвистали? — издалека окликнул Егор Лексеич. — Подождите!..

Маринка и Митя остановились.

— Грустно тебе, что так с отцом получилось? — спросил Митя.

— Нормально. У других и хуже бывает.

— Но я тебе сочувствую, Марина.

Маринка внимательно оглядела Митю с головы до ног. Странный он. И ведь правда сочувствует. Просто так, без всякого подката. Странный.

На их глыбу, пыхтя, перебрался Егор Лексеич.

— Там у ёлок река раздваивается, надо в левый рукав, — сообщил он.

Маринка опять упрыгала вперёд. Непрочные камни качались под ногами у Мити, стукали друг в друга со звуком «клок! клок!». Пахло пылью.

Поток валунов был рассечён островком — уцелевшей возвышенностью с ободранными берегами, и на этой гриве теснился плотный еловый клин. А за его косматыми лапами Митя увидел лежащий среди глыб вертолёт. Старый. Замшелый. С разбитыми окнами и отломанным шасси. Изогнутые длинные лопасти несущего винта растопырились над камнями, как усы огромного жука. Остов погибшей машины и служил жилищем Бродяги. Сам Бродяга — хозяин этого места — молча сидел на валуне и глядел на незваных гостей.

Это был очень худой, но жилистый человек, почерневший от загара. Ботинки без шнуровки. Рваные камуфляжные штаны. Заскорузлая куртка на голое тело. Кудлатая борода и грива спутанных седых волос. Неподвижное лицо. И впалые глаза — будто два пустых и тёмных дупла.

Митя пропустил Егора Лексеича перед собой.

Егор Лексеич и Маринка встали напротив Бродяги, словно он был неким агрегатом, который требовалось привести в действие голосовой командой.

— Здорово, Пётр! — почти крикнул Егор Лексеич.

Бродяга молчал.

— Здорово, Пётр! — повторил Егор Лексеич. — Скажи: «Привет, Егор!»

— Привет, Егор, — помедлив, произнёс Бродяга.

— Папка, это я, Марина! — подключилась и Маринка.

— М-муха… З-з… здравствуй.

Бродяга говорил точно робот — каким-то истраченным голосом. Митя вспомнил лешаков, которых встретил ночью три дня назад. До такой стадии деградации Маринкиному отцу явно

оставалось недолго. Вон под курткой на груди тёмная кожа уже зачерствела складками, будто кора. Через полгода этот человек начнёт обрастать мхом и травой, а потом забудет о своём жилище и пойдёт по лесам без цели, как вечно кочующий чумоход.

— Ну что, как настроение, людоед? — преувеличенно-весело спросил Егор Лексеич, присаживаясь рядом с Бродягой.

Митя решил, что он тут лишний. Это не его семья, не его беда.

Он притулился на дальнем валуне так, чтобы его было видно, но сам он ничего не слышал. Егор Лексеич что-то рассказывал, махая руками, а Маринка достала припасённый гребень и принялась расчёсывать отца. Лицо у неё было напряжённым: она словно бы сама не знала, что ей делать с отцом, как к нему относиться. Он был чужой — и по жизни, и, похоже, по природе.

Митя подумал: а чем здесь питается Бродяга? Ловит зайцев и мышей, копает корни, глодает кору, жуёт листья и тонкие ветки? Но пища косуль и кабанов для человека не годится… Или организм Бродяги претерпевает перестройку?.. Возможно ли такое? Но Бродяга — вот он, как-то ведь живёт…

Это всё неправильно, понял Митя. Понятно, что Бродяги, чумоходы и селератный лес — мутанты. Но остальное тоже неправильно. Бризол, Китай, бригады, лесозаготовки, ненависть к городским — это неправильно от начала до конца. Само общество устроено неправильно. И оно распространяет свою ущербность на природу. Ущербными технологиями подчиняет себе и ломает экологию. Ускоренная вегетация позволяет наблюдать результат наяву — то есть в течение лет, а не десятилетий. Причина разразившейся катастрофы — не война. Война и катастрофа — только следствие базовой причины. А базовая причина — вон, у вертолёта. Один мужик решил обворовать тех, кто побогаче, а потом ушёл под радиацию, надеясь непонятно на что — на то, что на него законы физики не действуют, ведь он лучше всех. И другой мужик спокойно зарабатывает на несчастьях ближних: зятя — в лес, а не в больницу, племянницу — Бродяге в койку. Он тоже, наверное, считает себя лучше всех.

А Егор Лексеич в это время присматривался к Петру: совсем тот спятил или ещё на что-то годится? У Егора Лексеича не было уверенности в Мите. То, что Митяй — Бродяга, ему заявил Серёжка Башенин, и доказательств не имелось. А Серёжка мог и напиздеть, лишь бы очутиться поближе к Мухе: Егор Лексеич однажды уже застукал Серёгу с Мухой.

Планируя командировку, Егор Лексеич намеревался заменить Харлея Петром. Конечно, Бродягу никак не заставишь работать,

если он не захочет, и на такой случай Егор Лексеич захватил с собой Муху. Девка должна уговорить отца, чтобы помог дяде в последний раз. Но сначала надо проверить Митяя. Говорят, Бродяги друг друга на ощупь определяют. Если Пётр подтвердит, что Митяй — Бродяга, то Мухе и не потребуется расшевеливать папку.

— Митяй, поди сюда! — подозвал Егор Лексеич.

Митя поднялся с камня и пошёл к Егору Лексеичу.

— Он тебя потрогает, — предупредил Егор Лексеич.

— Зачем? — спросил Митя с опаской.

— Да не ссы… Протяни руку. Петя, помацай его.

Егор Лексеич сам поднял руку Петра и подвёл её к руке Мити. Грязные тёмные пальцы Бродяги безжизненно легли Мите на запястье и вдруг сжались. И Митя почувствовал, что ладонь у Бродяги необычно горячая — такая же, как ствол дерева-«вожака». Окаменевшее лицо Бродяги не дрогнуло, но в глазах, запавших и тоскливых, внезапно что-то мелькнуло. Потом Пётр убрал руку.

— Ну? — с волнением поинтересовался у него Егор Лексеич.

— Он… чует… «вожаков»… — сипло произнёс Пётр.

Егор Лексеич едва не урчал от удовлетворения.

— Ну, Муха, с меня поляна твоему Башенину! — пообещал он.

Однако Пётр ещё не договорил.

— Он… не… Бродяга! — спотыкаясь, завершил Пётр.

Егор Лексеич озадаченно посмотрел на зятя, затем на Маринку и на Митю. Митя пожал плечами — он не понял, что имел в виду Пётр. Маринка тем более ничего не понимала. От жары она махала на себя козырьком бейсболки.

— Да и похер! — заявил Егор Лексеич. — Главное — чует «вожаков»!

Егор Лексеич благодарно похлопал Петра по спине.

Над каменной рекой дрожало зыбкое марево. В ельниках за валунными россыпями словно запуталась густая тишина — ни птичьего пения, ни стрёкота кузнечиков, ни шума ветерка. Вдали торчали расщеплённые макушки скал — вершина горы: на солнце она выцвела до раскалённой белизны. Дремучее безлюдье вызывало тревогу. В каменном потоке таилась энергия застывшего движения, и остов вертолёта казался скелетом гигантской древней рыбы.

Никаких дел с Петром у Егора Лексеича больше не оставалось. Сейчас он ощущал себя здоровым и полным сил, его распирало желание поскорее убраться из этого гиблого места. Он вытащил телефон и проверил время.

— А сейчас, голуби, мне нужно отлучиться на полчасика, — сообщил он.

— Ты куда? — удивилась Маринка.

— У старого дяди Горы ещё много приблуд на запасе, — лукаво ответил Егор Лексеич. — Залазийте в вертолёт, там тенёчек. Я скоро вернусь.

Егору Лексеичу приятно было представлять, как ошалеют Муха и Митяй. Пусть знают, что у бригадира Типалова везде всё схвачено.

Сюда, на каменную реку, Егор Лексеич привёл Петра не случайно. На Малиновой лес не рубили — неудобно, по той же причине и бригады сюда не заглядывали. Вот здесь, в глухомани, Егор Лексеич и обустроил стоянку для главного агрегата своей бригады. Бродяга Пётр служил сторожем — вернее, пугалом для тех, кто сдуру может заявиться на Малиновую. Под небольшой скалой, бережно закрытый срубленными ёлочками, у Егора Лексеича был спрятан огромный и хищный харвестер — исправный, излеченный от чумы, на ручном управлении. В общем, самая умелая и могучая машина лесорубов.

31
Гора Сундукташ

— До Сундукташа нам хода часа два, — сообщил Холодовский. — Если ничего не стрясётся, ночевать будем в Татлах.

Драглайн они оставили после обеда, уже далеко за полдень, в самую жару. Холодовский последним прошёлся по коридорам, проверяя, не забыто ли что, и открыл двери пленным партизанам — свободны. И больше не вылезайте из города: следующий урок может оказаться гораздо хуже. Однако партизаны не покинули своих кают, пока Холодовский был на борту.

Сыто клокоча, мотолыга проползла вдоль стены Арского камня и взяла курс на запад. Холодовский сидел за рулём и выбирал путь по навигатору. Бригада расположилась в отсеке кому как удобно. Калдей дрых, вытянув ноги и распахнув рот. Алёна тоже дремала, привалившись к Костику. Фудин зевал. Матушкин заботливо подсовывал Талке плечо.

— Поспи, — уговаривал он. — Нам ещё как до Китая раком ехать…

Талка не слышала его — сидела прямо, будто одеревенев. Её сокрушило то спокойствие, с которым Холодовский двинулся к городским девкам. Ему плевать было на неё, на Талку, а ведь она изо всех сил старалась понравиться… Неужто она хуже этих мелких блядушек из города?

Костик смотрел на Серёгу со злорадным превосходством. Он урвал своё удовольствие, а Башенин стоял на стрёме, пока он трахал партизанок.

— Чё, поводили тебе по губам? — спросил он у Серёги.

— Отъебись, дебил, — ответил Серёга.

Серёгу не тянуло спорить. На душе было мутно.

— Пушку на избушку! — фальшиво хохотнул Матушкин.

Он не думал угодить кому-либо — Серёге или Костику, он хотел как-то напомнить Талке, что он-то, Матушкин, к девкам не полез…

Мотолыга бодро катилась по просекам — то чистым, то заросшим мелким вишарником, урчала движком, лязгала траками, поливала колеи бризоловым выхлопом. Пахло свежей листвой и смолистой хвоей. Из-под носа вездехода порой вспархивали птицы, круглым мячом стремительно скакал какой-нибудь ополоумевший заяц. Иногда в орляке мелькал рыжий

хвост лисы. Высоко в слепящей синеве неба медленно и лениво кружил коршун. Над мотолыгой, поскрипывая, качалась решётка интерфератора, цеплялась за проплывающие мимо ветви. По лицам людей в отсеке бегали сетчатые тени.

Дорога то спускалась в прохладные глубокие лога, где густо теснились тонкоствольные дебри, то поднималась на склоны увалов, и в просветах леса вдруг вспыхивало пространство: выпуклые горные громады рыхло зеленели под солнцем, очерченные сумрачными западинами; торчали скальные изломы вершин; вдоль горизонта в голубом мареве колыхались дальние хребты.

Мотолыга резко клюнула носом — это Холодовский ударил по тормозам. На дороге словно ниоткуда появилась какая-то баба в серой косынке, сером халате и резиновых сапогах. Смеясь, она упёрлась руками в нос мотолыги и попятилась, уступая напору машины. Она не боялась, что её задавят.

— Здорово, земляки! — крикнула она. — Куда едете?

Холодовский поднялся на ноги, разглядывая бабу поверх капота.

— Чего надо? — неприветливо спросил он.

— Подбрось по-братски до Татлов!

— Мы не туда.

Баба вдруг ловко запрыгнула на капот и уселась, улыбаясь:

— Не пизди! Все бригады здесь едут на Татлы!

— Сама дойдёшь.

— Харэ душнить! — отмахнулась баба. — Каторжан динамить западло, это закон леса! У меня второй день кишка ноет. Хоть пожрать дайте.

Холодовский помолчал, размышляя.

— Ладно, залезай, — разрешил он.

Баба проворно пробралась мимо него и без колебаний втиснулась между Серёгой и Фудиным, а потом быстро окинула отсек приметливым взглядом.

— Чё молчим такие квёлые? — весело поинтересовалась она.

Мотолыга поползла дальше. Алёна, проснувшись от толчка машины, посмотрела на гостью — и в её лице проскользнуло понимание.

— С Белорецка на рывок ушла?

— Сестра? — сразу вскинулась беглая баба.

— Нет, у меня муж сидит, — пояснила Алёна. — Вишнёв Павел. Слышала?

— Откуда? Я волчица, не мурловка.

— Это сын его, — Алёна кивнула на Костика. — Константин. Знай.

Беглая протянула Костику руку, и Костик послушно пожал её.

— Каторжане добро помнят, своих не обувают, — пообещала беглая.

— Как зовут-то? — на правах хозяйки продолжила Алёна.

— Погремуха — Щука. Не ссыте. Я с Татлов на поезд сяду — и до города.

— Не закозли, Щука, — попросила Алёна. — Мы тебя приняли, не забудь.

Дорога до Сундукташа затянулась. Одна из старых просек, намеченных Холодовским, оказалась непроходимо заваленной буреломом, и Холодовский вынужден был искать объезд. Пока мотолыга тащилась по лесам, солнце тихо опустилось к горизонту. Лога затопило тенью, жара превратилась в застойное и глухое тепло. Косая медвежья спина Сундукташа то и дело выглядывала слева за верхушками елей, и над ней в смуглеющем небе зажглась луна.

В предыдущем сезоне под Сундукташем располагался рум — участок для скатывания брёвен. Его поливали кислотами, и он зарастал медленнее, чем прочие территории. Мотолыга выбралась из просеки и остановилась. Под её гусеницами в траве чернели вдавленные в грунт гнилые брусья-слиперсы — подкладки под былые штабеля. Судя по всему, Егор Лексеич тоже запаздывал. Холодовский позвонил ему, и Егор Лексеич велел готовиться к ночлегу.

Щука была рада, что её не прогнали, но ничем не помогала. Серёга принёс дров, Фудин развёл костёр, Алёна достала котлы и канистру с водой. Бригада расселась вокруг синего огня, ожидая ужин. Над тушей Сундукташа во тьме небосвода мерцали созвездия Лебедя и Лиры.

— Булатова, ты дежурная, — сказала Алёна Вильме. — Тебе котлы мыть.

Просека вдруг неровно и зыбко озарилась изнутри, как траншея, — вдали вспыхнули качающиеся автомобильные фары и прожектор.

— Шеф догоняет, — удовлетворённо пояснил Фудин.

Но это был не шеф.

По просеке к лагерю бригады приближался военный джип с решёткой на крыше. Расположение фар определяло широкую морду машины.

— Всем оставаться на местах! — загремел мегафон. — Это патруль!

— Ох-хуеть!.. — в изумлении охнул Костик.

Щука беззвучно растворилась во мраке, словно её и не существовало.

Джип затормозил, освещая прожектором лагерь и мотолыгу. Из машины в траву с двух сторон выпрыгнули два бойца в камуфляже и с автоматами.

— Всем встать! — крикнул один из бойцов. — Руки держать на виду!

Бригада послушно поднялась на ноги. На костре забулькали котлы.

— В чём дело, командир? — спокойно спросил Холодовский.

— Кто такие?

Холодовский оглянулся на своих, словно сам не знал, кто они такие, и заметил исчезновение Щуки.

— Мы — обычная бригада с Магнитки. Едем за чумоходами.

— Ксивы предъяви, — потребовал боец, видимо старший.

Холодовский вынул из кармана телефон и принялся открывать вкладки с документами. Старший боец ждал. Младший прошёлся мимо бригады, зорко вглядываясь в лица. Автомат он держал так, чтобы сразу выстрелить.

— Нету её, — сообщил он старшему.

— Вот, — Холодовский протянул старшему телефон. — Кого ищете?

Командир патруля, не отвечая, читал документы.

— Мы с Белорецкой зоны, поисковая группа, — пояснил младший боец. — У нас зэчка съебалась — Щукина Дарья. Никого не встречали в лесу?

— Никого, — невозмутимо пожал плечами Холодовский.

— Пошмонай тарантас, — продолжая читать, бросил младшему командир.

Младший боец направился к мотолыге.

— Чё за хуйня? — не возвращая телефон, командир патруля вперился взглядом в Холодовского. — Путёвка — семь человек на грузовике «Хуанпу», а вас — девять и на мотолыге. У кого путёвку спиздили?

— Сейчас объясню… — поморщился Холодовский.

Объяснить он не успел. Из мотолыги вылетел бешеный вопль.

— С-сука, блядь!.. — донеслась яростная ругань бойца.

Командир патруля мгновенно отскочил, нацелив автомат на бригаду.

— Всем на колени, руки за голову! — рявкнул он.

— Мамочки!.. — плачуще сказала перепуганная Талка.

Бригада — и Холодовский тоже, — суетливо топчась, вразнобой опустилась на колени. Как было приказано, все задрали руки за голову.

Младший боец выволок из мотолыги Щуку; она извивалась и орала, руки у неё уже были сцеплены позади пластиковыми

наручниками.

— Взял эту лярву! — крикнул младший боец.

— Она приблудная, к огню вышла, — хмуро пояснил Холодовский.

— И двое лишних — приблудные, — усмехнулся командир. — И мотолыга.

Младший подтащил Щуку к бригаде и поставил на колени.

— Старшой, давай договариваться, — вздохнул Холодовский. — Баба эта не наша. А мы заплатим и уедем.

— У них с мотолыги целый арсенал, — охотно доложил младший боец. — Верняк, что половина не зарегистрирована.

— Нам на чумоходы с голым хуем идти, мудила? — вдруг просипел Калдей.

Младший боец примерился и пнул его берцем в брюхо. Калдей согнулся, упав на карачки, и захрипел.

— В умелых руках и хуй — балалайка, — назидательно заметил командир.

Видно было, что настроение у него заиграло. Что ж, он поймал фарт: сцапал беглую, да ещё заграбастал и нарушителей с трофеями.

— Подставила ты нас, подруга, — шепнула Алёна Щуке.

Щука злобно сплюнула в траву.

— Договариваться мне с убытка будет, — сказал Холодовскому командир патруля. — За вас премию дадут, ваши пушки мы продадим, а на мотолыге в увольнительную на рыбалку с пацанами будем ездить. Извини, дядя.

— Ты нас хлеба лишаешь.

— Хлеба вам на киче дадут, пока разборки крутятся.

Бригада в ряд стояла на коленях, освещённая синими сполохами костра. Прожектор джипа бил в борт мотолыги. Два бойца с автоматами смотрели на свою добычу, прикидывая, что сейчас надо сделать.

Тёмная и мохнатая стена елового леса вдруг зашевелилась за их спинами — они этого не заметили, а деревья раздались в стороны, и на площадку рума из чащи широко и уверенно вышагнул огромный харвер. Длиннющая ручища пронеслась по небу, в отсветах костра блеснули механизмы внутри челюстей распахнутого чокера, и харвестер схватил командира патруля, как хватают стакан со стола. Командир не сумел даже завопить. Чокер беспощадно сжался, взмыл в воздух и на мгновение завис — ноги командира торчали из стального кулака и дёргались, а потом харвестер с высоты швырнул искромсанного человека обратно на землю. Безвольной тряпичной куклой командир упал прямо в синий костёр, и костёр взорвался искрами

и головнями.

Талка завизжала. Бригада мгновенно рассыпалась: люди метнулись прочь кто куда, будто крысы в темноту. Возле трупа, что лежал в углях костровища, остались только Алёна и Холодовский — они уже всё поняли.

Второй боец и не пытался стрелять. Забыв о командире, он опрометью бросился к джипу и заскочил на водительское место. А харвер, как исполинская сороконожка, поблёскивая во мраке, плавным и мощным движением тоже проскользнул к джипу, задрал ногу, подобно коню, и с лязгом обрушил её на решётку интерфератора. Переднюю часть кабины смяло; решётка задралась углом; отскочило, треснув, лобовое стекло. Харвер выдернул копыто и снова с грохотом и скрежетом топнул по автомобилю, потом снова и снова. Джип осел в траву, его передние колёса вывихнулись, бампер врылся в землю, и кабина сплющилась, точно картонная коробка под сапогом. Прожектор погас, движок захлебнулся. Боец в кабине, без сомнений, был раздавлен насмерть.

Харвестер замер, не завершив последнего удара. В его утробе тихо гудел мотор. Дверь рубки, сверкнув, открылась, и наружу высунулся Егор Лексеич.

— Эй! — заорал он в темноту, окликая свою разбежавшуюся бригаду. — Куда сдриснули?.. Все живо в мотолыгу и валим отсюда!

32
Дорога на Татлы

Митя и Маринка ожидали бригаду за горой Сундукташ на пересечении просек. Егор Лексеич оставил их на проторенной дороге, а сам через заросли на харвере ушагал к мотолыге. Митя с Маринкой не возражали. Их и так уже растрясло до невозможности: даже на просеке мопеды прыгали по валежнику точно горные козлы, рули вырывались из рук, зуб на зуб не попадал.

— Как Егору Алексеичу удалось раздобыть харвестер? — спросил Митя.

Они сидели рядом на стволе упавшей сосны. Митя накинул Маринке на плечи свою куртку. Ему это было приятно, и ей тоже понравилась забота.

— Долгая, блин, история, — вздохнула Маринка.

Ещё на каменной реке дядь Гора успел ей всё объяснить, но она боялась, что не сможет рассказать так же гладко и красиво, как говорил сам Митя.

— Колись давай, — поторопил Митя, как поторопил бы Серёга.

Маринка рассмеялась.

На свою зверюгу Егор Лексеич наткнулся год назад под горой Иремель. Чумоход полез в болото за горючим и застрял намертво; болото оказалось не бризоловым, и чумоход сдох. Митя легко представил ту картину: глухая топь с чёрными корягами, вокруг — гнилой лес-жидняк, а над ним — голубая громада горы… И в топи, задрав угловатые колени, кособоко раскорячился харвестер, облепленный тиной и ряской. Словно в последней мольбе о помощи, он задрал к небу суставчатую лапу с раззявленным челюстным захватом…

Егор Лексеич нанял в Челябе хакера, и тот украл у китайцев виртуальную модель комбайна. По опциям модели айтишники разработали операционный комплекс для ручного управления харвестером. Потом на болоте Егор Лексеич прочистил химикатами электронную начинку попавшего в ловушку комбайна, убил старую программу и ввёл новую. Так у бригадира Типалова появился дрессированный харвер. Егор Лексеич прятал его от всех — ну, кроме Петра.

Из глубины леса по просеке дополз шум двигателей; вскоре в темноте вспыхнула мощная фара, а за ней обрисовался шестиногий харвер. Он шёл первым. Свою руку с чокером он

сложил на спину, чтобы не мешала, а путь расчищал циркулярной пилой на манипуляторе — мелкие деревца, выросшие на просеке, валились как трава. За харвером ехал транспортёр бригады.

Здоровенный шестиногий комбайн, не останавливаясь, тяжко протопал мимо Мити и Маринки, отступивших от просеки в кусты. Егор Лексеич на ходу открыл дверь кабины и крикнул сверху:

— Бросайте мопеды, залазьте в мотолыгу!

В кабине харвестера Егор Лексеич смотрел на мониторы, а не на дорогу, освещённую дальнобойным лучом. В автоматическом режиме комбайн почти не требовал участия водителя. Кресло приятно пружинило, поглощая толчки; при спокойной ходьбе кабину плавно покачивало, будто на длинных волнах. На кронштейне висела перчатка гаунтлет-пульта — им управлялась рука с чокером. Егор Лексеич гордился своей машиной. Никто из бригадиров не сумел обуздать чумоход, только он один. Он помнил, как в тот день на болоте, сидя в кабине, он страшно разволновался, когда мёртвый комбайн вдруг ожил, зашевелился под ним, приподнялся на ногах и начал выбираться на сушу…

Просека вывела бригаду к неширокой речке. Здесь журчал перекат: под яркой луной бегуче взблёскивала чёрная вода, в ней белели спины обсохших валунов. Харвер, пощёлкивая, перешёл по броду без всяких затруднений, да и мотолыга справилась легко — она была амфибией; на середине потока её чуть приподняло, оторвав гусеницы от грунта, но сразу опустило обратно.

Митя и Маринка были рады избавиться от мопедов. В отсеке мотолыги к Маринке сразу придвинулся Серёга и что-то взволнованно зашептал на ухо. Митя почувствовал напряжение бригады. Талку колотил нервный озноб, и в углу отсека торчала какая-то новая баба со связанными за спиной руками. Баба имела злобный, затрёпанно-бандитский вид.

— Кто это? — негромко спросил Митя у Матушкина.

— Жиганку подцепили. Сбежала с лагеря. Щукой зовут.

Алёна рассматривала Щуку будто диковинную и опасную тварь.

— И что ты собиралась делать на Татлах, подруга? — спросила она.

— Влезла бы в поезд с брёвнами и сдёрнула на Уфу, — пробурчала Щука.

— Чушь несёшь, — усмехнулась Алёна. — Тебя на Юше проверка сняла бы.

Станция Юша располагалась на стратегической магистрали,

которая от Уфы, минуя Белорецк и Магнитку, уходила на юго-восток — в Китай. По магистрали безостановочно летели составы из цистерн с бризолом. От Юши на север отворачивала ветка до станции Пихта — до зловещей горы Ямантау. Пихту построили при возведении объекта «Гарнизон», а сейчас она была уже заброшена. Однако на ветке Юша — Пихта действовала станция Татлы — база лесорубов. Здесь закупщики из города принимали у бригад брёвна — партии срубленных «вожаков». Брёвна грузили в вагоны, поезда укатывали на Юшу. Там их проверяла железнодорожная охрана и потом выпускала на магистраль. Щуку непременно обнаружили бы, задержали и вернули на нары.

— Вы, каторжане белорецкие, зря считаете, что на город можно с поезда проскочить, — свысока сказала Алёна. — Гаситесь на вагонах с «вожаками», только работать нам мешаете. Хочешь на Уфу — неделю топай пешочком.

— Порожняк вертухайский гонишь! — не поверив, огрызнулась Щука.

А Егор Лексеич в кабине харвера тоже думал о Щуке.

Он не сожалел, что перебил патруль. А как иначе он смог бы сохранить мотолыгу и бригаду? В лесу жизнь устроена просто: что сможешь взять — то твоё. На Банном озере бригада Кардана ограбила бригаду Егора Лексеича, а на Арском камне бригада Егора Лексеича ограбила партизан. И сейчас вот патрульные попытались сыграть в ту же игру — но проиграли. Не на тех напали.

Разумеется, патруль — не вольная бригада. За убийство патрульных дадут вышку — если поймают, конечно. А патрульные наверняка вели трансляцию по видео… Что они показали? Показали, как остановили бригаду на мотолыге, а потом из леса выскочил чумоход — и всё. Никто не знает, что в чумоходе сидел человек. Такого раньше не бывало. Чумоходы — твари безумные, считай, дикие звери. Значит, патрулю просто не повезло. И погиб он случайно.

Бригада своего бригадира не выдаст… Но есть другой свидетель — Щука. Если её изловят, она легко заложит Типалова, лишь бы ей за сотрудничество скостили срок… Что с ней делать? Егор Лексеич пока не решил.

В тёмном небе висела щербатая луна. Харвер гудел и качался; он шёл по просеке сквозь лес уверенно и свободно — чудище, порождённое лесом, леса не боялось. Изредка харвер выдвигал вперёд манипулятор и на ходу срезал какое-нибудь тонкое дерево, стоящее на пути; дерево покорно падало с тихим вздохом, а харвер наступал на него, хрустя ветками, словно уже не замечал.

Когда-то Татлы был небольшим городком: поодаль на взгорье под луной белели мёртвые пятиэтажки с выбитыми окнами. В зарослях лип и тополей появились развалины. Егор Лексеич вытащил телефон и вызвал Холодовского.

— Саня, тормозни у пожарки, — сказал он. — Я сверну и харвер спрячу.

Не надо, чтобы на станции увидели прирученный харвестер.

Егор Лексеич увёл комбайн в чащу, положил на брюхо и выключил. Мотолыга ждала бригадира у бетонного корпуса бывшего пожарного гаража. В раззявленных проёмах его ворот плотно и непримиримо топорщились кусты, будто жильцы заслоняли вход, не пуская внутрь незваных гостей.

От заброшенной водокачки открылся вид на станцию, вернее на базу лесоприёма. Железная дорога расплеталась на несколько параллельных нитей, на путях застыли вагоны: мобильный генератор, цистерна с топливом, бункер-думпкары для чурбаков, маневровый локомотив, платформы с габаритными балками, пассажирская мотриса. На гравийном перроне раскорячились два колёсных автопогрузчика. Товарную площадку загромоздили лесовозы с полуприцепами-роспусками. Подальше возвышалось плоское здание депо, на его крыше росли деревца. Бригады размещались в одноэтажных кирпичных домиках-казармах с умывальниками во дворе. Всю базу освещали прожектора. Торчали четыре стальных мачты с растяжками — опоры интерфераторов.

Мотолыга подкатила к шлагбауму; из будки, зевая, вышел охранник.

— Вон та хибара свободна, — махнул он рукой.

В пустом доме на облезлых стенах, исписанных матюками, чернел грибок, на полу валялись бутылки и мусор, чем-то воняло.

— Ну и срач! — удивилась Алёна.

— До завтра как-нибудь перекантуемся, — ответил Егор Лексеич.

Он перерезал наручники Щуке и втолкнул её в кладовку без окон; дверь подпёр брусом, чтобы Щука не сбежала.

Бригада располагалась на ночлег. Все устали, всем было плевать и на мусор, и на вонь, и даже на то, что ужин отменялся.

В коридоре Маринку перехватил Костик.

— Погоди! — заговорщицки улыбнулся он. — Зацени-ка!

На ладони у Костика лежало золотое колечко с синим камнем.

— Хочешь, короче, подарю?

Кольцо было красивое: Маринка поневоле чуть шевельнула тем пальцем, на который надела бы его. Но без умысла Костик

ничего не стал бы дарить.

— И чё те надо? — поинтересовалась Маринка.

— Да ничё, не ссы. Просто приходи сейчас к трактору, выпьешь со мной. Я у матери бутылку вина спиздил, нормального такого. Типа посидим.

Ржавый трактор торчал за углом их домика.

— Ну ладно, — нехотя согласилась Маринка. — Через десять минут приду.

Окрылённый, Костик поспешил на улицу. Он распинал всякий хлам, что валялся за трактором, притащил от дома три более-менее целых ящика из-под овощей, неумело открыл бутылку вина и майкой протёр изнутри кружку для гостьи. Трактор отбрасывал густую тень, а за ней прожектора высвечивали товарную площадку, лесовозы и перрон. Звенели ночные цикады.

А Маринка явилась с Серёгой. Конечно, она ничуть не опасалась Костика, но ей забавно было поглумиться над придурком. Думал, за халявное колечко она согласна на что хочешь?.. И Серёга тоже с удовольствием полюбовался бы унижением рьяного соперника. Достал уже этот урод: лезет и лезет.

Костик обомлел от такого коварства, а потом разъярился.

— Я тебя не звал! — прямо ляпнул он Серёге. — Вали отсюда!

— Да ты чего? — широко улыбнулся Серёга. — Давай с друзьями накатим!

Он поставил на ящик ещё одну кружку, свою, вынул бутылку у Костика из рук и разлил вино: себе и Маринке — сполна, Костику — на донышке.

— Детям много нельзя, — сообщил он. — Алкашами вырастут.

Серёга уселся на ящик и пошлёпал себя по коленям:

— Марин, залазий, третьего-то стула нету.

Маринка пристроилась у него на коленях, обняла за шею и взяла кружку.

— Здоровья тебе! — пожелала она Костику и отпила. — А где ты кольцо добыл? У мамки спёр, как и винище?

Костик плюхнулся на своё место, и глаза у него злобно заискрились.

— У блядушки городской снял, — сообщил он. — Мы же сёдня с утряни на экскаваторе выебли тех сучек. Чё, Серый, ты не говорил, что ли?

Маринкина рука на шее у Серёги словно онемела.

— Да не ходил я с вами! — гневно отпёрся Серёга.

— А на стрёме у нас кто был? — резонно возразил Костик.

Маринка не торопясь допила вино и поставила кружку на ящик. Нельзя, чтобы Костик увидел, как она уязвлена. Нет, скотство мужиков из бригады её не впечатляло: мужики всегда мужики. И городских девок она не жалела. И в Серёге не сомневалась. Оскорбило её другое. У жизни была особая сторона, на которую бабы не допускались. Если Серёга хочет быть вместе с Маринкой, то не должен заходить на эту сторону. Но Серёга зашёл — пусть и поневоле. И тем самым как бы принизил Маринку — указал, где ей нет места. А бригадира ограничивать нельзя. Она, Маринка, будет бригадиром. Значит, Серёга как бы пренебрёг её будущим, её авторитетом.

Маринка поднялась на ноги.

— Ну, вам и без меня есть чего вспомнить, — сказала она и пошла прочь.

Костик ухмыльнулся — он отомстил. А Серёга бросился за Маринкой.

— Слушай, я правда ничего не делал! — он поймал Маринку за локоть. — Ну покараулил парней городских, чтобы дверь не вышибли, и всё!

— Молодец, — сухо похвалила Маринка.

— Мне другие девки не нужны! — торопливо заверил Серёга.

Маринке он сейчас показался жалким. Харлей никогда бы и не подумал оправдываться — да он и угрызений совести не испытал бы. А Башенин и мужикам услужил, и перед ней сейчас извивался.

— Я Костику челюсть сломаю! — в отчаянии пообещал Серёга.

Маринка помедлила и повернулась к нему. Её захлестнули чувства — и обида, и бешенство, и унижение, и ненависть. И Серёга, и Костик её достали! Один — ушлый не по годам, другой — какой-то недоделанный!

— Отъебитесь от меня оба! — прошипела Маринка.

Оттолкнув Серёгу, она почти побежала к домику.

33
Станция Татлы (I)

После ночлега на твёрдом полу спина у Егора Лексеича гудела, однако настроение было отличным. Егор Лексеич чувствовал себя бодрым и сильным. Похрустывая гравием, он шагал к мотрисе — передвижному жилищу Геворга Арояна, хозяина лесобазы на станции Татлы. Под низким солнцем всё казалось ярким и выпуклым. У бетонной стены депо весело зеленел чертополох. По площадке уже катался, ворочая брёвна, автопогрузчик. На путях гудел вагон-генератор. Во дворах казарм и возле машин мелькали люди, и Егор Лексеич то и дело приветственно махал рукой. Здесь все его знали, все уважали — один из лучших бригадиров. Егору Лексеичу нравилось бывать на Татлах.

— Ваня! Вань! — позвал он мужика в бейсболке, мужик тащил канистру с бризолом. — Татауров, пень ты глухой!..

Мужик оглянулся. Егор Лексеич подошёл, протягивая руку.

— Как торговля? — он прищурился на рельсовые пути. — Что-то лавки твоей не вижу… Переставили за депо?

Татауров держал на Татлах вагон-магазин, продавал бригадам всё, что требовалось в командировках: спецовки и каски, спальные мешки, фонари, топоры, верёвки, патроны, батареи, цепи для мотопил. Продукты и выпивка у него были, разумеется, не по талонам, а потому втрое дороже, чем в Магнитке.

— Лавку час назад на Уфу с маневровым отправил, — пояснил Татауров. — Товар, считай, весь закончился, пополняться надо. Сегодня вечером вернётся.

— Кто кассу-то сделал? — удивился Типалов. — Народу вроде немного…

— Алабай на месяц бригаду снаряжал.

У Егора Лексеича неприятно потяжелело в груди.

— Куда он так надолго намылился?

Татауров поправил бейсболку и хитро глянул на Егора Лексеича:

— Сам знаешь, за фарт не базарят. Это ваши бригадирские заморочки.

— Ну да, ну да… — кивнул Егор Лексеич. — А я, значит, отсосу? Мне тоже всего надо. Меня Кардан на Банном обул. Последний хуй без соли доедаем.

— Скажи, что тебе взять с Уфы, я звякну Мишане, он

загрузит, — пообещал Татауров. — Алёну пришли со списком.

Егор Лексеич давно заметил, что Татауров бьёт клинья под Алёну. Вот и сейчас прямо у него под носом чего-то выкружить хочет.

— Лады, — мрачно согласился Егор Лексеич.

Настроение у него испортилось. Точнее, испарилась безмятежность, и на душе стало тревожно. Вроде всё мирно вокруг, птички чирикают, тарахтит погрузчик, по небу плывут облака со слепящими краями, но где-то в лесах за станцией затаился Алабай. Он всегда был как бы на периферии зрения, но Егор Лексеич постоянно натыкался на его следы. Алабай не просто ухлопал Харлея. Он явно что-то задумал и к чему-то готовится…

Красно-жёлтая мотриса укрылась в тенёчке — под ветвями раскидистых тополей, что выросли на откосе насыпи. Отпыхиваясь, Егор Лексеич поднялся к дверям мотрисы и постучал. Автоматические двери, помедлив, разъехались.

В светлом салоне было прохладно — работал кондиционер. Егор Лексеич угодил как раз к завтраку. Ароян — лысый, поджарый, спортивный — сидел за столом с каким-то чернявым парнем, вроде тоже армянином. Завтрак у них был городской: глазунья с беконом, малина в сливках и кофе. Вкусно пахло свежей выпечкой. Ароян отложил вилку с ножом, поднялся и поздоровался.

— Рад видеть, Егор Алексеевич, — сказал он. — Знакомься, это мой сын Альберт. Присаживайся. Будешь что-нибудь? Алик принесёт.

Парень вежливо встал, пока Егор Лексеич усаживался.

— Ну, кофию разве что, — по-деревенски закряхтел Егор Лексеич. Он решил изобразить доброго дядюшку-простака — эта роль ему всегда удавалась. — Наследника обучаешь, Геворг Агазарыч? Правильное дело.

— «Наследника обучаешь» сильно сказано, — с лёгкой грустью улыбнулся Ароян. — Алик, увы, моему делу не продолжатель. Он просто навестить меня приехал, а бизнес его не интересует. Он наукой занимается, социологией.

— Антропологией, папа, — поправил Алик, заряжая кофемашину.

— Вот оно-то, — огорчился и Егор Лексеич. — Ну, а нам деваться некуда…

Алик поставил ему чашку кофе.

— Я к себе пойду, пап, не буду мешать, — сказал он.

Егор Лексеич заворочался, собираясь приступить к делу.

— Слушай, Геворг, — понизив голос, заговорил он, — у меня

нарисовалась большая партия. Хочу привезти тебе хлыстов триста — пятьсот.

— Ты? — вздёрнул брови Ароян.

Егора Лексеича даже покоробило его изумление. Обычная партия была в тридцать — пятьдесят брёвен, однако он, Типалов, — один из лучших бригадиров, если не самый лучший, так неужели он не перевыполнит норму в десять раз?

— А чем я плох, Геворг?

— Да нет, извини, — спохватился Ароян.

Егор Лексеич сделал вид, что немного обиделся, и принялся шумно пить кофе, но в голове у него бешено завертелись мысли. Арояна изумило вовсе не количество брёвен, а то, что их привезёт Типалов… Почему? И Егор Лексеич понял. Потому что такую партию Арояну уже пообещали!.. Кто пообещал? Да Алабай же! Ответ очевиден!.. Алабай закупил у Татаурова припасы для долгой работы, он жаждет перехватить фарт Егора Лексеича на Ямантау… А куда же денется славный бригадир Типалов? А славного бригадира Типалова Алабай оставит где-нибудь в тихом месте удобрять почву для леса-мутанта.

И в сознании Егора Лексеича наконец-то выстроилась полная картинка событий. Там, на Банном озере, бригадир Кардан сказал, что Алабай потерял своего Бродягу. И, видимо, решил взять чужого. В чащобах ему подвернулся Харлей. Подручные Алабая догнали Харлея в Белорецке на лёжке. Связали. Отняли телефон. Допросили. Харлей ничего скрывать не стал: Бродяги — они такие, им всё похуй… И Алабай узнал о роще «вожаков»… От такой добычи он бы не отказался… Однако Харлей вырвался, завалил подручных и сбежал в Магнитку, домой. Алабай пошёл за ним — и что-то там стряслось. Наверное, Алабай снова пытался взять Харлея в плен и ненароком грохнул. И что теперь делать Алабаю?.. Егора Лексеича продрал озноб. Понятно, как поступит Алабай. Трек Харлея у него есть, а Бродяги нет. И Типал на Ямантау прётся… Значит, надо кончить Типала и забрать его Бродягу себе.

Получается, что где-то впереди Егора Лексеича поджидает засада.

— Хочу договориться, — сказал Арояну Егор Лексеич. — На мотолыге пять сотен хлыстов мне не вывезти. Давай так. По мере готовности партий я буду тебе звонить, а ты высылай мне в Межгорье лесовоз. Амортизация за мой счёт.

— Без проблем, — кивнул Ароян. — А у меня к тебе просьба.

— Чем смогу! — охотно отозвался Егор Лексеич.

— Дай мне сейчас Бродягу вагон проверить.

Это было обычным одолжением: Бродяга из одной бригады

проверял добычу другой бригады, чтобы среди ценных «вожаков» не затесалось бревно-пустышка. Но сейчас где-то поблизости ходил Алабай и охотился за Бродягой. Не подставу ли хочет устроить Ароян, ведь он принял предложение Алабая?

Егор Лексеич внимательно посмотрел в глаза Арояну.

— Егор, ты чего? — ответил Геворг Агазарович. — Я правил не нарушу.

Он не врал. Станция была нейтральной территорией, здесь нельзя было воровать или убивать. Выдавать секреты и планы других бригадиров тоже запрещалось. Потому Ароян и промолчал о намерении Алабая, хотя всё понял.

Егор Лексеич подумал, что Арояну жаль терять его, Типалова. Вопрос «ты?» означал досаду Арояна: обидно, что Алабай наметил жертвой Типала. Но встревать в разборки бригадиров хозяину станции не дозволяли правила. Ароян их соблюдал. И никогда не давал воли своим симпатиям. Алабай и Типал должны разобраться сами. И не на станции Татлы.

— Прости, Геворг, — криво улыбнулся Егор Лексеич. — Что-то мне всякая дрянь мерещится…

— Такая работа у нас, — согласился Ароян. — Со всякой дрянью… Кстати, Егор, должен предупредить. В Белорецкой зоне объявлена тревога, сбежала рецидивистка. Скоро сюда, на станцию, прилетит вертолёт со спецназом, будут проводить обыск и опрашивать свидетелей. Подчисти хвосты, если что.

— Да нечего мне чистить, — соврал Егор Лексеич. — Спасибо за кофий.

Он вышел из мотрисы на улицу и ладонью прикрыл глаза от солнца. Станция жила обычной жизнью. На перроне ворочались автопогрузчики, бригады отдыхали, возле казарм на верёвках сушилось бельё.

Егор Лексеич шёл к своему домику и думал об Арояне. Старый приятель без колебаний отдал его, бригадира Типалова, на съедение Алабаю. Так, блядь, положено. А чего можно было ждать от Геворга? Он не воспитательница в детском саду. На памяти Егора Лексеича Геворг Агазарыч трижды приговорил бригадиров к смерти. Ароян дозволял ошибку только один раз: только один раз бригадир мог подсунуть ему бревно-пустышку вместо «вожака». Вторая ошибка — и Ароян объявлял мошенника вне закона. Это означало, что любой бригадир при встрече обязан пристрелить пидараса. Если не пристрелит, если отпустит — то его самого объявят. Наглого Спайфера убили на Зилаире. Хитрожопого Чингачгука — на Таганае под Откликным Гребнем. Свирепого Хабиба Егор Лексеич вальнул у горы Юрма. После Хабиба Ароян зауважал Типалова, и они даже сдружились…

Геворг оценил, что бригадир Типалов понимает меру его, Геворга, ответственности перед теми, кому он, Геворг, сдаёт «вожаков». На кону — огромные деньги и репутация Геворга.

Домик, в котором разместилась бригада Егора Лексеича, при свете дня выглядел неважнецки: обшарпанный, с диким бурьяном под окнами. Ожидая бригадира, Фудин, Матушкин, Костик, Серёга, Маринка и Талка играли в карты; они сидели на ящиках, а столом им служил дощатый барабан — катушка от кабеля. Озабоченный Егор Лексеич молча прошагал мимо.

В кухне Алёна готовила завтрак на бризоловой плите.

— Кушать скоро будем, Егора, — предупредила она. — Не теряйся.

Алёна была вся домашняя и мягкая, Егор Лексеич погладил её по заду.

— Потом составь список продуктов на две недели, — сказал он, — и отнеси Татаурову… И ещё, Алён… Мне надо, чтобы ты выведала у него про Алабая.

— Дак как? — удивилась Алёна. — Нельзя болтать такое, сам знаешь…

— Ну, по-бабски расшевели его, ага? Очень требуется!

Егор Лексеич снова погладил её. Он не сомневался: Алёна всё сделает.

Митя почему-то ещё не встал, лежал на полу в комнате, закутавшись в спальный мешок с головой. Егор Лексеич пихнул его ногой:

— Митрий, подъём. Сходи к Арояну, хозяину станции, это мотриса — красно-жёлтая такая. Там твоей помощи ждут.

— У меня голова болит, — глухо сказал Митя.

— Не маленький уже. Съешь таблетку у Алёны и сходи.

Потом Егор Лексеич нашёл Холодовского. Тот сидел в пустой комнате на подоконнике и что-то смотрел в планшете. Егор Лексеич прикрыл дверь.

— Саня, атас! — прошептал он. — На станции шмон готовится, вояки летят. Щука нас выдаст. Надо её того… нейтрализовать.

Холодовский выключил планшет и внимательно глянул на бригадира.

— И что ты предлагаешь?

Егор Лексеич мрачно усмехнулся:

— Уведём в лес и кончим. А что ещё нам сделать?

34
Станция Татлы (II)

— А ты сможешь в таком состоянии коллигенты определять?

Алик Ароян не ожидал, что у бригадира Типалова столь молодой Бродяга — его, Алика, ровесник. И не ожидал, что Бродяга явится еле живым: зелёным, с тошнотой и дрожащими руками. Похоже, этот лесоруб подыхал с похмелья.

— Я не с похмелья, — ответил Митя на незаданный вопрос. — Не знаю, почему мне так плохо… Вчера я целый день под излучением пробыл — может, в нём причина…

Он посмотрел на индикатор на запястье, но ничего не понял.

Всю ночь его мучили кошмары, но утром Митя понял: это было что-то другое. Что-то происходило с его физиологией. У мотрисы его вырвало какой-то желчью, в которой темнели странные волокна, будто он наелся травы, хотя травы он, конечно, не ел. И кошмары не исчезли, как исчезают сны: они будто бы распались на клочья, но плавали во взбаламученном сознании, словно тина в болотине, то сцепляясь друг с другом, то выворачиваясь наизнанку. Стоило расслабиться, и сквозь реальный мир проступали какие-то образы: бетонные стены; неестественно густые хвойные лапы; голубые мониторы компьютеров; тухлая вода, в которой он тонул; лица людей, которые с жаром объясняли ему что-то непонятное… Голоса звучали как бред: «Синапсическая трансгрессия стабильна… Нейронный виброконтур цикличен по интегралу… Диплоидная апперцепция вышла за пределы инфополей…» Митя догадался, что это были его воспоминания. Его прошлое искало путь к восстановлению и нарушало ощущения от настоящего, потому что физиологию перестраивала радиация.

— Ну, давай попробуем поработать, — с сомнением согласился Алик.

Отец отправил его проверить «вожаков» с Бродягой Егора Лексеича. Алик повёл Митю к вагону-платформе, уже загружённому штабелем брёвен. Сам Алик нёс молоток и связку длинных металлических стрел с обратными шипами на остриях, Митя тащил две алюминиевые приставные лесенки.

— Мне надо просто убедиться, что все стволы — коллигенты, — пояснил Алик. — Ну, «вожаки» по-вашему. Ты ведь умеешь определять их рукой?

— Я знаю, что такое коллигенты, — ответил Митя. — И способ знаю. Он лишь выглядит тактильным, на самом деле это

биоэнергетический резонанс.

Алик покосился на Митю с удивлением.

Вагон с «вожаками» стоял поодаль, штабель был укреплён стропами. Митя подошёл, прислонил лестницы к борту вагона и без подготовки положил ладонь на шершавый срез ближайшего бревна. И сразу почувствовал тепло.

— Коллигент.

Алик тотчас принялся вколачивать в бревно длинную стрелу.

— Зачем это? — спросил Митя.

— Метка. Стрелу уже не вытащить, пока бревно не распилят. А на неё намагничены данные отца. Каждое бревно пять тысяч стоит.

— Сколько? — сквозь дурноту изумился Митя.

— В среднем пять тысяч. Хотя зависит от размеров.

— Егор Алексеич платит работнику по пятьдесят рублей за бревно…

Митя с трудом подсчитал в уме: примерно пятьсот рубляней с «вожака» уходит на лесорубов. Ну, ещё пятьсот — на саму работу. А четыре тысячи делят меж собой бригадир и приёмщик. Это огромная прибыль, огромные деньги…

— Наш бригадир — очень богатый человек, — сделал вывод Митя.

— Не богаче моего отца, — хмыкнул Алик. — Давай за дело.

Забираясь по приставной лестнице, Митя трогал брёвна — все оказывались тёплыми, а потом Алик взбирался по своей лестнице и вбивал стрелу.

— Зачем армия так переплачивает? — наконец спросил Митя. — Неужели там не знают, во сколько действительно обходится каждый ствол?

— А при чём здесь армия?

— Это же армия закупает коллигенты… Для изготовления пиродендрата…

Алик даже промазал молотком по стреле.

— Ты чего? — он посмотрел на Митю. — Делать взрывчатку из коллигентов всё равно что делать канализационные трубы из золота! Весь объём добытых у нас коллигентов идёт за границу! У отца партнёр — «Дойче Фитроник».

— Не понял! — искренне признался Митя.

— А чего тут не понять? Древесина коллигентов — это нейлектрическая ткань. Ведь нервная система подобна электронной микросхеме, чипу: те же тончайшие провода, те же слабые электротоки. Нейлектрическая ткань — это биологическая микросхема, только на два порядка сложнее, умнее. Я, конечно, утрирую, но суть ясна. Нейлектрические ткани — основа

фитроники, а это и компьютеры, и материалы, и сверхъёмкие аккумуляторы, и программируемая медицина, и сельхозкультуры, и вообще всё. Запад — он на фитронике.

Алик сунул молоток в щель между брёвен, достал из кармана телефон и отщёлкнул заднюю крышку. Митя увидел лоскуток зелёной плесени. Серёга уже показывал Мите такой телефон — его отняли у городских на драглайне.

— Так выглядит фитроника, — сказал Алик. — Нейлектрическую ткань можно выращивать на фермах, но это дороже и дольше, а можно извлекать из коллигентов. Вот мы и поставляем на Запад коллигенты.

Митя был изумлён простотой объяснения.

— Почему же тогда нам не заменить бризол для Китая на «вожаков» для Запада? — спросил он с каким-то предрешённым бессилием.

— Коллигентами страну не прокормить. Бризол производят миллионами тонн, а нейлектрической ткани нужно в тысячу раз меньше по объёму.

Алик вколачивал свои стрелы — будто правду в сознание Мити. Митю опять затошнило. В голове словно взорвался слепяще-разноцветный рой из забытых образов, Митя не мог остановить их, разделить и осмыслить.

— А как же война? Мы же воюем с Западом!

Митя словно бы цеплялся за что-то прочное руками, когда под ногами всё разъезжалось. Война и служила опорой. Про войну он узнал уже здесь, по эту сторону своей жизни, и война объясняла всё то, что творилось вокруг.

В ответ на Митин вопрос Алик только презрительно фыркнул.

Взобравшись на лестницы, они проверяли верхние ряды брёвен. Митя не обнаружил ни одной пустышки, и Алик потратил почти все стрелы.

— Слушай, — обратился он к Мите с неожиданной осторожностью, — а ты ведь городской… Говоришь правильно, ни разу не выматерился…

— При чём тут городской я или не городской? — опять удивился Митя.

В вопросе Алика он почувствовал пренебрежение к жителям заводских селений вроде Магнитки, и ему стало обидно. Разве Серёга или Маринка хуже Алика?.. Хотя, по правде говоря, во многих отношениях — хуже… Но это не повод считать их людьми второго сорта, как утверждал Холодовский…

— Вроде бы я городской. Я приехал в Магнитку к брату и… — Митя не знал, как объяснить проще. — Словом, попал в аварию и облучился до амнезии.

— Ага, в аварию, — не поверил Алик. — Ладно, полезай за мной.

Они уселись сверху на штабеле, и Алик закурил. С высоты открывался вид на станцию: железнодорожная техника на путях, погрузчики, лесовозы на гравийных площадках, заброшенное депо, домики, мачты интерферaторов, дальняя свалка, люди ходят туда-сюда… Ничего особенного, рабочий день.

— Ты кто по образованию? — поинтересовался Алик.

— Толком не помню… Кажется, фитоценолог.

— А я антрополог.

Алик, жмурясь от солнца, оглядывал базу лесоприёмки.

— Я полагаю, что здесь, не территориях вне мегаполисов, сформировался особый антропологический тип. Со мной не соглашаются, даже отец настроен скептически. Для сторонников классической антропологии исчерпывающим истолкованием здешнего порядка жизни является тривиальное невежество местного населения. Однако моя гипотеза не отрицает невежества.

— Что за антропологический тип? — мрачно спросил Митя.

— Для формирования антропотипа необходима некая якорная установка, моделирующая мировоззрение и поведенческие практики. Вне мегаполисов таким императивом принято утверждение о войне. Вера в войну и формирует здешнюю жизнь. Ведь в реальности никакой ядерной войны никогда не было. В мегаполисах это все знают.

— Как не было войны?! — поразился Митя.

— Вот так и не было.

— А радиация?

— Т-щёрт возьми! — почему-то разозлился Алик. — У вас же, лесорубов, всё перед носом! Физику в школе учили? Учили! Под решётками сидите? Сидите! Ну как электромагнитное излучение может защитить от радиации? Да сложи ты два и два, неужели трудно? Разве само название вам ни на что не намекает? Интерферaтор — значит, интерференция! Что могут гасить волны определённой частоты? Только волны такой же природы! В этом и суть интерференции! Значит, нет никакой радиации, есть электромагнитное излучение!

Митя не знал, что сказать. Истина была самоочевидна.

— Невежество — когда не хватает знаний. Но лесорубам знаний-то вполне хватает! Среднее образование никто не отменял! Просто в осмыслении мира приоритеты задаёт антропология! И она не позволяет принять истину, даже если её тебе в харю тычут, сорри за термины!

Митя чувствовал себя полным идиотом. Его тошнило.

— А война? — глупо переспросил он.

— Не было войны. Никому мы на хрен не нужны, — Алик произнёс это со спокойствием давнего приговора. — Мы ничего не можем дать миру. А наше богатство — только территория. Её-то мы и уступили Китаю. Он выкупил у нас заводы и переоборудовал их под производство бризола. Китайские комбайны рубят лес, а мы — дешёвая рабочая сила. Чтобы лес быстрее восстанавливался, Китай подвесил над нами спутники с излучателями для ускорения вегетации.

— Селератный лес… — понимающе пробормотал Митя.

— Да, — кивнул Алик. — Лес с ускоренной вегетацией. Десяток лет — и он снова готов для вырубки. А вы считаете облучение со спутников радиацией. Но ты хоть где-нибудь дозиметры встречал?

— Индикаторы у каждого есть…

— Какая у них единица измерения? Зиверт?

Митя молча пожал плечами, словно был виноват.

— Жилые зоны прикрыли интерферaторами. А на страну плевать. Иначе мозги бы включили. Если в городах ещё пытаются жить как на Западе, то лесорубы просто соорудили себе свою особую картину мира: война, радиация, бригады, Бродяги… Я же говорю — новый антропологический тип. И какая у него этика — шиш поймёшь. Может, и нет у него этики, одна вегетация…

Над дальней горой в синеве неба проклюнулась тёмная точка. Вскоре стало видно, что к Татлам летит вертолёт. Алик засобирался.

— Давай закругляться. Спецгруппа из Уфы разыскивает какую-то беглую заключённую. Сейчас лесорубов допрашивать будут.

Митя продолжал сидеть, оглушённый всем тем, что рассказал Алик. В общем-то, мировоззрение лесорубов его не касалось, но в открытых Аликом обстоятельствах его прежняя жизнь, без сомнений, обретала иной смысл.

Митя хотел ещё спросить у Алика про «Гринпис». Чем тот занимается? Почему «гринписовцев» считают предателями? Что они делают на объекте «Гарнизон» в недрах горы Ямантау?.. Митя должен был это знать, если он действительно потерявшийся «гринписовец». Но Алик уже слезал со штабеля.

А вертолёт приближался стремительно, как в сказке; из оптической абстракции он превращался в объёмное тело. Стёкла кабины сверкали. На округлых бортах желтели и зеленели пятна камуфляжа. Клокотал винт.

Вертолёт завис над гравийной площадкой, и поднятая пыль разбежалась из-под него дымящимся кольцом.

35
Станция Татлы (III)

— Короче, расклад такой, — начал Егор Лексеич. — Сейчас сюда прилетят вояки и устроют большой шмон. Ищут эту каторжанку — Щуку.

Бригада собралась во дворе — там, где играли в карты. Пришли все, кроме Мити, даже Алёна бросила кухню. Типалов вглядывался в лица своих людей: подведут или нет? Народ, конечно, с бору по сосенке, но ведь все же заодно…

— У вояк наверняка есть запись вчерашней заварухи с патрулём, но вам бояться нечего, — продолжил Егор Лексеич. — Не говорите, что в харвере сидел я. Напал дикий чумоход, и жопа патрулю. А про Щуку скажите, что она после чумохода сразу сдриснула куда-то и больше вы её не видели. Запомните?

— Несложно, шеф, — солидно согласился Фудин.

— Дак Щука же на кладовке сидит! — удивилась Талка.

— Не будет её с кладовки! — сдерживая раздражение, сказал Егор Лексеич. — Всё! Исчезла она! Испарилась! Не было её! Вчера вечером удрала!

Талка наконец поняла и в ужасе захлопнула рот ладонью.

Егор Лексеич в досаде поморщился. Талка — слабое звено. Но требовалось ещё раз разъяснить бригаде, что к чему, и ткнуть носом в здравый смысл.

— Вояки — они за городских, — внушительно произнёс Егор Лексеич. — Им на вас похуй. На Щуку — тоже. Вояки начальству служат. А мы — стране! Без наших «вожаков» эту войну не выиграть! Подумайте бошками-то своими тупыми! Мы большое дело делаем, так не дайте городским нам помешать!

— А Щуку в расход, ага? — злорадно улыбаясь, влез Костик. — Или куда?

— Куда надо! — огрызнулся Егор Лексеич. — Конец базару! Теперь у вас бригадир — Саня Холодовский, как с документов написано!

Егор Лексеич, сопя от недовольства, направился к домику. Холодовский пошёл за ним. Взволнованная бригада осталась во дворе. Матушкин, воровато оглядевшись, тотчас изобразил бригадира: ссутулился и выпятил брюхо, как Егор Лексеич, брюзгливо распустил нижнюю губу и проворчал:

— У вас, мудозвонов, одни смехуёчки да пиздахаханьки, а я самый мудрый, пойду эту амбразуру пузом заткну!

Алёна молча отвесила Матушкину звонкий подзатыльник.

В кладовке Егор Лексеич без объяснений сунул обозлённой Щуке под дых кулаком, чтобы не трепыхалась, а Холодовский связал ей руки за спиной.

— Топай вперёд и не ори, — посоветовал Егор Лексеич.

На плече у него уже висел автомат.

Он вывел Щуку из дома через дальнюю дверь и толкнул в загривок.

— Куда идём-то, начальник? — ухмыльнулась Щука, но ответа не получила.

Вдвоём они миновали густую и заваленную хламом лесополосу, что ограждала территорию станции, и оказались на заболоченном берегу ручья. Егор Лексеич увидел поодаль дорожку и мостик из гнилых шпал. За ручьём над косматой зеленью поднимались дырявые крыши заброшенного городка.

Егор Лексеич решил завести Щуку подальше в развалины, чтобы на станции никто не услышал треск автомата. Участь Щуки Егора Лексеича не беспокоила, а вот сама каторжанка занервничала.

— Ты чё задумал? — оглядываясь, спросила она.

— Топай, сказал.

Над ними с клёкотом рубивших воздух лопастей медленно проплыл толстобокий армейский вертолёт, разрисованный пятнами камуфляжа.

Обогнув ржавый, заросший жимолостью остов самосвала, Егор Лексеич разглядел за одичавшим палисадником вполне подходящий двухэтажный дом. Окна его были выбиты, штукатурка осыпалась, оголив кладку из красного кирпича, над стенами торчали обломанные листы шифера — они сползли со ската крыши. Правый подъезд обрушился, оголив внутренние перекрытия с досками и деревянными балками, левый подъезд пока уцелел.

— Туда, — скомандовал Щуке Егор Лексеич.

Щука вошла в подъезд, оступаясь в полумраке на мусоре. Егор Лексеич последовал за ней. Он снял автомат с плеча и готов был выстрелить.

— Слышь, командир, не беспредель! — обернулась Щука. — Отпусти! Никому я не скажу про тот патруль!

— Нет, скажешь, — усмехнувшись, возразил Егор Лексеич. — Я вашу породу каторжанскую знаю. Блатной фраеру должен не бывает. Сейчас мне что угодно прогонишь, а потом за убавку срока всех сдашь с потрохами.

С улицы доносился безмятежный стрёкот кузнечиков. Длинная полоса солнечного света лежала на стене с облупленной краской, на секции ржавых почтовых ящиков, на скелете детской

коляски с истлевшим коробом.

— Погоди, не стреляй! — Щука попятилась в угол, ноги её подгибались от ужаса. — Я тебе правду открою! Я Ведьма!

— Ну так наколдуй, чтоб тебя черти унесли.

— Я не со сказки ведьма! Я по лесу Ведьма! Как Бродяга — но Ведьма!

В готовности выстрелить руки Егора Лексеича уже наливались тяжестью.

— Таких не бывает. Это пиздёж.

— Не пиздёж! Я лес чую! «Вожаков» искать не умею, а лес чую!

Щука не врала — Ведьмы действительно существовали. Их было гораздо меньше, чем Бродяг, но всё же они были. Некоторые бабы, угодившие под облучение, превращались не в Бродяг, а в Ведьм. Могли и в Бродяг, но изредка случалось, что делались Ведьмами: начинали ощущать лес, причём не только вокруг себя, а на огромном пространстве. Пару лет назад бригадир Шорох показал Егору Лексеичу неприметную женщину в своей бригаде — Ведьму. Шорох говорил, что она определяет, куда можно заходить, а куда не стоит. Умеет отводить опасность, когда лес бунтует, и даже перенаправлять гнев леса на бригады соперников. Егор Лексеич Шороху не поверил и потом убедил себя, что был прав: бригада Шороха сгинула где-то на хребте Крака. Значит, Ведьма не помогла. Но ведь сплетня о Ведьмах родилась не на пустом месте…

— И что ты чуешь сейчас? — спросил Егор Лексеич.

— С Ямантау зыбь идёт. Она всегда идёт, но этим летом совсем качает.

— Такое я и сам чую.

— Я мёртвую тропку встретила, пока моталась по ебеням! — торопливо выдала Щука. — Смерть козой по тропке прыгала, какую-то бригаду копытом растоптала, они все там до сих пор лежат! Я найти могу, это недалеко!

— На кой хер мне мертвяки?

— Зато узнаешь, гоню я или нет.

Щука шарила глазами по лицу Егора Лексеича. Егор Лексеич задумался. Следует ли рисковать, оставляя эту тварь в живых? Нужна ли ему Ведьма? И Ведьма ли Щука на самом деле?..

А на станции Татлы, где приземлился вертолёт, в это время всё было спокойно, даже погрузчики не прекратили работу. Из вертолёта выбрались спецназовцы, обвешанные аппаратурой и оружием, но никакого захвата станции и поголовного обыска они не устраивали: держались расслабленно, с ленцой. Офицер о чём-то переговорил с подоспевшим Арояном и сразу повёл

своих бойцов к домику, в котором располагалась бригада Типалова.

— У них наверняка есть запись гибели патруля на Сундукташе, — пояснил бригаде Холодовский. — На видео — мотолыга. А её они ещё с вертолёта заметили. Так что никого искать им не надо.

Спецназовцы загнали бригаду в дом — всех, кроме Маринки, потому что её на записи не было. Офицер допрашивал свидетелей поодиночке.

— Рассказывай, что там стряслось и куда подевалась Щукина, — говорил он каждому, кого к нему приводили.

— Своих действий я в точности не помню, — Холодовский отвечал ясно и спокойно. — Кто что делал — тоже не помню. Я полностью был сосредоточен на чумоходе, а не на людях, чтобы отреагировать адекватно, вот и всё.

— Я в тот момент понял, что надо под машиной укрыться, у неё клиренс низкий и для чокера места нет, — деловито сообщил Фудин. — Пока пролазил, всё закончилось. С такой ситуации на посторонних внимание не обращаешь, так что я не видел ничего, товарищ офицер.

— Думать некогда было, каждый уж сам за себя, — Матушкин виновато поскрёб кудлатую голову. — Я стреканул — кажись, мотолыгу перепрыгнул… Какая на хрен Щука? Я свои штаны чуть не потерял!

— Я? — запыхтел Калдей. — А я чё? Все там чё-то, и я тоже. Не знаю ничё.

— Да я труханул по полной, куда-то шарахнулся, на других не смотрел, — смущённо похохатывая, признался Серёга.

— У меня вот здесь всё прямо оборвалось, — Алёна с тяжким вздохом положила ладонь на обширную грудь. — Я просто замертво была, как заяц!

— Я сразу в сторону скользнул, чтобы харвер меня не зацепил, — Костика, похоже, забавляло, как он удирал. — Кто там куда — хер разберёт.

— Просто к лесу побежала, — бесцветно сказала Вильма. — Ни на кого не оглядывалась.

— Меня вообще до сих пор трясёт! — едва не заплакала Талка. — Всё с тумана, только чудище это лапой тянется!.. Кошмар такой!

Допрос затянулся надолго. Маринка сидела во дворе на ящике возле стола из катушки от кабеля и, скучая, рассматривала станцию: вертолёт, лесовозы, рукастые погрузчики на перроне, домики в окружении бурьяна, коробка депо, цистерна, вагоны с брёвнами, красно-жёлтая мотриса, мачты

интерфераторов на растяжках… Маринке скорее хотелось в лес — валить «вожаков» на склонах страшной и недоступной горы Ямантау. Ощутить настоящую работу, когда ты сам себе хозяин, когда в твоей власти и дело, и люди, и машины… Испытать на себе угрюмое непокорство леса — и свою победительную силу…

К Маринке присоединился Митя. После разговора с Аликом Арояном он был подавлен и молчал. Маринка оценила его ненавязчивость.

А вот боец — охранник у дверей дома — изнывал от безделья. Он стащил каску в полотняном чехле и всё поглядывал на Маринку.

— Чего сидишь тут? — спросил он, не устояв перед искушением.

— Тебе какая разница? — ответила Маринка.

Боец был молодым парнем — крепким, коротко стриженным, наглым.

— Борзая, — оценил он.

Он нырнул в дом и скоро вернулся.

— Ещё час там проваландаются, не меньше, — ухмыляясь, сообщил он Маринке. — Успеешь кончить, если постараешься. Сотку даю.

До Маринки дошла суть его слов, и Маринка покраснела от бешенства.

— Пош-шёл ты! — прошипела она.

— Ты кого послала, сельбанка? — принялся весело распаляться боец, ему надо было взвинтить себя. — Меня послала, да?

— Отвали!

— Ты на кого залупаешься, сучка? Да я тебя на борт затащу — всех, блядь, обслужишь, а потом и спрыгнешь без парашюта!

Боец схватил Маринку за руку и рывком поднял на ноги.

— Отпусти! — рявкнула Маринка. Серёга Башенин был где-то рядом, в доме, и Маринка заорала: — Серёга!.. Серый!

Она даже не подумала, что Митя — этот городской хлюпик — может чем-то ей помочь, но Митя мгновенно оказался рядом с бойцом и обеими руками толкнул его в грудь, прикрытую бронежилетом. Маринка обомлела.

Боец, не раздумывая, ударил Митю в челюсть, и Митя отлетел, однако тотчас же выправился и бросился на бойца снова.

И вдруг между ними появился Егор Лексеич. С хозяйской уверенностью он плечом отпихнул Митю и двинулся на бойца, выставив ствол.

— Ты кто такой, дядя? — изумился боец, лихорадочно перетягивая со спины свой автомат. — Ты на кого оружие нацелил, падла?

— Уймись, — произнёс Егор Лексеич. — Уймись, салага. Я бригадир.

Боец уже понял, что заполучить девку ему не удастся, и отступил.

— Мы вас всех положим! — Он харкнул под ноги Егору Лексеичу.

— Успокойся, говорю.

Митя тяжело дышал, сжимая кулаки. Маринка убрала с лица волосы.

Егор Лексеич немного опустил ствол автомата.

— Не надо бычить, боец, — дружески посоветовал он спецназовцу. — Ты не у себя дома. Мы тут на станции — бригады лесорубов, мы все с автоматами и базуками, мы чумоходов бьём. Хорош барагозить.

Боец встряхнулся, начиная соображать.

— Вот и лады, — похвалил его Егор Лексеич. — Велели тебе дверь охранять — дак охраняй, не отвлекайся. И ребят моих не трогай. Всем лучше будет.

36
Станция Татлы (IV)

Вертолёт со спецназом улетел восвояси часов в семь вечера, а к исходу дня на станцию вернулся товарный поезд из Уфы. Сначала откуда-то издалека, из-за лесов — словно из прошлого, долетел гудок локомотива, а потом во мгле на просеке обрисовался тепловоз. Он тащил три пустые платформы для брёвен и пассажирский вагон — передвижной магазин Татаурова. С мягким стуком поезд прокатился мимо мотрисы и, заскрипев буксами, замер на своём месте.

Машинист с помощником ещё переставляли локомотив на запасный путь, вручную переводя стрелки, а к вагону Татаурова уже потянулись работяги из разных бригад, истомившиеся за день в жажде дозволенной выпивки. Алёна терпеливо переждала наплыв страждущих. Список продуктов она принесла Татаурову ещё утром, а сейчас должна была получить товар и расплатиться.

Переоборудованный вагон служил Ваньке Татаурову сразу и магазином, и складом, и жилищем. Татауров поманил Алёну в подсобку.

— Вот, скидал вам, — он указал на пластиковые ящики. — Сверять будешь?

Алёна наклонилась, переворачивая в ящике верхние упаковки, чтобы Татауров увидел её оттопыренный круглый зад.

— Не обманешь, поди? — пропыхтела она.

Татауров тотчас положил ладонь ей на задницу.

— Извини, Алёнушка, не могу сдержаться, — честно признался он.

— Дак и не сдерживайся, — распрямляясь, улыбнулась Алёна.

Роняя товары с полок, взволнованный Татауров метнулся запирать вагон.

В купе Татаурова Алёна сама разделась и легла на диванчик, для затравки прикрывшись простынёй. Ваня Татауров не вызывал у неё ни желания, ни отторжения. Ваня как Ваня. Мелкий жук при большом бизнесе. Супружник у Алёны был таким же — и сел за мошенничество. Алёна давно уже научилась спокойно брать от мужиков то, что ей нужно, — удовольствие или помощь, и ничто её не смущало. Не девушка ведь. Вся эта трепетность — для малолеток. А она — спелая и красивая баба, которая всё понимает и всему знает цену.

Ваня оказался ничего так — жадненький мужчинка

и напористый. Видно, и правда, что она ему запала в душу. Выкладывался он сполна. Алёна сладко и непритворно застонала. В окне за занавеской над вершинами леса догорал жаркий багрянец заката. Алёна, расслабляясь, с нежностью вспомнила Егора Лексеича: да, Егор Лексеич попросил её сделать то, что ей было приятно.

— Ох, Ваня, пора уже мне до бригады, — потягиваясь, сказала она. — Завтра выезжаем спозаранку.

— Может, не поедешь? — Татауров ласкал её полную грудь.

— А чё не ехать-то? — Алёна выводила его на откровенный разговор.

— Опасно там…

— Брось ты, Вань, — отмахнулась она. — Я слышала от бабёшек с других бригад, что Алабай там на Типалова зубы точит… Ерунда.

Алёна умышленно назвала Алабая: дескать, никакой это не секрет и тему Алабая можно обсуждать свободно.

— Ничё не ерунда, — запыхтев, признался Татауров. — У него нормальная такая база на Межгорье… Он автоматных рожков закупил — на войну хватит. Хотел ещё коптеров взять — у него нет, а у меня тоже закончились.

— Ну и что? — зевнула Алёна, рассчитывая, что Ваня продолжит.

— Как «ну и что»? Он же на вас готовится напасть. Ему Бродяга нужен. Не ездий с Типалом, Алёнушка. Алабай мочилово устроит.

— У меня на бригаде восемь мужиков. Как-нибудь отстреляются.

— И у него тоже восемь. Поровну будет.

Алёна тихо засмеялась, довольная собой, перелезла через Татаурова и подняла с коврика на полу свою одежду.

— Я тебе добро советую, а ты не веришь, — обиделся Татауров.

Алёна застегнула лифчик, перекрутила его вокруг себя застёжкой на спину и вправила большие груди в чашечки.

— А почему у него кличка Алабай? — спросила она уже наверхосытку.

— Он думал приучить собаку «вожаков» искать. Городской. «Спортсмен».

— Ясно с ним… Ну, бывай, Ваня, — легко попрощалась Алёна.

Она узнала всё, что требовалось Егору Лексеичу.

Сам же Егор Лексеич бесцельно прогуливался по станции, убивая время, и наткнулся на тихий междусобойчик трёх

бригадиров, уютно рассевшихся за депо на раскладных стульчиках. Перед ними стоял походный столик, тоже раскладной, а на нём — пара бутылок, кружки и открытые консервы на закуску.

— Давай к нам, Типал, — пригласил бригадир Тайсон. — Примешь?

— Писят, не больше, — согласился Егор Лексеич.

Со всеми он был шапочно знаком: с Тайсоном из города Сатки, с молодым Кайманом и стареньким Перхуром.

— Я говорю, у Бродяг пошёл гон, — убеждал собеседников Перхур. — Вы такого не видели, а я видел. Они будто слышат что-то — и сваливают с бригад. Сбиваются в стаи. Хуй знает, чё им надо. Идут и идут.

— Я встретил стаю под Шапкой, но не Бродяг, а уже лешаков, — подтвердил Егор Лексеич. — Не знаю, опасные ли были, но напали. Мы хлопнули парочку.

— Это Зов, — заявил Перхур. — Он раз на восемь лет случается. Восемь лет — срок делянки. Где-то, значит, рубят какой-то лес, он и зовёт на помощь. Лес, я думаю, на Бурзяне, а Зов по пчелиным дорогам раскатывается. Если Бродяга попадает на пчелиную дорогу, то слышит Зов и уходит на него. А где лежат пчелиные дороги, никто не помнит, пасек-то больше нет. Но бурзянка самой знатной пчелой была. Королевской.

— Без насекомых лесу не прожить, — подтвердил умозаключение Перхура Егор Лексеич. — Я точно знаю. Так что вполне возможно, что Зов — с Бурзяна.

— Там, на юге, совсем какая-то херня творится, — заметил Тайсон. — Про Мурадым слышали? Я-то сам не добирался, а кто был, говорят, что деревья в ущелье корнями выламывают камни и сбрасывают сверху на бригады.

— Может, просто так обвалы?

— До хуя для просто так.

— По Кувандыку, говорят, снова слепожары поползли, — сообщил Перхур. — Лет пятнадцать их нигде не было, и опять объявились.

— Что это за дрянь?

— Пятна такие здоровенные. Сами по лесу плывут тихонечко. Угодишь в слепожар — вокруг всё такое яркое делается, красивое. А потом слепнешь. Кто на время, кто насовсем. Если не свалишь оттуда побыстрее, изнутри жариться начинаешь, только не чувствуешь ничего, пока шкура клочьями не полезет.

— Лес — он того, защищается, — авторитетно кивнул Тайсон.

— Не защищается он, — возразил молодой Кайман. — Это мы

защищаемся. А он просто живёт. И нас жуёт. Про Бакальские карьеры в курсе?

— А что там?

— Кладбище комбайнов. И чумоходов, и обычных. Их свозили туда и бросали. А там лес укоренился — и пиздец какой-то начался. Короче, деревья стали выращивать сломанные детали машин, даже узлы. С карьеров полезли твари какие-то самоходные — наполовину машины, наполовину растения. Пока их ещё немного, ну дак ведь до поры до времени. Я сам не видел, но болтали…

Егора Лексеича тронули за плечо — сзади стояла Алёна.

— Ладно, мужики, мне пора, — поднялся Егор Лексеич.

Взяв Алёну под руку, он двинулся к дому своей бригады.

— Всё я узнала, Егора, — негромко сообщила Алёна. — У Алабая в бригаде восемь мужиков вместе с ним. Лагерь — в Межгорье. Оружие всякое, но таких вертолётиков маленьких нету. Будет воевать с тобой за Бродягу.

Егор Лексеич приобнял Алёну.

— Золотая ты баба, — с чувством сказал он.

Алёна смущённо улыбнулась.

Егор Лексеич привёл её к дому, а сам остался на улице.

Уже темнело, чёрные острия леса вгрызались в догорающую багряную полосу заката, на востоке в густой синеве неба проклюнулись мелкие звёзды. Просеку железной дороги вдали заволакивало белёсым туманом. Было тепло, как под одеялом. Поморгав, над станцией зажглись прожекторы.

Егор Лексеич неспешно прогуливался вдоль обшарпанной стены домика и размышлял. Алабай затаился в Межгорье. Он готовится атаковать. Когда и где? Егор Лексеич попытался представить ход мыслей противника. Логичнее атаковать тогда, когда бригада разделится, то есть будет валить «вожаков». Но незаметно подобраться, окружить, вычислить Бродягу, чтобы не убить его в суматохе, — это не так-то просто. И не так-то быстро. А время играет важную роль. Алабай знает, что у Типалова нет своего лесовоза, есть только мотолыга — замена трелёвочного трактора. Лесовозы будет подгонять Ароян. А «вожак» на лесовозе окажется уже собственностью Арояна. И грабить его Алабаю нет смысла. Время работает против Алабая: едва Типалов начнёт рубить деревья, каждый день промедления будет неудержимо сокращать добычу Алабая. Значит, Алабай должен атаковать до того, как Типалов доберётся до Ямантау. До того, как доедет до заброшенного города Межгорье.

В Межгорье ведут две дороги: обычная и железная. На мотолыге можно проехать и по рельсам. Выходит, Алабай

устроит засаду на этих дорогах. То есть завтра. Или послезавтра. Словом, очень скоро. И надо быть готовым…

Егор Лексеич уже шагал от дома к лесополосе, ограждающей территорию станции. Ох, не зря чутьё тогда подсказало ему не совершать непоправимых поступков… В этих чащах всё не случайно, а он умел слышать голос леса.

Он шёл в темноте, путался в кустах, изредка спотыкался на мусоре, в траве, но в душе у него было светло и ясно. В прогалах крон блестела щербатая луна, заливисто пели ночные птицы. Егор Лексеич думал о том, что завтра или послезавтра в него будут стрелять, но он счастлив. Он живёт так, как хочет. Денег у него до хрена, он может купить себе космический круиз на шаттле, у него в Португалии есть большой дом на побережье, но ему нравится здесь, в этих лесных горах. Нравится вести свою бригаду по старым просекам через буреломы или болотные топи. Нравится разгадывать загадки леса-мутанта и уклоняться от смертельных ловушек. Нравится бить из базуки по спятившим чумоходам и валить могучих «вожаков». Нравится видеть мёртвые селения: они проиграли борьбу, а он — нет. Нравится командовать людьми, решать за них, владеть их судьбами. Только так он ощущает себя по-настоящему живым.

По этим дебрям он шарахается не для денег. Деньги лишь обозначают победу, а сами по себе победой не являются. Ну, для него, для бригадира Егора Типалова. Для Алабая, конечно, не так. И для бригады не так. Что ж, его, Егора Лексеича, мало кто способен понять. Такой вот он. Пожалуй, Муха бы его поняла. Ух как она не хотела идти работать на завод!.. Придумала, что станет бригадиром. Ага. Ладно, пусть девчонка позабавится… Но с ней надо быть начеку. Есть в ней какой-то угол, что-то такое — выпирающее поперёк…

По мостику из шпал Егор Лексеич преодолел ручей, растворившийся во мраке низины, потом оказался на заросшей улице с пустыми домами, блёкло освещёнными низкой луной. Где-то ухнул филин. Вот ржавый и мохнатый от жимолости остов грузовика. Вот дикий палисадник и уцелевший подъезд.

Ведьма никуда не делась. Сидела на полу с руками, завёрнутыми назад и привязанными к батарее. Под задницей — лужа.

— Руки, блядь, выломило, начальник! — заныла она. — Обоссалась я!..

Егор Лексеич опустился на корточки и усмехнулся:

— Лучше обоссаться, чем сдохнуть… Запоминай, что скажу. На меня охоту объявили. Будешь служить мне Ведьмой, тварина блатная. Если выручишь — отпущу, до города переправлю, денег

дам. А если что не так — даже хоронить не стану. Понятно объяснил?

— Всё понятно, начальник! — заверила Щука.

— А на пробу мне то копыто смерти покажешь, где бригада лежит.

37
Дорога на Инзер

Щука ничего не понимала в географических картах, не могла разобраться в абстракции изображений, зато мгновенно всё смекнула, когда Егор Лексеич, отчаявшись, просто показал ей на планшете видеотрансляцию с высоты.

— Другой базар! — оживилась она. — Вот наша зона. А тут я на рывок ушла. Тут ночевала. Тут на мотолыгу влезла. Тут до вас патруль доебался…

— Где погибшая бригада лежит? — вернул Щуку к делу Егор Лексеич.

Щука принялась разглядывать картинку, расширяя её пальцами и двигая.

— Смерть из горы выскочила, она всегда из гор скачет, — поясняла Щука, вглядываясь в экран планшета. — Побежала вниз, накопытила тропу и в яму провалилась… А бригада как раз на яме сдуру встала. Ну и хана ей…

— Поменьше сказок, — поторопил Егор Лексеич. — Где?

— Вот на это копыто я напоролась, — ткнула в экран Щука.

Егор Лексеич увеличил размер картинки.

— Это берёзовый колок среди хвойного леса, — сказал Холодовский. — По цвету и по фактуре зелени понятно.

— Берёза — смерть-дерево, — подтвердила Щука. — Всегда вырастает в следу у смерти. Смерть ступит — потом берёза вырастет.

Холодовский придвинул планшет себе:

— Цепочка берёзовых колков тянется от Ямантау почти до Инзера.

— Ты ходила по этому следу? — спросил Егор Лексеич.

— Я чё, пизданутая? Я без понта с мёртвой тропы срезала.

— Откуда тогда знаешь про бригаду?

— Ведьма чует, кто на мёртвой тропе загиб. Я только на копыто вышла — сразу узнала, что в конце жмуры навалены. Бригада какая-то.

— Тут и правда берёзовая роща в распадке, — заметил Холодовский.

— Туда и поедем, — решил Егор Лексеич.

Они совещались в пустой комнате подальше от лишних ушей; впрочем, бригада ещё спала, только на кухне Алёна звякала посудой. В окнах занимался розово-голубой рассвет. Егор Лексеич зевнул в кулак.

— Саня, — сказал он, — Щука — с твоей ответственности. Свяжи её, и чтобы кто-нибудь смотрел. Я пошёл до харвера. Встречаемся у памятника.

Памятником считалась большая бетонная арка, украшающая въезд на шоссе до города Межгорье. Арка уже проломилась, однако буквы названия города ещё высовывались из кустов. Харвестер ждал мотолыгу за кустами.

Егор Лексеич полагал, что к месту, указанному Щукой, они доберутся часа за два. По карте всё было недалеко, но дикие урманы, где можно свернуть башку, начинались за обочиной любой дороги, любой просеки, и поэтому расстояния мало что значили. Харвер шагал первым: Егор Лексеич сам выбирал путь. Машина высоко поднимала колени, с шумом продираясь сквозь заросли. Трещал валежник, ветки цеплялись за ноги комбайна, мелкие деревца скребли по днищу. Харвер не выключал пилу, расчищая себе проход. Он прорубался медленно и упрямо, Егора Лексеича качало в рессорном кресле.

Мотолыга ползла следом, надрывно взрёвывая движком, и ей было даже хуже, чем голенастому харверу. Её валяло с борта на борт и с носа на корму, гусеницы закусывали кусты, выдирали их из почвы и жевали. Ящики в отсеке мотолыги ворочались, готовые рассыпаться; люди цеплялись за что попало.

Щуку переодели — для неё подошёл комбинезон Фудина. Руки у Ведьмы были связаны впереди, а в петли для ремня продели верёвку; её конец Фудин намотал себе на запястье. Фудин старался не спускать с Ведьмы глаз, но не очень понятно было: Ведьма его беспокоит или сохранность комбинезона.

Мите казалось, что его не просто трясёт — это у него распадается сознание. Спал он опять плохо, с кошмарами. В голове всё плыло и перемешивалось; сквозь то, что он видел, проступало то, чего он не мог вспомнить: за тёмными елями вставали перекошенные бетонные стены, высокие кроны сосен меркли в свечении экранов, скользили огромные тени людей, будто изображение накладывалось на изображение. Мите хотелось идти своими ногами, чтобы механика обычного движения привела в порядок картину мира.

Харвер наконец замер посреди леса. Егор Лексеич вылез из кабины.

— Дальше застрянем, — сообщил он. — Отсюда пешком будем добираться.

С Ведьмой и бригадиром отправился, конечно, Холодовский. Фудин по-прежнему держал Щуку на верёвке, и для него это был повод оставаться при начальстве. Костик надеялся чем-нибудь разжиться у мертвяков. Маринка последовала за дядей, чтобы

перенимать ремесло бригадира. Митя шёл, чтобы увидеть новый феномен леса. Зачем пошла Вильма, никто даже не задумался.

Путь преграждал замшелый бурелом. Царапались еловые ветви. К лицам липла паутина. Висел густой запах горячей смолы. Со связанными руками Щуке трудно было сохранять равновесие, она спотыкалась и материлась.

— Вы все сдохнете на Ямантау! — с ненавистью пообещала она. — Там заповедник был, никто лес не трогал, он силу из горы сосал! Чем выше гора, тем глубже корни! Лес матёрый, он вам себя не отдаст!

— Заткнись, — пыхтя, посоветовал Егор Лексеич.

На косогоре, по которому они ломились через чащу, действительно вряд ли когда вели вырубку, и селератный лес разросся здесь свободно, в полную силу. С острых еловых сучьев свешивались седые бороды лишайников. У Мити в памяти всплыло слово «рефугиум» — естественное убежище для леса. Сейчас они продирались по рефугиуму. Ускоренная жизнь и быстрая смерть деревьев засыпали ельник валежником, а валежник превращался в гумус, в перегной, насыщенный влагой. Лес получал всё, чего жаждал. Он был сытым, непуганым, откормленным во многих поколениях, и люди для него означали не больше, чем соломинки, которыми можно поковырять в зубах.

Впереди, ниже по склону, в тёмной зелени тонкими нитками замелькали стволы берёз. Приближалась роща, в которой погибла бригада.

— Не пойду в берёзы! — заупрямилась Щука. — Они с мертвецов растут!

— Хуйня, — пропыхтел Егор Лексеич.

— Не хуйня! Молния в них не бьёт! Нож воткнёшь — молоко течёт!..

Егор Лексеич сердито толкнул Щуку в спину: топай давай.

— Берёза и вправду особое дерево, — сказал Митя. — Но не колдовское, конечно. Она растёт энергично, поэтому считается пионерным видом — первым поселяется на пустошах. Древесина у берёзы бывает без ядра. Кора белая от бетулина, это фитонцидное вещество. Берёза подавляет другие виды деревьев и предпочитает гомогенные древесные сообщества… Проще говоря, берёзовые рощи — только для берёз. Другие деревья угнетены.

Маринка посмотрела на Митю с опасливым уважением.

— Людям тоже туда нельзя! — заявила Щука и вцепилась в ствол сосны. — Не пойду дальше! Не оторвёте, суки!

— Лексеич, да хрен с ней, — поморщился Холодовский.

— Бля-я… — тяжело вздохнул Егор Лексеич. — Фудин,

карауль её тут.

— А долго? — спросил Фудин и посмотрел на свой индикатор.

— Сколько надо!

Роща светлела впереди, как туман за еловыми шатрами.

Она занимала всю лощину — опрятная, просторная, бело-зелёная. Меж берёзовых стволов сияли солнечные столбы. Ветерок ерошил мохнатые волны папоротника-орляка; по этим волнам, колеблясь, скользили узорчатые тени листвы. Всё вокруг казалось сказочным и безмятежным.

Егор Лексеич издалека заметил джип, уже затянутый кустами крушины и ольхи. Как он мог здесь оказаться? Только если бригада приехала…

Джипов было даже два — китайские армейские «Донгфенги». Они стояли аккуратно, с закрытыми дверями. Сквозь листву тускло поблёскивали стёкла, а по гладким бортам, сливаясь с камуфляжем, расползлись разводья какого-то грибка. Сверху на решётках интерфераторов росла мелкая трава. Это странное запустение выглядело зловеще, словно здесь, как и говорила Щука, в самом деле пробежала смерть и унесла людей куда-то за собой. Слишком уж всё было красиво — будто чей-то недобрый умысел, будто следы замели.

— Куда бригада подевалась? — спросила Маринка.

— Ну-ка все назад! — вдруг распорядился Егор Лексеич.

Костик, Маринка, Митя и Холодовский попятились.

— Это чё, могилы? — изумился Костик.

На земле возле машин под покровом из дёрна с чистяком угадывались пять длинных и плоских бугров, будто и впрямь насыпи могил.

Егор Лексеич наклонился, закряхтев, и потянул что-то внизу. Раздался ветхий треск, и чистяк на пластушинах дёрна поехал в сторону. В руке у Егора Лексеича был край истлевшего спального мешка. Егор Лексеич завернул его, как одеяло, и в тёмной, волосатой от корешков земляной полости все увидели иссохший и бурый, будто прошлогодняя картофелина, труп.

— Вот они все, — мрачно сказал Егор Лексеич. — Пять человек с двух джипов. Это бригада Солиста. Пропала в прошлом году под Ямантау.

Костик жадно рассматривал мертвеца.

— А чё не сгнили-то? — спросил он.

— Их высосало, как клумбарей, — пояснил Егор Лексеич. — Бывает.

— Дак они же не клумбари! — не понял Костик.

— Клумбарём мертвец остаётся месяца два-три. А эти уже

целый год.

Холодовский прошёлся вдоль пяти бугров.

— Умерли во сне. Видимо, все в спальных мешках. За год их дожди и ветры почвой занесли, выросла трава. Она их и высосала. Вон какая густая.

Костику всё стало понятно. Его уже не интересовала бригада Солиста, его распирало любопытство — а что в машинах? Костик потихоньку отделился ото всех, переместился к кустам крушины и ольхи и, осмелев, полез в дебри.

Маринка озиралась по сторонам, представляя, как всё случилось.

— Дядь Гор, а почему они здесь заночевали? Просеки-то нет.

Егор Лексеич пошевелил бровями, размышляя.

— Сбились с пути. Ехали, наверное, дотемна, хотели в Татлы успеть, и сбились. Свернули, куда машины пролазили, — сюда то есть. И крышка.

В кустах трещало — Костик протискивался в джип, ломая дверкой ветви.

— А что за смерть? — наконец спросила Маринка о самом главном. — Которая с Ямантау бежала, как Щука вопит?

У Мити заболела голова — он раньше всех ощутил, что в этой роще плохо.

— Их убили фитонциды берёзовой рощи, — сказал он. — Они вызывают остановку сердца или паралич дыхания. Никакой мистики. Бригада просто отравилась. Под облучением лес живёт в восемь раз интенсивнее обычного. И фитонцидов выделяет больше. А здесь лог, застойный воздух. Ядовитые газы скопились в количестве, достаточном, чтобы убить за пару часов.

— Почему же мы не сдохли?

— Тоже помрём, если не уйдём отсюда, — буркнул Митя.

— Еба-ать!.. — глухо закричал в джипе Костик.

Он вывалился из машины наружу со спортивной сумкой в руке. Сияя от гордости, он подошёл к Егору Лексеичу и распахнул сумку. В ней лежала груда шильдеров — учётных пластин с подбитых Солистом чумоходов.

Егор Лексеич довольно крякнул:

— Ну, хоть какая-то польза с тебя, Константин! Хвалю! Считайте, норму командировки мы уже выполнили! Саня, прими.

Холодовский забрал сумку у Костика, застегнул и повесил на плечо.

— Лады, ребята… Если Митрий командует отход — слушаться надо, — распорядился Егор Лексеич. — Валим обратно.

— А Щука, значит, не врала, что она Ведьма, — заметил

Холодовский.

— Не врала, падла, — охотно согласился Егор Лексеич и ухмыльнулся. — И местечко хорошее указала… Надо будет наведываться сюда. Может, ещё какой-нибудь дурак с добычей тоже заночевать решит.

38
Река Инзер (I)

Чтобы на пути до города Межгорье не попасть к Алабаю в засаду, Егор Лексеич выбрал третий маршрут — не по железной дороге и не по старому шоссе, а по речке Инзер. Мелкий и шумный Инзер, огибая отроги, будто вприпрыжку бежал по лесной долине, разделяющей массив горы Ямантау и хребет Нары. Издырявленный валунами, вспененный каменными грядами, Инзер бурлил и рассыпчато сверкал на солнце. На высоких и крепких берегах стояли, точно вбитые сваи, мощные сосны и ёлки, лиственницы и пихты: ветра и половодья давно уже снесли все слабые деревья. Дремучий запах смолы смешивался с подвижной свежестью потока. В узких створах на поворотах русла порой из тесноты глухомани внезапно распахивалась аэродинамическая перспектива длинного склона, и за ним в трепетном мареве вздымались сине-зелёные туши Ямантау или Нары-Муруна, обе вершины — словно облезлые по гребням, на которых белели мёртвые, иссушенные жарой скалы.

Харвер шагал по реке первым — легко, как огромная водомерка. Ноги его, ступая, гулко бултыхали. Мотолыга еле поспевала за комбайном-ходоком. Она яростно ползла по руслу, визжа траками на камнях и выбрасывая фонтаны. Её трясло, качало, дёргало и подбрасывало: клокоча, река будто плясала под ней. Изредка, на глубине, поток мягко и властно приподнимал мотолыгу и сносил обратно. Холодовский, сидевший за рулём, предпочитал держаться отмелей.

— Вот ведь красота!.. — восхитилась Талка, разглядывая берег сквозь щель амбразуры, прорезанной в стальном коробе.

При толчках все в отсеке подлетали, хватаясь за ящики, за борта и друг за друга. Костик сидел рядом с Маринкой. Улучив момент, он подсунул ладонь, и Маринка приземлилась на неё задом. Костик расплылся в плотоядной и довольной улыбке. Маринка безжалостно двинула его острым локтем в рёбра. Костик задохнулся от боли, но улыбка его не исчезла.

Маринка незаметно смотрела на Серёгу и Митю. Сравнивала их. Как они похожи внешне — и так различны по сути. Там, в убивающей берёзовой роще, Митя объяснил всё просто и ясно, даже буднично… Дело не в том, что он — учёный, а в том, что он не боится. Он не боялся россказней Ведьмы про смерть, бегущую с горы. Не боялся солдата, который вчера потащил её, Маринку, в кусты… А Серёга? На лес ему, понятно, наплевать… И солдата

он тоже, в общем-то, не побоялся бы… Но в драку вряд ли бы полез. Он бы начал базар, начал бы отмазывать девчонку, разруливать ситуацию… Серёга — он как все. Все опасаются солдат, и Серёга тоже. А Митя не как все. Он — как он. И вовсе не потому, что Бродяга. Харлей тоже был Бродягой — и хрена ли?..

Впереди показался железнодорожный мост — небольшой, в один пролёт и на один рельсовый путь. Ферма простой инженерной конструкции опиралась на забетонированные береговые откосы. Железная дорога бежала по той же долине, что и речка, но извивалась по своей логике, перепрыгивая с одного берега Инзера на другой. Трасса была однопутной, но электрифицированной, хотя, конечно, контактная сеть давно не работала; после станции Татлы дорогу уже не использовали: столбы тут покосились, рельсы заржавели, между шпал выросли кусты и мелкие деревца. Конечная станция Пихта находилась прямо под горой Ямантау — где-то у входа на секретный объект «Гарнизон».

Чтобы пролезть под мостом, харвер почти опустился брюхом на воду — и стал напоминать собаку, что проползает в дыру под забором. А мотолыга прошла спокойно, не задевая мостовую ферму своей решёткой на стойках.

В тряске хуже всех приходилось Ведьме. Руки у неё по-прежнему были связаны впереди, и цепляться она не могла, да ещё Фудин то и дело дёргал за верёвку, проверяя надёжность узлов.

— Да заебал дрочить меня!.. — шипела на него Щука.

Матушкин сидел напротив и внимательно вглядывался в каторжанку. Уловив характер, он сгорбился, сложил руки, как держала Щука, заскакал на месте, как она, и завертел головой, состроив хищную и ушлую физиономию.

— Чё сработать-то у этих фраеров? — сиплым голосом Щуки произнёс он. — Нищеёбы сраные… На всю бригаду — от хуя уши!..

Бригада заржала. Щука не сразу поняла, кого Матушкин изобразил, а потом бешено бросилась на обидчика, ударила его плечом в лицо и пнула коленом в грудь. Фудин заполошно рванул Щуку обратно — она упала на дно отсека. У Матушкина брызнули слёзы. Калдей с презрением пихнул Щуку ногой, а Фудин схватил её за шиворот, втаскивая обратно рядом с собой.

— Гнида каторжная! — всхлипнул Матушкин.

Талка повернула его к себе и принялась ощупывать скулу.

— Нос не больно?.. Ну, значит, не сломан. Ты сам виноват, Витюра!.. Не лезь ни к кому, тебя сколько раз уже били за это!..

А Мите от тряски опять стало плохо. Он молча терпел, дожидаясь, когда завершится путь. Вообще, когда же он попадёт к своим в миссию «Гринписа»? Там должны знать, как лечить тех, кто перебрал излучения… Митя смотрел на бригаду и впервые ощущал, что очень устал от этих людей. От их агрессии, мата, бытового паскудства и глупости… Ощущение усталости пришло к Мите потихоньку — после того, как он узнал, что нет и не было войны. Эти люди живут во лжи — потому и так плохо. Там, откуда он явился, должны жить по-другому, иначе он не чувствовал бы тяжести, как не чувствуют её Серёга и Маринка, Типалов и Холодовский, Костик и Алёна — все они, вся бригада.

Серёга же, как обычно, думал о Маринке. Чего она окрысилась-то? Чего злится уже второй день? Ну, постоял он тогда в драглайне на стрёме, и что? Ебать-колотить, как же у баб в головах жизнь навыворот устроена!..

Слева по берегу Инзера тянулась насыпь железной дороги — вся в белёсых потёках оползающего гравия. В бурьяне под насыпью, блестя на ярком солнце, валялся дохлый рипер. Тонкие осинки вдоль насыпи вдруг затряслись, и над дорогой полезло вперёд что-то странное — большое и решётчатое. А потом неспешно выкатился и весь самоходный вагон. Это был путеукладчик.

На усиленных тележках в три колёсных пары ехала грузовая платформа. Мощные портальные стойки держали стрелу крана, который был почти вдвое длиннее платформы и нависал над рельсами. Сзади скромно теснились рубка управления, дизель-генератор, электромотор и бак с бризолом. Размашистой сложностью своего устройства путеукладчик напоминал морское судно. Он важно плыл по осинкам вдоль речки, в которой плюхались мотолыга и харвер.

Егор Лексеич в кабине харвера сразу оценил изобретательность Алабая — ведь это был агрегат Алабая, чей же ещё? Путеукладчик использовался вместо лесовоза. Очень удобно, да. На стреле крана к каретке полиспастами крепилась балка-траверса с крючьями для рельсово-шпальной секции, но её заменили челюстным захватом, приспособленным поднимать брёвна. Алабай избавил себя от аренды машин Арояна. Сообразительный, гад. Однако же куда Алабай сейчас погнал свой погрузчик? Он ведь должен был готовить засаду…

Егор Лексеич достал телефон и набрал Холодовского:

— Саня, тормозни… Я схожу до моста, посмотрю, на кой хер эта пиздябола попёрлась… А ты запусти коптер хотя бы километра на три, проверь путь.

Топчась и плеща водой, харвер развернулся на месте

и пошагал обратно — вниз по течению. Путеукладчик к тому времени уже исчез за поворотом.

Холодовский довёл мотолыгу до невысокой скалы, под которой в речке лежали упавшие валуны. Мотолыга замерла, убавив обороты, и стал слышен неумолчный шум переката, пение птиц в лесу и стук дятла. Холодовский полез в отсек, поднял Фудина с бортового ящика и достал футляр с коптером.

— А что за поезд там был? — спросил Фудин.

— Разбираемся, — ответил Холодовский.

Харвер деловито шёл по руслу. Казалось, двигаться вместе с потоком ему было легче. Управляя послушной и умной машиной, Егор Лексеич испытывал искреннее удовольствие, но его тревожило появление Алабая. Чего хочет этот «спортсмен»? Слева и справа на берегах вздымались леса, на крутых склонах — даже в несколько ярусов. Железная дорога, следуя за изгибами рельефа, то приближалась к реке, то отдалялась. Наконец на излучине появился мост.

Путеукладчик стоял перед мостом. И не просто стоял — работал. Егор Лексеич увидел, как челюстной захват осторожно приподнял над платформой длинную секцию рельсового пути — прясло из двух рельсов и множества бетонных шпал. Под своей тяжестью секция обвисла дугой, как резиновая. Каретка с захватом, загудев, скользнула под крановой стрелой к её внешнему концу, вынося зыбко покачивающееся прясло с платформы наружу. Егор Лексеич даже удивился: неужели Алабай ремонтирует пути на мосту?..

Из рубки путеукладчика на мост выскочили два мужика, оба — с какими-то жердинами в руках… Мужики побежали к пряслу и жердинами упёрлись в его конец, разворачивая лестницу из рельсов и шпал наискосок мосту. Вместе с мужиками из рубки выбралась здоровенная рыжая собака и принялась лаять. Кран начал медленно опускать прясло. Псина прыгала. Прясло улеглось через мост, легко смяв ограждение из тонких балок. Челюстной захват разжался. Мужики жердинами переместили его механическую лапу к дальней стороне прясла. Захват, дёрнувшись, снова вцепился в прясло и стал поднимать его за один конец. Под своим весом прясло поползло вниз с моста, как с горки… Псина опять залаяла. И тут Егор Лексеич всё понял.

Рельсовая секция с плеском упала в воду — сначала одним концом, потом другим. Упала — и осталась стоять, как неровный, но непробиваемый бетонный частокол. Она перегородила проход под мостом. Вода Инзера закипела вокруг шпал. Река могла протиснуться сквозь бетонный гребень, а мотолыга — нет.

У Егора Лексеича загудел телефон.

— Что там у тебя впереди? — спросил Егор Лексеич у Холодовского, уже догадываясь, какую новость услышит.

— Лексеич, они нам трассу перекрыли, — спокойно сообщил Холодовский. — Впереди, километрах в двух, второй мост… Посмотри, я видео скинул.

Стискивая в ладони телефон, Егор Лексеич смотрел видео. Горы и леса. Извилистая лента реки. Коптер увеличил изображение. Блеск солнца на струях, валуны в русле, длинные пенные пряди, ныряющие в волнах… Мост. Такой же, как тот, что ниже по течению… И под ним — такой же завал. Коптер перелетел над мостом и показал его с обратной стороны: просвет между полотном моста и водой был мелко рассечён решёткой из рельсовой секции.

— Чего скажешь, Лексеич? — спросил Холодовский.

Егор Лексеич помедлил.

— Тот мост, что мы уже проехали, тоже заперт.

Холодовский молчал, ожидая продолжения.

— Короче, мы в ловушке, Саня.

На участке между двумя мостами Инзер протекал в высоких берегах. Не обрывы, конечно, хотя и скалы тоже кое-где имелись, но мотолыге выбраться из реки здесь было не под силу — слишком круто, да ещё и лес рубить надо. А растащить завалы под мостами алабаевцы не позволят: у них ведь тоже есть автоматы и базуки. Мотолыга торчала в глубоком корыте речного русла, будто забуксовала в колее. Ни вперёд, ни назад. И харвер не поможет.

— Жду указаний, — напомнил о себе Холодовский.

И тут Егор Лексеич почувствовал, как в его груди вспухает ярость.

— Ну, лады, — угрюмо и веско произнёс он, разглядывая мост вдали и путеукладчик. — Я же хотел с Алабаем по-мирному краями разойтись, по реке вот потащился… А хули надо, Сань? Там восемь городских пидоров, которым и морду никогда по-настоящему не били… Да мы их втопчем, как падаль!

39
Река Инзер (II)

— Давай помогай, Ведьма, — добродушно сказал Егор Лексеич. — Или зря вчера я башку тебе не прострелил? Ну так не поздно исправить.

Егор Лексеич, Холодовский и Щука сидели на берегу реки в траве, а перед ними на плоском камне лежал планшет. Где-то в небе высоко над Инзером парил невидимый снизу коптер, и на мониторе ползло изображение местности: долина, мохнатые леса, речка. Сбоку в трёх строках менялись цифры и буквы формуляра: Холодовский держал пульт и управлял вертолётиком.

Щука шарила глазами по изображению, будто искала, чего украсть.

— Всё тут ровно, начальник! Зыбь идёт с Ямантау — дак оно всегда…

— Думай, как мне этих «спортсменов» с дороги сшибить.

— Я чё, блядь, бурю наколдую тебе, что ли? — разозлилась Щука.

— Наколдуй, — спокойно подтвердил Типалов. — Или на хуй ты мне нужна.

— Ерунду ты затеял, Лексеич, — заметил Холодовский. — Может, она что-то и ощущает, только нам это никак не поможет.

— Тогда грохну её. Дармоеды мне ни к чему.

Харвер лежал брюхом в траве, задрав колени, как исполинский кузнечик; в его ситаллическом корпусе тихо гудел движок; запах бризолового выхлопа смешивался со свежестью смятой осоки. Поодаль на берегу стояла мотолыга с откинутой решёткой, Алёна на костре готовила для бригады обед. Узкая речка шумела на камнях, по верхушкам леса гулял ветер.

— Тебе надо, чтобы лес дёрнулся и согнал их, — сказала Щука.

— И как это? — заинтересовался Егор Лексеич.

— Ну, как лошадь шкурой дёргает, когда слепни кусают.

— А что надо сделать?

— Судорогу пустить. Прищемишь лес — и судорога покатится. До реки или до болота, там всегда всё остужается. Судорога и шарахнет по этим пидорам.

— Какая судорога?

— Да хер я знаю! Ты вот лошади порежь бок ножом — чё будет? Может, укусит тебя, может, лягнёт, может, убежит. И лес так же, только он не убегает.

— Ну, давай порежем его, — согласился Типалов. — Как и где?

Щука снова уставилась в монитор, шмыгая носом.

— Судорогу лучше сверху вниз пускать и по всяким оврагам. Сам смотри. С моста вот вмятина до горы, — Щука ткнула пальцем в лощину. — На горе, вот за эту сторону, лесу надо боль почуять, и судорога до моста пойдёт.

— Это гора Нары-Мурун, — пояснил Холодовский.

— А какую боль причинить лесу? — допытывался Типалов.

— Вырубку или пожар. Или отравой широко полить. Чё замастыришь.

— Не полезем же мы туда пожар устраивать! — буркнул Холодовский.

Егор Лексеич глубоко задумался и вдруг словно просветлел:

— А ведь нам, Саня, с партизан достался автоклав с пиродендратом! Твой коптер занесёт бомбу на ту гору. Взрыв — он не хуже пожара или вырубки!

Холодовский не поверил Ведьме, но Егора Лексеича очень воодушевила идея воздействовать на лес взрывом. Он вытащил из мотолыги автоклав и ложкой переложил в пластиковую банку три кило вязкой взрывчатки — груз больше трёх килограммов коптер поднять бы не смог. Впрочем, такой объём пиродендрата был сопоставим с целой бочкой гексогена. В пластичную массу Егор Лексеич до верхушки вдавил стержень электродетонатора. Холодовский подцепил бомбу к автоматическому захвату, на который к коптеру обычно подвешивали дополнительное оборудование. Маленький вертолётик, натужно жужжа, поднял банку в небо и полетел на запад, к хребту Нары и горе Мурун.

— Егора, Саня, кушать идите! — позвала Алёна. — Обед готов!

Бригада расположилась вокруг котла. Щука сидела вместе со всеми.

— Обожди, Алён, я занят!.. — ответил Егор Лексеич.

Они с Холодовским увлеклись, как дети.

За считаные минуты коптер добрался до Муруна. Лесистый купол горы поверху коробился буро-белёсыми скалами. Коптер разжал лапки захвата, и банка с пиродендратом камнем канула вниз, в зелень. Холодовский отвёл аппаратик подальше в сторону, чтобы не сбило ударной волной. Егор Лексеич на экране планшета нажал на панельку «активировать».

Из кудлатых зелёных зарослей на склоне Муруна выскочил серый столб дыма, пыли, древесного праха и сорванной хвои. Камера не транслировала звук, всё происходило в жуткой тишине. Вокруг столба вниз по склону по дуге медленной

и тяжкой волной начали безмолвно рушиться деревья, образуя ровный веерный вывал. Издалека и сверху это выглядело даже красиво — будто взрыв величественно развёл руки, распахивая объятия в сторону долины.

— Впечатляет, — заметил Холодовский.

И в это время у Егора Лексеича зазвонил телефон.

Номер был незнакомым, но Егор Лексеич принял вызов. На экранчике появился молодой мужик в плотной джинсовой куртке. Чёрная борода и усы коротко и аккуратно подстрижены, виски подбриты, модная стрижка.

— Не узнаёшь, Типал? — весело спросил мужик. — Я Алабай.

Егор Лексеич даже как-то словно просел внутри себя. На мгновение ему почудилось, что это и есть та судорога леса, о которой говорила Щука: он взорвал бомбу — и тотчас звонит враг, против которого взрыв и направлен.

— Откуда мой номер взял? — Егор Лексеич еле сообразил, что спросить.

— Ароян дал. Потолкуем, бригадир?

К Егору Лексеичу тихо придвинулся Холодовский — он тоже хотел видеть.

— Я всё знаю о тебе, — сообщил Алабай. — Знаю, сколько у тебя припасов и сколько людей, знаю про харвер и мотолыгу, знаю, что у тебя новый Бродяга. И ты сейчас в капкане, Типал. И бойцов у нас поровну. Предлагаю сделку.

Картинка на экране была построена со вкусом. Алабай — он расположился в раскладном кресле на платформе путеукладчика — снимал себя со штатива на фоне могучей крановой стрелы. У ног его сидел большой рыжий пёс — тот самый алабай, в честь которого бригадиру «спортсменов» и дали прозвище.

— Какую сделку? — проскрипел Егор Лексеич.

— Условия следующие, — Алабай широко и белозубо улыбнулся. — Ты отдаёшь мне своего Бродягу и сваливаешь отсюда. А я с каждого «вожака» выплачиваю тебе полкуска. Гарантом будет Ароян: он не обманет, сам знаешь. Подумай. Ты же корыстный сукин сын, но не дурак. Зачем нам бойня?

Егор Лексеич сразу уловил суть — и сразу понял, что условия хорошие. Если следовать здравому смыслу, то надо принять их без оговорок. Но Егор Лексеич не хотел подчиняться здравому смыслу. И подчиняться Алабаю он тоже не хотел. Он — бывалый бригадир, а этот «спортсмен» — хлыщ городской. Тренажёры, стероиды и гаджеты — вот что такое Алабай. В здешних лесах он, Типалов, через такие переделки прошёл, что Алабаю и в кошмарах не снилось. Такими Алабаями он жопу вытирал. Он

не потерпит чужой воли над собой.

— Иди на хуй, — выдохнул Егор Лексеич и с облегчением отключил связь.

Холодовский ничем не проявил своих чувств.

— Что скажешь, Саня? — поглядел на него Егор Лексеич.

Припекало солнце, шумела речка, над осокой блестели стрекозы.

— Алабай знает про харвер и Бродягу, — задумчиво произнёс Холодовский. — И он успел перескочить на Инзер, хотя двинуться по Инзеру ты решил только сегодня утром… Лексеич, у нас в бригаде — шпион Алабая.

Егор Лексеич потёр небритый подбородок.

— Да, — просто согласился он.

Холодовский был удовлетворён, ведь бригадир не стал с ним спорить.

— Алабай на путеукладчике сидит, — Холодовский поднялся на ноги и принялся отряхиваться. — А путеукладчик находится километрах в трёх от нас, караулит нижний мост, я с коптера заметил… Лексеич, давай я схожу туда и пристрелю Алабая. Разве сложно? Без Алабая его бригада — ноль.

— На путеукладчике с Алабаем как минимум двое.

— Ну так и я в лоб атаковать не буду. Залягу в кустах с автоматом и выжду, когда Алабай сам под огонь подставится.

Егор Лексеич, прищурившись, посмотрел на Холодовского снизу вверх. Холодовский загораживал солнце — высокий, стройный, сплошь тёмный, но в слепящем ореоле. Он казался оружием — точным и беспощадным.

— Лады, — кивнул Егор Лексеич.

Холодовский направился к мотолыге — к бригаде, что отдыхала в сетчатой тени откинутой решётки. Сначала Холодовский влез в мотолыгу и достал свой автомат, проверил рожок, рассовал по карманам то, что могло пригодиться, а потом спрыгнул обратно в траву.

— Буду «спортсменов» щёлкать, — буднично оповестил он. — Кто со мной?

Первым подскочил Костик:

— Я! Меня возьми!

— Куда?! — Алёна схватила его за шиворот. — Не пущу!

— Да ёбанный в рот, мам! — взвыл Костик.

— Не пущу! — с непробиваемым упрямством повторила Алёна.

— Меня возьмёшь? — прищурилась на Холодовского Маринка.

— Нет, — без колебаний ответил Холодовский.

Это было такое откровенное «нет», что Маринка сразу полыхнула — но смолчала. А Серёга выдохнул с облегчением — не надо никуда тащиться.

Больше желающих не отыскалось. Калдей дрых в траве, а Фудин сделал вид, что чем-то занят. Матушкин сморщился и замахал руками: «Не хочу!» Серёга сделал виноватую морду. На прочих Холодовский и не рассчитывал.

Он повернулся и пошагал к реке.

Он хорошо запомнил окружающую местность по трансляции с коптера. Река здесь делает излучину, огибая небольшой отрог хребта Нары с отвесным утёсом, а железка идёт через отрог по выемке. От выемки до верхнего моста тянется прямой участок, на котором и стоит путеукладчик. Точнее, не стоит, а катается туда-сюда, наблюдая за рекой перед нижним мостом. Верхний мост, до которого мотолыга не доехала, скорее всего, защищает вторая засада.

Пружинисто прыгая по камням, Холодовский перебрался на другой берег мелкого Инзера, даже не замочив ног. За травяной опушкой начался еловый перелесок. Прикрываясь руками от колючих лап, Холодовский продрался к откосу железнодорожной насыпи. В сырой и оплывшей дренажной канаве гнил раскоряченный бурелом. Насыпь с ржавыми рельсами заросла тонкими осинками, но путеукладчик их все поломал и примял. Холодовский пошёл по шпалам, путаясь в листве и ветвях. Насыпь превратилась в выемку — в ров с крутыми стенками. А потом земля словно опустилась, и Холодовский сверху снова увидел долину Инзера. Где-то там впереди находились враги.

Холодовский свернул с железной дороги в дикий, спутанный дерезняк. К путеукладчику, как к зверю, надо было подкрасться незаметно. Холодовский старался продвигаться бесшумно — не лез напролом, а подныривал, раздвигал зелень, выискивал просветы, ступал мягко, чтобы не хрустеть хворостом. Он приблизился настолько, что услышал гудение дизеля, негромкие голоса людей и какое-то металлическое бряканье. Путеукладчик был совсем рядом.

Где-то позади раздался странный многослойный шорох и лёгкий топот. Холодовский стремительно обернулся, хватая автомат, — но не успел. Мощный удар в плечо сбил его с ног. Холодовский упал спиной в кусты. А сверху на него вскочил здоровенный рыжий пёс. Он поставил передние лапы Холодовскому на грудь. В горле у пса рокотало рычанье. Пёс готов был рвануть человека зубами, если тот шевельнётся. Холодовский и пёс смотрели друг другу в глаза. А потом пёс

глухо залаял, призывая хозяина.

40
Река Инзер (III)

Митя сидел в тени, привалившись спиной к стальному катку мотолыги. Каток был чисто промыт речной водой, и Митя не боялся испачкаться. А даже если бы испачкался — ну и что? Мите это было безразлично. Он устал от своего плохого самочувствия. От тошноты, головокружения и смутных видений. Он словно бы раздвоился: сидел, думал — и бредил наяву.

Откровения Алика Арояна только усилили чувство раздвоения. Был один мир, ублюдочный и циничный, в котором спецназ искал беглую каторжанку, под берёзами лежали отравленные мертвецы, а соперники поймали их бригаду в ловушку… И был другой мир, технологичный и мутагенный, где селератным излучением подстегнули фитоценозы, где грубо вторглись в природу человека и покалечили устройство общества… Понятно, что катастрофа являлась лишь следствием прежних заблуждений. Понятно, что на уродстве жизни вырастали поганки бесстыжего обогащения. Понятно, что всё было щедро залито ложью. Но он, Митя, вынужден был существовать сразу в обоих мирах, ни с каким не пребывая в согласии. Тут поневоле начнёшь сходить с ума. Тут борешься уже не с жестокостью и несправедливостью, а с собственной шизофренией. Здесь не руководствуешься сочувствием к другим людям — здесь отстаиваешь цельность своего рассудка. Здесь жаждешь не добра, а здравого смысла.

Серёга видел, что Мите сейчас худо. Серёгу это беспокоило и напрягало. Он вглядывался в лицо брательника, с тревогой узнавая себя самого.

— Чё, опять херово, Митяй? — спросил он. — Это ты дозу словил, когда на мопедах ездили. Давай тряпку намочу, на башку положишь.

— Давай, — согласился Митя.

Обычно чужие беды вызывали у Серёги лишь насмешку превосходства. Он считал себя поумнее других и верил, что не попадёт ни в какие передряги. Но Митя — он был точно таким же, и с ним стряслось хрен знает что. Выходит, и с ним, с Серёгой, такое тоже возможно?.. И Серёга вдруг почувствовал себя Митей — как ему одиноко здесь и непонятно. Конечно, для него тут всё чужое.

Маринка смотрела на возню Серёги с братом и думала о Серёге. Что в нём не так? Что вообще не так? Ей не нравится,

что Серёга слишком покладистый? Ей бы хотелось, чтобы её парень был надменным и по-хозяйски властным? Но таким был Харлей, и это её бесило. Или чтобы парень был дерзким и наглым? Но таким оказался Костик, мелкий говнюк. Почему же Серёга-то раздражает?

Потому что он послушный. Слово «послушный» — какое-то не такое, но примерно сгодится… Конечно, Серёга может сунуть в рыло любому козлу, может угнать самосвал-чумоход, вот только это как бы внутри правил. Козлов надо бить, чумоходы — ничьи. И правил Серёга не нарушает. А она, Маринка, нарушает. Мечтает стать бригадиром, и это не по правилам. Бабы не бывают бригадирами. И Серёга просто не видит её мечты, не принимает всерьёз. Тот же Холодовский, когда пошёл стрелять «спортсменов», просто отмахнулся от неё, от Маринки, будто она и вправду была мухой, а Серёга только рад был. Он, как и все, считает, что не дело для девки биться с врагами. Или руководить бригадой. Приспичило в командировки ездить — так ездий как тётя Лёна при дядь Горе, кто мешает?.. Просто Серёга — да он как все: ничего особенного!..

Маринка полулежала в тени решётки, подстелив под себя куртку, грызла соломинку и смотрела на реку, на дальний утёс. Солнце склонялось к синему хребту, вздыбившему горизонт; тени ельника на берегу дотянулись до воды. Шумел перекат. Бригада бездельничала и ждала Холодовского. Егор Лексеич влез в кабину харвера — типа что-то выяснить там по навигатору — и по-стариковски задремал. Серёга перебрался поближе к Маринке.

— Злишься ещё? — негромко спросил он.

— Отвянь, — лениво ответила Маринка.

Серёга прищурился на солнце.

— Не было у меня ничё с теми девками на экскаваторе, — сказал Серёга. — Мне только ты нужна, Маришка. А что караулил как мудак… Ну, согласен, я мудак. Надо было их на хуй послать, а я затупил. Но чё это меняет-то?

Маринка вздохнула и перевернулась на другой бок — спиной к Серёге.

Серёга тоже вздохнул: опять эти девчачьи обидки ни на что.

— Не будь терпилой, Башенин, — через плечо бросила Маринка. — Тебя за другими даже не видно. Это ты — или насрано? Не понять.

Серёга побагровел от оскорбления.

Алёна в это время на берегу речки мыла миски и ложки, Талке досталось отчищать котёл песком и травой. В кармане кофты у Алёны загудел телефон. Алёна распрямилась, вытирая руки о полотенце, что висело у неё на плече. Номер был

незнакомым. С экрана улыбался молодой бородатый мужик.

— Алёна Вишнёва? — уточнил он. — Ну, здравствуй, Алёна. Я Алабай.

Алёна растерялась.

— Знаешь ведь, кто я, да? Егорка, ёбарь твой, тебе, наверно, объяснял.

Алёна наконец сообразила, что ответить:

— А мой мужчина — не твоё собачье дело!

— Эт-т точно! — Алабай улыбнулся ещё шире. — У меня разговор к бригаде, только без твоего мужчины. Позовёшь людей? Я наберу через пять минут.

Экранчик погас. Ошарашенная Алёна еле дошла до мотолыги, умолкший телефон она держала на ладони как улику.

— Эй, ребята, — окликнула она бригаду. — Подите ко мне…

Алёна поставила телефон на крыло мотолыги и прислонила к фаре. Бригада потихоньку подтянулась к Алёне, даже ленивый Калдей появился.

— Смотрите, кто сейчас позвонит…

Алабай позвонил ровно через пять минут.

— Хорошо, что все тут, — оглядев бригаду Типалова, сказал он. — Включи запись, Алёнушка. Думаю, потом пожелаете переслушать… Короче, я — Алабай. Моя бригада тоже едет на Ямантау. Мы вам конкуренты.

— Хуяренты вы! — заявил Костик и глумливо заржал.

Алабай это проигнорировал.

— Мы уже зажали вас на реке, и деться вам некуда, — продолжил он. — И я всё про вас знаю. Сколько вас, какое вооружение, кто на что способен…

Бригада подавленно молчала. Вильма впилась взглядом в экран телефона.

— Я предлагаю вам мир, — Алабай сверкнул белыми зубами. — Кто хочет, переходите в мою бригаду. Мне нужны работники. Типалов платит вам по пятьдесят рублей за «вожака», а я буду по сто. Для тупых повторяю — вдвое больше. После командировки все свободны.

Алёна поджала губы, словно бы терпеливо слушала оправдания негодяя.

— Если кто-то не хочет ко мне — сваливайте отсюда. До Татлов пятнадцать километров, пешком по железной дороге дошлёпаете.

— Дак чё, подвези, — не унимался Костик. — У тебя же поезд!

Костика распирала радость, что можно безнаказанно хамить взрослому.

— А если останетесь, то будет бойня, — завершил Алабай. — Оно вам надо?

Бригада молчала — размышляла.

— К предательству склоняете? — наконец поинтересовался Фудин.

— Кого предавать? — удивился Алабай. — Это бизнес, и всё.

— Мы тут на страну работаем, — с превосходством заметила Алёна. — И у нас командир есть законный, Типалов Егор Лексеич его зовут.

Алабай страдальчески поморщился.

— Страна получит вашу продукцию, — с лёгкой издёвкой заверил он. — И законный командир у вас с комбината — Александр Холодовский.

— Он и скажет за нас! — гневно влезла Талка.

— Сами-то за себя вы решить можете?

— А чё вы его слушать не хотите? — Талка обиделась, что Алабай столь пренебрежительно отодвигает Холодовского. — Сам-то ты кто?

Серёгу возмутила самоуверенность Алабая, надо было осадить его, хотя воевать Серёга вовсе не намеревался, даже представить такое не мог.

— Вы на кого залупой полезли? — крикнул Серёга. — Мы же вас, городских, с говном смешаем!

— У нас все преимущества перед вами! — важно сообщил Фудин.

— Мы городских в жопу ебём! — изгалялся Костик.

— Прежде чем делать что-то, подумайте, надо ли! — Алёна говорила тоном учительницы, отчитывающей хулиганистого ученика.

Предложение Алабая Маринка пропустила мимо ушей: бригада должна остаться собой, и нечего тут обсуждать. Но Маринке было жутко интересно увидеть суть своей бригады — это важно для того, чтобы стать бригадиром.

Вильма не вникала в спор, она издалека, из-за чужих плеч молча глядела на Алабая. Молчал и Калдей: он ничего не понимал и ему было скучно.

— А как это вы по сотне платить собираетесь? — язвительно спросил Фудин, уверенный, что подловил противника на слове. — Другие бригадиры платят по пятьдесят, по семьдесят пять! Обмануть надеетесь, да? Не пройдёт!

— Блядь, могу и по пятьдесят платить! — огрызнулся Алабай.

— И какая тогда нам выгода? — победно ответил Фудин. — Обоснуйте!

— Вы вообще слышите, что я вам говорю? — рявкнул

Алабай. — Мы тут не деньги считаем, мы убивать друг друга собираемся!

— А мы, между прочим, и не за деньги работаем! — царственно возразила Алёна. — Мы для страны помогаем!

Митя вдруг понял, что сочувствует городскому бригадиру. Алабай честно надеялся разрулить всё самым простым способом. Но это было бесполезно.

— Давай попробуй убивать-то! — дерзко выкрикнул Серёга.

— Да вы нас за людей не считаете, гондоны городские! — закричал от сердца и Матушкин; щетинистые морщины его физиономии заплясали. — Мы для вас как звери, нас только убивать можно!.. Ебись они конём, твои деньги! Наводишь тут по говну узоры!.. Огребёшь по полной со своими хуесосами!

— Херка в рот слегка! — добавил и Костик.

— Пиздуйте в свой город! — гневно выдала Талка.

— Чего же вы такие тупые-то, лесорубы? — разъярился Алабай. — Я же не шучу с вами! Мы же реально вас валить будем! Хоть ты скажи им!..

Алабай развернул телефон, и на экране появился Холодовский.

Для разговора с бригадой Типалова Алабай выбрал красивое место — на вершинке невысокого утёса над Инзером. С утёса вдали были видны мотолыга и харвер. Холодовский стоял над обрывом со связанными за спиной руками. Ветерок трепал его рубашку. Это смотрелось как-то отчаянно и трагично — на такой эффект и рассчитывал Алабай. Пусть бригада испугается.

— Скажи им, чтобы головой подумали, — повторил Алабай Холодовскому.

Лицо Холодовского застыло от ненависти.

— Пошёл на хуй, — сказал он.

Экран дёрнулся: откуда-то сбоку внезапно вылетела нога Алабая, выброшенная в ударе карате. Удар был нацелен прямо в грудь Холодовскому. И Холодовский мгновенно исчез с края скалы, будто его и не было никогда.

— Маваши гери! — восхищённо охнул Костик.

Экран поплыл по воздуху к тому месту, на котором только что стоял Холодовский, и завис над пропастью. Утёс обрывался отвесно вниз, и в воде у его подножия горбились несколько каменных глыб. Одна из них была мелко забрызгана кровью, и на ней изломанно лежал мёртвый Холодовский.

Талка завизжала, зажимая рот руками.

41
Река Инзер (IV)

Егора Лексеича колотило от ярости. Бригада потерянно топталась возле мотолыги, Талка рыдала, сидя в траве поодаль, а Егор Лексеич зашёл в речку и, наклонившись, бросил себе в лицо несколько пригоршней холодной воды. Солнце уже зависло над хребтом, высвечивая его зелёно-болотный хвойный окрас: всякая там голубая полуденная дымка бесследно растворилась, словно край земли обнаружился неожиданно близко.

Егору Лексеичу было нестерпимо жаль Холодовского. Оказывается, Саня Холодовский стал очень нужен ему. Саня всегда сохранял спокойствие, всё понимал без пояснений, был исполнительным и надёжным. Где найти другого такого помощника? Егору Лексеичу будто руку отрубили — отныне всё надо делать иначе… Это неудобно, это вдвое труднее… Холодовского не хватало!

Ненависть к Алабаю жгла и выворачивала наизнанку. Если бы Алабай просто победил в борьбе за «вожаков» на Ямантау, Егор Лексеич принял бы это как проигрыш в карты. Но Алабай будто вломился к нему в дом — развалил всё, похозяйничал, нагадил, осквернил личные владения, украл не деньги или драгоценности, а типа как любимую машину угнал… Однако нельзя было поддаваться слепому гневу. Алабай как раз и рассчитывал на то, что чувства возьмут верх… Следовало перевести ярость сердца в остроту мысли.

Зачем Алабай убил Холодовского, хотя мог бы держать его в плену? Всё ясно: хотел напугать. А зачем пугать бригаду, если она и так наглухо заперта в ловушке?.. Егор Лексеич распрямился, бессильно опустив руки. Вот же он дурак… Нету ведь никакой ловушки! Одна только видимость! Блеф!

Егор Лексеич ринулся к мотолыге, расплёскивая воду.

— Всё! — рявкнул он на бригаду. — Хорош слёзы лить! Заводи машину!

— А куда поедем, шеф? — удивился Фудин.

— Дальше, куда ещё-то?

— Там же засада…

— Пиздёж это всё! На понт нас брали!

Бригада смотрела на Егора Лексеича с непониманием. Как же так? Полдня стояли на месте, боялись, а теперь — вперёд? Или бригадир просто психанул?.. Бригада мялась в нехорошем

сомнении, даже Щука начала ухмыляться. Щуку, кстати, больше не связывали и не держали на верёвке — это было неудобно. Алёна предложила разуть её — босиком далеко не убежит.

— А похоронить Александра?.. — плачуще спросила Талка.

— На войне не хоронят! — огрызнулся Егор Лексеич.

Нельзя было тратить время на труп Холодовского — скоро вечер.

Митю гибель Холодовского словно взорвала изнутри, разрушила какие-то зыбкие взаимосвязи. Холодовский нравился Мите: он был всегда спокоен, всегда подтянут и аккуратно выбрит. Он казался самым интеллектуальным и адекватным в бригаде, хотя Митя догадывался, что Холодовский ничем не отличается от жестокого и вероломного Егора Лексеича.

А теперь вот тело Холодовского просто бросят под скалой, и всё. Они, эти люди в бригаде, как звери, что ли? Вроде нет… В чём же тогда дело? У Мити не было другого объяснения, кроме слов Алика Арояна о «якорной установке мировоззрения». Вот и Егор Лексеич сказал Талке про войну. Они, эти люди, считают, что находятся на войне. И поступают так, будто вокруг — война. А война для воюющих подобна ускоренной вегетации. У них, у воюющих, те же законы жизни, что у леса, подвергнутого селерационному облучению. Ведь любой фитоценоз на самом деле всегда ведёт незримую войну.

Егор Лексеич грубо подтолкнул Фудина к мотолыге. Фудин неуверенно вскарабкался на капот транспортёра и оглянулся:

— Шеф, они же стрелять будут…

Егор Лексеич почувствовал, что вся бригада думает о том же.

— Не станут они стрелять, не очкуйте! Они только грозятся! — раздражённо ответил Егор Лексеич. — Я это знаю точно!

— Почему не станут? — требовательно спросила Маринка.

— Блядь! — разозлился Егор Лексеич. — Всё вам растолковать надо, что ли?

Да, бригада ждала этого. Егор Лексеич засопел от досады. Ему очень не нравилось посвящать в свою логику простых работяг — не по чину им.

— Короче, у Алабая Бродяги нет! Засада эта у моста, тёрки все ебучие за предательство, Саня Холодовский — оно для того, чтобы я Бродягу отдал!

Митю продрал неприятный озноб. Митя и не предполагал, что настолько важен, хотя ведь чему удивляться? Без Бродяг нет «вожаков», без «вожаков» нет смысла в противоборстве бригадиров… Но переходить в другую бригаду Митя не хотел, пускай ничего хорошего у Типалова он не видел.

— Нельзя его отдавать! — решительно заявила Маринка.

Серёгу остро кольнула горячность, с которой Маринка защищала Митю.

— Ясен пень — нельзя! На хуя тогда мы на Ямантау прёмся?

— А почему стрелять-то не будут? — напомнил Фудин.

— Ну ты подумай башкой, мудила! — срывая зло, набросился на него Егор Лексеич. — Они — на мосту, вы — внизу, да ещё под решёткой! Не видно же ни пса! Как стрелять, куда, по кому? Они же Бродягу могут грохнуть!

Бригада оторопела. Егор Лексеич, будто умелый картёжник, раскладывал всё так сноровисто и ловко, что ситуация прояснялась, как промытая, и нечего было возразить. Одним словом — бригадир! Не надо с ним спорить!

— Вот тебе и муде на бороде, — удовлетворённо крякнул Матушкин.

— Всё, залазьте на борт! — распорядился Егор Лексеич.

— А кто командовать будет мотолыгой? — дерзко встряла Маринка.

Ей было жаль дядю Саню Холодовского, и страшил прорыв под мостом, но думала она сейчас о том, что у неё появился шанс. Дядь Гора только что продемонстрировал, как надо быть бригадиром и управлять своей бригадой, и Маринке тоже хотелось попробовать себя в командовании.

Бригада опять замерла. Егор Лексеич зашарил взглядом по людям. Муха была права: мотолыге нужен командир — замена Холодовскому. И кого же ему назначить? Фудина? Больно уж он липнет к начальству — не самостоятелен… Матушкина? Шут гороховый. Калдея? Тупой! Муху?.. Егор Лексеич увидел, как распахнулись глаза у Маринки… Нет. Муха — девка с умыслом. Её нельзя.

— Серёжка Башенин будет, — постановил Егор Лексеич. — В тот раз он самосвал с горы на харвер скинул — значит, соображает. Доверю.

Серёга такого совсем не ожидал и даже раскрыл рот от удивления. И его окатила волна признательности к Егору Лексеичу. Хоть кто-то оценил его старания!.. Что ж, Маринка хотела, чтобы Серёга был непростым — вот он и станет непростым! Командовать мотолыгой — это серьёзно!..

Серёга с гордостью посмотрел на Маринку. А Маринка словно потемнела от злости. И Серёга понял, что должен отказаться — ради неё должен… Это командирство — вещь, конечно, приятная, но ведь он не просил, да и на хер оно ему не нужно… А как отказаться?! Егор Лексеич тут главный! Если он решил, то надо выполнять — бригадиру виднее… Серёга виновато завертелся

на месте.

Маринка прожигала его взглядом. Она понимала правоту Егора Лексеича. Да, дядь Гора знает, что она справится лучше всех прочих, но она — девка, и кто будет её слушать? Калдей, что ли? Тётя Лёна? Урод Костик? Согласиться с дядь Горой Маринка не могла, а потому остервенилась на Серёгу: он виноват, что не возразил бригадиру и занял её место!

— Я не забуду, Башенин, как ты меня кинул! — шепнула ему Маринка.

— Всё, давайте на мотолыгу! — засуетился Егор Лексеич. — Серёжка — за руль!.. Муха, не тяни, заскакивай!.. Костян, матери помоги!..

Бригада полезла в транспортёр.

Егор Лексеич остановил Митю:

— А ты со мной поедешь на харвере!

Фудин уже задрал ногу на гусеницу и приподнялся в рывке, но спрыгнул обратно. Маринка, Матушкин и Серёга застыли на капоте.

— Это как это, шеф? — осторожно спросил Фудин.

Егор Лексеич мгновенно вскипел. Всё, в чём он убедил бригаду, вновь зашаталось, а сам он рисковал потерять авторитет.

— Да чё, блядь, опять не то?!

— Почему Митяй в харвере, если у нас безопасно?

— Да по кочану, блядь!.. Где мне надо, там он и сядет!

— А мы — под пули? — тонко крикнул Матушкин.

— Давайте я с ними поеду, — негромко предложил Митя.

— Заткнись! — отмахнулся от него Егор Лексеич.

Маринка сверху смотрела, как беснуется дядь Гора, и было понятно, что он оставляет при себе главные активы — харвер и Бродягу. Ни она, Муха, ни тётя Лёна в главные активы не попали. Обидно, конечно, однако не особо. По здравом размышлении она, Маринка, сделала бы точно такой же выбор.

— «Спортсмены» с моста не различат, кто в мотолыге, — неуверенно поддержал Егора Лексеича Серёга. — Не увидят, есть у нас Бродяга или нету…

— Ну дак чё его тогда в харвер-то? — упрямился Матушкин.

— Сюда иди, сука! Сюда встань!.. — заорал Матушкину Егор Лексеич, тыча пальцем в траву перед собой. — Отсюда мне скажи!

Матушкин, робея, сполз с мотолыги и встал перед Егором Лексеичем. Щетинистые морщины на его физиономии шевелились будто сами по себе.

— Скажи, что бригадир твой пиздобол! — надрывался Егор Лексеич.

— А чё Митяй не у нас-то?.. — беспомощно пробормотал

Матушкин.

Егор Лексеич ударил его в скулу с таким чувством, будто Матушкин и правда его оскорбил. Матушкин кувыркнулся на землю.

Митя почувствовал, что и у него в груди закипает.

— Что вы мордобоем докажете, Егор Алексеич? — зло и громко спросил он. — Гарантий, что стрелять не будут, вы дать не можете! А «вожаки» только вам нужны! Войны-то ведь нет, чего скрывать?..

Егор Лексеич цапнул его пятернёй за лицо и толкнул назад — Митя тоже полетел в траву. А Егор Лексеич кинулся к Фудину, схватил за шиворот и почти забросил на капот мотолыги. Потом пинком поднял на ноги Матушкина.

— Всё! — прохрипел он. — Конец базару!

Маринка развернулась и молча полезла с капота мотолыги в отсек. Серёга — за ней. Фудин — за Серёгой, Матушкин — за Фудиным.

42
Мост (I)

Управлять мотолыгой оказалось не так-то просто, и ехать по дну мелкого Инзера было нелегко. Движок ревел, руль прыгал у Серёги в руках, машина тряслась, елозила и плясала, и удары камней в стальные гусеницы ощущались увесистыми зуботычинами. Но Серёге нравилось. Это было как борьба. Серёга выискивал взглядом путь, определяя по струям воды, где ровная галечниковая россыпь в русле, где быстроток по рытвине, где затаившийся валун. Мотолыга то ползла, то спотыкалась, то соскальзывала юзом, то плыла. Перед капотом бурлил пенный бурун, порой волна доплёскивала почти до крышки моторного отделения. Слева над лесом в слепящем закате слитно темнел гребень хребта Нары, справа вздымался ярко освещённый зелёный купол Ямантау с облезлой вершиной. Серёга не жалел, что не уступил Маринке.

От поворота распахнулась длинная протяжённость створа, Серёга увидел вдали ржавый мост. Простая прямая ферма опиралась на забетонированные береговые склоны. За ёлками по дамбе к мосту подбегала железная дорога. А по рельсам неспешно катился громоздкий путеукладчик с крановой стрелой. Серёга заметил людей и на мосту, и на платформе путеукладчика.

— Эй! — крикнул Серёга бригаде через плечо. — Мы на рубеже!..

Калдей с гранатомётом, сопя, полез в заднюю часть десантного отсека — стрелять из гранатомёта следовало оттуда, чтобы никого не задеть выхлопом.

— Закрывайтесь! — скомандовал Серёга.

У борта с автоматами остались Фудин и Маринка; все прочие легли, как получилось, на дно отсека и закинулись спальными мешками, чтобы не было понятно, кто где. Мотолыга изготовилась к бою — к прорыву под мостом. Серёгу колотило от напряжения. На полу десантного отсека под спальниками Алёна всем телом навалилась на Костика, закрывая его собой, и Матушкин молча заполз на Талку сверху; Талка всё поняла и не дёрнулась.

Алабаевцы увидели мотолыгу. Фигурки на мосту и на путеукладчике мелко засуетились, и наконец грянули первые выстрелы, хотя их и заглушил рёв дизеля. Перед мотолыгой взлетел невысокий фонтан воды с камнями — взрыв гранаты.

Слева быстроток вспорола цепочка белых бурунов — очередь из автомата. Потом впереди снова взметнулся фонтан, стороной просеменили ещё две очереди. И Серёга вдруг понял: алабаевцы пугают их и не желают подбить по-настоящему. Егор Лексеич был прав, пусть поначалу и казалось, что врёт. Серёгу затопила горячая симпатия к бригадиру. Это ведь бригадир дал Серёге упоительное право командовать мотолыгой, это он догадался про ложную засаду… Надо держать сторону Типалова!

— Долбай по «спортсменам»! — не оборачиваясь, закричал Серёга своим стрелкам. — Они на понт нас берут!

Всё вывернулось наоборот: ловушка, предназначенная для бригады Егора Лексеича, превратилась в ловушку для бригады Алабая. Серёга торжествовал от собственной силы и победной неуязвимости.

Калдей бабахнул из гранатомёта, и в ёлочках рядом с путеукладчиком тотчас полыхнуло. Фудин и Маринка ударили по мосту; для прицельного огня мост находился слишком далеко, но алабаевцы сразу побежали с него к берегу, чтобы укрыться за насыпью железнодорожного полотна. В пене и брызгах мотолыга упрямо ползла вперёд, хлеща противника с дальней дистанции.

Митя и Егор Лексеич, конечно, услышали пальбу на створе перед мостом. Харвер шагал неторопливо, будто на прогулке, и казалось, что глухая лесная речка безлюдна на сотни вёрст, но это было не так. В маленькой кабине Митя стоял, нависая над плечом Егора Лексеича, и цеплялся за поручень. Светились мониторы, на кронштейне покачивалась перчатка гаунтлет-пульта. Мясистое, с толстыми складками лицо бригадира Типалова оставалось брюзгливо-спокойным. Егор Лексеич рассчитывал прибыть к мосту, когда схватка уже завершится. Если мотолыга потерпит поражение, харвер успеет уйти в чащу.

— Вы их на смертельный риск отправили! — зло сказал Митя.

Егор Лексеич чуть-чуть поморщился.

— Тебе-то какое дело? — хмыкнул он.

Митя понимал, что Егор Лексеич отвечает привычной демагогией. Гнев у Мити вызывала бессовестность ситуации, а не угроза лично ему.

— Такая уловка меня не убедит, Егор Алексеич. Я же не дурак.

— По-моему, так дурак, — уверенно возразил Типалов. — Ты же ничего не прорубаешь за нашу жизнь. Ты молодой. Городской.

— Всё я прорубаю! Вы — лжец! Корыстный и жестокий

человек!

— Да без разницы, какой я. Главное — какие они.

Кабину плавно качало. Егор Лексеич вдруг улыбнулся:

— Вы, пиздуны городские, всё время рвётесь им чё-то дать, а им ни хуя не надо. Им в ломы иметь даже то, что есть. Это их давит. Им нужно, чтобы с них отнимали. Кто отнимает — тому они с охотки и подчиняются.

— Чушь несёте! Врёте про войну, которой нет, чтобы денег заработать!

Егор Лексеич возмущённо фыркнул — как фыркала Маринка:

— Война, Митрий, это способ всем пожертвовать. А они жопу рвут — ищут способ избавиться со всего. И война им за самый раз. Неважно, настоящая или нет. Побеждают они, или их бьют. Главное — скинуть, что невмоготу тащить. Волю свою, соображенье, удобства там всякие… На хуй оно им надо.

— Да они заработать пытаются, потому что бедные!

— Зашибать бабло — то же самое, что война. Ради бабла тоже можно всем пожертвовать. Получил ты бабло или нет — похуй. Лишь бы всё свалить с себя. Заебало этот груз волочить. Так устроен человек, Митрий. Дотянешь до моих лет — согласишься, что верно говорил дядя Егор.

— Не вы первый заявляете, что мечта человека — подчиниться энтропии. Так утверждают все, кому выгодно, чтобы люди деградировали!

— Ежели мне с того польза, так оно не значит, что я не прав. Смотри сам… Облучение — оно обтёсывает человека со всего лишнего. И остаётся Бродяга. Идёт куда глаза глядят, жрёт ветки. Это и есть человек по его природе.

— Почему же тогда все поголовно в лес не уходят?

— Так даже за это храбрости не хватает. Порядок — он ведь держит… А вот как объявится командир, который всё заберёт и погонит под облучение, — так и пойдут. Сопротивляться не будут.

— Не все же, наверное, в командировки ездят! — отчаянно возразил Митя.

— Тут с бригадира зависит, — самодовольно кивнул Егор Лексеич. — Кто что предложит. Денег заработать. Стране послужить. Городских наказать. Пиндосам или китаёзам подляну сделать. Муха вон по лесам скакать согласна просто за приключения. В общем, оправдание подсунуть — задача бригадира. Насколько он понимает, чего бригада хочет, настолько и хорош. А я сразу за всё предлагаю. Поэтому я лучший. Разве с меня кто-то съебался? Да никто!

А мотолыга в это время уже приближалась к мосту. Под его

фермой Серёга видел сброшенную рельсово-шпальную секцию: слегка изогнувшись, она стояла поперёк пути, словно забор. Между шпал бурлила вода. Маринка и Фудин лупили по ферме очередями из автоматов — на ржавом железе полыхали искры. Калдей, грузно ворочаясь в корме, изредка бабахал из гранатомёта по громадине путеукладчика на дамбе, который уже заворачивал в сторону переезда. Но алабаевцы по мотолыге не стреляли. Они палили куда-то по лесу — Серёга не мог понять куда. Там стряслось что-то странное и неожиданное. Что-то изменилось. «Спортсменам» почему-то стало не до лесорубов.

Серёгу озарило: из леса наступали чумоходы!

Егор Лексеич тоже увидел их и тотчас бросил руки на панель управления — надо остановить комбайн. Драться Егор Лексеич не желал.

— Бля-я… — охнул он. — Ведьма не наебала!..

Егор Лексеич догадался, что зачумлённые машины уходили от той боли, которую лесу причинил взрыв бомбы на горе Нары-Мурун. Боль потекла по склону горы и по лощине к Инзеру, как и предупреждала Щука, и погнала из чащоб сумасшедшую лесную нечисть — погнала чумоходы.

— Что это? — удивился Митя.

— Долго объяснять… Рукавицу надень, будешь отбиваться!

Егор Лексеич сорвал с кронштейна гаунтлет-пульт и сунул его Мите.

Несколько шустрых риперов уже преодолели дамбу и выбрались к реке. Задирая колени, они брели вброд и спотыкались на донных камнях. Одного из них свалило течение, и он, дрыгая ногами, подыхал — движок залило водой. В отдалении от путеукладчика через рельсы перелез форвер с трелёвочной рамой на заду; расчищая себе дорогу, он вытянул лапу с чокером и ломал ёлку. Чумоходы были уродливы своей технологической анатомией, опасны своим смертоносным оборудованием, и потому их нашествие вызывало суеверный страх: что могло так напугать неуязвимых роботов?

Алабаевцы выскочили из укрытий и побежали с моста по дамбе навстречу путеукладчику — решётчатая стрела его крана плыла над зелёными макушками деревьев. На площадке у кабины металась и лаяла на лес большая рыжая собака. Путеукладчик двигался медленно, и люди торопливо карабкались на платформу, будто на борт спасательного судна. С платформы они озлобленно били из автоматов и базук по шевелящимся кустам в дренажных канавах. А сквозь кусты к железной дороге упрямо продирались чумоходы.

Риперы были самыми ловкими и скоростными. Взблёскивая

коленными шарнирами, они мчались за путеукладчиком по шпалам и по склонам насыпи. Это напоминало загонную охоту стаи мелких чумоходов на огромного зверя. Автоматные очереди алабаевцев с треском дырявили ситаллические корпуса преследователей; живучие твари словно бы терпели, сколько могли, а потом, исчерпав силы, замертво валились набок, дёргая ногами. Но передовой рипер, как обнаглевшая гиена, вдруг запрыгнул на платформу путеукладчика и с бессмысленной жадностью вгрызся диском циркулярной пилы в опору крана — и тотчас же выстрел из гранатомёта разорвал хищника пополам.

Егор Лексеич видел с реки, как путеукладчик отбивается от механической нечисти, и надеялся, что чумоходы одолеют алабаевцев, но, похоже, надежды были напрасны: путеукладчик уже почти добрался до моста. А харверу Егора Лексеича следовало опасаться собственных врагов. Речку вброд пересекали другие чумоходы, большие и маленькие, будто харвер попал в поток массовой панической миграции одичавших комбайнов. В небе мелькали коптеры.

Митя надел тяжёлую перчатку гаунтлет-пульта и включил манипулятор харвера. Справа за окном кабины как по волшебству начала расправляться суставчатая ручища комбайна. С лёгким запозданием она стала повторять над водой движения Митиной руки; разжался и сжался, клацнув зубцами, чокер. Митя представил, что он — харвестер и гидравлическая ручища комбайна — это его рука. Ручища, покачиваясь, потянулась вперёд и цапнула подвернувшегося внизу рипера. Митя легко поднял его в воздух; рипер, как живой, сучил ногами и размахивал пилой — разве что не верещал; Митя стиснул кулак, и могучая клешня раздавила электронную скотину, как жестяную банку; сквозь клыки чокера потёк густой бризол. Скомканную падаль Митя отшвырнул прочь.

— Сила! — ухмыльнулся Егор Лексеич, наблюдавший за ручищей.

Чумоходы, что перебирались через реку, не обратили внимания на гибель собрата. Митя подумал: Холодовский правильно объяснил логику поведения машин. Для чумохода врагом является только тот комбайн, который работает на своей делянке. Ну и человек, разумеется. Чумоход не будет нападать на другую бродячую машину, даже если машина ему чем-то угрожает. А в кабине харвера люди для чумоходов невидимы. Значит, харвер Егора Лексеича — это ещё и хорошее оружие против спятивших агрегатов: он зрячий среди слепых.

В это время Серёга, форсируя движок, вёл мотолыгу по реке на таран. Серёгу сжигал такой же электрический огонь, как

и тогда, в рубке «Лю Чонга», когда Серёга сбросил самосвал с горы на чудище под канатной дорогой.

— Держись крепче! — крикнул Серёга своей бригаде.

Выбрасывая из-под гусениц фонтаны грязной воды с галькой, мотолыга мчалась к мосту. На скошенном носу подпрыгивала крышка моторного отсека, из выхлопной трубы валил бризоловый дым. Серёга высмотрел под мостом пологий валун: можно с разгона влететь на него и ударом прочного капота повалить преграду из стоячей секции железнодорожного полотна.

Наискосок к мотолыге по реке, топая ногами, шёл форвер с трелёвочной рамой. Калдей без всякого приказа высунулся за край железного короба и с плеча пальнул из гранатомёта — это было необычно для него, такого тупого и неповоротливого. На взрыв гранаты сдетонировал топливный бак форвера: из огненного шара вышибло скорлупы кожуха и кривые обломки ног.

Визжа траками, мотолыга под мостом выскочила на гладкую каменную плиту и в отчаянном прыжке тяжко врезалась мордой в забор из бетонных шпал с рельсами. Забор зазвенел и заскрежетал, отогнулся назад — но упруго устоял, хотя несколько шпал соскочили с креплений. Мотолыга замерла, как вздыбленный конь; она яростно скребла гусеницами, но забор не падал даже под её весом. А сверху внезапно заскрипела стальная ферма, раздался перестук колёс и посыпалась ржавчина — это на мост выкатился путеукладчик.

Он проехал бы через мост куда быстрее, чтобы покинуть долину Инзера, кишащую безумными роботами, но не мог набрать скорость: упираясь ногами, за него цеплялся харвер-чумоход — будто тигр повис на спине у буйвола. Не соображая, как бороться с путеукладчиком, харвер запустил руку с чокером в длинную клетку, предназначенную для рельсовых секций, сунул в этот капкан манипулятор с пилой — и прочно застрял. Рука харвера, изгибаясь в суставах, колотилась локтями о балки ограждения, чокер злобно кусал стойки, циркулярка визжала, стараясь разрезать сталь, и с платформы путеукладчика сыпались снопы ослепительных искр. От кабины и дизеля по харверу лупили очередями алабаевцы. Оператор крана управлял челюстным захватом — пытался оторвать чумоход от своей машины: захват падал на спину харвера, распахивая челюсти, но лишь проламывал корпус, отдирая куски ситалла.

Путеукладчик упрямо волочил чумоход за собой; с лязгом оборудования и воем двигателей путеукладчик перетащил врага через мост. Два спутанных воедино агрегата — один большой, другой гигантский — боролись прямо на ходу, калечили

и раздирали друг друга с пугающей бесчувственностью автономных механизмов. Вывихнутые конструкции вряд ли уже поддались бы разъединению; их осмысленная геометрия искорёжилась и шизофренически переплелась в трёхмерной топологии рукопашной драки.

Чумоходу выворачивало ноги, но он не сдавался — просто не понимал, как это делается. В конце моста, нашарив какой-то упор, он надавил на платформу и приподнял её дальний край — стрела крана послужила сейчас противовесом. Передняя колёсная тележка путеукладчика соскочила с рельсов, а потом соскочила и задняя. Путеукладчик врылся острыми колёсами в слежавшийся гравий насыпи и вместе с гравием заскользил вбок под уклон.

Алабаевцы заорали, засуетились и начали спрыгивать с платформы — их корабль терпел крушение. Из-за крана центр тяжести у пустого путеукладчика располагался слишком высоко: неимоверная машина уже не могла устоять. Решётчатая стрела крана качнулась в прощальном взмахе, и путеукладчик бессильно повалился боком на затрещавшие под ним кусты, позорно оголив грязное днище платформы и оси колёсных тележек. А вслед за собой он увлёк и победителя: разламывая позвоночник, харвер тоже кувыркнулся с путей всеми своими корпусами, только ноги мелькнули над кромкой откоса.

«Спортсмены» убегали по рельсам прочь от моста — по склону берега к ним уже шустро карабкались риперы. Сам Алабай отступал в арьергарде: он оглядывался и стрелял из автомата; его собака охрипла от лая. Над кустами и упавшими машинами вились и кричали всполошённые птицы. За далёким синим хребтом батальной медью горел слепящий закат. Путеукладчик затих, будто покорно лёг в могилу, а харвер ещё продолжал биться в конвульсиях.

Бешеная схватка чумохода и путеукладчика длилась не больше минуты. В мотолыге, застрявшей под мостом, никто и не понял, что за битва лязгает наверху — за рёвом двигателя даже слышно ничего не было. Мотолыга всё давила капотом в преграду из рельсов и шпал, всё скребла гусеницами по камню. Серёга газовал и газовал — он был в отчаянии от неудачи прорыва. И вдруг перед ним бултыхнулся на мелководье кормовой корпус харвера.

Серёга замер, не соображая, что ему делать. А харвер задрыгал паучьими ногами, заелозил задом в агонии, повернул корпус и пнул прямо в забор, что перегородил выход из-под моста. Забор упруго сыграл, как рессора, несколько бетонных шпал отвалились, и рельсовая секция встала на ребро — а потом широким полотном с плеском опрокинулась в воду, на дно,

наконец открывая мотолыге свободный путь дальше по реке.

43
Мост (II)

Краски горели слишком нервно, злобно, обострённо: в угасании заката чудилось не тепло смиренно меркнущих углей, а непокорный жар глубинного огня. Волнистая линия хребта чётко обрезала зарево понизу. На правом берегу ельник слитно почернел в какой-то общей мрачности, и речка растворилась в его наползающей тени, а на левом берегу высокий лес засветился порыжевшей зеленью, выпрямившись, как для расстрела. Вдали под сизо-дымным небом багровел купол угрюмой горы Ямантау. По вершинам деревьев гулял ветер.

— Гроза ночью будет, — понимающе сказал Егор Лексеич.

Мотолыга стояла пониже моста на галечниковой отмели. Вода журчала на полузатопленном корпусе харвера с нелепо задранной ногой; за харвером в кустах под насыпью виднелся опрокинутый путеукладчик, его погнутая стрела уродливо топырилась над бетонным откосом мостовой опоры. Фудин и Матушкин, хватаясь за балки, осторожно пробирались по стальному скелету путеукладчика и высматривали, что может пригодиться.

— Шеф, тут базука брошенная! — закричал Фудин. — Нужна она? Взять?..

— Всё бери! — крикнул в ответ Егор Лексеич.

Возле мотолыги Алёна и Талка мастерили бутерброды. Егор Лексеич предупредил, что бригаде ехать ещё час, не меньше, — ночевать он наметил на водозаборе в городе, и Алёна решила, что не помешает покушать перед долгой дорогой. Костик спрыгнул с капота мотолыги, сжимая в руке фомку.

— Мам, я за мост сгоняю, шильдеры отдеру, — сообщил он.

— Куда ещё? — встревожилась Алёна. — Там опасно!

— Да ни хуя не опасно! Я пулей!

— Ну-ка не спорь со мной!

Талка подавленно молчала. Она ещё не отошла от потрясения: внезапная гибель Холодовского, нашествие чумоходов, бешеная пальба, прорыв под мостом, крушение харвера и путеукладчика — так много всего за пару часов…

Костик, заискивающе улыбаясь, подрулил к Егору Лексеичу.

— Дядь Егор, можно я за мост слетаю, отдеру шильдеры? — спросил он. — Там же эти шняги подбитые с реки лежат…

— Егора, не дозволяй ему! — возмутилась Алёна.

Егор Лексеич был очень доволен прорывом сквозь засаду

и разгромом противника, а потому чувствовал себя батей для своей бригады.

— Алён, хватит парня подолом укрывать! — по-отечески возразил он. — Так мужика из него не вырастишь!.. Слетай, Константин. Только если рипера увидишь — сразу сматывайся обратно, не лихачь.

— Совсем у вас, мужиков, ума нет! — рассердилась Алёна.

Костик, едва не подпрыгивая от радости, помчался к мосту.

— Ничё с ним не стрясётся, — пробурчала Щука. — Чумоходы все свалили.

— Много ты знаешь, каторжанка! — огрызнулась Алёна.

Щука сидела, прислонившись спиной к катку мотолыги, и, загнув ногу, пыталась вытащить занозу из грязной пятки — как пленница, она была босая.

— Всё я знаю! — с вызовом ответила Щука. — Я же Ведьма!

Алёна лишь презрительно сморщила нос.

— Как это понимать — Ведьма? — глухо спросил Митя.

Он тоже сидел у катка мотолыги. Его опять мутило. Если не двигаться, смотреть в одну точку, то ещё ничего, но любое действие вызывало тошноту и какой-то обвал слабости внутри, когда живот и ноги начинают дрожать.

Щука смерила Митю оценивающим взглядом. А фраерок-то вроде не простой… Щука вдруг вцепилась Мите в запястье, и Митя почувствовал электрическое покалывание от её пальцев.

— Ты Бродяга, что ли? — догадалась Щука. — Рука горячая!

Митя неприязненно высвободился:

— Какая разница, кто я? Я-то про Ведьму спросил.

— Бродяги деревья чуют, а Ведьмы — весь лес, — пояснила Щука. — Где у него болит, где чешется, где хорошо. И куда лучше не залазить, тоже чуют.

— Это ведь вы указали поляну с мёртвой бригадой? — вспомнил Митя.

— Я, — самодовольно кивнула Щука. — И чумоходы на реку тоже я согнала. Ну, сказала, где с леса бомбу взорвать, чтобы эти черти сюда побежали.

Щука говорила очень необычные вещи. Это было так интересно, что даже дурнота словно бы немного отступила, вернее, показалась Мите неважной. Митя хотел услышать побольше и завозился, поворачиваясь к Щуке:

— Разве чумоходы не автономны? Они лесу подчиняются?

— Они того, как собаки, — ухмыльнулась Щука. — Когда чё-то лесу надо, он их посылает на то место. Когда ничё не надо, шарашатся сами по себе. А когда какая-нибудь хуйня у леса, то съёбываются оттуда.

Митю удивили пояснения Щуки. А почему бы и нет?.. Если считать зачумлённые машины некими искусственными животными селератного леса, то вполне логично предположить зависимость их поведения от среды обитания. Животные тоже реагируют на изменения в фитоценозах.

— Так кто же они такие — Ведьмы? — повторил Митя.

Щука не поняла его.

— Ведьмы — они и есть Ведьмы! Ты — Бродяга, я — Ведьма, хули ещё? На то он нас и держит, — Щука зло мотнула головой в сторону Егора Лексеича.

Митя забыл, что ему плохо. Мир, в котором он жил, словно бы обретал ещё одно измерение, и Митя вдруг ощутил его — неясно, но волнующе. В этом мире по неведомым законам образовались свои взаимосвязи, свои отношения. Люди видели их, но не осмысляли. Да, они деятельно приспособились к этим законам, как тараканы приспособились к человеческим жилищам, однако отрицали сам факт того, что живут в уже чужом доме.

А Маринка была поглощена собой, своей ревностью к судьбе. Ей хотелось уединиться, не видеть ничьих рож, и она забралась в кабину харвера — Егор Лексеич ей разрешил, хотя и велел ничего там не трогать. Маринке и дела не было до устройства комбайна. Она злилась. Она сейчас пылко ненавидела и Егора Лексеича, и Серёгу. Дядь Гора — сволочь! Когда ему надо привязать Харлея, так Муха — надёжная помощница, а когда ей, Маринке, что-то надо, так она — никто, просто глупая девка! Дядь Гора — бригадир с авторитетом, он мог бы объявить бригаде, что нет больше правила, по которому бабе нельзя руководить. Но он предпочёл остаться при старом дурацком порядке и не назначать Муху командиром мотолыги… Муха — похуй, лишь бы бригада не бухтела!.. Просто дядь Гора и сам ни шиша не верит, что она, Маринка, может командовать! И Серёга Башенин не верит! А ещё говорил, что любит, мудак!.. Ходит весь такой раздутый от гордости!.. Он под мостом прорвался, ага!.. А что он сделал-то? Ничего не сделал! Тупо давил на газ, долбил носом в шпалы, и всё! Это что — какая-то хитрость, что ли? Какое-то особое уменье? Кому-то другому на такое ума не хватило бы, да? Ну и суки же они оба!.. Маринка кусала губы и вытирала жгучие слёзы.

Серёга же и правда гордился своим подвигом. Впрочем, гордиться ему было не перед кем. Митяй опять прокис, а Маринка обиделась — спряталась в кабину харвера и плачет там, наверно… Серёге было очень жалко Маринку и очень неловко за себя. Он же не виноват!.. Он не сам, это бригадир его назначил!.. Серёга не знал, куда себя деть, и присел рядом

с Митей.

— Чё, снова накатило? — участливо спросил он.

И Митяя тоже как-то жалко… Пидарасит его. Вот не повезло же брату — наглотался облучения, теперь трясётся весь зелёный… И чё делать-то?

— Голова болит? Блевать тянет? С глаз двоится? — допытывался Серёга. — Это как с похмела маяться, знаю… Давай я у Алёны таблетку какую-нибудь возьму? Или могу спиртяжки достать малёхо, резкость наведёшь…

Митю тронула забота Серёги. Видно, Серёга не совсем уж болван.

Однако Серёгу отвлекли. С опрокинутого путеукладчика Егору Лексеичу взволнованно закричал Фудин:

— Шеф! Шеф! Тут в кабине люди живые!.. Сами вылезти не могут!

Егор Лексеич сидел на раскладном стульчике.

— Ну, вытащите их! — крикнул он в ответ и оглянулся на бригаду. — Деев, Башенин, возьмите автоматы и помогите!

Серёга вздохнул, ободряюще потрепал Митю по плечу и поднялся.

Путеукладчик упал с насыпи так, что кабина легла на плотные заросли. Дверь кабины открывалась внутрь, как принято на железной дороге; её распахнуло и забило ветвями. Машинист и оператор крана оказались заперты. И у них не нашлось инструментов, чтобы разбить прочное окно.

Тонкие, упругие, дико ободранные стволы ивняка пронзили решётчатую конструкцию путеукладчика насквозь, будто заточенные копья. Здоровенный Калдей с треском полез вниз, в недра подъёмного крана, точно медведь в малинник, и, пристроившись, принялся колотить прикладом автомата в окно, пока оконная рама не выскочила из пазов — а стекло даже не треснуло. Калдей яростно вывоpотил раму наружу. Из кабины к нему уже кто-то тянулся.

Егор Лексеич ждал, расставив ноги и сцепив руки за спиной, — суровый и непримиримый. Алёна, Талка и даже Вильма подошли к бригадиру, с любопытством вглядываясь в пленников. За журчащим Инзером над лесами и хребтом мрачно догорала узкая щель заката. По тёмному небу плыли косматые тучи. Одного алабаевца вели Фудин и Матушкин, они имели победный вид, словно взяли врага в бою; другого алабаевца волочили на себе Калдей и Серёга: этот мужик был совсем плох — окровавленный и безвольно обвисший.

Уцелевшего пленника поставили перед Егором Лексеичем. Алабаевец был одет в камуфляж; половина головы у него была

модно выбрита, а на голом черепе извивалась причудливая татуировка с хищными завитушками.

— Ну ты и расписной, — хмыкнул Егор Лексеич.

Алабаевец улыбнулся, блеснув в сумраке отличными зубами.

— Бросили вас свои, да?

— Думаю, они ещё вернутся, господин Типалов, — сказал пленный.

Егору Лексеичу стало неприятно, что его назвали по фамилии. Значит, алабаевцы в своей бригаде обсуждали его персону — хуйню всякую говорили.

— Напарник твой не доживёт, — возразил Егор Лексеич.

— Всё не так уж и скверно, — алабаевец встряхнулся, обретая уверенность. — Сотрясение — не смертельно. Рану на плече я ему перевязал. А сломанную ногу хирурги подлатают.

— У меня тут не больничка.

— Договоримся как-нибудь, — снисходительно пообещал алабаевец.

— А с Холодовским Саней ты договоришься? — спросил Егор Лексеич.

Он ещё не придумал, что делать с уцелевшим «спортсменом», но раненый ему точно не был нужен. А за Холодовского надо поквитаться. Егор Лексеич не испытывал желания отомстить. Саню убили — что ж, так получилось, никто не виноват, и Алабай не виноват. Однако напрячь свою бригаду — это в масть.

— Алёна, снимай с телефона, — распорядился Егор Лексеич.

Алёна тотчас обо всём догадалась и достала телефон.

Егор Лексеич взял у Фудина автомат и, отомкнув, посмотрел рожок.

— Вы что затеваете? — занервничал пленный.

— Обраточку пошлю Алабаю, — буднично пояснил Егор Лексеич.

Митя и Щука у мотолыги застыли, вытянувшись. Митя не мог поверить, что Егор Лексеич собирается расстрелять пленного. Бред какой-то!..

— Пиздец! — тихо охнула Щука.

Она-то не сомневалась в намерениях бригадира.

Алёна снимала на телефон. Егор Лексеич перехватил автомат поудобнее, примерился и без колебаний всадил очередь в алабаевца, висевшего между Калдеем и Серёгой. Алабаевец словно сплясал под ударами пуль. Калдей не дрогнул, а Серёга шарахнулся в сторону, и расстрелянный пленник мешком свалился на гальку пляжа.

Егор Лексеич нацелил ствол автомата на второго «спортсмена».

Щука на карачках тихо поползла прочь от мотолыги. Митя оглянулся на неё — Щука тоже была пленницей, и её нельзя было отпускать. А все прочие в бригаде заворожённо смотрели на Егора Лексеича.

— Молчи! — едва слышно попросила Щука. — Он же и меня потом кончит!..

Митя ничего не соображал от потрясения. Впрочем, одна мысль у него была: в этом кошмаре никому не место и кто может — пусть убирается прочь. Он тупо кивнул Щуке, обещая не выдать. Щука, пригибаясь, поднялась на ноги и почти бесшумно скользнула в сумерках к тёмному лесу.

— Командир, договоримся же… — сипло сказал Егору Лексеичу второй «спортсмен»; правая нога его странно вихлялась.

Егор Лексеич держал его на прицеле, но не стрелял. Алёна невозмутимо снимала на телефон. Талка тихо плакала — вспоминала Холодовского. Калдей стоял столбом. Серёга вытирал ладонью открытый рот. На морде Матушкина сами по себе ёрзали морщины. Фудин качал головой, будто сокрушался, что пленники такие гады. Вильма расслабилась, ведь Алабая среди пленных не было. А Егор Лексеич держал «спортсмена» на прицеле и чего-то ждал.

Над Инзером полыхнула молния, в небе загрохотало, и закрапал дождь.

Щука не ушла далеко. Идти по лесу в темноте и босиком она не хотела — только ноги рвать, и она затаилась в тальнике: ей требовалось видеть берег с мотолыгой и харвером. Не шевелясь, она наблюдала, как бригадир Типалов всё-таки опустил автомат, пощадив пленника, а затем бригада спохватилась, что Ведьма исчезла. Кто-то там орал, затем бригадир, а вместе с ним и другие мужики из бригады в бесполезном остервенении секли по деревьям и кустам очередями, затем все под дождём полезли по машинам.

Щука лежала в тальнике на брюхе и терпеливо ждала. Мимо неё по реке с плеском прошагал харвер — огромный паук, за харвером, рыча, прокатилась мотолыга, и бригада неспешно скрылась за поворотом. Дождь зачастил, над Ямантау метались широкие сполохи бледного света и ворочался гром.

Щука выдралась из тальника и босиком заковыляла по камням к трупу расстрелянного алабаевца. Надо снять с него коцы, без обуви — никуда.

Щука так увлеклась, расшнуровывая и стаскивая ботинки мертвяка, что не заметила, как рядом с ней появилась большая рыжая собака. И вскоре в Щуку сквозь дождь, ослепляя искрами, упёрлись яркие лучи ручных фонарей. Это бригада Алабая

вернулась за оставленными товарищами.

44
Водозабор (I)

Дождь сыпался и сыпался из темноты над головой, дробно рокотал по толстому полиэтилену, которым сверху прикрылась бригада. Изредка небо взрывалось грохотом и в быстрой вспышке бесцветного огня раскалывалось извилистыми трещинами, а в их глубине, как чёрная магма, кипели косматые облачные массы. Вспышка на миг материализовала странный, инфернальный мир: измятое складками пространство, зависший блеск ливня, дальняя гора — словно там во мраке раздулась белая медуза со щупальцами, и текучая речка.

Харвестер шёл первым, ломано мелькая коленями. Сзади его освещали фары мотолыги. Харвер был роботом: глухая ночь, ливень и незнакомый путь по руслу его не смущали. Он переставлял длинные ноги с просчитанной и равнодушной самоуверенностью машины. Рыча дизелем, мотолыга торопливо катила за ним, переваливалась на неровностях дна и выбрасывала за кормой из-под гусениц фонтаны воды с песком и галькой.

Митю трясло и мотало, в бок тыкался угол ящика, под полиэтиленом было душно, но бригада терпела, и Митя тоже терпел. Он всё вспоминал расстрел пленного — не мог отделаться от этого впечатления, навязчивого, как паранойя. Гибель Холодовского не поразила его так остро и глубоко, ведь Холодовского убил враг. А Егор Лексеич ещё недавно казался Мите вполне человеком, хотя и жестоким, и эгоистичным, и лживым. А сегодня человечность отваливалась от него кусками, как присохшая грязь. Митя понял, что как-то предчувствовал рептильную натуру бригадира, но не ожидал, что она явится столь свирепо и бесстыже. И не ожидал, что бригада примет всё абсолютно спокойно.

Убийство пленника никого не ошеломило. Да, перепугало внезапностью стрельбы, но не более того. Смерть человека — огромное по смыслу событие; оно должно вздыбить и вывернуть душу свидетелей, но просто просвистело мимо них и даже ветерком не обдуло. Нет, эти люди не были бесчувственны. С ними случилось что-то другое. Для них будто закрылся тот уровень, на котором находился ужас вечного небытия и страх бессмысленности жизни. И бесполезно было говорить им о добре и зле.

Бригада пробиралась по Инзеру ещё долго, больше часа, а потом справа в зарослях показались почти неразличимые руины

невысоких домишек: стена с квадратами окон, перекошенная дырявая крыша, столбы. Инзер вильнул ещё пару раз, и на берегу появились плоские сооружения водозабора: кирпичная коробка большого здания и затонувшие в кустах здания поменьше.

Егор Лексеич оставил харвер во дворе, кое-как огороженном рваной и ржавой сеткой, а мотолыга через пролом въехала прямо в машинный зал. Здесь под облупленными кожухами застыли насосы и огромные баки резервуаров, покрытые плесенью. Ветхие трубы соскочили с опор. Из стыков потолочных плит свисали пряди корней. Гусеницы мотолыги давили гнилой хлам на полу.

Для ночлега расчистили небольшую площадку, разожгли костерок. Синий огонь зыбко осветил помещение, будто какой-то загробный мир, и лица людей, сидевших вокруг костра, выглядели как у мертвецов.

Пленного алабаевца бригада привезла с собой. Пленник не порывался сбежать, как Щука. Что ж, Щука была дикой бабой, каторжанкой, которой всё похрен в лесу, а пленник был человеком городским, привыкшим к комфорту, и не хотел в одиночку мотаться в темноте по незнакомому мёртвому городу.

— Пойдём-ка потолкуем, — сказал ему Егор Лексеич.

Митю вдруг словно дёрнуло за нервы. Хозяйская и добродушная манера бригадира теперь, после расстрела у моста, вызывала у Мити ненависть. За добродушием пряталась свирепость зверя. Митя уже понял, что Егор Лексеич способен на любую подлость, а бригада всё равно будет считать его надёжным мужиком. И Митю бесило: неужели сущность Типалова людям не очевидна? Митю сжигало желание разоблачить Егора Лексеича. Можно жить во лжи, которая выгодна бригадиру, но невыносимо жить в тупости бригады.

— Допрашивайте его тут, при нас! — дерзко возразил Митя. — Что он знает — нас всех касается!

Егор Лексеич даже немного оторопел. Этот сопляк спятил, что ли?

— Да мне говорить-то и нечего! — охотно выдал пленный алабаевец; он опасался допроса один на один. — У Алабая шесть бойцов вместе с ним! Лагерь — на стройплощадке «Гарнизона». Для трелёвки — танк, вот и всё!

— Танк!.. — промахнуло по бригаде.

Митя сразу вцепился в этот факт, чтобы сокрушить бригадира.

— Вы на танк бригаду поведёте, Егор Алексеич?

Егор Лексеич, кряхтя, миролюбиво присел на раскладной стульчик.

— Так ведь, Митрий, на всякую жопу с нарезкой найдётся хуй

винтом.

Матушкин угодливо хихикнул.

— Алабай не сдастся, будет воевать с нами! — напирал Митя.

— Будет, — тотчас подтвердил алабаевец.

Ему было выгодно, чтобы бригадир Типалов отказался от продолжения командировки, — тогда он, пленник, станет не нужен и его отпустят.

— Мы же и так воюем, — сказала Алёна за Егора Лексеича. — Война же идёт.

— Да нет никакой войны! — яростно заявил Митя. — Нет и не было! Это ложь! Егор Алексеич продаёт «вожаков» в Европу и бешеные деньги гребёт! А вы должны погибать за его корысть, как Холодовский!

— Чё ты порешь, Митяй?! — вспылил Серёга.

Серёгу всё устраивало — Типалов, Маринка, бригада, командировка. Всё выглядело стройно и понятно. А Митяй лез порушить хороший порядок.

— А как же радиация, если войны не было? — удивилась Маринка.

— Никакая это не радиация, а излучение со спутников, чтобы лес быстрее вырастал, потому что у нас всю страну китайцам продали!

Егор Лексеич, снисходительно улыбаясь, ждал, пока Митя выговорится.

— Вас убеждают, что из «вожаков» делают взрывчатку, а на самом деле из них в Европе производят фитронику! Вы копейки зарабатываете и головой рискуете, а бригадиры получают десятки тысяч! Война — обман, лишь бы вы подчинялись фальшивой необходимости и продолжали добывать «вожаков»! — гремел Митя. — Егор Алексеич, ваш промысел кровавый! Хватит! Вы должны повернуть обратно и увести бригаду! Иначе ещё кто-нибудь погибнет!

Митя уже стоял во весь рост, сжимая кулаки, и смотрел Типалову прямо в глаза. Ему не было жалко людей из бригады, но его оскорбляла неправда.

— Хуйня война, лишь бы не убили! — хихикнул Матушкин.

Он видел, что Митька забарагозил, и пытался свести всё к шутке.

— Повзрослей сперва, потом других учи! — сердито бросила Алёна.

— Тебе, Митяй, чё, яйца прищемили? — скривился Серёга.

Серёга прекрасно понял Митю, но заявления брата были совершенно невероятны, тут и спорить нечего. У Митяя от радиации в башке помутилось — понятно же. Митяй и сам

на башку жаловался, сидел зелёный… Зачем он со своим бредом к бригадиру полез? Только опозорился перед бригадой!

Маринка жадно вглядывалась то в Митю, то в Егора Лексеича. Это двое явно закусились — но чья возьмёт?.. В душе Маринки вновь закипал гнев, что дядя отодвинул её и возвысил Серёгу, которому командировки вообще никуда не упирались. Надо поддержать Митю! Если ей, Маринке, ничего не дают, то пусть и другие ничего не имеют! Закрыть лавочку! Закончить командировку! Всех домой на хрен прогнать!.. Авось дядь Гора увидит, что Муха озлобилась, и передумает — отдаст командование мотолыгой ей, Маринке!

— Наёбываешь нас, дядь Гора, да? — с вызовом спросила Маринка.

В смысл того, что объявил Митя, она не вникала. Не во что вникать. Как это нет войны? Может, и пиндосов с китаёзами нет?.. Митя, конечно, хороший, но городской и в настоящей жизни ни хера не рубит. Однако Маринка напоказ всем улыбнулась Мите: пусть он знает, что она на его стороне. Митя тоже неловко улыбнулся в ответ. Серёга заметил — и тихо закипел.

— А сколько бригадир получает? — осторожно поинтересовался Фудин.

Синие отсветы огня прыгали по колёсам и борту мотолыги; тени бегали по высокому потолку машинного зала, и казалось, что потолок шевелится — словно мотолыга и бригада очутились внутри огромного желудка.

— Слышь, Лексеич, ну ты правда — того… — заёрзал Матушкин, виновато улыбаясь щетинистыми морщинами. — Расколись, сколько «вожак» стоит?

— Почестнее нельзя ли платить? — возмущённо подхватилась и Талка. — В нас же пулями стреляют, а не шишками кидаются!

— Я вообще за одну жратву тут пашу! — влез Костик и тотчас получил крепкий подзатыльник от матери.

— Алабай вам нормальную цену предлагал, — напомнил пленный.

Из того, что вывалил Митя, бригаду задел лишь вопрос о деньгах, потому что всё прочее здесь и сейчас для бригады не имело значения. А для Егора Лексеича — имело. Он сохранял спокойный вид, но его переполняла ярость. Старый дурень, он действительно поверил, что приблудный пацан забыл о своём прошлом. А он ни хуя не забыл. Помнил, гад, что он — «гринписовец»! Это ведь «Гринпис» орёт, что войны нет, а «вожаков» рубить нельзя!

Егор Лексеич тяжело вздохнул: пришло время расставлять всё по местам.

— Дело, значит, такое, — Егор Лексеич обвёл людей угрюмым взглядом. — Митрию требуется попасть в «Гарнизон». Где-то там его дружки зашкерились. Мы довезли его до Ямантау, а теперь он нас обратно спроваживает, чтобы мы не узнали, где у них логово. Всё как два пальца обоссать. Про деньги базар — это бунт. А что войны нет — пиздёж. Если желаете — сами убедитесь…

Егор Лексеич поднялся со стульчика, шагнул вперёд и вытащил к костру пленного алабаевца. Тот испугался и растерялся.

— Давай скажи-ка нам про войну, — велел ему Егор Лексеич. — У вас-то в городе все правду знают. Скажи нам: есть война?

Бригада затихла. Пленник смотрел так, точно примерялся к чему-то. Митя сверлил его непримиримым взглядом. Ждали ответа и Серёга, и Маринка.

— Война есть, — сказал алабаевец и замолчал.

Егор Лексеич ухмыльнулся:

— Ну, блядь, продолжай!

— Война идёт между Западом и Китаем, — продолжил алабаевец. — Только она промышленная. Запад забрасывает к нам информационные бомбы. Они маленькие, их не увидеть. Это фрагменты нейлектрической ткани с вирусной программой. Если заражённая ткань попадает в систему управления машины и врастает в электронику, то машина превращается в чумоход. Цель обработки — нарушить лесодобывающую технику и тем самым сократить производство бризола. Так Запад ослабляет Китай. А нейлектрические ткани извлекаются из «вожаков». И поставки «вожаков» на Запад — это наше участие в войне.

Вокруг синего костра воцарилась тишина, словно воздух остекленел. А Митя вспомнил, что Холодовский тоже говорил ему о программах-вирусах.

— Мы же воюем с Западом, а не с Китаем, — в тишине заметил Фудин.

— Мы со всеми воюем, — устало произнёс Егор Лексеич. — Все нам враги. Пускай они друг друга задушат, а мы победим.

— Зачем же тогда мы чумоходов бьём? — спросил Серёга.

— А как нам «вожаков» добывать без командировок? — вздохнул Егор Лексеич. — Но ничего, всех-то не перебьём. В лесах чумоходов до хуя.

Митя подавленно молчал. Слова алабаевца развалили его картину мира — как раз потому, что ни в чём не противоречили

словам Алика Арояна. Просто Алик не сказал Мите всего. Почему-то не сказал.

— А почему мы не знаем этого? — зло спросил Митя. — Зачем это скрывают?

— Да никто ничего не скрывает, — ухмыльнулся алабаевец. — В городах это всем известно. Даже китайцам известно, потому они и запрещают «вожаков» рубить. Возьми телефон да посмотри, что в Сети пишут.

Алабаевец явно хотел ещё что-то пояснить, но решил, что не стоит.

— Нет, ты договаривай, браток, — радушно велел Егор Лексеич.

— Вы, лесорубы, тупые, — искренне и с удовольствием заявил алабаевец. — Вы не понимаете, как сложно всё устроено. Не понимаете, что вести войну — значит, жить так, как мы и живём. Вот вы и придумали себе ядерные удары, радиацию, взрывчатку какую-то из «вожаков» для какой-то тайной армии… Голову-то включать не умеете. Чему в школе учат — забыли. Городских слушать не хотите — мы для вас предатели. А кому-то, что ли, надо вам мозги вправлять? Да сидите вы в своей заднице хоть до посинения. Вот и весь секрет.

Бригада молчала. Трещал синий костёр.

— Обидно, да? — Егор Лексеич тяжко опустился обратно на стульчик.

— Егора, пристрели его, — от души попросила Алёна.

45
Водозабор (II)

В эту ночь Мите снова снилось то, что он забыл, — объект «Гарнизон». Бетонные стены, жуткая глубина заброшенных тоннелей с рельсами на полу, кабели в гнилой изоляции, компьютеры, треснувшие своды, свисающие нити корней, стальные двери со ржавыми штурвалами кремальер, частая капель в темноте… Длинный луч фонаря освещает людей в балахонах биозащиты и в масках с респираторами… И ещё что-то новое: какие-то галереи или шахты, заполненные чудовищно огромными клубнями — Митя видел их шелковистые выпуклые бока и тающие во мраке мощные сети мицелия…

Митя проснулся на полу машинного зала немного в стороне от спящей бригады: во сне он выкатился из-под решётки интерфератора. Понятно, почему его преследуют воспоминания о «Гарнизоне». Вчера он полдня провёл под селерационным облучением — когда ходил в берёзовую рощу к мёртвой бригаде Солиста и когда ехал с бригадиром в кабине харвестера. Облучение усилило те процессы, что превращали Митю в Бродягу, а слова Типалова о Митиных «дружках» из «Гринписа» подхлестнули заторможенную память.

Митю трясло в ознобе, в голове было мутно. Митя с трудом поднялся и поплёлся на улицу. После ночного ливня повсюду нежно курился прозрачный туман, сквозь него проступали синие купы деревьев, чирикала птичка. Митя вдохнул полной грудью. Мир был прекрасен. Жизнь была прекрасна. Митя ощутил, как в нём крепнет упрямство. Нет, он не станет Бродягой и лешаком, глухим к этой красоте; без сомнения, он создан для большего. В картине мира, что обрисовал Типалов, никакого будущего у Мити не было. Значит, картина лживая, хотя Митя не знал, в чём Типалов ошибся или соврал.

Митя пошёл к речке. Тихий плёс вытаивал из тумана, будто вытекал из-под двери. Здание водозабора казалось кораблём, вытащенным на берег. Митя разделся до трусов. Ему хотелось смыть с себя мылкий и склизкий пот.

Но на нём был не пот, а какая-то тёмная грязь — под мышками, на сгибах рук, в паху. Где он мог извозиться?.. Митя рассматривал себя. Это не грязь… Это плесень!.. Митя различил микроскопические травинки тоньше волоска… Они выросли на теле там, где была нужная среда — тепло и влажность… Он заплесневел, как старый башмак на помойке! Митю передёрнуло.

Он сразу вспомнил встречу с лешаками ночью под горой Шапкой: у одного из глазницы торчала веточка с живыми листочками. Митя ринулся в парную воду, забрёл по пояс и принялся яростно обтираться, не обращая внимания на холод.

Митя не заметил, что вслед за ним на берег вышел и Егор Лексеич: молча постоял, наблюдая в тумане за своим Бродягой, и пошёл обратно. Он боялся, что Митя сбежит — до «Гарнизона» уже рукой подать. Сейчас Егор Лексеич уже никому не доверял. Точнее, почти никому. Холодовский подтвердил его подозрения, что в бригаде — шпион. А кто им может быть? Исключаются лишь Алёна, Костик и Серёга Башенин, который сам и привёл Бродягу. Наверное, надо исключить и Муху — всё-таки племянница… Но больно она борзая стала, хочет сама командовать… Калдей? Вряд ли: Калдей — тупой. Талка Назипова? Слишком она баба, неспособна к чему-то серьёзному. Вильма — зашугана, тени своей боится. Остаются только Фудин и Матушкин. И Фудин — хитрый жук…

Хрустя битыми кирпичами, Егор Лексеич полез в пролом, через который мотолыга въехала в машинный зал водозабора, и тут у него в кармане загудел телефон. Егор Лексеич глянул на экран и сразу попятился из пролома назад во двор. Бригада не должна услышать его разговор. Звонил Алабай.

— Как ночка, Типал? — весело спросил тот.

Егору Лексеичу не нравилось, когда его так называли. Да, у бригадиров было приняты прозвища. Но он — не такой, как все. Он — по имени-отчеству.

— Не пизди, — ответил Егор Лексеич. — Зачем позвонил?

— А всё затем же. Давай объединяться. Вдвоём нам выгоднее будет. Ну, честно, Типал! — пытаясь вразумить, Алабай даже поднял брови домиком.

— Иди на хуй.

— Чего ж ты такой твердолобый, дровосек? — утомлённо вздохнул Алабай. — Посмотри тогда, кто у меня есть! — он повернул телефон.

У себя на экранчике Егор Лексеич увидел Щуку. Она сидела возле какой-то стены с пятью мужиками Алабая и жрала сухпай.

— С ней, Типал, я устрою тебе такой же пиздец, как ты мне у моста.

Егор Лексеич взбесился, но не подал виду.

— У меня хлыщ с твоей бригады, — зажато предупредил он. — И я его грохну. Или давай поменяемся. Ты мне — Ведьму, я тебе — твоего.

— Неравноценно, — с улыбкой помотал головой Алабай.

— Своих бросаешь?

Алабай страдальчески поморщился:

— Я тебя умоляю, Типал… А ты сам поменялся бы?

Егор Лексеич, не прощаясь, сбросил вызов. Угрозы Алабая его не очень-то испугали, но на душе сделалось гадко. И шпиона следовало найти.

Пока Егор Лексеич отсутствовал, Алёна, не теряя времени, руководила приготовлением завтрака. На синем огне в котлах закипела вода, Талка резала китайскую тушёнку прямо в открытых консервных банках.

Егор Лексеич вернулся к мотолыге злой и мрачный.

— Дядь, — глянула на него Маринка, — а когда «вожаков» валить начнём?

— Как только, так сразу, — буркнул Егор Лексеич.

После грызни вчера ночью обаяние дядь Горы для Маринки исчезло. Она, конечно, знала, что дядь Гора богат, но не представляла насколько. Помощь дядь Горы всегда казалась ей огромной, а выяснилось, что это гроши, которые дядь Гора и посчитать не удосуживался. Дядь Гора вовсе не спасал её семью, а просто всех использовал — и зятя, и племянницу. Потому и не дал Мухе командовать. Не для того он держал Муху при себе. И сейчас жгучее желание добиться своей цели подстёгивало Маринку куда сильнее, чем прежде.

— Я же тебя нормально спросила! — дерзко бросила Маринка.

— Слушай, племянница, — Егор Лексеич придавил её тяжёлым взглядом, — я тут бригадир. Будешь залупаться — это твоя последняя командировка.

Маринка побледнела от обиды и бешенства.

К ней сразу подсунулся Серёга. Он понимал, что Маринка борется с дядей, чтобы прорваться наверх. Однако теперь Егор Лексеич казался Серёге мужиком рассудительным и мудрым: не нужно с ним враждовать. Он сам в подходящее время сделает всё правильно. А Маринку — жалко. Она отчаянно бьётся в стену. Слишком горячая и глупая.

— Ты хрена ли на Лексеича окрысилась? — осуждающе прошептал Серёга.

— Отвали от меня! — брыкнулась Маринка.

— Кушать готово! — объявила Алёна. — Ложи всем, Наталья.

Талка пристроила горячий котелок на кирпич и вооружилась поварёшкой. Она всегда боялась ошибиться с порциями и тарелки выставляла перед собой все сразу. Стараясь угодить Талке, Матушкин раздавал тарелки с кашей.

— Лопай-лопай! — балагурил он. — Ровняй морду с жопой!

Митя сел у колеса мотолыги на пустое место рядом

с пленным. Алабаевец недоумённо покосился на него. Голова у Мити была мокрая.

— Чё, предатель, с городским-то тебе лучше? — ухмыльнулся Мите Костик.

Серёга принёс две тарелки — себе и Маринке, но Маринка не приняла его услуги, сама взяла себе кашу и перебралась к Мите. Во всей бригаде только Митя осмелился пойти поперёк дядь Горы. Пускай у него не получилось, но остальные-то и не пробовали. Маринке хотелось быть вместе с Митей: вместе с тем, кто тоже недоволен Егором Лексеичем. Митя — Бродяга, как и Харлей, а Бродяги — люди вольные. Не то что Серёга Башенин, шестёрка бригадира.

А Митя был ожесточён и полон решимости понять, в чём же Типалов не прав. Он, Митя, работал в «Гринписе». Зачем же нужен этот «Гринпис», если идёт промышленная война? Что он делает на объекте «Гарнизон»? Почему и китайцы, и европейцы, и даже свои называют «гринписовцев» предателями?

— Скажите, что делает «Гринпис»? — негромко спросил Митя у пленника.

«Спортсмен» снова покосился на Митю.

— Исследует лес, что же ещё-то? — пояснил он с лёгким превосходством.

— А почему исследование леса мешает государству и обществу?

— Особенно-то не мешает, — усмехнулся алабаевец. — Просто неприятно. Хотя все утверждения «Гринписа» — чистый бред.

— Какие утверждения?

— Что селератный лес способен мыслить.

Митю словно ударило в грудь мягким и тяжёлым бревном.

— Это и пытается выяснить миссия на Ямантау?

— Угу, — кивнул алабаевец. — Ищут братьев по разуму в кустах на свалках. Китайцы запрещают коллигентные деревья вырубать, а «Гринпис» требует прекратить вообще всю лесодобычу. Такое никому не понравится. Китайцам нужен бризол, европейцам — нейлектрический биоматериал, нашим — деньги. Чего добивается «Гринпис»? Чтобы мировая экономика рухнула?

— Завязывай с теми мудаками, Митька, — посоветовала Маринка.

Но Митя уже ничего не слышал. Он был поражён. Здесь, на заброшенном водозаборе при мёртвом городе, в пустом и гулком воздухе полуразрушенного машинного зала он вдруг ощутил неосязаемое шевеление будущего.

А Серёга всё ещё тупо держал в руках две тарелки с гречневой кашей — для себя и для Маринки. Но Маринка сидела с Митей и Серёгой уже нисколько не интересовалась. Конечно, Митя не был в этом виноват, и всё равно хорошо было бы дать ему по его городской морде. Душа Серёги корчилась от горечи.

— Чья миска у меня? — спросил Серёга у бригады. — Кто без жратвы?

Талка приготовила двенадцать тарелок, то есть на каждого члена бригады плюс ещё одну для пленного алабаевца. Однако обделённых Серёга не увидел.

— Лишняя, что ли, порция? — удивилась Талка. — Я же по счёту ложила!..

— Ты на Саню Холодовского раздала, — тихо пояснила Алёна.

Глаза у Талки медленно наполнились и переполнились слезами. Талка всхлипнула, зажимая боль в себе, вскочила и ушла за мотолыгу.

Щетинистая физиономия Матушкина замерла и словно почернела.

Завтрак первым завершил Егор Лексеич.

— На ходу дожуёте! — объявил он. — Поссыте — и на борт!

Бригада заторопилась. Алёна собрала миски и сложила в котёл. Егор Лексеич влез в мотолыгу и вылез обратно с двумя автоматами.

— Ты и ты, — он ткнул пальцем в Матушкина и Фудина, — пока что при мне постойте. Ты тоже, — Егор Лексеич подтащил к себе алабаевца. — Серёжа, ты — водитель. Откатись за ворота и жди нас. Девушки, давайте живее в машину!

Серёга уверенно пробрался за руль. Движок мотолыги заклокотал, по залу пополз бризоловый чад. Егор Лексеич, алабаевец, Матушкин и Фудин отступили. С визгом стальных траков мотолыга развернулась почти на месте, сгребая мусор и почву, и покатилась к пролому в стене, вскарабкалась на завал из кирпича и вывалилась во двор, вздёрнув грязную корму.

— А мы почему не поехали, шеф? — спросил Фудин.

— Отойди-ка туда, — распорядился Егор Лексеич, подталкивая пленного.

Алабаевец не понимал, зачем всё это нужно. Егор Лексеич деловито сунул Фудину и Матушкину автоматы.

— Расстреливайте его, — обыденно приказал он, кивнув на пленного.

— Это как это, шеф?.. — опешил Фудин.

— Бригадир, что такое? — занервничал и алабаевец. —

Пугаешь, что ли?..

— На хуя мне кого-то пугать? — Егор Лексеич спокойно посмотрел ему в глаза. — Твой Алабай не стал менять тебя, а мне ты, расписной, не нужен.

Егор Лексеич хотел увидеть, кто первым выстрелит — Матушкин или Фудин. Шпион Алабая не решится убивать своего. Он же надеется вернуться, а как его встретят после того, что он сейчас сделает? Его тоже грохнут.

— Мы так не договаривались! — почти заорал пленный.

— А мы вообще как-то договаривались?

— Слушайте, мужики, — алабаевец задёргался. — У меня бабки есть! Много! Я с телефона могу перевести! Я скину вам, а вы меня просто отпустите, и всё! Я не буду Алабая искать, в Татлы уйду, и в город! Слово даю!

Алабаевец заискивающе смотрел то на Фудина, то на Матушкина, то на Егора Лексеича. С него напрочь слетело прежнее городское высокомерие.

Егор Лексеич безмолвно наблюдал за Матушкиным и Фудиным.

— Вы же нормальные мужики, не звери!.. — уговаривал алабаевец.

Фудин повернулся к бригадиру.

— Шеф, про деньги — хороший план! — с надеждой сказал он.

Егор Лексеич продолжал молчать. А у пленного точно прибавилось сил.

— Я же вашего товарища не убивал! — горячо заверил он — Это Алабай!..

Фудин решил, что молчание бригадира означает одобрение.

— Много — это сколько? — спросил он у пленного.

Матушкин стоял со странно неподвижным лицом, но при словах о гибели Холодовского его щетина будто ожила. Матушкину плевать было на гибель Холодовского, просто разговор с алабаевцем снова напомнил ему, что Талка предпочла не его — даже тогда, когда соперник исчез. Матушкин хотел сорвать зло — выплеснуть досаду. И ударил по алабаевцу очередью из автомата.

Эхо заметалось под бетонным потолком машинного зала. Алабаевец затрясся, ещё пытаясь что-то произнести, рухнул на колени и повалился набок.

— Много — это не тебе! — выдохнул Матушкин Фудину.

46
Город Межгорье (I)

Серёга взял в сторону и затормозил, смяв мотолыгой густой кустарник, что вырос на былом тротуаре. Рядом остановился харвер, в его корпусах мощно гудели моторы. Егор Лексеич приоткрыл дверь кабины и высунулся наружу.

— Слышь, Серёжа, смотри там в оба! — крикнул он. — Алабай нашу Ведьму поймал! Она может снова толпу чумоходов сюда нагнать, как на Инзере!

— Всё под контролем! — браво крикнул в ответ Серёга.

— Если разойдёмся — встречаемся на станции!

Серёга посмотрел на экран навигатора. Межгорье было совсем небольшим городом, железная дорога огибала его по южной окраине. Станция находилась на юге, а водозабор — на северо-западе. Всё просто, даже дебил поймёт.

— Принято, дядя Егор!

Егор Лексеич нырнул в кабину, и харвер пошагал вперёд — размашисто и уверенно. В движении его длинных суставчатых ног было что-то от циркуля.

Небо затянуло сырыми облаками, по улицам ползла влажная дымка. Впрочем, улицы существовали только в навигаторе, а Серёга видел вокруг мотолыги старый и крепкий лиственный лес: берёзы, рябины, липы, тополя. Они выбрались из скверов и палисадников, когда люди исчезли, и заняли опустевший город. Направление улиц Серёга угадывал по расположению домов, но дома попадались нечасто, будто бы тоже ушли вслед за людьми. Лишь изредка сквозь зелень можно было различить панельную пятиэтажку с ровными рядами чёрных оконных провалов или здания в один-два-три этажа с кустами на крышах. Ещё среди деревьев косо торчали бетонные столбы и ржавели в кустах бузины и черёмухи брошенные автомобили.

Серёга привстал и быстро глянул назад. Бригада расслабленно сидела в десантном отсеке за дизелем — все, кроме алабаевца. Егор Лексеич сказал, что выгнал его с концами в лес: на хуй нужен. Маринка и Митя расположились рядом. Серёгу вновь окатила злость на них обоих, однако в злости он ощутил и привкус горечи. Ну командует он теперь мотолыгой, и что? Он рассорился и с девчонкой своей, и с братом. Конечно, братас у него — того, с придурью, но убивать его, как Харлея, Серёга бы не стал. Митяй — не Харлей…

Комбайн Егора Лексеича давно растворился за густой

листвой и стволами деревьев, но затрезвонил телефон — Типалов вызывал Серёгу.

— Видишь трал раскоряченный?

Серёга увидел. К лобастой кабине колёсного тягача сзади на седельную связку крепился вытянутый полуприцеп с горбатой рамой, под которой был подвешен объёмный ребристый бункер вроде ковша. Трал уже давно умер. Его дырявая кабина, заломленная набок, побурела от ржавчины, а на капоте и на полуприцепе гордо торчали в ряд пушистые молоденькие пихточки.

— Я уже за трал ушёл, — продолжил Егор Лексеич. — Тут риперы вертятся. Ты, Серёж, перед тралом направо сверни и шуруй по параллельной улице.

— Ясно, — ответил Серёга. — А что за машина такая дикая, Егор Лексеич?

— Грунторез. Я же говорил вам, что Ямантау — заповедник, здесь не вели заготовок, лесорубные чумоходы — только те, что приблудились. А свои черти — стройтехника. Межгорье, считай, обслуживало «Гарнизон» — целый город подземный в Ямантау. Здесь под чуму весь автопарк стройуправления угодил.

— Понятно, — сказал Серёга.

Он тормознул мотолыгу, развернул и погнал на поперечную улицу.

Гусеницы с треском давили кусты и рвали дёрн с травой, мотолыгу трясло на взрытом асфальте. Серёге приходилось лавировать, чтобы вписаться между стволами деревьев, которые мотолыга не смогла бы повалить. Ветви скребли по решётке интерфератора, сыпалась листва. Клокотал движок. Обдувало тихой свежестью леса. Справа и слева в зарослях мелькали строения.

Серёга вдруг поймал себя на ощущении, что не может сориентироваться на местности — так неграмотный не может сложить буквы в слова. Вроде по карте всё было понятно: улицы, перекрёстки, кварталы, дома. То же самое находилось и перед глазами… Но одно с другим не сочеталось: картинка, что была наяву, не соединялась с изображением навигатора. И вообще, картинка эта казалась какой-то ненастоящей: оно или не оно? Серёга с изумлением осознал, что не помнит, направо он повернул или налево. И что такое — направо и налево? И стоит ли за липами серая развалина, или ему мерещится?

Он ничего не успел себе объяснить. Зелень поодаль заходила ходуном, точно там кто-то плыл и гнал перед собой волну. Мелькнуло что-то тёмное. За тарахтеньем движка Серёга ничего не слышал. А из кустов калины вдруг брызнули во все стороны

птицы и листья, часть куста осела, как отрезанный кусок теста, и сквозь щель вперёд полезло бешено вращающееся колесо со стальными когтями — колесо высотой с одноэтажный дом.

Серёга ударил по тормозам.

Перед мотолыгой из зарослей выдиралась какая-то чудовищная машина — Серёга таких никогда не встречал. Жуткий чумоход. Перед собой он нёс огромный моторный ротор, смонтированный на шарнире; мощная подвижная рама с гидравлическими поршнями могла поднимать и опускать его. Рама была подвешена к четырёхколёсному шасси; за пустой кабиной с грязными окнами торчал угловатый массивный корпус дизеля — противовес тяжёлому оборудованию. Побеги жимолости опутывали чумоход как маскировочная сеть. Его рубчатые колёса беспощадно ломали тонкие стволы калин.

— Базуки доставай! — крикнул Серёга. — Маринка, дяде звони!..

Самому ему было, конечно, не до этого.

Он бросил мотолыгу в прогал налево — в ту сторону, откуда и вырвалась роторная тварь, чтобы тварь потратила время на обратный разворот. Мотолыгу мотало как на волнах. Жёсткие ветки наотмашь хлестали по бортам и стойкам интерфератора. Качаясь, мимо проплыл угол панельного многоквартирника.

Мотолыга очутилась во дворе. Берёзы, вербы, брошенный автофургон, изогнутое железо детской площадки, кусты, линия кирпичных гаражей с распахнутыми воротами, мусорные баки… Серёга помотал башкой, не в силах собрать панораму воедино. Что с ним?.. Куда ехать? Он ни хера не соображает!

Он повёл мотолыгу наугад, лавируя между деревьями. Мотолыга петляла по обширному двору — бессмысленно, как пьяная; Серёга не мог вспомнить даже то, с какой стороны он сюда попал. Любые пути были открыты, а Серёга ощущал себя запутавшимся в лабиринте. Всё новое — и всё точно такое же!.. Наконец опять показалась полоса гаражей. Если гаражи — должен быть выезд!..

Кирпичная стена гаража возле мотолыги вдруг треснула и раскололась, повалились выломанные глыбы, растопырились доски, а из тучи пыли попёрло зубастое колесо. Роторный чумоход свирепо и неумолимо пробивался сквозь постройку, будто сквозь штабель картонных коробок. Серёга вцепился в руль.

Мотолыга попятилась. Чумоход накренился, с трудом перебираясь через рассыпающуюся груду кирпичей, и повернул к мотолыге. Его жуткое орудие оказалось совсем близко и отвесно рубануло бы транспортёру по капоту, но довершить поворот не позволил крепкий тополь: и громоздкой мотолыге,

и роторному чудовищу было тесно среди деревьев. Чумоход отодвинул раму с ротором и включил двигатель шарнира, перемещая ротор из вертикального положения в горизонтальное. Расчёт был прост — снести тополь с дороги.

Мотолыга упёрлась кормой в другое дерево — дальше отступать было некуда. Серёга сообразил, что ему конец: сейчас чумоход сменит положение клыкастого ротора и размолотит мотолыгу всмятку. Из десантного отсека через борта мячиками запрыгала бригада — все бежали прочь. Никто и не помышлял засадить в чумоход из базуки. Серёга заметался на своём месте. Бежать ему было западло — но подыхать здесь, что ли?.. И Серёга рванулся через борт, хлопнулся в траву на четвереньки и пулей кинулся в кусты.

А над развалинами гаража внезапно появился харвер Егора Лексеича. Он шагал по следу чумохода. Задирая колени, он переступил через рухнувшую стену и с какой-то ловкой обезьяньей жадностью протянул к чумоходу свою длинную суставчатую руку. Растопыренный чокер с лязгом цапнул врага за двигательный отсек, легко, как бумагу, пробивая кожух. Могучая клешня сжалась, харвер напряг руку и, пыточно скрежеща железом, отодрал дизель с одного края — будто вырвал чумоходу сердце. Потрясённый чумоход застыл в параличе. Ротор вхолостую крутился в косой плоскости.

Серёга выглядывал из-за толстого ствола берёзы, как волчонок из логова.

Ротор крутился. Чумоход стоял неподвижно, истекая бризолом. Харвер возвышался над ним, словно поджидал, не оживёт ли жертва, и гудел мотором в ситаллическом корпусе. Открылась дверь кабины; задом наперёд, кряхтя, с харвера сполз на землю Егор Лексеич и направился к мотолыге.

— В общем, молодец, Серёженька, — усмехаясь, похвалил он. — Последним сдриснул. Уже немало.

Серёга еле отклеился от берёзы и тонким голосом спросил:

— А чё это за ёборобот такой, дядь Егор?

Егор Лексеич посмотрел на чумоход: в воздухе мелькали зубья ротора.

— Сплитчер, горная машина. Скалы режет или траншеи делает. Говорил же тебе — здесь строительная техника… И куда же наших бздунов разнесло?

Егор Лексеич приложил ладони ко рту рупором и заорал:

— Э-э-эй!.. Наро-о-од!..

Серёга недоверчиво пощупал ближайший куст — листья, ветки: настоящие ли? Ротор чумохода, исчерпав инерцию, наконец замер.

Егор Лексеич обошёл мотолыгу, выискивая повреждения.

— Ладно хоть машину не угробил… И как тебя угораздило сплитчеру-то попасться, Серёжа? Он ведь еле ездиет со своей бандурой!

Серёга никак не мог освоиться с тем, что мир обрёл прежнюю реальность.

— Ну, не знаю, дядя Егор… — Серёга замялся, вспоминая столкновение с чумоходом. — Я здесь в трёх соснах заблудился… Тыкался, шарахался, выехать не получалось!.. Потому твой слич… плеч… Короче, так он меня и догнал!

— Хуйню какую-то городишь, — усомнился Егор Лексеич.

— Правду говорю! — горячо заверил Серёга. — А тебе нормально было?

— В смысле? — забеспокоился Егор Лексеич.

— Ну, ты не терялся? Я вот всё видел — и ни хера не понимал!..

Теперь к словам Серёги Егор Лексеич отнёсся уже серьезно:

— Я сам не рулил. Задал харверу прийти к твоему телефону, он и шёл.

Заросли за мотолыгой зашевелились, потом из-за черёмухи осторожно вынырнули Костик с Алёной. Костик был вооружён автоматом.

— Грохнули гада? — спросил он, рассматривая сплитчер.

— Мы с Костичком с пустого гаража прятались, — пояснила Алёна, виновато улыбаясь и поправляя грудь. — Страшно было, Егора.

— Ничё-ничё, — успокоил её Егор Лексеич, размышляя о своём.

С другой стороны появился Фудин. В руке он держал телефон.

— Я в дом вон там заскочил, шеф… Рядом совсем!..

— А на хера телефон достал? — прищурился Егор Лексеич. — Дорогу забыл?

— Да так, для подстраховки… — уклончиво пробормотал Фудин.

Может, Фудин и шпионил для Алабая, но Егора Лексеича пока озаботило не это. Фудин хотя и не признался, но тоже явно уловил непорядок с лесом. Точнее, с восприятием мира. У Егора Лексеича медленно дозревало очень нехорошее объяснение всех обнаруженных странностей.

По громкой связи он вызвал Матушкина:

— Ты куда учесал, Витюра?

— Я за Натахой втопил… — неестественно хохотнул Матушкин.

— До Китая, что ли? Пиздуйте обратно, всё закончилось!

— Идём… — Матушкин засмущался. — Да чё-то по ходу мы без понятия…

Егор Лексеич и Серёга переглянулись.

— Включи маршрутизатор на мой номер и топай по указаниям с телефона.

— Долбоёб? — робко предположил Серёга.

Егор Лексеич задумчиво покачал головой и с сожалением вздохнул:

— Ох, не в том дело… Похоже, мы под Ведьмины подлянки угодили.

— Эта она чумоход к нам послала? — Серёга кивнул на мёртвый сплитчер.

— Нет… Чумоходы, видать, сами по себе тут шастают… А Ведьма морок на лес навела. Потому-то мы и теряем дорогу прямо у себя под носом.

Серёга не сразу осознал вывод бригадира, и потом ему стало жутко. Одно дело — когда нападают чумоходы, но ты готов отразить нападение. И другое дело — когда ты ослеп, окружённый врагами, а уверен, что зрячий.

47
Город Межгорье (II)

Брата он не бросил бы, но Маринка остервенела: пнула его в рёбра так, что боль вышибла все мысли, потащила за волосы на ящик и толкнула за борт. Митя не знал, как сопротивляться насилию. В неловком падении он зацепился ногой за гусеницу, ударился головой о ствол дерева и боком рухнул в траву. Наполовину оглушённого, Маринка подняла его на ноги и поволокла прочь от мотолыги. Вместе с Митей она прихватила и автомат.

— Хватит, Марина! — наконец заорал Митя. — Отпусти меня!

Тяжело дыша, они остановились. Место было непонятное: берёзы, липы, ржавый забор из сетки-рабицы, трансформаторная будка. Чирикали птицы, а где-то недалеко что-то тарахтело и громыхало. Похоже, там чумоход курочил их машину. Митя ожесточённо сжал руками гудящую и плывущую голову.

— Мы Сергея оставили в опасности! — глухо сказал он.

— Серый тоже с мотолыги рванул, я видела.

Митя посмотрел на Маринку. Растрёпанная, раскрасневшаяся, даже в паническом бегстве она исхитрилась сохранить свою самолюбивую дерзость. Сбежала, кинула всех — ну и что? Как хотела, так и поступила! Идите в жопу!

— Я вернусь за ним, — Митя сплюнул тягучую слюну.

— Ты же полудохлый, — с пренебрежением возразила Маринка.

Митя затравленно огляделся. Всё вокруг медленно колыхалось, зыбко разваливалось, всё было не собой — деревья, кусты, трава, Маринка… Горло давила тошнота. Но Митя устал от своей слабости и уже не хотел обращать на неё внимания. В обморок он упадёт или помрёт здесь — да и фиг. Только подлецом он не будет. Ему надо найти Серёгу. Вдруг Серёге нужна помощь?

— Ладно, пошли, — согласилась Маринка. — Зайдём к мотолыге от гаражей.

— Нам туда, — Митя указал рукой.

— Нет, туда! — Маринка ткнула автоматом немного в другую сторону.

Митя предпочёл не спорить. Это ведь Маринка увела его от мотолыги.

Они двинулись почти бегом. Маринка решительно ломилась сквозь кусты мимо каких-то заросших развалин и брошенных

машин, ловко перемахивала через упавшие деревья, шлёпала по лужам в траве. В просветах древесных крон тускло ворочалось облачное небо. Митя еле догнал Маринку.

— Марин, погоди… Мы не там пошли…

Маринка гневно сверкнула глазами, но сменила направление.

Опять замелькали одичавшие городские деревья, поваленные ограды, затянутые дёрном кучи хлама, покосившиеся столбы, стены каких-то зданий.

— Стой! — сердито крикнул Митя. — Хватит бежать! Мы заблудились!

Маринка остановилась, в злом нетерпении подрагивая ногой.

— Да хули заблудились-то? — огрызнулась она. — Просто дали кругаля! Мы от мотолыги отскочили всего-то метров на триста! Щас доберёмся до неё!

— Мы заблудились! — упрямо повторил Митя.

— Здесь же, блядь, город, а не дремучий лес!

Митя не ответил, но по его лицу Маринка поняла, что всё плохо.

А возле мотолыги в это время Егор Лексеич определил, что в бригаде не хватает четверых: Мухи с Митей и Калдея с Вильмой. Егор Лексеич вызвал Муху по телефону — и сигнал закурлыкал в мотолыге. Костик проворно влез в машину и обнаружил Маринкин телефон в кармане её забытой куртки.

— Маринка наверняка с Митяем, — мрачно сообщил Серёга.

— Номер его? — потребовал Егор Лексеич.

— У него нет телефона. Я не давал. Он же при мне…

Егор Лексеич развёл руками в бессильном негодовании.

Серёга почти силком отнял у Костика его добычу.

— Ну чё ты? — раздосадовался Костик. — Может, у неё там фотки голые есть? Посмотрели бы… Мы на Магнитке так одну девку вообще спалили!..

Серёга едва удержался, чтобы не врезать Костику по шее.

Телефон Калдея тоже затрезвонил в мотолыге — Калдей выронил его при бегстве. У Егора Лексеича больше не было вариантов, и он неохотно набрал номер Вильмы. Говорить с этой снулой бабой Егору Лексеичу совершенно не хотелось. Но Вильма ответила.

— Это Типалов, — сказал Егор Лексеич. — Ты далеко от мотолыги?

— Не знаю, — прошелестела Вильма.

— Короче, возвращайся… Тут лес дурит, так что иди по маршрутке на мой номер, иначе заблудишься, поняла?

— Поняла.

— Других не видела?

— Не видела.

— Тогда всё, шпарь на базу, — Егор Лексеич дал отбой.

Вильма врала бригадиру. Калдей находился рядом.

Вильма действительно не знала, далеко ли она от мотолыги. Спасаясь от чумохода, она убежала за ближайшую пятиэтажку, но ей всё мерещилось, что сейчас за ней выкатится страшная машина с огромным зубастым колесом, и она отошла за другую пятиэтажку — их тут в строй стояло сразу штук пять.

Успокоив дыхание, Вильма вытащила телефон.

— Не бойся, милая, — Алабай всегда говорил с ней очень ласково; Вильма слушала его красивый голос и тихо таяла, готовая выполнить любое задание; так с ней никто и никогда не говорил. — По городу не ходи, это опасно: город сегодня может убить… А у меня последняя просьба будет на вечер, и завтра я постараюсь выдернуть тебя от Типалова. Веришь мне, мышонок?

— Верю, — чуть слышно прошептала Вильма.

Алабай объяснил, чего хотел, и Вильма отключилась, а потом возле неё внезапно грохнул выстрел. Вильма присела и оглянулась. Стрелял Калдей.

Когда бригада в панике кинулась прочь из мотолыги, Калдей выпрыгнул с гранатомётом в руках — он просто не сообразил выбросить тяжёлое оружие. Все врассыпную помчались кто куда, каждый сам по себе, и Калдей тоже помчался и быстро потерял других из виду. Он очутился возле какого-то дома и плюхнулся на скамейку у подъезда, чтобы перевести дух. Одиночество неприятно угнетало его. Никто не пояснил, куда надо сматываться и что надо делать, а Калдею всегда требовался хоть кто-нибудь, по кому он смог бы определиться. Обычно он просто ждал, прикладываясь к фляжке, а сейчас фляжки у него не было. И тут невдалеке мелькнула Вильма. Наконец-то всё стало понятно. Калдей поднялся, взвалил базуку на плечо и пошёл за бабой.

Вильму он увидел посреди заросшей улицы. Вильма опять базарила по телефону и не замечала, что к ней приближается рипер. Чумоход вроде как и не торопился: уверенно шагал по траве шестью своими ногами и даже пилу пока не врубал. Калдей скинул с плеча гранатомёт, прицелился и выстрелил. Прицелился он плохо — граната ударила в землю перед рипером. Но взрыв отбросил зверюгу в сторону и контузил. Рипер валялся в траве как лошадь и еле шевелил задранной ногой. Вильма побледнела от испуга.

— Обхезалась? — спросил Калдей.

Для него это была дружеская шутка.

Потом они отошли за угол дома, чтобы чумоход их не учуял, и тут Вильме позвонил Типалов. В суть их разговора Калдей не вникал: он обрёл опору в знакомой бабе и копаться в прочих обстоятельствах ему было неохота.

Вильма украдкой грянула на Калдея — тупой хряк, не лучше чумохода.

— Проверь ещё раз ту гадину, — попросила она.

Калдей потопал обратно за дом. Рипер валялся, где упал, и дрыгал ногой. Всё нормально. Когда Калдей вернулся, Вильмы уже не было.

Она спряталась в кустах акации и наблюдала. Большой толстый Калдей стоял один и неприкаянно озирался. Он был плохой мужик — жестокий, злой, тупой. Надо бросить его здесь — пускай город убьёт его, как предупреждал Алабай. Но Калдей сейчас почему-то показался Вильме похожим на ребёнка. Брошенные дети живут как зверёныши, не ведая о добре и зле. Наверное, Калдея когда-то вот так и бросили… На Банном озере Вильма и сама желала ему смерти. А потом притерпелась. И теперь ей стало жаль Калдея. Она знала, что не надо поддаваться этой глупой жалости. Ни к чему хорошему жалость не приведёт. И всё же Вильма вышла из кустов.

— Эй, — окликнула она Калдея. — Иди за мной.

Маршрутизатор телефона уже нарисовал ей путь к Типалову.

Вильма и Калдей ушли, а на опустевшей улице, где валялся подбитый рипер, вскоре появились Митя и Маринка.

— Наверное, это здесь стреляли, — Маринка повертела головой; её чёрный хвост болтался так, будто хлестал в досаде. — Вон яма со взрыва ещё свежая, и эта гадина живая… А люди, блин, где?

— Добей его, — Митя кивнул на механическую тварь.

— Патроны ещё тратить!.. — поморщилась Маринка.

Она не любила, когда ей указывают.

— Давай на крышу залезем? — вдруг предложила она. — Может, оттуда мотолыгу увидим? Заебало понизу шариться. Одни кусты и старый срач.

Не дожидаясь согласия Мити, она направилась к подъезду пятиэтажки. Митя поспешил за ней. Маринка была злая от неудач и общей непонятности.

За их спинами рипер снова дёрнулся, и движок его загудел громче. Рипер вдруг выкрутил задний корпус, перекинув пару ног на другую сторону, поджал колени и с усилием перевернулся на брюхо, а затем встал, как новорождённый жеребёнок. Потоптавшись, словно пробуя себя, он потрусил вслед за людьми. Лязгнув, распрямился его сложенный манипулятор

с циркулярной пилой.

Митя услышал этот лязг и оглянулся. Рипер нёсся в атаку.

— Бежим!.. — закричал Митя.

Маринка не успела стряхнуть автомат с плеча: у неё не осталось времени, чтобы выстрелить по чумоходу. Обеими руками Митя втолкнул Маринку в подъезд, влетел сам и захлопнул ржавую дверь. Маринка бросилась наверх по захламленной лестнице. Митя помчался за ней, прыгая через две ступеньки.

Пинком передних ног рипер сбил дверь с непрочных петель и ринулся за беглецами: в гулком колодце подъезда загремело от первого этажа до пятого. Еле вмещаясь в узкое пространство лестничных маршей, рипер звонко клацал стальными ногами по ступеням, скрежетал корпусами по облупленным стенам и с лязгом выгибал хлипкие перила из металлических прутьев. Как поршень, он выдавливал Митю и Маринку наверх. Второй этаж, третий, четвёртый… В тесноте пролётов у Маринки не было никакой возможности врезать по врагу очередью из автомата — но свалят ли его пули? На Банном озере Холодовский садил и садил по риперам, опустошая рожок, а живучие чумоходы всё никак не подыхали… Надежда была только на то, что с площадки пятого этажа удастся взвиться по стремянке через люк на крышу и рипер останется внизу.

На последнем лестничном марше Маринка увидела, что стремянки под люком нет. Тупик! Митя тоже это увидел. Задрав голову, он не смотрел, куда ступает, и поскользнулся на бутылке, брошенной здесь тысячу лет назад. Он растянулся на лестнице в полный рост, приложившись лбом к бетону. А рипер был совсем рядом — огромный, механически подвижный, сложно устроенный и растопыренный на всё пространство. Маринка даже не попыталась поднять Митю. Она прыгнула дальше, на площадку пятого этажа, юркнула направо в открытую квартиру и захлопнула за собой дверь.

А Митя не испугался. От удара головой мир в его глазах стал ярким-ярким, и Митю охватило глубочайшее изумление: неужели жизнь закончится вот так элементарно — на брошенной бутылке?!.. А почему бы и нет?..

Над Митей пролетела циркулярная пила на манипуляторе, потом по разные стороны на разные ступени друг за другом опустились и поднялись шесть ног рипера — Митя заторможенно глядел на раздвинутые сегменты их опорных стоп, — и сверху быстро проплыли два гладких брюха: оба корпуса рипера. С нечеловеческой точностью чумоход перешагнул через лежащего Митю, не задев его ничем, и устремился на площадку пятого

этажа.

Митя мгновенно вспомнил, как неделю назад в котловане промкомбината он воображал, что над ним проезжает карьерный самосвал… Вспомнил, как исполинский «Лю Чонг» остановился перед ним, загородив мордой солнце, будто бульдог перед мышью… Чумоходы его не трогали? Так, что ли?..

А рипер с многообразным шумом извернулся на узкой площадке пятого этажа, выбив задом дверь в квартире слева, и вонзил завизжавшую пилу в дверь квартиры справа — там спряталась Маринка. Рипер хотел её достать.

Митя, как в тумане, поднялся на ноги и тоже пошёл на пятый этаж. Пошатываясь, он сунулся боком к Маринкиной двери — в жуткой близости от циркулярной пилы. Рипер быстро отдёрнул пилу и попятился, будто боялся малейшего прикосновения. Митя качнулся вперёд. Рипер расторопно отступил. Митя сделал ещё шаг. И рипер снова отступил, влезая задом в квартиру на другой стороне лестничной площадки. Ничего не соображая и не боясь, Митя грудью напирал на машину, заставляя её отходить и отходить.

— Вали отсюда! — как заклинание, повторял он. — Вали отсюда!..

Задним ходом рипер полностью вполз в квартиру, чужой в жилье, будто гигантская сколопендра. Митя переступил порог прихожей. Он не отводил взгляда от врага, словно толкал его силой духа. С напряжённым гудением и электрическим пощёлкиванием сочленений рипер отодвинулся из прихожей в комнату. Митя не видел ничего вокруг. Какая-то гнилая мебель, обои коробом отстали от стен, грязный потолок… и окно! Митя выжимал врага к окну.

Рипер задрал зад на подоконник и выбил стекло; со звоном посыпались острые осколки. Митя продолжал теснить механическую зверюгу, точно укротитель. Рипер корячился в оконном проёме, пытаясь сохранить равновесие. Но Митя его не пощадил и сделал ещё один шаг.

Рипер сорвался вниз. Несколько секунд он ещё висел в окне — цеплялся за подоконник передними ногами, а задними с хрустом скрёб по стене снаружи, но подоконник вывернулся, и чумоход вмиг исчез — рухнул с пятого этажа. До Мити донёсся дробный звук смертельного удара.

Митя медленно приблизился к изуродованному оконному проёму и выглянул. Разбросав ноги, рипер лежал на взрытом асфальте в сверкающей россыпи стеклянных осколков; ситаллические пластины корпуса отскочили, как яичная скорлупа, оголив моторы; машина сдохла.

И ещё из окна Митя увидел вдали за крышами города и за лесами вздутую сизую громаду Ямантау. Она показалась Мите угрюмым миражом пасмурного дня, нижним слоем облаков, пропитанных тяжёлой темнотой, медленным полуночным накатом неизбывного и мучительного беспокойства. Чудилось, что гора создана каким-то тектоническим сдвигом в основах мироздания. Она властно звала к себе сквозь любые расстояния, как перелётных птиц зовут неприкаянные просторы полярного океана. Митя шёл к ней — и почти пришёл.

А во дворе пятиэтажки за деревьями — совсем рядом — тихо стоял другой мёртвый чумоход с огромным зубастым колесом ротора.

48
Город Межгорье (III)

— Нету ничего! — с облегчением выдохнула Маринка.

Они осмотрели здесь всё самым внимательным образом. Взрытые следы от мотолыги. Ямины с травой — явно следы харвера. Чумоход с ротором сдох: ему выдрали движок, он даже не довернул своё колесо до горизонтального положения. И нигде нет крови, не говоря уже о трупах. Точнее, о трупе Серёги.

— Похоже, Егор Алексеевич успел атаковать чумоход ещё до того, как тот атаковал мотолыгу, — сказал Митя. — Обошлось без жертв. Но где люди-то?

Маринка повертела головой: чумоход, гаражи, тополя, пятиэтажка…

— Я думаю, катаются по городу, нас ищут. Тебя-то дядь Гора не бросит.

Конечно, Егор Алексеевич не бросит Бродягу. Бродяга ему нужен.

— А тебя? — спросил Митя.

Маринка насмешливо фыркнула.

Митя уже не удивлялся. Здесь так принято. Маринка, например, без колебаний бросила его там, на лестнице, когда за ними гнался рипер, и потом не испытывала никакой вины. А сам он не испытывал гнева. Потому что здесь не этика. Здесь, как сказал Алик Ароян, антропология.

— Что будем делать дальше?

— Пойдём на станцию Межгорье. Дядь Гора говорил, что место встречи — там. Город-то маленький. За час допрём.

Маринка вспомнила карту города. Слева — река, внизу — железная дорога, справа — Ямантау, сверху — лес. Всё понятно.

— Железка город с юга подрезает. Надо на юг.

Митя прищурился на низкое облачное небо:

— В наших широтах солнце днём стоит на юге. Но я солнца не вижу.

— Вон там юг, — без сомнений махнула рукой Маринка.

Забросив автомат за спину, она пошагала первой; Митя — за ней.

За линией гаражей куда-то вдаль вытянулась заросшая деревьями улица. В заброшенном городе не было тихо: чирикали птицы, изредка в кронах шумел ветер, под ногами похрустывали сухие ветки. Люди ушли из города, а жизнь осталась. Маринка искоса поглядывала на Митю. Она чувствовала, что Митя

загрузился какими-то мыслями. Наверное, всякую хрень про неё думает.

— Ты чё, обиделся, что я на лестнице того?.. Свинтила, короче.

— Нет, я не обиделся, — честно признался Митя.

— Обиделся-обиделся.

Эгоистичная и самолюбивая Маринка не собиралась признавать свою неправоту, её просто напрягало Митино молчание. Митя решил сменить тему.

— А почему рипер меня испугался?

— Потому что ты Бродяга.

— Чумоходы боятся Бродяг?

— Откуда я знаю? Ты же мутант, не я.

— А твой Харлей о таком рассказывал? — осторожно спросил Митя.

Упоминание Харлея Маринку не тронуло. Был Харлей — и сплыл.

— Да он вообще ничего не рассказывал.

— Почему? Вы же это… как бы не чужие друг другу были…

Маринка снисходительно улыбнулась. Митя — он городской, культурный, стесняется прямо сказать — «трахались».

— Харлей давно положил на всё. Он и за Бродягу-то подался, чтобы не учиться и не работать. Сам свалил с Магнитки и торчал где-то три месяца, чтобы облучиться. На меня ему тоже было насрать, просто я — давала.

Митю покоробил Маринкин цинизм, но он не удержался от вопроса:

— А тебе-то это зачем, Марина?

— С Бродягой шпилиться — круто. К тому же у него бабки всегда имелись.

В тёплом, влажном и тихом городе они были вдвоём, и Мите нравилась непринуждённая близость с Мариной. В сущности, она была хорошей, честной девчонкой — но её мир был уродливым, искалеченным.

— А чего ты хочешь от жизни?

Маринка скорчила неопределённую гримасу:

— Бригадиром стать хочу.

— Чтобы деньги зарабатывать?

— А деньги — плохо, что ли? — сразу встопорщилась Маринка.

— Нет, не плохо, — сдал назад Митя. — Но не в деньгах же счастье.

— Бригадиром — интересно, — призналась Маринка. — Командировки — интересно. А на комбинате пахать или ещё

где — тоска зелёная.

Митя понял её жадную жажду чего-то яркого и сильного.

— А какая-то большая цель у тебя есть?

— Есть! — рассердилась Маринка. — Чтобы ты заткнулся!

— Стоп! — всполошился Митя. — Мы здесь уже проходили!.. И не раз!

Они пересекали былую автозаправку: бризолоколонки, дырявый навес на столбах, павильон с выбитыми окнами и кустами внутри, взломанный асфальт, остов автоцистерны в зарослях… Ещё ярко краснел противопожарный бак.

— Не были мы здесь! — строптиво возразила Маринка: это ведь она вела.

— Были.

— Тогда нам туда! — указала Маринка.

Через одичавший сквер, мимо мёртвых коттеджей, по каким-то дворам с развалинами сараев и кучами мусора — вроде бы напрямик — они выбрались к двухэтажному зданию школы, пятнистому от осыпавшейся штукатурки.

— И здесь мы были, — негромко сообщил Митя. — И тоже не раз.

Маринка озлобленно закрутилась на месте, выбирая направление.

А потом они очутились возле бетонной коробки магазина с грязными витринами, где уже делали передышку час назад.

— Мы плутаем, — сказал Митя. — Идём то кругами, то восьмёрками.

— Просто у человека всегда одна нога длиннее, и он забирает до стороны…

— Во-первых, не длиннее, а сильнее. Во-вторых, не в этом дело.

Митя сел на ступеньку крыльца. Маринка пнула урну и тоже села.

— Давай думать, Марин, — мягко предложил Митя.

— Думай! Ты же, блядь, учёный, не я!

Митя оглядел улицу — насколько было возможно. Деревья и кусты, лужи в кюветах, заборы, полуразрушенные дома, низкое облачное небо. Не понять, где солнце, и Ямантау не видно. Весь мир — вот этот пятачок.

— Мы не можем выйти из города. Блуждаем. Но мы же не спятили…

— Я — нет! — с вызовом заявила Маринка.

— Значит, нас не выпускает лес. Держит тут, будто на привязи.

— А как? Я же всё прямо шла!

— Это казалось тебе, что прямо. И мне казалось. У нас ориентация сбита. Не оглядывайся, а вспомни: что сейчас у тебя слева? Ты же только что видела.

Маринка соображала, наморщив лоб.

— Да ничего там нет. Ограда какая-то, столб…

Слева стоял ржавый каркас автобусной остановки.

— У нас в головах всё путается. Мы не можем запоминать, точнее, в нашей оперативной памяти все картинки перемешиваются. Поэтому мы не держимся намеченного маршрута. А ориентиров, кроме самых близких, у нас нет.

— Ох-хереть… — прошептала Маринка и потрогала свою голову.

— Лес неизвестным образом воздействует нам на мозг, — добавил Митя.

— Травит, что ли? Как ту бригаду с берёзовой рощи?

— Та бригада отравилась фитонцидами, что выделяют берёзы. Может, мы тоже вдыхаем фитонциды, летучие вещества, — но только другие. Может, это электромагнитное излучение леса… Деревья способны на такое, хотя и в очень слабой форме, однако у селератного леса и свойства усилены… А может, это ультразвук. Без приборов не определить.

— Мы чё, заснём и сдохнем? — насторожилась Маринка.

Ей стало жутковато. Вокруг — ни души, мёртвый город Межгорье, но в его пустых домах и заросших улицах, в тихо шумящих деревьях Маринка ощутила нечто зловещее. Оружие не защитит её от затаившейся угрозы, и вряд ли бригада придёт на помощь. Маринка поёжилась. А Митя посмотрел на небо.

— Ту бригаду лес воспринял как врага — и уничтожил. А нас воспринимает как нечто нужное — и не позволяет уйти. Думаю, это манипуляции Ведьмы.

— Щуки, что ли? Да она же дура, тварь уголовная!

— Ну и что? Она не обязана разбираться в биологии, она просто чувствует лес и догадывается, где и как надо воздействовать на него, чтобы получить желаемый эффект. Здесь, в городе, она исхитрилась запутать нас. Наверное, рассчитывала, что кто-то из нас заблудится и попадётся чумоходу.

— Мы и попались, — ухмыльнулась Маринка.

— Надо понять, как избавиться от воздействия леса. Тогда выйдем отсюда.

— Давай, работай башкой, — охотно согласилась Маринка.

— Попробую поработать… Видишь вон тот пень?

— Ну и хера ли?

— У селератного леса рыхлая древесина, она быстро разлагается. А почему тот пень не сгнил? Кора у него отвалилась,

побегов нет, а он крепкий.

— Короче! — потребовала конкретности Маринка.

— Короче — он не умер, он живой. Лес поддерживает в нём жизнь. Не знаю почему, но так лесу надо. И подобные пни — далеко не редкость.

— Чего ты доебался до этого пня? — раздосадовалась Маринка.

Митя понимал её раздражение, но ему нужно было осмыслить ситуацию, в которой они оба застряли. А лучший способ осмыслить — проговорить.

— Лес — это фитоценоз, сообщество растений, — терпеливо сказал Митя. — В единое целое его объединяют грибы. Их грибница, которую ошибочно считают корневой системой, называется мицелий. Это такая сеть из тонких ниточек — гифов. Огромная сеть. Мицелии срастаются друг с другом и с корнями деревьев, транспортируют питательные вещества и проводят электрические сигналы. Тот пень, — Митя кивнул, — живёт лишь потому, что фитоценоз подкармливает его через корни, к которым приросли гифы здешних мицелиев. В обычном лесу фитоценозы существуют на саморегуляции. А в селератном лесу все процессы регулируют коллигенты — альфа-деревья, по-вашему — «вожаки». Они — как спинной мозг фитоценоза.

Маринка молчала, слушала.

— Срубая «вожака», мы лишаем фитоценоз организации, — продолжал Митя. — Но она, судя по всему, восстанавливается через один-два сезона, когда другое дерево становится «вожаком». Причина — селератное облучение. Оно придаёт грибницам небывалую жизнеспособность и активность. Обычный гриб-симбионт потребляет до трети питательных веществ, вырабатываемых деревом, а селератный мицелий, несомненно, гораздо прожорливее и мощнее. Так что селератный лес — новая, небывалая биоформа фитоценозов.

Митя и сам слушал себя как постороннего человека. Память открылась, изливая объяснения, которых ему так не хватало. Вот что он исследовал в миссии на объекте «Гарнизон»! Вот что исследовал «Гринпис», который был врагом для всех тех, кто желал, чтобы селератный лес считался просто лесом.

— Селератный лес обладает собственной волей! — потрясённо сказал Митя.

Маринка, конечно, понимала, что такое воля. И понимала, что у леса, обречённого на безжалостную вырубку, воля будет недоброй. Но рядом с Митей всё это показалось ей почему-то совсем не страшным.

— Лады, — заявила она как дядь Гора. — А что нам с тобой

сейчас делать?

49
Город Межгорье (IV)

На станции Межгорье уцелели три пути, через которые были перекинуты ржавые решётчатые фермы на бетонных столбах, а ещё безглазые светофоры в траве, выпотрошенные релейные шкафы и местами проваленный замшелый перрон. Никто из бригады не пожелал ехать с Серёгой.

— Лучше покушать приготовим, а они сами придут, — сказала Алёна.

Но Егор Лексеич одобрил Серёгину затею с поисками:

— Два часа тебе даю, Серёжа. Не найдёшь — возвращайся.

Никакого умного плана у Серёги не имелось, он собирался просто гонять по улицам Межгорья, надеясь встретить Маринку. Ну, и Митяя тоже, хотя так-то — хрен с ним. Как-нибудь сам выберется. Дошёл же он до Магнитки…

Движок ревел. Бризоловой выхлоп бил толстой струёй. Мотолыга плавно качалась на скорости, и на груди у Серёги болтался бинокль Егора Лексеича. Мелькали деревья, пустые дома и заросшие развалины. Серёга сжимал руль и думал о Маринке. Душа у него корчилась от жалости и тревоги. Как Маринка одна тут бегает?.. Или она не одна?.. Костик злорадно сообщил, что при атаке роторного чумохода Маринка потащила за собой Митяя… Они сейчас могут быть вместе. И чувства Серёги мгновенно сменились ревностью.

Ревностью — и гневом на себя самого. На шиша ему это командование? В том споре он занял сторону Егора Лексеича, и Маринка из вредности заняла сторону Мити. А Митяй — он же одна рожа с Серёгой. Только Серёга — плохой, а Митяй — хороший, блядь!.. И вот теперь он, Серёга, за рулём, как долбоёб, а Маринка — с Митяем. Вдвоём, а вокруг никого. Это Серёге было нужно, да?..

Егор Лексеич скинул Серёге на телефон карту города, и Серёга сообразил, куда его занесло: к базе строительного управления. Стройуправление было главным предприятием Межгорья, оно возводило и — до поры до времени — содержало в исправности сооружения объекта «Гарнизон». С перекрёстка за бетонным забором Серёга увидел промплощадку базы и тормознул.

На площадке в густой траве стояли ржавые, оплетённые зеленью горные машины. Серёга в бинокль рассматривал этот жутковатый подземный зоопарк. Низкие — на высоту

собственного колеса — самосвалы, будто расплющенные сводами тоннелей. Погрузчики с широкими когтистыми ковшами. Уродливые горбатые скреперы для вскрышных работ. Гусеничные шахтные комбайны, вооружённые фрезами, зубчатыми барабанами, отбойниками и скальными свёрлами. Траншейные экскаваторы с цепными резцами на стрелах. Знакомые Серёге роторные сплитчеры. Бульдозеры с загребущими скребками. Все эти зверюги предназначались для сокрушения сверхпрочных каменных пластов. Они были медлительнее, но куда сильнее харвестеров и форвардеров.

Вытащенные на свет, подземные агрегаты пугали, как извлечённые из тел живые органы. Некоторые из них и правда были ещё живые — шевелили чем-то механическим внутри себя, неспешно передвигали конечности. Видимо, с этой площадки они и разбредались по городу. Серёга снял стоянку чудищ на телефон и отправил Егору Лексеичу — пусть будет в курсе. А потом газанул и погнал мотолыгу подальше от загона с подземными хищниками.

В это время Митя и Маринка шли по улице в поиске «вожака».

— Мощная и обширная грибница превращает селератный биоценоз в сверхсистему, — говорил Митя, озираясь. — Как я понимаю, такой биоценоз может поддерживать некоторые жизненные функции в погибших организмах — отсюда и «клумбари»… Споры грибов — как пыль, их носят потоки воздуха, и грибы проникают повсюду — и в машины, и в людей. Нейлектрические ткани спор позволяют грибам срастаться с электроникой, создавая фитронику, или с нервной системой людей и животных. Такая «проросшая» машина — это чумоход. А «проросший» человек — Бродяга или Ведьма, а в итоге — лешак.

Митя объяснял себе и Маринке будто бы сразу набело, без рассуждений. Все эти мысли уже мелькали в прежних разговорах, и сейчас Митя просто складывал их в нужном порядке. Сосредоточен он был на другом: он трогал стволы деревьев, пытаясь определить горячего «вожака».

— У леса нет рук и ног, — Митя впервые чувствовал себя не малахольным городским дрищом, а тем, кем и был, — учёным. — Но есть мы и наши машины. И лес вторгается в нас, переделывая под себя. Управляет тем, что захватил…

Маринка не вникала в смысл сказанного Митей: просто её завораживало, как Митя размышляет. Прикольно, будто работает мастер. Из Митиных слов Маринка выцепляла только полезное. Чумоходами управляет лес. Срубленные «вожаки» заменяются новыми. Надо знать всё это — пригодится, чтобы стать

бригадиром. Рядом с Митей Маринка верила, что станет. Такой свободной и сильной она не ощущала себя ни с Харлеем, ни с Серёгой, ни с дядь Горой.

— Зачем лесу чумоходы? — спросила Маринка.

— Ответ ясен, — Митя посмотрел ей в глаза. — Чумоходы нужны лесу для защиты. Чтобы мы его не уничтожали. Он нами же от нас и обороняется.

Маринка понимала, что Митя хочет сберечь лес. Городские почему-то всегда возмущались вырубками… Ну дак лес-то рубят не бригады. Бригады берут «вожаков». И понемногу. Бригады — маленькие, а лес бескрайний.

За кустами смородины они заметили высокую и толстую берёзу. Митя полез в кусты, Маринка — за ним. Берёза росла на игровой площадке бывшего детского садика. Вокруг стояли лавочки, сказочные домики, верандочки, горки и маленькая ржавая карусель. На ощупь берёза была горячей.

— Это «вожак», — уверенно сказал Митя.

— И что дальше? — Маринка, щурясь, поглядела наверх, на крону.

— Ведьма как-то спровоцировала фитоценоз воспринимать нас полезными и не выпускать. А мы должны вызвать другую реакцию. Например, причинить боль. Чтобы фитоценоз решил нас отогнать. Выстрели по берёзе, Марин, только чуть-чуть. Реакция «вожака» станет сигналом для всего фитоценоза.

— Так ты охраняешь лес? — удивилась Маринка.

— От нескольких пуль дерево не погибнет.

Маринка скинула с плеча автомат и, криво улыбаясь, дала по берёзе короткую резкую очередь. Пули впились в ствол с тугим звуком.

Серёга не услышал этой стрельбы за тарахтением движка.

Мотолыга подкатывала к перекрёстку, на котором теперь раскинулись заросли черёмухи. Серёга не ожидал никакого подвоха. Но черёмуха вдруг вся зашевелилась, словно ожила, и навстречу мотолыге из плотной гущи листьев вытянулся манипулятор с дисковой пилой. Серёга не успел ничего понять.

Мотолыга врезалась в куст, с яростным треском полезла вверх и ухнула носом вниз — преодолела какое-то препятствие, скрытое в запутанной зелени. Серёгу осыпало сорванными листьями. Серёга ударил по тормозам и вскочил с водительского места, глядя назад. Из зарослей вбок торчали две стальные ноги, они конвульсивно сгибались и разгибались. А потом вся масса черёмухи, выворачивая корнями куски земли и асфальта, упрямо поползла к мотолыге.

Серёгу продрал ужас. Это была не черёмуха, а форвер,

сплошь затянутый черёмухой. Видимо, повреждённый комбайн лежал на перекрёстке и дерево проросло сквозь него, обвило стволами и ветвями, чутко повторяя формы корпуса и частей механизма. Форвер сросся с черёмухой. Одна нога у него была древесной, с чёрной корой, и за толщей листвы рокотал мотор. Комбайн, раздавленный гусеницами мотолыги, ещё был жив и пытался двигаться.

Серёга упал в обратно кресло и рванул мотолыгу прочь отсюда.

Он погнал напрямик через дворы: безжалостно проламывался сквозь кусты, валил ограды, ветхие сарайчики и тонкие деревья. И превосходство мощной машины его уже не воодушевляло. Всё равно лес был сильнее.

Под ударом капота упал в бурьян очередной забор, и за листвой акаций открылась площадка бывшего детского сада. Среди детских домиков и горок Серёга увидел маленькую карусель, а на ней сидели Митя и Маринка.

Мотолыга, рыча, пёрла прямо на них, будто не замечала, и Маринка сразу поняла, что водитель — Серёга и он заревновал. Митя дёрнулся отскочить, но Маринка схватила его за руку, оставляя на месте. Серёга пугал, и вездеход затормозил, клюнув носом, лишь в опасной близости от карусели.

Серёга не показывался — усмирял себя, а затем высунулся над броневым коробом по грудь и облокотился на край, улыбаясь, будто всё зашибись.

— Ну чё, потеряшки, — наигранно весело окликнул он, — лезем на борт?

Митя спрыгнул с карусели. Серёгина ревность его не задела.

— Я не поеду, — спокойно сказал он Маринке. — Зря, что ли, мы «вожака» ранили? Хочу проверить предположение о Ведьме. Если не заплутаю и дойду до станции, значит, я прав. И в отношении Ведьмы, и вообще во всём.

Митя повернулся к мотолыге спиной и пошёл к зданию детского сада.

Маринка тоже спрыгнула и встала перед носом мотолыги. Ей совсем не хотелось расставаться с Митей. С ним были интересно, а в бригаде — скучно.

— Я с Митькой пойду, — сообщила она. — Ждите нас на станции. И не корчи морду, Башенин. Чё мне надо, то и делаю.

Маринка толкнула карусель, словно доказывая, что ей легко и привольно, и направилась вслед за Митей. Серого, конечно, было жаль… Но не сильно.

Серёга глядел, как они уходят, и продолжал глупо улыбаться. Его будто оглушило. Он так переживал за Маринку — а ей

похер… Она — с Митяем!.. И Серёга подумал, что вот вдавит по газам — и размажет их обоих гусеницами… Так легче будет!.. Но по газам он не вдавил, а только вытер пот со лба.

Он почувствовал, будто его обокрали. Дело не в том, что он рассекал по городу, рискуя нарваться на чумоход, а Маринка наплевала на его готовность рискнуть. И даже не в том, что Митяй увёл Маринку… Митяй — он же близнец. Он как бы тоже Серёга. Только такой, какой нравится Маринке… И он забирал у брата, то есть у Серёги, и девчонку, и лучшую часть натуры, и саму жизнь! Что у Серёги оставалось его собственным? Убийство Харлея, и всё, да?.. Что он, Серёга, делал неправильно? Как его угораздило обокрасть самого себя?

Перед ним медленно крутилась и скрипела пустая ржавая карусель. Белой хмарью расплывалось бессолнечное — будто беспамятное — небо. Прощально-остро пахло мокрой листвой. Чернея впалыми глазницами домов, брошенный город тихо погружался на дно лесного океана, разлившегося вокруг Ямантау.

Маринка поравнялась с Митей уже за углом детского сада. Некоторое время они шагали молча, потом Маринка схватила Митю за локоть.

— Погоди, — попросила она.

Митя остановился.

Маринку терзало сожаление о Серёге. Надо или вперёд, или назад, а мучиться на перепутье она не хотела.

— Мы же теперь точно одни, — с нажимом сказала она. — Никто к нам больше не заявится. И торопиться некуда.

Митя молчал. Он мгновенно обо всём догадался, и его ошпарило жаром. Маринка была так близко — руку протяни, и в то же время бесконечно далеко.

Маринка обшаривала Митю взглядом, словно примеряя к себе. Внешнего сходства с Серёгой она уже не замечала — различия были куда важнее, однако в Мите Маринка узнавала что-то смутно знакомое, освоенное, что ли, отчего она не ощущала никакого барьера между собой и этим городским парнем.

— Я же тебе нравлюсь, Митька.

— Нравишься, — согласился Митя так, будто возразил.

Маринка ему очень нравилась. Он запрещал себе даже думать об этом, но всё равно думал. И холодной водой его вдруг окатило осознание вины. Здесь, в лесах, не его жизнь, а Серёгина. Он виноват, что заглядывался на девушку брата. Виноват, что девушка брата стала заглядываться на него. Так нельзя.

— Ну дак не ссы, городской, — с вызовом улыбнулась Маринка.

Митя встряхнулся, отгоняя морок. И этот морок был пострашнее того, что Ведьма навела на лес.

— Сначала я решу с братом, — хрипло ответил Митя.

Тёмные глаза Маринки зажглись жуткой глубиной.

— Похуй на Серёгу, — прошептали её пухлые губы.

— Нет, не похуй, — ответил Митя.

Он оттолкнул Маринку плечом и двинулся дальше по мёртвой улице.

50
Станция Пихта (I)

— Хоть ты заноза в жопе, Муха, а я беспокоился! — Егор Лексеич приобнял Маринку, а потом взял её руку и посмотрел на индикатор — большую ли дозу набрала племянница. — Всё, давай под решётку!

Бригада уже завершала обед. Мотолыга стояла у перрона. Насупленный Серёга сидел за рулём и даже не повернулся, когда пришли Маринка с Митей.

Егор Лексеич окинул станцию хозяйским взглядом.

— Здесь у нас будет верхний склад. А нижний сделаем на Пихте.

Станция Пихта считалась конечной на этой ветке, хотя железнодорожный путь бежал ещё дальше — на объект «Гарнизон». Однако автомобильная трасса, пригодная для лесовозов, дотягивалась только до станции Межгорье. Егор Лексеич имел в виду, что на Пихту бригада будет свозить «вожаков» с лесосек, а с Пихты их потребуется доставить сюда — на погрузку в машины Арояна. От Межгорья до Пихты было километров восемь по ржавой рельсовой колее.

Вразнобой задирая шарнирные колени, харвер шагал по железной дороге с механической плавностью, а несчастную мотолыгу беспощадно трясло на бетонных шпалах, она скрежетала траками и порой съезжала гусеницей с края насыпи. Серёга подруливал, мотаясь в своём кресле, и неотступно думал о Маринке. Почему она всегда выбирает каких-то ненормальных? То Бродягу, которому на неё плевать, то городского хлыща, готового съебаться отсюда в любой момент?.. Чем он, Серёга, плох?!

Лес внезапно оборвался. Впереди — поперёк дороги — широким размахом лежала каменная река. Она выныривала из-за одного поворота и утекала за другой поворот. Косматые еловые берега выглядели пугающе, да и вообще вся неохватная протяжённость створа, плотно засыпанного валунами, внушала какой-то непонятный страх своей неестественностью. Бессолнечный день не давал теней, и каменное кипение казалось мертвенным монолитом. Железная дорога пересекала реку по глухой дамбе, хотя глаза как бы ожидали моста.

Бригада с любопытством выглядывала за края броневого короба.

— А где вода? — наивно спросила Талка. — Высохла?..

Вильма пробралась к Серёге.

— Останови на берегу, — сказала она. — Мне надо.

— Чё, потерпеть не можешь? — огрызнулся и без того злой Серёга.

— Останови, — повторила Вильма.

Серёга затормозил там, где дамба упиралась в берег.

Вильма молча полезла через борт.

— Обгадилась, дура, — ей вслед хохотнул Костик.

Бригада тоже полезла наружу: кому — по нужде, кому — размять ноги.

Серёга заметил, что Маринка отделилась от всех и одна пошла по дамбе на середину каменной реки. Серёга тотчас направился за ней. Ему нестерпимо хотелось поговорить: он ещё верил, что разговор может всё изменить.

— Чё без Митяя гуляешь? — спросил он с дурацкой ухмылкой.

— Не липни ко мне, — тотчас ответила Маринка и отвернулась.

Её угнетала непонятая тоска. Дело было не в том, что Митька не стал трахаться: если бы она захотела, Митька сдался бы, никуда б не делся. В себе Маринка не сомневалась, а парни — они долго не сопротивляются. Но Маринка чувствовала: Митька что-то скрывает. Все слова, что не могу, мол, с девчонкой брата, — это отмазки. Там какая-то другая хрень, связанная с ней, с Маринкой… Не случайно же Митя казался ей таким знакомым… Но к своей тайне он не подпустил. Маринка ощущала, что перед ней захлопнули дверь. Сначала вроде как приоткрыли — а потом передумали и захлопнули. И Серёга Башенин со своими страданиями и предъявами сейчас был совсем не в тему.

— У тебя чё-то было с Митяем? — напрямик спросил Серёга.

Вопрос хлестнул Маринку по самолюбию.

— Всё, чё надо, было! — отрезала она.

Не могла же она признаться, что её отогнали, как назойливую собачонку.

— Врёшь! — с отчаяньем выдохнул Серёга.

— Пошёл на хуй! — яростно отозвалась Маринка.

Но Серёга никуда не пошёл. Они вдвоём стояли на рельсах узкой дамбы, а слева и справа расстилалась вдаль странная река из валунов, одновременно кипящая и каменно-холодная, текущая и неподвижная. Поражала беззвучная исступлённость той неведомой воли, которая на мрачной горе Ямантау упрямо и долго-долго дробила огромные скалы на мелкие обломки, и глыбовый поток, стуча и шурша, извилисто уползал через леса вниз по склону.

— Ты чё как сучка-то? — Серёга чуть не плакал. — Я же для тебя — всё, что мог!.. Я ж всё время за тобой!.. И с Магнитки, и здесь!..

— Да чё ты делал-то? За руль вместо меня сел?

В душе у Серёги рушились целые пласты, будто случился оползень.

— Я же не сам!.. Лексеич велел!..

— А ты всё не сам! Не сам за руль сел, не сам с дядь Горой снюхался, не сам тогда на стрёме встал!

Маринка срывала зло на Серёге с каким-то остервенелым удовольствием. Был бы Серёга покруче, так не то что Митька — Харлей бы рядом не появился! Маринка была убеждена, что ей не нужен даже самый распрекрасный мужик, она всего добьётся сама, и в то же время без распрекрасного мужика и победы-то добиваться было неинтересно. Твою победу должен оценить кто-то равный тебе. А Серёга не был ей равен. Ему характера не хватало.

— Митьку дрищом называешь, а дрищ — это ты! — била Серёгу Маринка.

Серёгу затрясло от обиды и возмущения.

— Чё твой Митька-то сделал?! — рявкнул он.

— А ты чё сделал?!

Серёга словно в прыжке завис над бездной.

— Я Харлея твоего убил! — наконец выдал он, будто упал с высоты.

— Да пиздишь! — с разгона ответила Маринка, ещё ничего не осознав.

— Я пристрелил его на автобазе, где он свой моцик прятал, и в болотину его скинул, поняла?

Ошеломление нахлобучилось на Маринку, будто ватная шапка.

— Я тебя никому не уступлю, поняла, дура?! И Митьку тоже убью!

— П-пиздишь! — нелепо повторила Маринка.

Серёга не ответил, прожигая её взглядом.

И откуда-то из глубин души на Маринку медленно накатил тяжёлый и опаляющий гнев. Харлея Маринка не жалела и уже приняла мысль, что он где-то погиб… Но Серёга!.. Серёга без спроса вторгся в её жизнь — в самое нутро, и всё там перевернул! Да как он посмел, подонок!.. Она сама за себя решает, с кем ей трахаться, с кем гулять, с кем разговаривать!.. Решает, кому быть рядом с ней, а кому — не быть никогда! Серёгино самоуправство оскорбило её хуже любых слов. Что этот гондон возомнил о себе? Он хочет рулить ею, как рулит своей мотолыгой?! Он за неё

устраивает её судьбу?!

— Отъебись от меня! — глухо произнесла Маринка и плюнула Серёге на башмак. — Отъебись, с-сука!

Отпихнув Серёгу с пути, она пошла к мотолыге. Она очень старалась не побежать, чтобы никто из бригады ничего не заметил.

Серёга выкурил одну за другой две сигареты и пошёл вслед за Маринкой.

От каменной реки до станции Пихта было километра два-три. Уже ощущалась близость горы: дорога то протягивалась по насыпи через лесные распадки, то протискивалась через выемки с осыпающимися откосами. Митя стоял, держась за борт, и смотрел вперёд. Лес уже не мог заслонить Ямантау; гора возвышалась над ним выпукло-огромная, тяжёлая, облезлая поверху. Она словно стягивала пространство к своей неимоверной массе, и в ней чудилось что-то зловещее, как проклятие, и неумолимое, как обречённость. Её нельзя было ни обойти, ни объехать. Лес обволакивало сумраком — тенью Ямантау.

Станция Пихта была обширным и длинным пустырём, расчерченным ржавыми линиями рельсовых путей. В тупике застыли несколько товарных вагонов. Из глубокой дренажной канавы торчала морда взорванного грейдера с перекошенным щитом отвала. Бетонные столбы ещё удерживали стальные фермы, просевшие посерёдке. Кое-где из грязного, укатанного гравия торчали угнетённые деревца или пучки чертополоха. Всюду валялся разный хлам: мятые железные бочки, раскуроченные контейнеры, мотки кабеля, покрышки, какие-то агрегаты. Здание станции обвалилось, перрон зеленел мхом.

Харвер ждал возле перрона, а Егор Лексеич прогуливался по рельсам.

— Вот мы и на месте! — объявил он бригаде. — Это — Пихта!

— А почему здесь такой беспорядок и ничего не растёт? — спросил Митя.

— Срач оставили после эвакуации объекта «Гарнизон». А не растёт ни хера, потому что здесь всё гербицидами поливали. До сих пор отрава с грунта. Дальше ветка уходит к воротам в склоне, ну, на сам «Гарнизон», только там всё намертво замуровано. В катакомбы залазиют через другие места.

Митя снова взглянул на тушу Ямантау. Она тихо плыла над верхушками леса, будто косматый и горбатый мамонт. Над ней шевелились мутные облака.

— База наша будет здесь, — добавил Егор Лексеич. — Распрягайтесь.

Бригада принялась разгружать мотолыгу. Коробки и ящики

таскали на перрон. Все знали, что мотолыга потребуется в лесу для трелёвки брёвен.

До ужина Серёга был занят: вместе с Фудиным, Костиком и Матушкиным он снимал откидную часть решётки интерфератора и монтировал её на стойках над перроном. Всё получалось плохо — стойки вставали криво, тросы-оттяжки не за что было зацепить, решётка срывалась с креплений.

— Башенин, у тебя руки из жопы! — сказал Костик.

— Щас по зубам двину! — ответил Серёга.

Он думал о Маринке, а не о деле. А Маринка вела себя так, будто Серёги для неё не существовало. Она о чём-то советовалась с Митей и даже свой спальник под решёткой положила рядом с его спальником. Серёга чувствовал, как в его душе туго закручивается пружина отчаяния и ненависти.

Потихоньку стемнело. Алёна позвала на ужин. Всполохи синего костра освещали развалины станции и людей, расположившихся на перроне. Егор Лексеич был доволен, он вытащил из своих запасов бутылку водки.

— Ну что, — благодушно пророкотал он, — поздравляю с завершением пути!

Он щедро разлил всю бутылку по кружкам.

Ему было что праздновать. Он смотрел на свою бригаду — так себе ведь людишки, ничего особенного. Сами они сюда не добрались бы, это он их довёл. Это с ним бригада прорвалась через селератные леса и мёртвые селения, отбилась от чумоходов, выскользнула из ловушек и отразила нападения врага. Это его победа, что бригада сейчас пьёт водку на станции Пихта под горой Ямантау — под горой, от которой все другие бригады держатся подальше.

Серёга пил водку как воду и глядел на Маринку — вот она морщится после глотка, вот смеётся над дурацкой шуткой Матушкина, вот поправляет полено в синем костре… Нет, он не может её потерять! Пускай она орёт матом сколько угодно, пускай гонит его или плюёт ему под ноги — он не может её потерять!

В темноте Серёга спрыгнул с перрона и отошёл по нужде на пять шагов. Обернувшись, он увидел за собой Митю. Митяй засунул руки в карманы, и морда у него была мерзкая, сочувствующая — типа всё понимаю.

— Злишься на меня, Сергей? — негромко спросил он. — Зря. С Мариной я…

Договорить он не успел. Серёга с разворота врезал ему — и попал по скуле. Митяя отбросило куда-то в тень. Серёга ринулся туда, чтобы снова дать брату в рыло, повалить, отпинать

этого городского хуесоса. А из тени внезапно вылетел встречный удар в бровь — неумелый, но решительный. Митяй не захотел упасть и закрыться. Серёгу будто ярко прострелило электрическим разрядом: ну дак заебись!.. Тогда он расшибёт Митяя в говно, в брызги!..

Они дрались во тьме на рельсах, вымещая всё, чем переполнилась душа, спотыкались, падали, вскакивали и опять бросались друг на друга. Серёге надо было отплатить Митяю за пренебрежение Маринки, типа как Митяй — он-то ого-го, а Серёга — просто мусор. А Митю всё тут достало: достали тупость и корысть этих людей, их непреодолимое отвращение к смыслу и совести. Мите надоело возиться в грязи, и он махал руками так, будто выгребал из болота. И оба они, Митя и Серёга, хрипели, задыхаясь от злобы, оба метались, выгадывая момент для удара, оба наступали, оба готовы были сдохнуть.

Егор Лексеич вломился в драку, растолкнул озверевших братьев в разные стороны, и Серёга, ничего не соображая, вмазал ему в челюсть. Егор Лексеич тотчас ответил Серёге кулаком в ухо. Серёга зашатался.

— Отбой, засранцы! — рявкнул Егор Лексеич.

Может, братья и не услышали бы его, но позади у перрона внезапно грянул, раздирая ночь, оглушительный взрыв.

51
Станция Пихта (II)

Взрыв полыхнул где-то под капотом у мотолыги: машину приподняло и сдвинуло назад. Плоская вспышка на миг осветила всё понизу — рельсы и траву, колёса и гусеницы транспортёра, опоры перрона в густом бурьяне. Мелькнул какой-то человек, отлетающий в сторону от мотолыги. Упругая ударная волна с лязгом покатила брошенные бочки и разметала ящики.

Потом раздался истошный вопль Алёны:

— Ко-остик!.. Ко-остичек!..

И сразу за Алёной заорал Матушкин:

— Натаха!..

На перроне зажглись ручные фонари. Бригада посыпалась с платформы на пути. Алёна полезла в мотолыгу, нелепо ворочая круглым толстым задом.

Очумелый Костик сидел на грязном дне десантного отсека. Егор Лексеич велел ему принести ещё одну бутылку, Костик забрался в мотолыгу и сунулся в коробку, и тут его отшвырнуло так, что он крепко звезданулся башкой обо что-то очень железное. Алёна накинулась на сына со страстью: принялась жадно ощупывать его руки, плечи и голову. У Костика из носа текла кровь.

— Ай, блядь!.. — дёрнулся он, когда Алёна коснулась его затылка. — Больно же, мам!.. Чё там вообще ёбнуло-то?..

Матушкин с фонарём бегал вокруг мотолыги и заполошно светил куда попало. Он искал Талку, которая пошла за своим свитером… Матушкин увидел её в канаве между путями. Скорчившись, Талка лежала в сорняках и не двигалась. Матушкин упал возле неё на колени. Талка плакала, кусая губы.

— Наталья, ты как? — затормошил её Матушкин.

— Живот, Витенька… — простонала Талка. — В животе что-то…

А Егор Лексеич мгновенно забыл о разодравшихся братьях. Он даже о причине взрыва не подумал — только о мотолыге. Это, конечно, было глупо, но Егор Лексеич втайне любил её. Хищным и технологичным харвером он гордился, а старую и неуклюжую мотолыгу любил. Всё-таки — его первая по-настоящему бригадирская машина… Он спас её из металлолома, починил, отладил, переоборудовал. Немерено рубляней в неё всадил, тыщ тридцать… Митрий, дурачок, посчитал, сколько бригадиры зарабатывают на «вожаках», но не учёл, сколько они тратят

на технику, вооружение, боеприпасы и взятки… И доверить мотолыгу Егор Лексеич мог только надёжному работнику.

— Фонарь мне дайте! — крикнул Егор Лексеич. — Живо!

Фудин тотчас протянул ему фонарь.

Как и показалось поначалу, неизвестный заряд взорвался у мотолыги под капотом, снаружи. Взрыв вогнул и разорвал броневую плиту. Капот с одного угла разворотило: листы брони разошлись, как приоткрытый утиный клюв. Крыло вздыбило, фару снесло, крышку моторного отсека вышибло напрочь… Но, в общем, и всё. Ведущие колёса уцелели. Насос в моторном отсеке, ясное дело, уничтожен, однако бризол можно качать ручной помпой, да что там помпой — можно просто черпать ведром из болота, процеживать и заливать в бак через воронку… Двигатель мотолыги не пострадал. Он находился далеко от места взрыва, за водительским креслом. Мотолыге повезло: взрыв не убил её, а только покарябал морду.

Егор Лексеич присел на корточки, высвечивая пробоину. А ведь это не граната из базуки здесь жахнула… Пробоина слишком большая для гранаты… Под капотом взорвалась мина!.. И кто же тогда её сюда подцепил?

Из мотолыги через борт перебралась Алёна, грузно спрыгнула на землю и протянула руки, принимая сверху Костика.

— Да отстань, мам! — заругался тот. — Я чё, калека, что ли?

Поодаль возле Талки возились Маринка и Матушкин.

Егор Лексеич распрямился и обвёл лучом фонаря тех, кто стоял рядом, — Алёну, Костика, Фудина с автоматом в руках, Калдея и Вильму.

— Ты зачем оружие взял? — спросил Егор Лексеич у Фудина.

— Так, шеф, нападение же! — искренне ответил тот.

— Отдай мне!

Егор Лексеич отобрал у Фудина автомат и отщёлкнул предохранитель.

Егора Лексеича распирало от ненависти. Ему всё было понятно. Фудин — шпион Алабая! Потому он и тёрся всё время возле бригадира, потому и не стрелял в пленника… Фудину — пулю в лоб!.. Егор Лексеич жаждал мести.

— Сдохни, падла! — выдохнул Егор Лексеич Фудину в лицо.

— Шеф, ты чего? — жутко побледнел Фудин.

— На том свете Алабаю своему отсоси!

— Шеф, я не шпион! — тонко крикнул Фудин и попятился. — Это не я!..

Егор Лексеич поднял ствол автомата.

— Чё, Фудин шпион, что ли? — удивился Костик. — Нихуясе дело!..

Алёна в изумлении прикрыла рот ладонью. Вильма смотрела спокойно — всё шло по плану, а если бригадир убьёт Фудина — ну да и ладно.

Однако на автоматный ствол вдруг легла огромная лапа Калдея.

— Не он стукач, — прогудел Калдей. — Она.

Калдей ткнул толстым пальцем в сторону Вильмы.

Егор Лексеич медлил, держа Фудина под прицелом. Морда у Фудина прыгала, будто убегала, пока сам Фудин застыл столбом. В мыслях у Егора Лексеича словно что-то переключалось, как с одной передачи на другую.

Фудин ведь разбирается в технике. Он должен соображать: если нужно угробить мотолыгу, то мину следует ставить на двигатель или на трак, чтобы порвать гусеницу. А мину подвесили куда попало. По-бабски глупо. Глупая баба и подвесила… Кто её, Вильму, заподозрит? Тихая, всегда в стороне от бригады, всегда безропотная, незаметная… Мокрица, а не человек!..

— Она звонила кому-то много, — добавил Калдей. — Я видел.

Егор Лексеич ещё не поверил в его слова до конца; Вильма замерла перед ним бестрепетно — то ли не боялась, то ли до неё не дошло; но Алёна вдруг завыла, метнулась к Вильме, вцепилась ей в волосы и повалила на рельсы.

— Кончу сучку!.. — надрывалась она. — Сына моего!..

Алёна оседлала упавшую Вильму и била её затылком о гравий. За Костика Алёна хоть кого разорвала бы в клочья. Вильма молчала и не сопротивлялась. Егор Лексеич опустил автомат, шагнул к Алёне и схватил её за короткую косу, оттаскивая от Вильмы. Вильма — не Фудин, у Егора Лексеича она вызывала только брезгливость, и расправа не принесла бы ему удовлетворения.

Митя не видел того, что творится возле мотолыги. Драка с Серёгой как-то истощила его, он еле залез на перрон, и его начало тошнить. Накатила дурнота, и в глазах колыхались чёрно-зелёно-бурые волны. Мите казалось, что он изнемогает от этих людей, от этого мира, где всё сворачивает на мордобой.

А Серёга сбежал.

Он ломанулся куда-то в кусты, и там обнаружилась тропинка. Она вела вниз — и привела к ручью, в котором блестела тёмная вода. Серёга встал на колени в прибрежную мокрую грязь и принялся умываться — и вдруг неумело зарыдал, словно вода скрывала его слёзы и можно дать себе волю. Серёга не думал о дозе облучения, о взрыве мотолыги, о Типалове, даже о Митяе

не думал. Его душу скручивала отчаянная нежность и жалость к Маринке. Серёга хотел быть рядом с ней — но не для себя, а для неё, будто она без него пропадёт. Серёга был готов сделать для неё что угодно, лишь бы у неё всё было хорошо. Никто не сможет оберегать её лучше, чем он. Но Маринка этого не понимала.

Серёга ещё долго сидел у ручья, пока душа не утихла в горечи. Он должен что-то сделать для Маринки… что-то особенное… чтобы теперь уже Маринка боялась за него, а не наоборот… Но что? Серёга пока не знал. Он поднялся, отряхнул зад и побрёл обратно на станцию Пихта.

На станции Маринка и Матушкин осторожно затащили раненую Талку на перрон и уложили поверх спального мешка. Маринка расстегнула мокрую рубашку Талки, задрала окровавленную майку — и ничего не поняла: круглый дрожащий живот был залит кровью и её разводья ещё расползались.

— Всё пекёт внутри, — пожаловалась Талка пересохшими губами.

Матушкин суетился: гладил Талку по щеке, сжимал её ладонь.

— Теть Лёна, помоги! — позвала Маринка.

Аптечкой в бригаде заведовала Алёна, которая худо-бедно разбиралась в разных травмах и болезнях. Алёна уже привела себя в порядок и держалась снисходительно, будто это не она только что орала и била Вильму. Посмотрев на Талку сверху вниз, Алёна велела ждать и неторопливо удалилась.

— Сичас, Наталочка, сичас!.. — бессмысленно повторял Матушкин.

Алёна явилась с бутылками и тряпками.

— Кривляться умеешь, а помочь — ума нет? — бросила она Матушкину.

Вздыхая, она грузно присела рядом с Талкой и осторожно смыла кровь у неё с живота. Оголились два разреза — маленький возле пупка и большой сбоку. Из маленького Алёна пальцами вынула кусочек металла.

— Не повезло тебе, дева, — сказала она. — Другой осколок глубоко влетел.

— И как достать? — спросила Маринка.

— Никак, — Алёна открыла бутылку со спиртом. — В больничку надо.

Алёна плеснула спирт на раны. Талка заколотилась, мыча от боли.

— Забинтуйте, — распорядилась Алёна. — Егора потом решит про неё.

Егор Лексеич в это время изучал телефон Вильмы. Саму

Вильму крепко привязали к траку мотолыги. Телефон у шпионки был совершенно пуст, если не считать одного-единственного краткого сообщения. «Пихта», — кому-то написала Вильма. Егор Лексеич сравнил номер адресата со списком в своём телефоне. Это был номер Алабая. Егор Лексеич догадался: Вильма отправила Алабаю кодовое слово. Если бы он, бригадир Типалов, вычислил Вильму и попытался сорвать диверсию, Вильма послала бы какое-нибудь другое слово и Алабай бы понял, что план провалился. Выходит, командир «спортсменов» очень верил в преданность Вильмы. Егора Лексеича даже царапнула ревность, ведь Алабай увидел в этой бабе что-то такое, что он, бригадир, не разглядел.

На глазах у Егора Лексеича Вильме пришёл ответ: «Молодец, девочка!»

— «Девочка»… — хмыкнул Егор Лексеич.

Он подумал, слез с перрона на рельсы, отошёл от бригады подальше и вызвал Алабая по телефону Вильмы. Алабай ответил мгновенно.

— Целую тебя, мышонок! — в голосе его звучала неподдельная радость.

— А я котик, — сказал Егор Лексеич. — На хуй мне твои поцелуи?

Алабай замолчал, осваиваясь с новой ситуацией.

— Ау! — окликнул его Егор Лексеич.

— Да тут я, — Алабай говорил с дружелюбной простотой. — Значит, спалил ты мою разведчицу?

— Спалил, — согласился Егор Лексеич. — Давай меняться. Мне — Ведьму, тебе — твою сучку. Ты ж её поёбываешь слегонца, верно? Нужна, небось.

— Слушай, Типал, у меня встречное предложение, — ответил Алабай. — Обмен — это ерунда. Ведьма твои проблемы не решит. Тебе же без мотолыги всё равно не справиться. Как брёвна вывозить станешь с лесосеки? Не на спине же, верно? А харвестер для трелёвки не годится.

Егор Лексеич понял, что Алабай считает, будто мотолыга взорвана.

— Давай объединяться, Типалов. В который раз уже тебя убеждаю. Ты — с Бродягой, я — с трелёвочником. Нам друг без друга не обойтись.

— Нет, приятель, — закряхтел Егор Лексеич. — Мне с тебя ничего не надо, кроме Ведьмы. Не отдашь — так хуй с ней. И без неё выбор у тебя несложный. Или ты сваливаешь из-под Ямантау — и тогда я бабу твою отпущу, или воевать будем — и бабу твою я грохну. Что решишь?

— Опять не договорились… — с сожалением подытожил Алабай. — Ладно, будем воевать. А Вильма своё отработала, так что я тебе её дарю. Пользуйся.

52
Станция Пихта (III)

— Мину-то откуда взяла, пиздострадалица? — напрямик спросил Егор Лексеич, устраиваясь поудобнее. — Или с Магнитки везла?

— Алабай сказал, где взять, — тихо ответила Вильма.

— И где же?

— Он положил под сухим деревом на каменной реке.

— А-а, вот какая нужда у тебя там была, — понимающе кивнул Типалов.

Он сидел на земле рядом с Вильмой у колеса мотолыги. Руки у Вильмы были связаны сзади и примотаны к траку гусеницы. Вильма уже измучилась в неудобной позе, но покорно терпела и не жаловалась. Егор Лексеич, кряхтя, вытянул ноги. Станцию окутывала глухая тьма, лишь на перроне призрачно синели дотлевающие угли костра. В ночном лесу тоскливо ухал филин.

— А как мина выглядела?

— Как шоколадка в обёртке. Я развернула и прилепила.

— Третья фракция пиродендрата-би, — опознал Егор Лексеич. — На сносе зданий при строительстве применяют… Сигнал на детонацию сама послала?

— Слово «Пихта» послала, и всё.

Выходит, это Алабай отправил код на детонатор мины. Вот же хитрая падла… Изловчился шпиона подсунуть, а ведь он, Типалов, не лох.

— Где Алабай тебя, дуру-то, выцепил?

Любопытно было выяснить, как противник завербовал агента.

— Он инженер с города, — тихо и благоговейно сказала Вильма. — Он к нам на комбинат приезжал.

Понятно. Городской красавчик от скуки подмигнул комбинатовской замухрышке, она и потекла. Звонок на комбинат, проплата своему человеку — и замухрышку включили в состав бригады соперника. Агент введён в дело.

— Он тебя кинул, овца, — жёстко заявил Егор Лексеич.

— Он меня любит, — убеждённо возразила Вильма. — Мы на море уедем.

Егор Лексеич длинно сплюнул в сторону:

— Он отказался тебя выменивать. Насрать ему на тебя.

Вильма слабо улыбнулась, будто знала тайну, неведомую бригадиру:

— Он хочет, чтобы вы не били меня ему назло. Он меня

бережёт.

Слова Егора Лексеича не могли поколебать веру Вильмы. Про любовь ей говорил сам Алабай — красивый, умный, городской. А про обман — обманщик Типалов. Кто из них двоих врёт? Конечно, бригадир. Егор Лексеич озадаченно поскрёб скулу, прикидывая, как ему использовать глупость этой бабы.

— А где у Алабая база?

— Не знаю.

— Как же ты собиралась к нему сбежать?

— Ушла бы и с леса позвонила. Он меня найдёт.

Ухватившись за трак, Егор Лексеич с трудом поднялся. Надо прогуляться и покумекать, что ему теперь делать при таком раскладе…

Он неторопливо шагал по шпалам, время от времени спотыкаясь, но это не сбивало его с мыслей — мысли двигались чётко и в лад. Он довёл бригаду до места. Всё у него в порядке: люди, техника, Бродяга, договор с Арояном… Что мешает ему начать работу? Только Алабай. Значит, надо его устранить. Пристрелить. Но как? Расположение базы Алабая ему неизвестно, да и было бы известно — к ней не подобраться незаметно… Лучший способ — заманить Алабая в засаду. И для этого Вильма очень даже пригодится…

Завтра надо найти место для засады!

Егор Лексеич вернулся к мотолыге. Вильма дремала, свесив голову. Егор Лексеич, пыхтя, вскарабкался на перрон. Здесь тоже все спали под решёткой интерфератора. Костёр прогорел, лишь стелился синий дымок. Талка ёрзала и стонала во сне, Матушкин обнимал её. Храпел Калдей. Костик разметался, как ребёнок. Маринка с головой укуталась в спальный мешок. Серёга ревниво оттащил спящего брата в сторону и лёг между ним и Маринкой.

Егор Лексеич пихнул Серёгу ногой в плечо:

— Серёжа, вставай, потолковать надо.

Серёга спал по-молодому крепко и просыпался долго: охал, чесался, тёр глаза кулаками, разгибал спину и плечи, пил холодный чай из котелка. Егор Лексеич ждал его, сидя на раскладном стульчике. Предчувствуя рассвет, небо посинело, но чуть-чуть — лишь настолько, чтобы стало видно, как его чёрная плоскость разделяется на чёрные облака, похожие на чугунные льдины. Серёга опустился рядом с Егором Лексеичем на раскладной стульчик Алёны. Из леса на станцию наплывала густая смолистая свежесть.

— Слышь, Серёж, — Егор Лексеич зевнул в кулак, — забыл спросить тебя: из-за чего вы вчера с Митрием в пятачины друг другу насовали?

— Ну, поебень всякая, — поморщился Серёга.

Егор Лексеич хмыкнул: ему всё стало понятно. Из-за Мухи.

— Я вот тут план придумал… Хочу знать, что скажешь.

— А я чё, самый умный? — даже удивился Серёга, но ему стало приятно, что бригадир с ним советуется.

— Надо нам Алабая завалить, иначе нам дело не сделать. Хорошо было бы заманить его в засаду на стрелков.

— Хорошо бы, конечно, — солидно согласился Серёга.

— Тогда план такой, — Егор Лексеич смотрел на Серёгу как-то слишком уж пристально, с прищуром. — Ты перебежишь к Алабаю и выдашь себя за брата. Вроде как ты — Бродяга. И потом заведёшь Алабая в засаду. Всё просто.

— Не ебаться в рот! — обомлел Серёга. План ему очень не понравился. — Чё-то это больно круто для меня, дядь Егор!

— Давай, обоснуй сомнения, — охотно поддался Егор Лексеич.

Вообще-то, сомнений у Серёги не было никаких, был явный и прямой отказ, но Типалов повернул разговор так, что Серёга втягивался в обсуждение подробностей. И Серёга поневоле подчинился.

— Если Вильма шпионила, так она Алабаю и фотку Бродяги переслала! — возмущённо сказал Серёга. — Мордой, конечно, я на Митяя смахиваю, но я же не умею «вожаков» определять. Меня спалят за нехуй срать!

— Как?

— Да жопой об косяк! — Серёга поскрёб башку: а как он сам проверил бы Бродягу? — Ну, типа, пощупал я дерево — вот «вожак». А потом мне завяжут глаза, будут пихать к разным деревьям, и я снова то же самое дерево должен буду угадать! А я ж не угадаю!

Егор Лексеич удивился сообразительности Серёги. Вроде парень того, малость бестолковый, а как шкуру прижгло — так сразу извилинами зашевелил. Но Егор Лексеич для себя этот вопрос уже решил.

— Смотри, Серёжа, — он достал телефон и открыл карту Ямантау с треком Харлея. — Вот тут Харлей шастал. Тут и «вожаки» везде. Такая карта у Алабая тоже есть. Видишь, Харлей в основном околачивался под горой на юге и юго-западе. Всё истоптал. Здесь сооружения и выходы объекта «Гарнизон».

— И что? — строптиво ответил Серёга.

— То, что ближайший истоптанный участок — вот здесь, где рельсы, где проезд замурованный. Алабай сначала попробует тебя у своей базы проверить, она где-то тут, — Егор Лексеич указал коротким пальцем на юго-западный склон Ямантау. — Ты говори

Алабаю, что «вожаков» возле базы нет. Тогда он поведёт тебя к ближайшему участку. А там уже мы на засаде сидеть будем.

— А если база Алабая здесь? — Серёга указал другой склон. — Или здесь?

— Не-а, — уверенно возразил Егор Лексеич. — На северо-западе нет выходов с «Гарнизона», и Харлей там мало наследил, а с юга — болото. База на юго-западе. И роща «вожаков», которую Харлей нашёл, тоже на юго-западе.

Серёга смотрел на экран телефона, выискивая подвох.

Егор Лексеич наблюдал за ним и снисходительно улыбался.

— Побег, Серёжа, мы устроим так, будто бы ты сучку ту освободишь, — Егор Лексеич кивнул на мотолыгу и спящую у колеса Вильму. — Она же тебя с брата не различит. Выведет тебя точняк на Алабая.

Серёге это снова не понравилось. Он уже привык считать Вильму дурой бессловесной и предательницей, а теперь надо увидеть в ней человека.

— Разве я не могу один сбежать?

— Как ты Алабая найдёшь? Лес большой.

— Позвоню ему, чтобы он мне маршрутизацию скинул.

— Откуда у тебя его номер?

— Ну… — замялся Серёга. — Вроде как я телефон у тебя отработал.

— Неубедительно, Серёжа, — покачал головой Егор Лексеич.

— На хера Бродяге вообще к Алабаю? — рассердился Серёга.

— А чего Митрий хочет? — терпеливо разъяснял Егор Лексеич. — Чтобы ему вход с «Гарнизона» указали. Напиздишь Алабаю, что тебя, Митрия то есть, бригадир силком удерживает и не даёт вход искать. Можешь добавить, что тебе твой брат ебало разбил с ревности.

Егор Лексеич ухмыльнулся, а Серёге будто плеснули в лицо водой.

— А если всё же спалюсь? — помолчав, спросил он о главном.

Егор Лексеич закряхтел:

— Плохо мне будет, Серёжа. Придётся за тебя Алабаю выкуп давать.

— И сколько заплатишь?

— «Вожаками» заплачу. Сколько сторгуемся.

Об этом Егор Лексеич, разумеется, тоже успел поразмыслить. И никакого выкупа за Серёгу он давать не намеревался. Егор Лексеич уже твёрдо решил, что Серёга в бригаду не вернётся никогда. Хороший он парень, Серёжка-то, жаль его, мог бы Холодовского заменить, но так уж получается. Лучше, если Муха останется с Бродягой, а Серёжка не встрянет никому поперёк

дороги.

Серёга вглядывался в лицо Егора Лексеича — честное, доброе, мужицкое, даже какое-то отцовское — и чуял недоброе. Слишком уж всё удобно для него. Только ляг в этот уютный гробик, а потом уже не вылезешь, и закопают.

И Егор Лексеич тоже уловил подозрение в Серёгином молчании.

— Ты мне помоги, а я тебе помогу, — сердечно сказал он, понизив голос. — Митрий у нас человек временный, а Муха — она глупая. Вот вернёшься, и я тебя с ней сведу. Она же бригадиром хочет быть. Ну, я и организую ей бригаду, если замуж за тебя выйдет. Мне такой зять, как ты, очень даже с масти.

У Серёги всё внутри словно завертелось на палке. Вкрадчивое унижение от Егора Лексеича было хуже удара в лицо. Митька с Маринкой, значит, сам всё замутить может, с ним Маринка и забесплатно готова, а Серёгу, мудака недоделанного, с ложечки кормить надо? Ему с Митькой соперничать не по зубам, да? Он ни на что не годен, ему девчонку на верёвке приведут, как козу? Дядя подсуетится!.. Вот как Типалов о нём думает?..

Егор Лексеич понял, что совершил ошибку.

— Всех покупаешь, Лексеич, или только долбоёбов? — оскалился Серёга. — Не пойду я к Алабаю! Сам иди!

Он встал, уронив стульчик, спрыгнул с перрона и пошагал в лес.

Уже наплывало утро: тёмная туша горы контрастно отсекла яркую синеву оживающего неба, а лучи солнца из-за горизонта алым светом озарили снизу неровные днища плоско распростёртых облаков. Сумрачно-бесцветный лес зазвенел птичьим щебетом. Над путями заброшенной станции плыла дымка.

Егор Лексеич неподвижно сидел на своём раскладном стульчике, и в душе его корёжило от злости. Серёга сорвался с крючка… Но Егор Лексеич знал: он всё равно заставит этого парня сделать то, что нужно ему, бригадиру.

53
Станция Пихта (IV)

И опять Мите снились кошмары…

Он тонул в каком-то болоте, растворялся в буро-зелёной жирной жиже, его опутывала ряска, колыхались нити водорослей, пузыри, комья ила, вокруг вырастали чёрные изломанные сучья донных коряг. Но сквозь муть проступал синий свет экранов, бетонные стены, стеллажи с оборудованием. Он, Митя, работал у какого-то аппарата. А потом шёл по сосновому бору, одетый в комбинезон с эмблемой-«пацификом» на плече, и с кем-то говорил. Внезапно всё темнело, сосны оказывались рядами бетонных столбов, подпирающих низкий потолок с прикреплёнными кабелями, и еле различимые во мраке залы опять заливало болото, но оставалась полуночная комната с бледной луной в проёме окна, и в разворошённой постели сидела голая Маринка: она курила и пила пиво из жестяной банки, только в банке была болотная жижа…

Митя быстро перевернулся на бок, и его вырвало.

Во сне он, видимо, выполз из-под решётки интерфератора и лежал просто на плитах перрона, местами покрытых мхом. Митя приподнялся на локте и вытер ладонью рот. Ладонь словно оборвала тонкую паутину, прилипшую к лицу. Паутина невесомой сетью соединяла его с пластушинами мха, будто он потихоньку прирастал к перрону. Митя понял: это гифы, ризоморфы — нити грибницы. Вне защиты интерфератора он действительно прирастал к перрону. Но это понимание не вызвало у Мити омерзения. Такова жизнь в селератном фитоценозе. Фитоценоз подключает к себе всё, что ему не сопротивляется. А Митя не сопротивлялся. Кошмары вымотали его, будто он не спал всю ночь.

Бригада уже собралась возле костра. Алёна готовила завтрак. Косоглазое утреннее солнце преобразило заброшенную станцию в праздник: всё сверкало от росы, всё казалось правильным. Митя подумал, что его слабость и кошмары — это не болезнь неведомой этиологии, а перестройка организма и разума, следствие превращения его тканей в микоризу, симбиоз человека и мицелия фитоценоза. Проще говоря, он неудержимо становился Бродягой.

— Митрий, вставай, кушать уже скоро! — позвала Алёна.

Митя вылез из спальника и на затёкших ногах поковылял к костру.

Навстречу шёл Серёга. Митя посмотрел на него — и поразился, сколько ненависти во взгляде у Серёги. Будто бы не заметив, Серёга сильно толкнул Митю плечом в плечо. Он сделал это нагло, по-хамски, и Митя едва не упал.

— Сволочь… — пробормотал Митя.

Ему ясны были причины Серёгиной злобы, да и сам Митя испытывал к Серёге примерно такие же чувства: гадина он, быдло, а не брат. Вчерашняя схватка разорвала их непрочную близость, разметала, растоптала.

— Чё сказал? — мгновенно вскинулся Серёга.

Стиснув кулаки, он пружинисто затанцевал перед Митей в боксёрской стойке и нанёс несколько пробных ударов по воздуху, словно бы намечал для себя, как будет бить противника. Он ещё играл, но легко соскользнул бы на драку всерьёз. Вчера ему не хватило победы. Серёга считал, что ему помешал Егор Лексеич: без бригадира он урыл бы Митяя, чмошника городского.

Бригада наблюдала за стычкой с нескрываемым удовольствием. Костик широко лыбился. Алёна укоризненно покачивала головой: «Ох, молодёжь!..» Егор Лексеич, прищурившись, посмеивался. Маринка была удовлетворена — это ведь из-за неё рассорились братья Башенины.

— Вам не подраться, нам не посмотреть! — подзуживая, крикнул Костик.

Мите всё это стало мучительно стыдно, и стыд был сильнее злости.

— Что, Костика повеселим? — негромко спросил он Серёгу.

Серёга полоснул по бригаде режущим взглядом. Он мог бы легонько стукнуть Митяя в челюсть — чтобы просто обозначить превосходство; Митяй стерпел бы, ничего бы не ответил. Но и Серёге сделалось погано. Наедине он отмудохал бы братца — но только наедине. Это их дело, а не бригады. Серёга тряхнул плечами, точно сбрасывал груз, опустил руки и пошёл дальше.

Митя уселся перед тлеющим костром. Бригада приняла его как обычно и уже без интереса. Никто не ощущал неловкости. Всё нормально. Братья всегда из-за девок дерутся, а мужики всегда баб своих бьют. Так положено. Можно поглазеть, если кто-то расхлестается на полную, но удивляться нечему.

Митя пил чай из кружки и думал, что бригада, люди вокруг него — они как сорняки. Сравнение очень паскудное, подлое, но ведь точное… Сорняки не виноваты, что они сорняки. Они крепкие и живучие. Они бывают красивыми — ромашки, например, васильки, полевые фиалки… И сорняками они

являются лишь тогда, когда существует земледелие. А если земледелия не существует?..

У Мити уже не хватало сил на гнев, да и обвыкся он, обмялся… Может, надо просто принять этих людей, какие они есть? Принять их антропологию — антропологию фитоценоза? Бороться с ней бессмысленно, как бессмысленно сопротивляться вегетации леса. А вегетация леса не подчиняется этике. Лес пожирает сам себя. Он спасает не плодовитых, а нужных. Он угнетает свой подрост, а старые деревья развиваются свободнее, быстрее и лучше молодых. Лес не злой, просто таковы законы его природы.

— Готово! — объявила Алёна.

Егор Лексеич зорко присматривался к Талке. Она примостилась у костра на коленях, немного набок, и выглядела вполне благополучной, даже румяной.

— Наталья, ты как? — спросил Егор Лексеич.

— Нормально, — затуманенно улыбнулась Талка.

— Температура у неё, — сказала Алёна, щедро наваливая кашу в миску Калдея. — И покраснело вокруг раны.

— Немного болит внутри, но терпимо, — призналась Талка.

— Тебе жрать нельзя, — предупредил Егор Лексеич.

Он не сводил с Талки взгляда. Талка послушно отодвинула миску.

— Пройдёт, — тихо пообещала она Егору Лексеичу.

— Не пройдёт, — помолчав, возразил тот.

— Мне на стройке штырём ногу пропороло, и ничё, зажило, хуйня вопрос! — бодро влез Матушкин. — Натаха — она крепкая!

— Пасть захлопни, — ответил Матушкину Егор Лексеич. — Назипова, ты сейчас на Татлы уходишь. Там доктора отыщешь, или с больнички отвезут. Всё, твоя командировка закончилась.

Талка прикусила губу, из глаз у неё потекли слёзы. У Матушкина заиграли щетинистые морщины. Матушкин не хотел оставаться без Талки.

— Я её провожу тогда, бригадир? — спросил он.

— Нет, — отрезал Егор Лексеич. — Мне здесь вся бригада нужна будет.

— Дак как же она доберётся-то одна? — растерялся Матушкин.

— Доберётся, если жить хочет.

— Мы же километров шисят проехали! — запаниковал Матушкин.

— Это с петлями по реке и вкруговую, да, шеф? — всунулся Фудин. — А прямо будет гораздо короче! По железке до станции Межгорье километров пять, а оттуда по шоссе до Татлов

километров двадцать!

— Верно, — подтвердил Егор Лексеич.

— Я и столько не смогу… — едва слышно произнесла Талка.

— Там же по шпалам скакать, и лес, и чумоходы!.. — накручивал сам себя Матушкин. — Лексеич, будь человеком!..

— Нет! — рявкнул Егор Лексеич. — Ты здесь останешься! Я сказал!

Талка громко всхлипнула и закрыла лицо руками. Она чувствовала себя отверженной, ненужной. Кроме Матушкина, никто не хотел ей помочь. Алёна, раскладывая завтрак по мискам, поглядывала на Талку с осуждением: вот ведь не вовремя, дева, ты все эти сопли развесила. А Маринка злорадно оживилась. Ей приятно было пошатнуть авторитет бригадира, сделать что-то наперекор.

— Кто говорил, что своих выручать надо, дядь Гора? — спросила она.

Егор Лексеич почему-то не озверел — только странно усмехнулся.

А Мите опять стало стыдно. У него не было желания тащиться обратно в Татлы, отдаляя своё освобождение, но нельзя же вот так вышвыривать Талку!

— Я с ней схожу, — спокойно заявил Митя.

— Не сходишь, — столь же спокойно произнёс Егор Лексеич.

— Я не ваш работник. Я к вам не нанимался. Подождёте меня.

Митя заметил, как блеснули глаза у Маринки.

— Рыпнешься — я тебе колено прострелю, — предупредил Егор Лексеич. — А «вожаков» искать тебя Деев на закорках носить будет.

Митя понял, что Типалов не шутит. Он легко может так поступить.

— Никого не отпущу с бригады, — отсёк споры Егор Лексеич.

Маринка тотчас повернулась к Серёге:

— Серый, ты же сам по себе, не с бригады… Отведёшь Назипову?

Серёга даже открыл рот. Он словно бы провалился в яму — в ловчую яму бригадира. Он не хотел сопровождать Талку — это означало оставить Маринку Митяю. Но и признавать командование Егора Лексеича он тоже не хотел — тогда надо отправляться к Алабаю, а это охеренный риск!.. Если же отказать и Маринке, и Лексеичу, то позорище какое-то получится!..

Развалясь на своём раскладном стуле, Егор Лексеич смотрел на Серёгу со снисходительной усмешкой: рано тебе со мной тягаться в ловкости, щенок.

— Я с бригады, — глухо сообщил Маринке Серёга.

— Конец базару! — завершая дело, Егор Лексеич хлопнул ладонями по коленям. — Назипова, давай на старт. Раньше сядешь — раньше выйдешь.

Бригада с перрона смотрела, как Талка, прижимая руку к животу, покорно уходит прочь со спортивной сумкой на одном плече. Она плакала, размазывая слёзы по лицу, и не оглядывалась. Шагать по шпалам, скрытым густой травой, ей было неудобно. Ржавый рельсовый путь уползал за поворот. Солнце сияло, пели птицы, в деревьях шумел ветер. Казалось, что несчастная Талка тонет в вечной лесной зелени — она ни за что не доберётся до людей, до спасения, и никто не узнает, где и почему она пропала. Матушкин стоял на обломанном краю перрона, будто его заколдовали, когда не позволили броситься за Талкой. Колючие морщины на его физиономии замерли в болезненном изломе.

— Коля, тебе добавки ложить? — спросила Алёна у Калдея.

Егор Лексеич поднялся, отдуваясь после завтрака, и пальцем поманил Алёну в сторону — подальше от бригады.

— Мы сейчас до горы двинем, — негромко сказал он, — а тебя с хозяйства определяю. Карауль тут всё. И сучку не забудь покормить.

Он имел в виду Вильму, по-прежнему привязанную к мотолыге.

— Не забуду, — улыбнулась Алёна. — Наскребу ей с котла.

— Послушай, Алён, это важно, — Егор Лексеич ещё понизил голос. — Ближе к вечеру сюда явится Серёжка Башенин. Один. Он отвяжет Вильму и вроде как сбежит с ней. А ты прикинься, что отвлеклась и прозевала их. Поняла?

— Поняла, Егора, — кивнула Алёна. — Исполню.

— Ну и молодец, — Егор Лексеич погладил её по щеке.

54
Объект «Гарнизон» (I)

— Ну что, мужики, пора и для страны поработать! — бодро заявил Егор Лексеич. — Сегодня надо отмаркировать пятьсот «вожаков», а завтра начнём валить. Так что жопу в горсть — и вперёд!

— Пятьсот хлыстов — нереально, шеф, — усомнился Фудин.

— Война — время рекордов! — насмешливо ответил Егор Лексеич.

От станции Пихта ко входу в объект «Гарнизон» вела железнодорожная ветка. Видимо, со времени эвакуации «Гарнизона» её не использовали вообще ни разу. Кое-где заржавленные рельсы отскочили от бетонных шпал и торчали в сторону. Насыпь заросла деревцами, уже даже и не тонкими. Лес вокруг — разумеется, селератный — был матёрым, здоровым, царственно-просторным. В отвесных полосах солнечного света золотились ровные стволы мачтовых сосен, порой на них мелькали шустрые белки; мохнатые еловые лапы лучисто вспыхивали тёплой тьмой. Стучал дятел. Пахло смолой и летней пылью. Над лесом ярко синело небо, висели ослепительные облака с огненными краями. И непонятным образом где-то рядом — невидимо, но совсем близко — ощущалось присутствие заповедной и грозной горы Ямантау.

Митя догнал уверенно шагающего бригадира.

— Егор Алексеевич, когда вы меня отпустите? — спросил он. — Так, чтобы по коленям не стрелять?

— Сам понимаешь, Митрий, ты мою помощь отработать должен. Вот как прогуляемся по всему треку Харлея под горой, укажешь мне всех «вожаков», так и свободен. К тому времени найдём и нору, в которой твои дружки сидят.

Серёга шёл за Митей и Типаловым и злобно курил. Митяй — ладно, с ним всё ясно, а вот Лексеич — хитрая блядина: вынудил его, Серёгу, согласиться на приблуду с Алабаем, считай — нырнуть башкой в омут. Серёга мучительно примерялся, как бы ему выкрутиться, но ничего придумать не мог. Его терзало предчувствие беды. Убьёт его Алабай… А-а, ну и похер! Пускай Маринка пожалеет, что не ценила того, кто её любит, и обрекла на погибель! Он сдохнет молча, как настоящий мужик, а она спохватится потом, да будет поздно!..

Маринка видела, что Серёгу раздирает отчаяние, но это её не волновало. Разве она виновата, что Митя лучше Серого? Нет.

И пусть Серый не ноет.

К Маринке пристроился улыбающийся Костик.

— Чё, отшила Серого? — напрямик спросил он. — Теперь ты с Митяем?

Костик был доволен поражением Серёги. С Серёгой он соперничать за Маринку не мог, Серёга надавал бы ему по щам, а Митяй — он ни о чём, слабак. И Костика очень воодушевляла наметившаяся перспектива.

— Да отсоси, придурок, — жмурясь на солнце, отмахнулась Маринка. — Сунешься ко мне, так тебе Серый всё равно по-любому ноги переломает.

Фудин и Калдей несли на плечах тяжёлые цепные мотопилы, Матушкин тащил в рюкзаке канистру с бризолом. Порой поперёк пути лежали упавшие мощные деревья с растопыренными голыми сучьями; бригада перебиралась через завал и двигалась дальше, а Фудин и Калдей отставали: мотопилами они резали стволы и скатывали чурбаки в канавы, освобождая насыпь для проезда мотолыги. С ними отставал и Матушкин. Он сразу вынимал телефон и набирал Талку, но Талка ни разу не отозвалась. У Матушкина дрожали губы.

По обе стороны от железной дороги лес начал как-то горбиться и редеть — это справа и слева появились огромные, уже оползающие горы из каменных глыб. Поверху их затянуло дёрном, на нём выросли кусты. Митя понял, что видит отвалы породы, извлечённой из недр горы при возведении объекта «Гарнизон». В одном месте отвал осыпался, погребая облезлый бульдозер. Кое-где, бессильно уронив изломанные лапы с ковшами, застыли экскаваторы. Здешние машины не смогли бы стать чумоходами, они были слишком старые и простые: только механика, пневматика и гидравлика — никакой электроники. Строительные чудища сами превратились в уродливый стальной бурелом.

А лес впереди словно затянуло в глубине синеватым дымом — так сквозь чащу выглядел склон исполинского массива Ямантау.

— Объект «Гарнизон» — большой комплекс? — спросил Митя у Типалова.

— Охеренный. И не один, а несколько — три как минимум. Они на разных уровнях и связаны друг с другом переходами, все — многоярусные. Шлюзы там всякие, жилые помещения, электростанции, хранилища, лифты, технические отсеки — короче, полная автономия. Целый город подземный, чтобы выжить с прицельного ядерного удара и перекантоваться в ядерную зиму. Говорят, своя река есть, ангар для вертолётов,

стоянка спецтранспорта. Даже ракетные шахты сверху можно заметить. Длина тоннелей — четыреста километров.

— И всё заброшено?

— А на хуя нужно?

— Война ведь, по-вашему, — заметил Митя.

— Информационная же, — ответно ухмыльнулся Егор Лексеич. — С неё крепости ни к чему.

Они миновали заросшее малиной здание пропускного пункта и полосу ограждения из бетонных столбов с кронштейнами. На фарфоровых изоляторах висели рваные плети колючей проволоки. А впереди земля как бы перегнулась и поднялась, хотя по-прежнему была уставлена деревьями. Склон горы, и без того крутой, здесь срезали почти отвесно и армировали стальной георамой на анкерах: получилось нечто вроде амфитеатра. В его подошве зиял квадратный портал тоннеля, куда и проскальзывала железная дорога. Слева из склона выдвигался брусок бетонного капонира с проёмами амбразур. Своими призрачными пулемётами капонир до сих пор стерёг въезд в подземный город. На рельсах были брошены два товарных вагона, багровых от ржавчины; крыши у них зеленели травой. В отдалении в смородине притаился китайский танк «Датун», тоже ржавый от гусениц до распахнутого люка на башне.

— Ого! — охнул Егор Лексеич.

Он остановился, поджидая бригаду и оглядывая местность.

— Заебись тут! — оценил подошедший Костик. — А танк завести можно?

Егор Лексеич уже изучал в телефоне маршрут Харлея.

— Харлей всё вокруг по сто раз обтоптал, — озабоченно сообщил он Мите. — Небось «вожаки» прямо здесь найдутся…

— Сначала хочу проверить тоннель, — сказал Митя.

Вряд ли, конечно, миссия «Гринписа» выбрала столь очевидное убежище, доступное любой бригаде, но требовалось выяснить точно.

— Проверь, но с Мухой, — разрешил Егор Лексеич. — Она тебя покараулит.

— Я не сбегу.

— Ну-ну, — скептически ответил Егор Лексеич. — Так, Фудин, Матушкин, Деев и Костик — вы шуруйте туда, — Егор Лексеич кивнул на капонир, — а мы с Серёжей внизу посмотрим. Потом я к вам залезу.

Серёга проводил взглядом Митю и Маринку. Костик козлом поскакал вверх по склону к серой глыбе капонира; Фудин, Калдей и Матушкин скинули снаряжение на шпалы и неспешно двинулись за Костиком.

— Ты, Серёжка, главное — не боись, — Егор Лексеич потрепал Серёгу по плечу. — Капонир специально построили, чтобы всё простреливать. Деревья здесь редкие, обзор хороший. Как только «спортсмены» рельсы пересекут, мы с капонира их и положим. А ты не шарахайся, чтобы мы тебя видели.

— Если смогу… — помрачнел Серёга.

— Тогда погуляй тут, а я с капонира на тебя гляну, как оно будет.

Егор Лексеич, покряхтывая, направился в гору.

Митя думал, что в тоннеле их встретит кромешная тьма, а на самом деле света от входа вполне хватало на всю глубину помещения. В тоннель могли въехать два вагона — и дальше они упирались буферами в отбойник у глухой стены. Пол завалило грязью и гнилью — следами весенних затоплений; дренаж давным-давно не действовал. Под ногами сочно чавкало. Стало промозгло. Маринка включила фонарик на телефоне. Грубо-неровные стены отсвечивали влагой конденсата. Под потолком зала опасно раскорячились поперечные фермы двух мостовых кранов. Справа поднимался длинный перрон. Маринка высветила электрокар на маленьких колёсах со сдутыми шинами: электрокар почернел от плесени, одна бортовина кузова отвалилась.

— Сюда загоняли вагоны со станции Пихта, а грузы кранами переносили на электромобили, — понял Митя. Голос его звучал гулко. — Судя по всему, внутри подземного комплекса проложены автомагистрали. А вон проезд…

Арка в торцевой стене перрона была перегорожена бетонной стеной.

— Тут всё закупорили намертво, — с сожалением признал Митя.

— А если бы не закупорили, ты бы сбежал? — поинтересовалась Маринка.

— Сказал же — нет.

— Из-за меня?

Митя посмотрел на Маринку внимательно и грустно:

— Тебе это важно?

Маринка схватила его пятернёй за рубашку на груди и притянула к себе.

— Ты больной на голову! — прошептала она и поцеловала Митю в губы.

Она понимала, что Митька скоро свинтит к своим учёным… а вдруг не свинтит? Вдруг захочет остаться с ней? Станет Бродягой в её бригаде. Круто же получится!.. А Митя смотрел на Маринку и не знал, как ему быть. Что он ищет там, в своём

неведомом прошлом? Прошлое спряталось от него и не желало возвращаться. А эта девчонка — будущее. С ним или без него, но она — будущее. Да, она грубая и эгоистичная, однако душа у неё живая. Эта девчонка умеет мечтать, пускай даже мечты у неё глупые. Она хочет жить ярко… Митя совсем растерялся. Его безжалостно разрывало пополам.

В это время в капонире Егор Лексеич объяснял своим работникам:

— Завтра утром, с самой рани, разместимся здесь с автоматами на засаде. Серёжка Башенин приведёт бригаду Алабая. Они там внизу шастать будут. А мы должны их всех мочкануть. Алабая — в первую очередь. Задача ясна?

— Так точно, шеф! — отрапортовал Фудин.

— Чур, моё место! — Костик пошлёпал ладонью по краю амбразуры.

В капонире от боевого предназначения уцелели только ржавые опоры пулемётных турелей. На полу в полосах полуденного солнца валялся мусор вперемешку с иссохшей хвоей. Проход во внутренние помещения объекта «Гарнизон» был забетонирован. Капонир превратился в голую каменную коробку с узкими бойницами. Зато из бойниц открывался прекрасный вид на подступы — на железнодорожную ветку с двумя вагонами и на сосновый бор. Среди сосен неприкаянно слонялся Серёга.

— Вылазийте отсюда, — распорядился Егор Лексеич. — Работать пора.

Фудин, Матушкин и Калдей друг за другом полезли в амбразуру.

— Дядь Егор, — помедлил Костик, хитро улыбаясь. — А если Башенина кто-то пулей зацепит?.. Ну, типа как не нарочно…

Егор Лексеич поглядел Костику в глаза:

— Да и нарочно — не страшно, Костик. Я не заругаюсь.

Костик недоверчиво порыскал глазами по лицу бригадира и просиял:

— Лады, дядь Егор! Я меткий!

— Подсади меня на окно, меткий он…

Бригада врассыпную спустилась от капонира в лес. Егор Лексеич ковылял последним и пыхтел, путаясь в траве. Митя и Маринка ещё не вернулись.

— Примерились, всё как на ладони, — сказал Егор Лексеич Серёге. — Завтра грохнем Алабая. А ты давай чеши на Пихту за Вильмой. Время поджимает.

Но Серёга никак не уходил, озираясь, будто прощался.

— Ничего-ничего, — по-отечески успокоил его Егор Лексеич. — Опасаться — не обоссаться. Иди давай, на тебя вся

надежда.

Серёга повернулся и побрёл прочь по рельсам. Бригада не обратила на него внимания. Серёга обогнул брошенные вагоны — один, другой — и вдруг плашмя нырнул в траву под вагон. По шпалам он немного прополз назад и, лёжа, высунулся из-за колеса. Ему надо было увидеть Маринку.

И вскоре Маринка с Митей появились в прямоугольном портале тоннеля. Они шли как бы врозь — впрочем, Серёга чутко уловил фальшь этого показного отчуждения. Однако ему уже не было дела до ревности. Ему надо было просто ещё раз увидеть Маринку — такую тоненькую, сильную и дерзкую. Просто ещё раз увидеть её.

55
Гора Ямантау (I)

И на склоне, и под склоном лес был в основном сосновым — почти без подроста, с редким валежником; он казался светлым и просторным, сверху донизу его насквозь прошивали косые солнечные лучи. Но крутая гора словно отгородила плечом половину мира. Здесь была власть Ямантау, а не леса.

За ржавым танком обнаружилась грейдерная дорога, вернее то, что от неё осталось. Её затянуло папоротником и взгорбило корнями, кое-где гравийное покрытие взрыли деревья, однако мотолыга сумела бы проехать.

— Я так и знал, что дорога где-то есть, — сказал Егор Лексеич. — С карты развалины обозначены. Когда-то ведь эти подземелья соединялись не только изнутри тоннелями, но и снаружи тоже надо было подход иметь.

Первый «вожак» встретился Мите неожиданно быстро. Ядрёная сосна обогрела ладонь даже сквозь толстую и грубую кору. Митя понимал, что это психосоматическое ощущение, но реальность тепла поражала. Не верилось, что другие люди не могут почувствовать ничего подобного. Егор Лексеич приложил к сосне телефон и зафиксировал локацию. Теперь он и сам легко найдёт вожака. На случай, если он потеряет телефон, локация отражалась и в телефоне Алёны — Егор Лексеич всегда страховал себя через Алёну.

Второй «вожак» высился в десяти шагах от первого — всего-то через два дерева. Третий вожак стоял ещё через пару деревьев от второго. Четвёртый — тоже поблизости. Митя несколько раз ощупал стволы, пока не убедился, что не обманывается. От мягкого тепла «вожаков», похоже, ему стало полегче: меньше подташнивало, не так кружилась голова, не двоилось в глазах.

— Вы же говорили, что «вожаки» попадаются очень нечасто, на большом расстоянии друг от друга, — сказал Митя Егору Лексеичу.

— А Харлей говорил, что их на «Гарнизоне» до хуя, — весело ответил Егор Лексеич. — Целая роща. Небось это она и есть.

— Какова вообще средняя плотность коллигентов?

— Да уж не такая, как здесь, — хмыкнул Егор Лексеич.

На экране телефона он сравнивал свой путь с треком Харлея и постепенно понял, что Харлей шёл вдоль заброшенной грейдерной дороги, мотаясь вокруг туда-сюда, — обследовал местность. Значит, роща «вожаков» тянется вдоль дороги. Что ж,

есть чем занять бездельничающую бригаду.

Егор Лексеич подозвал Маринку.

— Нашлось, Муха, тебе руководство, — объявил он. — Организуй наших гавриков чистить грейдер с деревьев. По нему будем трелевать брёвна.

Маринка победно просияла: вот теперь она практически бригадир! Митя молча смотрел на неё и думал, что радовать эту девчонку — счастье.

Вдвоём с Егором Лексеичем они двинулись по лесу дальше.

За зеленью виднелись какие-то развалины. Пустоглазое здание с травой внутри, круглая башенка с разрушенным оголовком, наполовину вкопанный бункер и две огромные бетонные трубы, торчавшие из склона, как бинокль. Мощная стальная дверь в стене бункера была заварена по всему периметру, а трубы заполнены бетоном, из которого с краю выставлялась выгнутая лопасть.

— Вентиляция «Гарнизона», — догадался Егор Лексеич.

— Гляньте сюда, — отвлёк его Митя.

Толстую сосну — очередного «вожака» — опоясывал пластиковый шнур с прикреплённой капсулой какого-то прибора.

— Фитомонитор, — опознал Митя. — Анализирует состояние дерева.

Егор Лексеич наклонился и поднял из папоротника смятую пачку сигарет.

— А такие я Харлею с Челябы привозил. На Магнитке только китайские…

— И что из этого следует?

— Что Харлей с твоими учёными снюхался. «Вожаков» им указывал.

Митя пожал плечами:

— Почему бы и нет? Кто-то ведь должен был определять коллигентные деревья. Без коллигентов фитоценоз не изучить. А как «вожаков» без Бродяг искать?.. Возможно, ваш Харлей нанялся сотрудничать с миссией.

— Возможно… — задумчиво согласился Типалов. — Только это на хитрые такие мысли наводит… За тебя, Митрий.

— Мысли про меня? — озадачился Митя. — А я здесь при чём?

Егор Лексеич в сомнении поскрёб небритую скулу.

— Харлей для вас целую рощу «вожаков» открыл. А потом решил мне её сдать. Под вырубку. Вам за это не понравилось. Ты за Харлеем побежал и убил его. Но что-то стряслось, голова у тебя повредилась, и ты весь несчастный передо мной нарисовался. Ничего, мол, не помню, отведите до дому, добрые

люди. Я, дурак, и повёл. Алабай случайно сбоку прицепился. А вы завтра мою бригаду чик-чик из пулемётика. И при своих останетесь, и свидетелей уберёте.

Митю едва не стошнило от подозрений в таком убогом коварстве.

— Не все люди живут так, как вы, Егор Алексеич, — сказал он. — Не все люди врут направо и налево, не все убивают соперников.

— Потому что не все могут.

Митя махнул на него рукой.

— Растолкую вам как учёный. Коллигентность дерева — переходящая функция. Вы можете срубить здесь «вожаков», и это очень плохо. Но через год-два другие деревья станут «вожаками» вместо погибших, и фитоценоз не пострадает. Нет смысла убивать ради сохранения существующих коллигентов.

— Как пожелаешь, командир, — скептически согласился Егор Лексеич.

Разговор произвёл на Митю странное впечатление. Егор Лексеич словно бы уменьшился в размерах, поблёк. Он уже не казался Мите непобедимым в своём злодействе. Он стал предсказуемым, примитивным, неопасным.

Они шли по лесу дальше, Митя отыскивал «вожаков» — некоторые тоже были с прикреплёнными приборами, а Егор Лексеич отмечал расположение деревьев на телефоне. Издалека, уже еле слышный, доносился рёв мотопил: бригада расчищала грейдерную дорогу. Сосны пламенели на солнце, ветерок шевелил волны папоротника. От массива Ямантау по лесу медленно и лениво, как запах смолы, растекалось ощущение мощи, подавляющей власти, вечного плена в тяготении этого исполина. Никакие подземные города и селератные фитоценозы не могли поколебать надменную геологию земных толщ, тяжко вознесённых на пугающую высоту.

Впереди меж стволов мелькнул просвет. Под горой вытянулась поляна — некогда забетонированная площадка с несколькими чахлыми деревцами и пустыми строениями. В склоне виднелся замурованный портал потерны, перед ним застыл брошенный трал — многоосная транспортная платформа без тягача. А в центре площадки зияли два огромных провала ракетных шахт. Сдвижные бетонные крышки с них откатили ещё при демонтаже и обратно не поставили, и шахты превратились в колодцы с чёрно-зелёным бризолом: его дегтярный запах ощущался даже в лесу. На осыпавшемся краю дальнего колодца висел, растопырив конечности, харвер. Судя по всему, он забрёл сюда случайно, полез в шахту за топливом и застрял — зацепился

одной ногой за внутреннюю арматуру колодца. Он был жив, этот чумоход. Заметив людей, он загудел громче, готовясь к схватке, и расправил суставчатую руку с чокером.

— Везде шастают, тварюги, — сказал Егор Лексеич. — Поделом вору мука.

Митя задумался.

— Посмотрите-ка на такое, Егор Алексеевич, — предложил он.

Типалов не успел сообразить, на что ему надо посмотреть, а Митя уже очутился возле ближней шахты.

— Эй! — забеспокоившись, крикнул Егор Лексеич. — Ты куда?

Митя обогнул ближнюю шахту и направился к дальней. Перекошенный харвер оживился в своём капкане, задёргался, громыхая ногой по арматуре, и протянул загребущую ручищу к человеку. Но Митя шагал к чумоходу без колебаний. Он не боялся. И комбайн словно почуял его превосходство, как зверь чует превосходство дрессировщика. Егор Лексеич увидел, что харвер опасливо убирает ручищу и суетливо шевелится, отстраняясь от Мити.

Митя подошёл вплотную и похлопал машину по корпусу. Чумоход торчал у шахты так долго, что начал зарастать: ситаллический панцирь местами заплесневел, из его стыков пробивалась травка, в кабине за мутными стёклами буйно зеленел какой-то кудлатый мох, будто кабина превратилась в логово.

Вытирая грязную ладонь о штаны, Митя вернулся к Егору Лексеичу.

— И что это была за хуйня? — спросил тот, впечатлённый подвигом Мити.

— Чумоходы не трогают Бродяг.

— Надо же! — Егор Лексеич удивлённо поцокал языком.

— А знаете, о чём это говорит?

— О чём?

Митя смотрел Егору Лексеичу прямо в глаза.

— Чумоходы и Бродяги — составные части общей сверхсистемы. А система не уничтожает свои элементы.

— Ну и заебись, — Егор Лексеич уловил что-то недоброе для себя.

— Учёные ещё не разобрались в феномене Бродяг. Следовательно, они не могли запрограммировать вирус так, чтобы агрегаты, поражённые вирусом, опознавали Бродяг и не причиняли им вреда. А это означает, что нет никакого вируса чумы для машин. Нет никаких информационных бомб. Нет

никакой промышленной войны между Западом и Китаем. Есть только селератные фитоценозы. Эволюция биосферы как результат добычи природных ресурсов. А война — просто подлая ложь, чтобы наживаться на этой добыче и губить ту новую форму жизни, которую мы сами случайно и породили.

Егор Лексеич поморщился: опять старая песня.

— Слушай, Митрий, не я же всё это сочинил! — вздохнул он. — Впариваешь тут мне какую-то мудотень про лес… Лесорубы считают за ядерную войну. Городские считают за промышленную войну. Какая, блядь, разница? Ну и хуй с ними со всеми! Никто же не заставляет их так думать!

— Мы не вырвемся из того тупика, в который угодили, если будем верить в войну! Ни лесорубы, ни городские не вырвутся! Вообще никто!

— Да похер! — искренне заявил Егор Лексеич. — Всем же хорошо! Пожрать хватает, шмотки имеются, есть кого ненавидеть — что ещё нужно для счастья? Ясен пень, что все вроде как недовольны, орут там что-то, но кому-то разве надо по-другому? Ты людей не знаешь, Митрий! Молодой ты!

И Митя понимал, что Егор Лексеич прав. Кому надо жить по-другому? Калдею? Алёне? Щуке? Алабаю? Даже Серёге с Маринкой и то не надо.

— Вы же чудовище, Егор Алексеич! — В голосе Мити звенело отчаянье.

— Я? Да! — согласился Егор Лексеич. — Ну и что? Никто не против. Я всем нужен. И мне всё с кайфа.

Митя промолчал. Он устал. Бороться с жизнью было бессмысленно.

— Присядь-ка, — предложил Егор Лексеич и подтолкнул Митю к обломку бетонной плиты. — Присядь. Ты парень умный. Давай делишки наши обсудим.

Покряхтывая, Егор Лексеич опустился на плиту рядом с Митей.

— Ты вот меня поучал, как мыслить логически, — начал он, — и я тебя тоже поучу. Ну-ка ответь: почему Алабай за нами охоту устроил?

— Ему Бродяга нужен. То есть я.

— Правильно. А почему бы ему не нанять человечка, чтобы тот посидел под радиацией и сделался Бродягой? Поработает с Алабаем, бабла нарубит и потом в больничку ляжет полечиться, чтобы обратно нормальным сделаться.

Митя не ответил.

— Потому что Бродяга — он неизлечимый, Митрий. Дорожка только в один конец. Так-то. Мог бы и сам допетрить. И никто

тебя с города не спасёт.

Столь простое умозаключение ошарашило Митю. В общем-то, это был приговор. Жестокий, очевидный и не подлежащий отмене.

— Перевари, — сочувственно посоветовал Егор Лексеич.

Он жевал травинку и щурился на вечернее солнце. Тень леса потихоньку наползала на площадку с жерлами ракетных колодцев. В бетонных обломках стрекотали кузнечики. Егор Лексеич понимал, что Митрий сейчас в немой панике ищет выход. А выхода нет. И Егор Лексеич уже подготовился принять Митю в этой ловушке. Не зря же он намекнул Костику, что Серёгу завтра можно и прихлопнуть. Серёжка — он получше Митрия был бы, но не судьба… Своими плясками вокруг Мухи он мешать будет. Его следовало устранить.

Егору Лексеичу надоело ждать. Пожрать уже хотелось.

— Я тебе что предлагаю, Митрий… Жить тебе ещё долго. Оставайся у меня на бригаде Бродягой. Будешь мне «вожаков» искать. Деньги я стану платить хорошие. Если тебе надо — ходи сюда к своим профессорам, Харлей же ходил, и ничего. А с Мухой я тебе всё обустрою. Подарю её тебе на новоселье.

Егор Лексеич усмехнулся сам себе. Любопытно, куда у Митрия денется его чистоплюйство, когда он примет предложение. А он примет.

— Я ведь не злой, — добавил Егор Лексеич. — Да, порой так заворачиваю, что другие с кузова вылетают, но не от злобы же. Обстоятельства вынуждают. И с нашего расклада никто не сделает тебе предложения лучше моего.

Егор Лексеич достал телефон, посмотрел и дружески сжал Мите плечо:

— Неплохо сегодня поработали, парень. Сто восемнадцать «вожаков» я отметил. Завтра продолжим, пока всю рощу не отмаркируем. А теперь пора на базу. Алёна ужин готовит. Давай вставай. Поспешим, а то остынет.

56
Гора Ямантау (II)

Серёга помахал Алёне из кустов, Алёна его заметила и кивнула. Она возилась по хозяйству на перроне, а Вильма сидела у мотолыги, привязанная к траку так, чтобы не видеть перрон. Алёна взяла заранее приготовленный котелок с грязной посудой, неловко слезла с платформы на рельсы и прошла мимо Вильмы, звякая котелком, в сторону тропинки, что вела от станции вниз, к ручью. Вильма должна понять, что Алёна отправилась мыть ложки и тарелки. Измученная Вильма проводила Алёну мутным взглядом.

Серёга из кустов взвился на перрон. Он старался не шуметь. Возле его сумки Алёна поставила запасные берцы Костика — ведь Митяй ходил в берцах. Серёга вытащил из сумки последнюю чистую футболку. Он переодевался и переобувался, чтобы выглядеть как Митяй. Заодно причесал и отросшие патлы. Митяй, в общем-то, носил то же, что и все в бригаде, но всегда, блин, выглядел аккуратно и культурно, а он, Серёга, — как чмо болотное.

Солнце, сбавляя пыл, висело ещё высоко, но всё равно, будто по склону, неудержимо сползало к горизонту. Серёга спрыгнул с перрона на рельсы.

Он прихватил с собой столовый нож. Вильма почти без сил привалилась спиной к горячему катку мотолыги. Серёга пристроился рядом с ней на колени и принялся быстро пилить тупым ножом капроновую верёвку на запястьях Вильмы. Вильма повернула голову и посмотрела на него.

Серёга глянул ей в светлые глаза и вдруг сообразил, что не представляет, как Митяй обращался бы к этой бабе — на «ты» или на «вы».

— Освобождаю… вас, — неумело просопел он.

— Почему? — тихо спросила Вильма.

Митяй знал бы ответ, а Серёга не знал. Почему он такой дебил?

— По дороге объясню, — буркнул он. — Вместе уйдём.

— А ты кто? — Вильма наконец-то задала главный вопрос.

Серёга допилил верёвку, и занемевшие руки у Вильмы упали.

— Я — Митрий, — сказал Серёга. — Близнец, который Бродяга.

Вильма смотрела недоверчиво.

— Вставай! Алёна скоро вернётся!

Не позволяя Вильме усомниться, Серёга подхватил её под руку и поднял на ноги. Вильма оказалась очень лёгкой — даже легче Маринки. Серёга поволок её мимо перрона к лесу. Вильма шаталась и подламывалась, спотыкалась о рельсы. Раньше эта баба была Серёге как-то противна — мелкая тихушница, крыса затёртая, которая их всех в бригаде явно ненавидит. А сейчас Серёга не испытывал никакой неприязни, даже вроде жалко было. Похоже, это в глубине души у него проснулся Митя. Вернее, та часть Серёги, которая у него с Митяем была одна на двоих. Серёга сам себе удивлялся.

Они проломились сквозь кусты, окружающие станцию, и очутились в лесу — среди берёз, осин и ёлок. Серёга не знал, куда надо идти. Да пока что это было и неважно. Главное — убраться подальше. Еле уловимый уклон предгорья позволял сориентироваться, в какой стороне возвышается Ямантау.

Серёга рвался вперёд, делая вид, что боится преследования, а потом сообразил, что это глупо даже с точки зрения Вильмы. Кто за ними погонится? Толстая Алёна, да? Одна?.. Им некого опасаться. А Вильма еле ковыляет… Митяй наверняка повёл бы себя сейчас как-то иначе. Он бы позаботился о Вильме или ещё чё-то такое… Серёга остановился и подождал Вильму.

— Вы двигаться-то можете? — спросил он.

— Мне тяжело… — прошелестела Вильма.

— Я помедленнее пойду. И где удобнее.

Он пошёл помедленнее, выбирая путь почище — без кустов и коряг. Он отгибал ветви деревьев и топтал всякий подрост, чтобы не цеплялся за ноги. Перелезая через сучкастую и косую валежину, он даже подал Вильме руку. Конечно, если бы вместо Вильмы была Маринка, он тоже подал бы руку — но самолюбивая Маринка не приняла бы его помощи, а он шлёпнул бы Маринку по заду. С Маринкой помощь являлась только поводом прикоснуться. А с Вильмой — иначе. Без всяких таких умыслов. И Серёге нравилось представлять себя Митей. Было в этом что-то непривычное — укрепляющее душу. Приятно ощущать себя сильнее и одаривать других своей уверенностью. Хотя в чём Митяй-то мог считаться сильнее? Да хер знает. Но в чём-то ведь точно мог…

— Чего тебе от меня надо? — вдруг спросила Вильма.

Серёга с трудом переключился на мысли о своём задании.

— К Алабаю меня отвести.

— Я не знаю, где он.

— Позвони… те. Он вам маршрут сбросит на телефон.

— У меня нет телефона.

— У меня есть.

— Сам и позвони.

— Номера не знаю.

Вильма замолчала, будто они ни о чём и не говорили. Серёга догадался, что она до сих пор не доверяет ему, своему спасителю. И что делать? Вернее, что сделал бы Митяй? Да ничего бы, наверное… Дальше бы пошёл.

Серёга пошёл дальше, выбирая путь для Вильмы. Сам он рявкнул бы на Вильму, обозвал бы дурой, может, по шее дал бы… А Митяй — нет. Он других не нагибал. Если чё — обосновывал… хотя ему никто не верил. Митяй не выискивал, как ему выгодно, не выёбывался. Значит — не врал. О чём он хотел сказать тогда — ну, ночью на станции?.. Что он не трахался с Маринкой?.. Блин, Митяй сказал бы честно — он же не Лексеич!.. Серёгу вдруг опалила дурацкая мысль: был бы он Митяем — не тронул бы Маринку!.. Ну на хера он, Серёга, не дослушал тогда брата, а полез бить ему морду?.. Митяй бы не соврал!..

Вильма продолжала молчать, а Серёга понял, как вынудить её позвонить Алабаю. Просто не надо ей врать про неё. Серёга остановился.

— Я тебя не держу, — сказал он, забыв про обращение на «вы». — Хочешь сбежать — дак беги, я догонять не поскачу. Мне надо к Алабаю. Тебе — тоже. У меня — телефон, у тебя — номер. Друг без друга мы Алабая хрен знает сколько будем искать. Или позвони ему, или вали от меня, ты только идти мешаешь.

Вильма затравленно глядела на Серёгу и не отвечала.

Серёга в досаде махнул рукой и пошагал сквозь кусты. Вильма шла за ним, как собака. Серёга покосился на неё через плечо и всё равно отвёл ветку, чтобы та не хлестнула Вильму по лицу. Так бы сделал Митяй.

— Ещё больше уйдём, и позвоню, — в спину Серёге сказала Вильма.

Серёга топал и топал, не пытаясь выяснить, сколько это — «ещё больше». А гора находилась уже где-то рядом. Лес матерел и редел, будто набирался сил для подъёма по склону. Впереди замелькали какие-то просветы.

За стволами сосен открылась поляна, вся красная от заката. С опушки окинув её быстрым взглядом, Серёга сразу шарахнулся обратно и едва не сбил Вильму с ног. На поляне — точнее, на пустоши с растрескавшимся бетоном — среди развалин и мелких деревьев располагались два круглых провала, два колодца, и на краю одного из них, задрав зад, торчал блестящий на солнце харвер. Он был жив: задёргал коленями и распрямил руку с чокером.

— Сматываемся отсюда! — решил Серёга.

— Он же застрял… — возразила Вильма.

Серёга помедлил. Харвер действительно не мог выбраться из колодца. Потеряв людей из виду, он сложил руку и затих.

— Что тебе у своих не нравилось? — внезапно спросила у Серёги Вильма.

Серёга догадался, что она дозрела до звонка Алабаю.

— Меня там защемили круто, — сказал он. — Бригадир обещал к учёным отвести — и не захотел. Ему Бродяга насовсем нужен. И брат — придурок, — искренне добавил Серёга, имея в виду себя. — Сама видела, как мы подрались.

— А если Алабай не знает, где учёные?

— Да знает он, — уверенно заявил Серёга. — Он тут уже давно ошивается, даже путеукладчик подкатил. Верняк, что всё вокруг прочесал.

Вильме было жалко этого парня. Он не понимал бригадиров, дурак.

— Алабай тоже заставит тебя работать. У него же нет Бродяги.

Серёга усилием воли как бы снова превратил себя в Митю.

— Мне не трудно «вожаков» искать. Лишь бы потом отпустили и вход к учёным показали. Алабай — он же не врёт, как Лексеич?

— Он никогда не врёт, — заверила Вильма, думая о своём.

Серёга протянул ей телефон.

Вильма ушла за деревья — стеснялась говорить с Алабаем при чужаке, и Серёга просто ждал. Вильма вернулась раскрасневшаяся, счастливая. Серёга подумал, что Алабай напел там ей всякого, она и разомлела. Как всё-таки бабы устроены? Почему ради своих мужиков готовы на что угодно? А мужики их просто имеют… Вильма — дура. Ничего хорошего её не ждёт. Но он, Серёга, делает дело не со зла. Ему нужна Маринка. Он не виноват. Его тоже имеют.

— Алабай сказал посидеть пару часов здесь, — сообщила Вильма. — Потом он пришлёт маршрут.

— Приготовит нам проверочку на пути? — предположил Серёга.

Вильма пожала плечами: почему бы и нет? Ей это было безразлично.

Они сидели в траве на опушке и молча наблюдали, как меркнет вечер. Тень от леса наплыла на поляну, затопив развалины, глыбы бетона, деревца и харвер; потом тень поползла вверх по склону, и сосны там гасли как свечи. Вскоре в смугло-сиреневом небе осталась лишь длинная золотистая черта — так

горел высокий гребень Ямантау. А на поляне заклубилась дымка. Выпала роса.

Наконец телефон у Серёги звякнул: прилетел обещанный Алабаем трек. Серёга раскрыл на экране карту. Маршрут оказался совсем коротким — пару километров. От развалин, где находились Серёга и Вильма, до каких-то других развалин. Алабай не выдал местоположение своей базы. Он хотел встретить беглецов на нейтральной территории, убедиться, что Вильма сказала правду, и лишь после этого отвести гостей к себе. Разумно, согласился Серёга.

— Пойдём, — распорядился он, вставая.

Даже в сумерках Серёга определил, что они идут по заброшенной дороге. Когда-то она соединяла выходы из объекта «Гарнизон». Заросшая кустами и папоротником, заваленная упавшими деревьями, дорога тянулась вдоль южного склона Ямантау. Лес тихо шумел, словно освобождался от чего-то — выпускал на волю своих ночных чудовищ. В небе висел острый месяц. Серёга светил перед собой фонариком из телефона. Луч выхватывал то погребально-пышные перья орляка, то еловые лапы, то мученический излом коряги. А всё остальное вокруг превратилось в разную непрочную темноту: понизу она была зыбкая, как вода, справа и слева напоминала нагромождение бесформенных лёгких глыб, а над головой мощно взлетала бесплотными массами. Твёрдым и неподвижным было только мелкое, блистающее крошево звёзд.

Вильма шла вслед за Серёгой — и вдруг толкнула его в спину.

— Стой! — почти беззвучно крикнула она. — Кто там, впереди?..

Серёга тотчас присел и выключил фонарик.

Глаза потихоньку привыкали к мраку. И потом Серёга различил впереди силуэт человека. Человек стоял чуть в стороне от дороги и вроде бы озирался.

— Типалов! — охнула Вильма. — Он нас догнал!..

Нет, это не мог быть Егор Лексеич!.. Зачем ему догонять Серёгу?..

Но Вильма видела бригадира. И не сомневалась, что впереди — Типалов. Это его кряжистая фигура, его брюхо, его морда, бледная в свете месяца… А Серёгу вдруг пробил ужас. Такой, что скрючились пальцы. Там был вовсе не Лексеич. Там был Холодовский. Мёртвый Холодовский. Да, он… Высокий, стройный, с автоматом в руках… Как это возможно?.. Холодовский медленно повернул голову, сверкнули очки… Он жив?.. Неужели Алабай подстроил так, что все в бригаде

Типалова поверили в гибель Холодовского?.. Или страшный лес-мутант сумел оживить убитого человека и теперь покойник скитается по чаще, как лешак?.. Зачем он там встал? Чего он ждёт на их пути? Что ему надо?.. Серёге до дрожи захотелось лечь в траву и уползти отсюда прочь.

— Он убьёт меня!.. — в ужасе прошептала Вильма.

Повеял ветерок, и правая сторона у Холодовского вдруг исчезла, точно её сдуло, а потом появилась снова. Холодовский состоял из воздуха — как мираж.

Серёга включил фонарик. Яркий луч ударил в молодую ёлочку. Одна лишь ёлочка — и всё! Не было никакого Холодовского. Не было Типалова.

— Призрак… — поднимаясь, хрипло сказал Серёга. — Лес нас пугает.

Он вроде бы взбодрился, от сердца отлегло, хотя ещё подбрасывало, но страх не пропал совсем, а лишь стёк куда-то на дно души. Откуда лес проведал, кого боялась Вильма и кого мог испугаться он, Серёга?.. Откуда?

Серёга встряхнулся. Ну на хер этот кошмар… Скорей к Алабаю!

Он пошагал, топая для уверенности, и грубо распихивал кусты и ветви перед собой. Он вообще не Серёга Башенин, который шарахается от любого привидения! Он — Митька! Учёный! Бродяга! В этом лесу он никого не боится!.. Вильма жалась к Серёге, почти наступая на пятки.

До цели оставалось рукой подать. И вскоре Серёга увидел, куда позвал их Алабай. Где укрылся вражеский бригадир, поджидая перебежчиков.

Из крутого склона бетонным плечом выставлялся узкий глухой корпус вкопанного в гору сооружения. Корпус светлел на фоне тёмных зарослей, будто скала, точнее, оголённая кость подземного скелета Ямантау. К торцу здания крепилась башня из перекрещенных стальных балок; в ней скрывалась лестница с ограждением. Ломаными зигзагами лестница поднималась в башне на высоту третьего этажа. И там чернел проход. Настоящий, не замурованный. Тот самый проход в объект «Гарнизон», который был так нужен Митяю. А над проходом горел маленький синий фонарик.

57
Станция Пихта (V)

Митя сидел на помятом капоте мотолыги будто на камне у края земли. Жизнь расстилалась перед ним, словно неведомый океан, но выглядел этот океан как заброшенная станция Пихта. Ржавые рельсы, бурьян между шпал, разный хлам, угнетённые деревца, пустые товарные платформы, жутковатая раскоряка харвера за перроном — и тёмная стена вечернего леса.

На перроне бригада готовилась к ночлегу. Егор Лексеич дремал после ужина, развалившись на раскладном стульчике. Алёна возилась с продуктами. Фудин и Костик резались в очко и беззлобно ругались. Маринка задумчиво подкидывала шишки в костёр. Матушкин бродил по дальней стороне перрона и всё вызванивал Талку. Калдей уже завалился на спальный мешок. Не было Вильмы и Серёги; Алёна сказала бригаде, что пленная Вильма развязалась и сбежала, а Егор Лексеич пояснил всем, что отправил Серёгу на задание.

Митя уже не боялся облучения и не прятался под интерфератором. Он же Бродяга. В нём поселился лес. Он — часть фитоценоза. И — увы — ему ничего не изменить. Митя пытался вместить это в своё сознание. Точнее, перенастроить сознание и принять необратимость. Плохо ли быть частью системы? Но ведь любой человек всегда часть системы. Часть человечества и часть биосферы.

Стать Бродягой — не значит смерть. Бродяги не умирают, а лишь теряют человечность. Им больше не требуется социализация. Однако, скорее всего, они сохраняют способность мыслить. Даже клумбари отвечают на вопросы… Это Митю и ободряло. Он не верил, что, оставшись разумным существом, он утратит интерес к осмысленной жизни. Узнавать и понимать — так же важно, как есть и пить. Пока в нём не угасла яростная тяга жить, он не превратится в ходячее растение. Не позволит себе деградировать. Нет, он не растворится, не исчезнет. Он не слабак и удержит себя.

Митя думал о том, о чём Егор Алексеич сказал как бы походя, ненароком, вскользь… Он, Митя, и Бродягой сможет общаться с учёными, как общался Харлей. Это даже обнадёживало. В статусе Бродяги он, Митя, станет куда более ценным сотрудником миссии… Станет объектом изучения. Образцом. Вряд ли на свете найдётся второй Бродяга, разбирающийся в фитоценологии и готовый предоставить себя для

исследований…

Он действительно сможет работать Бродягой для бригады Марины — и для бригады Егора Алексеича, конечно. Это не только деньги, но и наблюдение за селератным лесом. Да, он будет искать «вожаков», но срубленные коллигенты восстанавливаются, да и много ли их уничтожают бригады?.. Угроза лесу — не бригады, а роботизированные лесоуборочные комплексы. Вся бризоловая экономика Китая, а не мелкие промыслы местных жителей.

Но местные жители как раз и являются тем, с чем ему, Мите, невыносимо сосуществовать. Хотя, может, здесь не всё так плохо? Точнее, так плохо везде, и в городе тоже, а не только здесь, среди лесорубов? Алик Ароян говорил, что якорная установка для местной антропологии — война. Однако в городах тоже верят в войну. В лесу — в ядерную, в городах — в информационную… А есть ли разница? Распад человечности — он везде распад. Просто в лесу это очевиднее. Зато в лесу он, Митя, будет изолирован от навязчивой коммуникации с обществом распада. С бригадой он как-нибудь поладит, а с обществом — нет. Превращение в Бродягу ему надо воспринимать не как беду, а как дар судьбы! И девушка, которую он здесь обретёт, стоит дороже всего, что он утратит…

Егор Лексеич тихонько посматривал на Митю. Он прекрасно понимал, о чём сейчас думает этот городской парнишка. Уговаривает себя согласиться на предложение бригадира. Ищет, чем хорошо работать Бродягой. Примеряется к новой своей жизни. Всё правильно. Егор Лексеич на такое и рассчитывал. Он сразу был уверен, что Митрий из его лап никуда не денется. Он, бригадир Типалов, и не таких утаптывал.

Сегодня вообще был переломный день. Намечено сто восемнадцать «вожаков». Подготовлена ловушка для Алабая. И бригада расфасована как надо. Вильма — лишний груз, но её больше нет. Назипову он выгнал, от неё всё равно одни лишь бабские ахи-охи. Серёжку тоже удалил: Серёжка на Муху нацелен, а не на бригадира, он ненадёжный. И Митрий сломался. Теперь у него, у Егора Лексеича, исправная бригада с Бродягой. Техника — в комплекте. Делянка — рядом. Осталось только со «спортсменами» порешать…

Митя зашевелился, спрыгнул с капота мотолыги на рельсы и двинулся в лес — на тропу, что вела к ручью. Маринка проводила Митю взглядом.

— Дядь Гора, а чего он такой конченый? Ты ему что-то сказал, да?

— Да ничего особенного, Муха, — пренебрежительно

усмехнулся Егор Лексеич. — Просто мозги ему вставил на место.

— Это как?

Егор Лексеич пожевал губами, словно примерялся к хорошей новости.

— Короче, Муха, никуда он от нас не уйдёт. Не вылечат его в городе. Будет здесь Бродягой. Готовься, после командировки начнём тебе бригаду собирать.

Маринка даже не поверила в такую ошеломительную удачу.

— Гонишь, дядь Гора! — еле выдохнула она.

Егор Лексеич скорчил наигранно безразличную физиономию:

— Ну, моё дело — прокукарекать, а там хоть не рассветай.

Маринка шёпотом завизжала, вскочила и кинулась целовать дядь Гору. Тот едва не опрокинулся на спину на своём стульчике и оттолкнул Маринку:

— Да отцепись ты!.. Налетела как ракета!..

Маринка послушно плюхнулась обратно у костра, глаза её сияли.

— И про Серёжку забудь, — добавил Егор Лексеич.

— А где он? — спохватилась Маринка.

— Я его к Алабаю послал. Он там себя за Митрия выдаст и притащит Алабая на засаду. Когда выполнит задание, я его выгоню.

— Что, совсем? — удивилась Маринка.

— Совсем. Шебутной он и бестолковый. Тебе ни к чему.

— Да и хрен с ним! — легко поддалась Маринка.

Сейчас всё в ней пело и кружилось, и Серёга казался ей совсем неважным. Его даже не жалко. Был — и сплыл. У неё теперь — Митька!

За плечом у Егора Лексеича появился Матушкин — небритый, несчастный, словно истрёпанный тоской и беспокойством.

— Лексеич, — глухо заговорил он. — Наталья не отзывается…

Егор Лексеич с трудом сообразил, о чём вообще речь.

— Позвони начальнику в Татлы… Спроси, нет ли её там…

Матушкин хотел, чтобы бригадир узнал о Талке у Геворга Арояна. Но Егору Лексеичу совершенно не понравилась идея дёрнуть Арояна по мелочи. Не такое у них сотрудничество, чтобы размениваться.

— Витюра, иди на хуй, — устало ответил Егор Лексеич и, кряхтя, поднялся из кресла. — Всё, братва! — объявил он. — Пора спать!

И перрон, и станцию, и лес с дальней горой уже затянули сумерки.

Маринка так разволновалась от перспектив, что сна у неё

не было ни в одном глазу. Она расшевелила костерок и села поближе к огню. На её лице плясали синие блики. Она воображала свою будущую бригаду — нормальную, а не как у дядь Горы, и они все поедут на вездеходе куда-нибудь в глушь, и Митька отыщет новую рощу «вожаков», и все потом охренеют от красоты и удачливости молодой бригадирши… Маринка не заметила, что рядом тихо уселся широко улыбающийся Костик.

— Чё, бортанула Серого? — довольно спросил он.

— Отвали. — Ничего другого Маринка Костику уже давно не говорила, но Костика такое нисколько не напрягало.

— Возьми меня на свою бригаду бригадиром, — предложил он. — Я клёво командую, девкам нравится.

Маринка открыла рот, намереваясь сказать что-нибудь издевательское, но Костик вдруг ловко облапил её, схватив за грудь, и заткнул мокрым поцелуем. Маринка закашлялась и мощно рванулась прочь, отъехав на заду подальше от Костика. Костик стоял на коленях и плотоядно лыбился.

— С-сука!.. — прошипела Маринка, вытирая губы.

— Чё, понравилось? — спросил Костик.

Маринку скручивало от бешенства, но она растерялась.

— Я Митьке скажу, он тебе зубы выбьет! — пообещала она.

— Не выбьет! — Костик помотал башкой. — Он обсёрок городской.

— Он на Татлах за меня с автоматом даже на спецназовца попёр! — выдала Маринка. — Его только дядь Гора тормознул!

— Пиздишь! — Костик опять приближался. — Спецназ в бронежилетах!

— Ты-то не в бронежилете!..

Костик словно застрял на полпути.

— Чё сразу с пушки-то? — ухмыльнулся он. — Я же по-хорошему!..

А Митя в это время мылся на ручье, оттирая тёмный налёт под мышками, на сгибах рук и на шее. Он знал, что этот налёт — не грязь, а крохотная травка, что растёт из него, будто он сам стал фитоценозом. Ему было противно, однако приходилось мириться со своей новой природой — природой Бродяги. Что ж, кто-то обрастает щетиной, как зверь, а он — травой, как болотная кочка.

Натянув одежду на мокрое тело, Митя пошагал по тропе обратно. В лесу совсем стемнело, за кронами деревьев белой искрой вспыхивал и угасал месяц. Митя остановился. На тропе валялись миска, ложка и кружка — брошенные, будто кто-то решил, что больше они уже никогда ему не пригодятся. Митя

озадаченно повертел головой и услышал неподалёку в чаще леса такой шум, словно там яростно трясли большой куст. И ещё услышал долгий хрип.

Митя ломанулся в заросли.

В смутной темноте, густо заплёсканной листвой деревьев, Митя еле разглядел зависшего в воздухе бьющегося человека. Это был Матушкин.

Матушкин залез на раскидистую липу, застегнул свой ремень на толстой ветке, изладил петлю, надел её на шею и соскользнул с ветки вниз. Он качался маятником на коротком ремне и молотил ногами по верхушкам папоротника; руками он вцепился в петлю на горле; его лицо почернело, а глаза жутко вытаращились. Он мог бы ухватиться за ветку над головой и подтянуться, чтобы спастись, но он не спасался. Он хрипел, задыхаясь, и умирал.

Митя белкой взвился на липу и метнулся на ветку с Матушкиным. Рыхлая селератная древесина не выдержала тяжести двух человек, и ветка с треском обломилась. Матушкин рухнул в пышные перья орляка, Митя — на него.

Хрип Матушкина перешёл в скулёж, потом в рыданья. Витюра ворочался в папоротнике, рвал его и подвывал, будто Митя отнял у него свободу:

— Отпусти, падла! Не хочу жить! Не хочу! Отпусти!..

Митя поднялся на ноги, за шкирку поднял болтающегося Матушкина и поволок сначала к тропе, потом к ручью. Там он несколько раз макнул Витюру мордой в воду и наконец выпихнул на бережок. Матушкин сел, хлюпая носом.

— Что с тобой? — спросил его Митя.

— Талка… — снова заплакал Матушкин. — Раненую прогнали… Я звоню — не отвечает… Что с ней?.. Я для неё… А она — Холодовского… Он сдох уже, а она про него… А я же всё ей… Лексеича прошу позвонить — посылает…

Митя понял безвыходность, в которую упёрся Матушкин, несчастный и всеми отвергнутый, понял его слепое отчаяние. Ему стало больно за Витюру.

— Всё равно так нельзя, Виктор, — сказал он.

Матушкин замотал головой, как от зубной боли:

— Не хочу жить… Повешусь… Одни сволочи вокруг…

— Послушай, Виктор, — Митя заговорил с Матушкиным, как с ребёнком, — ты же умный человек. Сильный. Надо преодолеть себя… Ну, не полюбила Наталья тебя — и ладно. Другая полюбит. У тебя ведь талант. Огромный талант. Ты так людей показываешь, что все изумляются. Ты — артист. Тебе в город надо. Там тебя оценят. Ты умеешь радость приносить…

Митя врал только наполовину. У Матушкина и вправду был талант. Он же, пожалуй, всех в бригаде изобразил или передразнил. Он не только точно улавливал пластику, мимику, жесты, но и подбирал реплики по характеру. За это его и колотили то и дело. Считали его шутки издёвкой, дурью, кривлянием. Конечно, уезжать в город Матушкину было бесполезно. Вряд ли бы он там хоть как-то пригодился. Но сейчас требовалось утешить Матушкина, дать ему веру, что на земле есть место, где его могут любить и уважать.

Матушкин посмотрел на Митю с такой наивной и абсолютной надеждой, что Митя даже оторопел. Он не ожидал, что немудрёная и обыденная человечность может производить столь мощное воздействие. Просто гипноз.

— Пойдём к нашим, — Митя потрепал Матушкина по плечу. — Я заставлю Егора Алексеича позвонить на станцию Татлы и узнать про Наталью.

58
Объект «Гарнизон» (II)

Девушка в комбинезоне держала электрошокер неумело — обеими руками.

— Это лишнее, милочка, — не глядя на неё, миролюбиво сказал Алабай. — Всё равно я могу обезоружить вас в любой момент.

Девушка отступила на шаг назад, но шокер не отвела.

Вытянутое и почти пустое помещение заливал белый свет газоразрядных ламп. На неровном бетоне блестела влага. Помещение напоминало шлюз: в узких торцевых стенах располагались прочные стальные двери со стальными рамами и штурвалами кремальер. На длинной стене висел плоский монитор, поделённый на секции; они показывали ночной лес в чёрно-зелёной гамме. Алабай с пультом по-хозяйски сидел на пластиковом стуле, какие бывают в дешёвых уличных кафе, и внимательно смотрел на экран. Девушка с шокером стояла у него за спиной возле дальней открытой двери.

— Не беспокойтесь, я не причиню вам никакого вреда, — пообещал Алабай.

Сквозь тесный проём, перешагнув порог, в шлюз вошёл низенький и толстый человек с седой бородкой клинышком. На нём тоже был голубой комбинезон с эмблемой-«пацификом» на плече. Обитатели катакомб в недрах горы Ямантау всегда носили бейсболки — с потолков капало.

— Леночка, ты же знаешь правила: гостей запускаю только я.

— Он сказал, что вопрос жизни и смерти, Ярослав Петрович…

— Нельзя быть такой доверчивой, Лена. Ты уже взрослая.

— А я ей не солгал, профессор, — усмехнулся Алабай. — У меня и вправду вопрос жизни и смерти. Вот этих двоих, — он кивнул на монитор.

Там по чёрно-зелёному лесу шли две жёлто-оранжевые фигуры.

— Что вам здесь нужно, Эдуард? — сдержанно спросил Ярослав Петрович.

Алабай наконец оглянулся и улыбнулся:

— У меня два перебежчика из вражеской бригады. Мне надо узнать, нет ли за ними хвоста. Удобнее всего у вас — и камеры, и надёжная защита.

— Прошу вас впредь избавить мою миссию от подобных

затей, — холодно заявил Ярослав Петрович. — И не приходите сюда, пока я сам вас не приглашу.

Алабай помолчал, продолжая улыбаться.

— Не следует так сердиться, профессор, — наконец сказал он. — Вы сами во всём виноваты. Не надо было привлекать к работе местных жителей. Они же не знают ничего, кроме войны, и они принесли войну к вашему порогу.

— Это вы её принесли, Эдуард, — возразил Яков Петрович. — Вы затеяли войну с другой бригадой.

— Если вы нанимаете Бродягу из лесорубов, то вам не утаить информацию о коллигентах объекта «Гарнизон». Рано или поздно лесорубы узнают о них и передерутся за этот ресурс. На ваше счастье, пресловутый Харлей сначала попался мне. Я сумею прекратить борьбу и унять конкурента, но вы не должны мне мешать. Тогда и ваша миссия, и моя бригада останутся в выигрыше.

— Сомневаюсь, что выигрыш теперь возможен.

— Возможен, — заверил Алабай. — Для вас и компромисс — выигрыш.

Он вытащил телефон и набрал номер. Одна из жёлто-оранжевых фигур на экране тоже поднесла руку к голове.

— Дмитрий? — спросил Алабай. — Привет. Я вижу вас, — Алабай говорил с паузами, во время которых ему отвечал собеседник. — Не ищи меня, я вас по камерам отслеживаю… Да, всё верно, вход в «Гарнизон», и я внутри… Давай так. Отдай телефон Вильме, и пусть она по лестнице поднимается наверх. Я её запущу. Тебя — нет… Потому что так мне спокойнее… Да, проверяю… Жди нас внизу… Сколько мне потребуется, столько и жди. Отбой.

Алабай убрал телефон и повернулся к «гринписовцам».

— Леночка, можно чашку кофе попросить? — вальяжно поинтересовался он. — Сейчас женщина сюда зайдёт, ей сегодня крепко досталось.

Лена глянула на Ярослава Петровича.

— Принеси, — разрешил тот.

Лена протянула профессору шокер и вышла.

На мониторах две светлые фигуры разделились. Одна направилась куда-то в сторону, а потом появилась в сегменте трансляции с лестницы. Это была Вильма. Она осторожно шагала по ступенькам и держалась за перила.

— Поясните-ка мне, Эдуард, почему компромисс с вами — выигрыш для миссии? — спросил Ярослав Петрович, убирая шокер в карман комбинезона.

— Потому что любой другой бригадир просто вырубит все

коллигенты подчистую, — Алабай развалился на стуле, вытянув ноги и скрестив руки на груди. — Вы можете попробовать договориться, как договорились со мной, но вас обманут. У дровосеков своя этика. Одно из её правил — не выполнять своих обещаний. Другое — ничего не оставлять на потом. Так положено на войне.

— А у вас какие правила? — в голосе Ярослава Петровича была неприязнь, но где-то за ней — почти незаметное презрение.

— У меня нет правил, — блеснул зубами Алабай. — У меня — условия сделки. Кстати, я ещё не получил от вас второй транш.

— Для нас и двадцать пять тысяч долларов было проблемой, а вы хотите ещё сверх того двое больше. Сбавьте цену или потерпите, пока мы соберём.

— Цену я не сбавлю. Семьдесят пять тысяч — это рыночная стоимость той половины вашей рощи, которую я не трону. А сбор денег — ваша проблема. Я знаю, что у «Гринписа» мощная поддержка: фонды, концерны, общественные организации. Вы найдёте нужную сумму, не сомневаюсь.

— Не в курсе, откуда у вас такие сведения, Эдуард. Мои ребята работают бесплатно. Наше оборудование — старьё, списанное из разных лабораторий. И все мы ходим под угрозой уголовного преследования. А тут ещё шантаж.

— Значит, познание тоже требует жертв.

Судя по монитору, Вильма уже стояла по другую сторону двери в шлюз, но Алабай не спешил её впускать.

— Я бы застрелил вас, — признался Ярослав Петрович, — но мы — не такие, как вы. Мы не мерзавцы. Мы будем искать деньги. Половина коллигентной рощи — минимум, без которого невозможна жизнедеятельность мицеляриса. Вы, Эдуард, грабите не нас, вы грабите будущее человечества.

— Уважаю пафос, — кивнул Алабай.

— Это не пафос. Я — учёный, а не фигляр.

— А я — бизнесмен, — снова блеснул зубами Алабай. — И я предложил вам очень хорошую сделку. Половина рощи всё-таки позволит вашему монстру выжить. Я получу прибыль и огражу вас от поползновений других бригадиров. И мы с вами сможем пролонгировать сотрудничество на следующий сезон, когда фитоценоз восстановит коллигентные деревья. Вы сохраните объект исследования, а я обзаведусь постоянной плантацией коллигентов.

Ярослав Петрович ничего не ответил.

В помещение вошла Лена с кружкой кофе, и Алабай вспомнил про Вильму. Он встал, направился к двери и прокрутил штурвал

кремальеры.

Вильма, измученная пленом и бегством, растерялась, увидев всё это — Алабая, свет ламп, комнату с мониторами и незнакомых людей. Перешагнув порог, Вильма застыла, будто её поймали на месте преступления. Алабай запер дверь у неё за спиной, подвинул стул, взял у Лены кружку и сунул Вильме.

— Теперь ты в безопасности, моя хорошая, — сообщил он. — Никто из леса сюда не прорвётся. Присядь, отдохни.

Вильма не села: никто не сидел — и она не осмелилась. Она ожидала другую встречу — с объятиями, поцелуями, ласковыми словами…

— Скажи честно, — попросил Алабай. — Ваш побег — не ловушка, не засада Типалова? За вами никто не идёт?

Вильма смотрела на Алабая так, словно ничего не соображала.

— Ау! — Алабай легонько потрепал её по щеке.

— Мы сами сбежали… — тихо произнесла Вильма.

— Отлично! — потирая руки, Алабай прошёлся по шлюзу. — Поздравьте меня, Ярослав Петрович! Мой конкурент остался без трелёвочной машины и без Бродяги! Так что хозяин положения отныне я! Надеюсь, и с вами у меня взаимодействие сложится к обоюдной пользе!

Профессор чуть скривился, но Алабай смотрел не на него, а на монитор. Одна из камер показывала, что в лесу неподалёку от входа в «Гарнизон» прячутся ещё люди — четыре размытых светлых пятна среди черноты и зелени.

Алабай набрал вызов на телефоне.

— Лёнька, у вас всё в порядке? — спросил он. — Я сейчас буду.

Алабай убрал телефон и повернулся к Ярославу Петровичу:

— Что ж, мы вас покидаем, профессор. Надеюсь на следующий транш уже завтра. И спасибо за гостеприимство — вы меня выручили.

— Жалею, что вообще открыл вам дверь, — скупо сказал профессор.

Алабай кивнул:

— Не считайте меня корыстным негодяем… Я понимаю значение науки. Поэтому напоследок хочу передать вам интересную информацию. Бродяги — не единственный тип симбиоза человека и леса. У дровосеков есть ещё некие Ведьмы. Они не могут определять коллигентов тактильно, но чувствуют состояние биоценоза и понимают, как воздействовать на него ради нужной им реакции. Будете хорошо себя вести — я покажу вам Ведьму.

За дверью шлюза располагался другой бетонный отсек — тамбур, и только здесь Алабай обнял и поцеловал Вильму. Он знал, что учёные видят его на экране монитора, но Вильму следовало поцеловать — так проще будет потом ею командовать, и Алабай рассудил, что лучше проявить нежность к бабе на глазах учёных, чем на глазах своей бригады. А Вильма, конечно, ничего не заподозрила. Она ослабла в руках Алабая, и Алабай еле оторвал её от себя.

По железной лесенке они спустились на землю. Серёга уже замаялся ждать на улице в темноте — хоть обратно к Типалову сваливай. Алабай зорко оглядел Бродягу с головы до ног и дружелюбно хлопнул по плечу:

— Что ж, поработаем вместе, Дмитрий. Как дело сделаем, я отзвонюсь, и тебя там примут, — Алабай кивнул на бетонный утёс у себя за спиной. — Такова моя сделка с миссией. Без моего согласия ломиться туда тебе бесполезно.

— Лады, — ответил Серёга, невольно подражая Егору Лексеичу.

Алабай сунул в рот два пальца и свистнул.

Серёга понял, что у входа в «Гарнизон» Алабай расположил засаду, и всё это время за ним, за Серёгой, кто-то наблюдал. Что ж, Алабай — не дурак, подстраховался… В темноте леса появились неясные фигуры. К лестнице с разных сторон приближались четверо с автоматами и повязками на лицах.

— Операция закончена, — сказал Алабай своим людям. — Идём на базу.

Люди молча разглядывали Серёгу. А затем один из бойцов Алабая вдруг стащил с лица повязку, и Серёга узнал Щуку.

— Здорово, кореш! — осклабилась Щука.

— Здорово, — настороженно буркнул Серёга.

— А я теперь с банды стала, тут нормальные пацаны.

— Рад за тебя, — сказал Серёга.

— Я тебя не поблагодарила, что ты шухер не поднял, когда я у моста сдёрнула… Вот — благодарю! — Щука щедро протянула Серёге руку.

Серёга пожал её ладонь — твёрдую и широкую, как у мужика. Но Щука почему-то вцепилась в Серёгу, не отпуская его руки, и вперилась в него.

— Начальник! — негромко окликнула Щука Алабая. — А это не Бродяга! Я Бродяг-то чую! Это брат его близнец! Наебали тебя, командир!

59
Станция Пихта (VI)

Не вылезая из спального мешка, Егор Лексеич повернулся на правый бок и приподнялся на локте, приложив телефон к уху.

— Ты уж не серчай на меня за поздний звонок, Геворг Агазарыч, — сказал он. — Днём-то завертелся… Всё нормально в бригаде. Ну, давай, ага.

Митя сидел перед бригадиром на коленях. Матушкин стоял поодаль.

— Назипова дошла до Татлов, — убирая телефон, сообщил Егор Лексеич. — Утром её на Белорецк увезут в больничку. Дрочи спокойно, Витюра.

Матушкин молча растворился во мраке.

— Простите, что вот так вот разбудил вас, — на самом деле Митя никакой неловкости не испытывал; наоборот, он даже немного гордился, что может теперь без всякого пиетета поднять Типалова хоть посреди ночи. — И простите, что угрожал пойти в Татлы. Но вопрос надо было закрыть.

— Ещё раз такое выкинешь — вышибу на хуй с бригады, и ебал я в рот, что ты Бродяга, — мёртвым голосом ответил Егор Лексеич и улёгся в спальник.

Митя потоптался на перроне, не зная, что делать, и спрыгнул на рельсы. На душе у него было непривычно легко, спать совсем не хотелось, и тягостная дурнота пока отступила. Митя думал о Матушкине, да и не только о нём. В этих людях — в лесорубах — ещё оставалось что-то хорошее. Заплёванное, неосмысленное, загнанное в дальние углы. И порой оно всплывало, пусть криво и нелепо. Порой эти люди вдруг тревожились о других больше, чем о себе… Порой вдруг ощущали, что есть вещи превыше вегетации: есть любовь, талант, служение… Вещи, совершенно бесполезные в жизни лесорубов, но почему-то всё равно необходимые. Может, ещё не всё пропало? Ещё где-то сохраняются островки человечности?.. Мите хотелось убедить себя, что он отыскал путь, который приведёт его к примирению с судьбой.

С перрона почти бесшумно, как кошка, спрыгнула Маринка.

— Чё спать не лёг? — как бы ни о чём спросила она.

Митя улыбнулся. Пускай Марина сама определит, что ей надо.

— Погуляем? — небрежно предложила Маринка.

Они шли по ночному селератному лесу по колено

в папоротниках. Месяц мерцал сквозь кроны, словно каждому высокому дереву в тёмную путаницу ветвей вплели тонкую серебряную нить. Мите показалось, что он погрузился в смолистую свежесть леса будто в радиоэфир: как в многоголосице шумов звучит тишина мироздания, так и в тесноте чащи звучал гул неизмеримого простора. Митя слышал, что лес не умолкает ни на мгновение; он шепчется, бормочет, поучает кого-то, ворчит, тихо смеётся, рассказывает сказки и поёт. Он сам для себя и властелин, и раб, и победитель, и побеждённый, и награда, и возмездие. Его бесконечное, замкнутое на себе разнообразие подобно вечному двигателю — это источник неиссякающей жизненной силы. И Митя, чувствуя своё родство с лесом, убеждал себя, что он сильнее своей судьбы. Он добьётся счастья даже здесь, где ему выпало жить, он найдёт и соберёт вокруг себя хороших людей, он непременно сделает что-то важное и нужное.

— Витюра — чмошник, — презрительно заявила Маринка.

А Митю переполняло мудрое великодушие.

— Он любит как умеет. Зато ведь любит.

Маринка покосилась на Митю. Конечно, он хороший. Но очень странный. Когда он говорит про лес — офигеть как интересно и даже страшно. А когда про жизнь — то какую-то хрень несёт. Однако Маринке нравилась его хрень. В Митькином непонимании жизни она чуяла залог собственного превосходства.

— Я знаю, что ты не уедешь, — сказала она, испытующе глядя на Митю.

Митя помолчал.

— Похоже, так, — согласился он.

Митя не сказал твёрдо и точно, но Маринка догадалась, что он уже принял окончательное решение. Догадалась по изменениям в Митьке — лёгким, почти незаметным. Он как-то иначе шагал, иначе держал плечи, иначе двигался, даже говорил чуть иначе — увереннее, что ли, как-то свысока… Маринка где-то уже видела такую манеру. Где? У кого?.. У дядь Горы?..

В ответе Митьки Маринка не уловила горечи — и это взбудоражило её, как обещание удовольствий. Значит, она крепко зацепила Митьку и он станет её Бродягой, её парнем, её имуществом. Серёга, блин, не такой. Он вертится вокруг, но у него всегда свои дурацкие закидоны: ясное дело, он преданный, но, как уличный пёс, не способен кому-то принадлежать. А Митьке деваться некуда. Да он и не видит ничего зазорного в том, чтобы принадлежать.

Маринка заскочила немного вперёд и перегородила Мите дорогу. Митя остановился. Маринка приблизилась к нему

вплотную, положила руку ему на затылок — такой же вихрастый, как у Серёги, — и пригнула его голову к себе. Митя всё понял и обнял Маринку. Губы у неё были мягкие и горячие. Митя целовал Маринку уже так, как целуют свою девушку, но не стал её лапать, как непременно полапал бы жадный Серёга, и это Маринку слегка разочаровало. Сейчас она жаждала всего, и разная там культурность ей только мешала. Лес в глазах у Маринки был тёмный-тёмный, затихший, как соучастник, деревья напряжённо растопыривали ветви, движения вязли в густой синеве.

Но Митя вдруг распрямился и оглянулся куда-то в сторону.

— Кажется, там кто-то в кустах…

Маринку весело распалил его страх.

— Чё, Серёгу боишься? — шёпотом дерзко спросила она.

Митя посмотрел на Маринку, и в его взгляде она с удовольствием прочла мягкую готовность не отступить и взять своё.

— Никогда его не боялся, — с лёгкой усмешкой ответил Митя.

Сладкая игра в опасность увлекала, и Маринка поддалась ей.

— Серёга крутой, — поддразнивая Митю, сообщила Маринка. — Он Харлея убил и бросил в болото. Только никому не говори.

Митю позабавило, насколько наивно это звучит. Агрессивные и грубые лесорубы — и Серёга с Маринкой тоже — зачастую были инфантильны, как злые дети. Угрозы и хвастовство у них всегда были про деяния по максимуму.

— Врал он тебе, — сказал Митя. — Впечатление хотел произвести.

Ему стало жалко Серёгу и чуть-чуть стыдно за его убогие выдумки.

Маринка гибко выскользнула у Мити из рук и опустилась в папоротник, и Митя опустился вслед за ней. Он волновался, будто готовился получить награду на празднике. Да, награда заслуженная и праздник никто не отменит, но Митя всё равно волновался. Он стряхнул с себя рубашку и отбросил её в сторону.

— Ого! Откуда шрам? — спросила Маринка, трогая пальцами его грудь.

Митя посмотрел на белое бугристое пятно.

— Не помню.

Маринка легла на спину в разлив орляка, её глазища сияли тьмой. Митя принялся расстёгивать тугой ремень на Маринкиных джинсах. Кусты поодаль опять беспокойно зашевелились и зашуршали. Наверное, там было спрятано какое-то гнездо. Митя

поневоле оглянулся через плечо.

— Да нету там Серёги, дурак, — тихо засмеялась Маринка. — Серёга далеко, он уже не вернётся сегодня. Он к Алабаю ушёл.

— К Алабаю? — механически переспросил Митя. — Зачем?..

— Выдаст себя за тебя, за Бродягу, и выманит «спортсменов» на засаду. Дядь Гора так придумал…

Митя ещё возился с Маринкиным ремнём, но руки его замедлились.

— Сергей выдаст себя за меня?..

— Заебал ты со своим Серёгой! — рассердилась Маринка.

Пальцы у Мити потеряли пряжку ремня.

— У Алабая — Щука! — сказал Митя. — Она умеет определять Бродяг!

На Инзере у моста пленная Щука схватила его, Митю, за руку — запястье укололи электрические иголочки — и сразу угадала, что Митя — Бродяга.

— Сергея раскроют!

— Да и хрен с ним! — злобно заявила Маринка.

Сейчас ей было пофиг на все бригады, на Бродяг и «вожаков», а Серёга и здесь не давал ей сделать то, чего она собиралась сделать!

— Алабай его застрелит!..

Холодея, Митя осознал всю самоубийственность Серёгиного поступка. Да и не только Серёгиного. Можно ссориться с братом, драться, можно увести у него девушку — но нельзя обрекать его на смерть! Это было предельно ясно.

— Я должен пойти к Алабаю и выручить Сергея!

В душе у Маринки полыхнули дикая обида и бешенство.

— Ты чё, охуел? — прошипела Маринка. — Вот так меня кинешь, да?!

— Прости, — сухо уронил Митя.

Ему почему-то даже легче стало, что не надо трахаться с Маринкой. Не надо настраивать себя на убеждённость, что с Маринкой — это правильно.

Митя повернулся и потянулся за рубашкой.

Маринка как-то страдальчески всхлипнула за его спиной. Так девчонка всхлипывает перед тем, как заплакать, но Маринка не заплакала бы — не тот характер… Митя поглядел на неё.

Маринка сидела с белым лицом и огромными глазами. Губы её тряслись.

— У тебя татуха на спине… — сдавленно выдохнула она.

Маринка впервые увидела голую спину Мити. А на правой лопатке у него чернела эмблема — фигурный щит с поперечной полосой. Логотип мотоциклов «Харли-Дэвидсон». Такая же

татуировка на той же лопатке была у Харлея.

И Маринка внезапно поняла, кого Митька стал ей напоминать… Вовсе не Серёгу. И не дядь Гору… Митька напоминал Харлея! И сейчас он уходил так же, как Харлей, — равнодушно, внезапно, и никак его не удержать… В Митьке словно бы включился Харлей… Или нет, это Харлей превратился в Митьку, а она только теперь прозрела!.. Но ведь Харлей мёртвый! Он гниёт в болоте!.. Серый не наврал бы о таком… Серый его убил!.. А Харлей ожил!.. Нет, не сам ожил — радиоактивный лес оживил его, точно клумбаря!..

А Митя ничего не мог сообразить. Он подался к Маринке, но та истерично и суетливо метнулась подальше от него и прохрипела:

— Не лезь ко мне!.. Ты кто?!

— Я? — изумился Митя.

Маринка обшаривала его безумным взглядом.

— Ты — Харлей! — беззвучно произнесла она. — Я тебя узнала!..

Она вскочила, попятилась, спотыкаясь, и нырнула в ближайшие заросли. Митя услышал, как она пробивается сквозь ветви, а потом убегает.

Митя растерянно ворочал в уме несвязные факты: Сергей… Алабай… Щука… Марина… Егор Алексеич… Харлей… Как же всё перепуталось!.. Митя с трудом поднялся на ноги и напялил рубашку, словно попытался облачиться в здравый смысл. Ночной лес. Папоротники. Месяц за кронами сосен. Там, под месяцем, — гора Ямантау. А там, куда убежала Маринка, — станция Пихта…

Кусты, где всё время что-то шуршало, облегчённо распались, и наружу, отмахиваясь, выпростался Костик. Мите показалось, что он видит призрак. Только Костика тут не хватало! Бред! Это его, Митин, разум слетел с катушек!

Но Костик был не бредом, а настоящим Костиком. Он увязался за Митей с Маринкой ещё на станции: крался позади, шмыгал опрометью от дерева к дереву, замирал за корягами, подсматривал. У него имелся вполне конкретный план. С Серёгой он рассчитается завтра, когда бригада засядет в капонире, — дядя Егор ему сам намекнул, а Митяя можно вальнуть хоть сей момент. Никто не узнает, нету никого тут… И Маринка достанется ему, Костику. Всё очень ловко! Потому что он, Костик, умнее этих уёбков — братьев Башениных.

Костик шёл прямо на Митю, сжимая нож.

Митя нелепо улыбнулся Костику — будто своим глупым страхам.

Костик ударил Митю ножом в живот. Митя покачнулся

от толчка, однако ничего не почувствовал. Костик ткнул его ножом второй раз, затем — третий. Лишь тогда Митю охватила странная слабость, она тихо заполняла его внутри щекочущей и холодной водой. Боли по-прежнему не было, но высокие деревья поплыли вокруг Мити хороводом. Митя закрыл глаза и упал в папоротник.

60
Объект «Гарнизон» (III)

Смерть освобождала, это точно. Незачем теперь было сдерживаться. В тайных механизмах сознания рушились неведомые запреты; открывались, как пробоины, прямые пути. Воспоминания наплывали сами, без принуждения. Митя лежал в дремучих папоротниках где-то в лесу возле станции Пихта, а ему казалось, что он идёт по длинному тоннелю объекта «Гарнизон».

На нём — балахон химзащиты, и на его спутнице тоже. В руках у них — кофры со сканерами и сменными кассетами. Сквозь прозрачный щиток шлема Митя видит напряжённое лицо Ленки. Под ногами чмокает мокрая грязь. Лучи наплечных фонарей радужно разбиваются впереди о пластиковые мембраны, установленные, чтобы споры не проникали в обитаемую часть комплекса. На бетонных стенах — плесень и лишайники. Трубы под потолком обросли бурой волосатой дрянью. Стальные двери на их пути грубо взрезаны автогеном.

— Люди считают, что самое большое живое существо на Земле — синий кит, — говорит Митя. — А это не так. При вегетативном размножении некоторые деревья разрастаются клонами на тысячи стволов, то есть бывает целый лес из одного дерева. Но грибницы ещё больше. Они могут распространяться на десятки квадратных километров и жить многие сотни лет. И под селератным облучением эта способность грибницы увеличивается на порядок или на два.

— Бр-р! — искренне отвечает Ленка. — Никогда не любила биологию. Хаос неуправляемый. Вот в айти — всё строго, логично, структурно и красиво.

Друг за другом они продавливают плёнку очередной мембраны.

То справа, то слева проваливаются во тьму зияющие проходы в какие-то неизвестные помещения. В чересполосице темноты и света чудится движение бестелесных теней — призраков тех, кто строил и населял этот секретный подземный город. В прямоугольных бетонных объёмах пустых казематов лучи фонарей выхватывают висящие в воздухе бледные сети грибницы.

— Уже ваш супергриб? — спрашивает Ленка.

— Мы не знаем. В подземельях сформировалась некая растительная метасистема — мицелярис. Супергриб, как ты называешь. Возможно, это цельный организм. Возможно, колония.

Или симбионт. Или тысячекратный клон. Без сканирования нейлектрических связей мы не определим его природу.

— Ни на что вы не годитесь без айтишников, — смеётся Лена.

— Ну да, — в ответ смеётся Митя. — Только капусту квасить умеем.

В шахте мёртвого лифта по стенам и по тросам ветвятся белёсые корни. Митя и Лена спускаются по винтовой лестнице с металлическими ступенями.

— Зачем ваш мицелярис сюда-то забрался? Здесь же плохие условия. Ни солнца, ни дождей, ни почвы…

— Условия — лучше не найти. Стабильный микроклимат. Спокойствие. Влага — такая, какая нужна грибу, то есть не капельная. А главное — рефугиум.

Шаги звучат глухо, свет фонарей дробится в конструкции лестницы.

— Рефугиум — это заповедник, да?

— Бывший заповедник. Сейчас — естественное убежище леса. Где есть селератное облучение и нет вырубок. Ведь мицелярис связан своей микоризой с фитоценозом на поверхности.

— Там же деревья, — удивляется Лена. — А тут гриб. Разные формы жизни.

— Грибы срастаются мицелиями друг с другом и с корнями деревьев. Это общее благо: увеличивается активная поверхность корней. Дерево поставляет питательные вещества для гриба-симбионта. Гриб поглощает до трети того, что дерево производит. А в коммуникации между фитоценозом и мицелярисом главную роль играют коллигенты. Они аккумулируют энергию и питательные вещества, выработанные лесом, и перегоняют их мицелярису.

— Они вроде сердец?

— В принципе — да, но механизм транспортировки мы ещё не понимаем. У деревьев ведь нет мускулатуры или перистальтики. Абсорбционный потенциал древесины не слишком-то велик. Однако процесс передачи существует объективно.

— Лес кормит это чудище в пещере?

— Поначалу мы так и думали. Потом наконец выяснили, что фитоценоз и мицелярис — не жертва и паразит, а единое целое. Селератное облучение не проникает на объект «Гарнизон», а скорость вегетации у мицеляриса такая же, как у леса наверху. Между мицелярисом и фитоценозом идёт интенсивный обмен сигналами, его суммарная мощность — как у высоковольтной ЛЭП. Гормоны гриба регулируют развитие клеток древесины. А лес защищает себя от вырубки биотехнологиями гриба.

В общем, здесь всё — тайна.

Тайна словно растворена в воздухе, в темноте и тишине заброшенных бетонных подземелий, где безмолвно набирает силу неведомая жизнь.

— Если альфа-деревья — сердца, то мицелярис — как бы мозг фитоценоза?

— А комплекс «Гарнизон» — череп, — усмехается Митя.

Отодвинув ржавую дверь в стальной раме, они входят в гигантский ангар. Плечевые фонари не достают до противоположного конца, но высвечивают тупые морды выстроенных в ряд вездеходов с панцирями антирадиационной защиты и пулемётными башенками. Вдали видны два вертолёта на плоских колёсных тралах. И всё поверху толсто заросло серо-белёсой живой массой грибницы. Сплетение мясистых верёвок, вздутия, пучки языков, щупальца, потёки, бесформенные губчатые тела, перепонки, ветвящиеся жилы, слизь… Сверху, с потолочных ферм, свешиваются рваные пряди корней — они словно шевелятся в потоках воздуха. Зрелище и завораживающее, и тошнотворное. Кажется, что стоянку мёртвых апокалиптических машин захватили какие-то отвратительные пришельцы или космическая чума.

— Ф-фу, Димка… — морщится Лена.

— В других бункерах такие же скопления, — говорит Митя.

— Я будто бы внутри кишечника.

— Скорее, нейросетей, — поправляет Митя. — Это — гифы, грибные нити. Это — тяжи, транспортные корни. Это — плодовые тела, у мицеляриса они стали рудиментарными. Но у половины органов мы не знаем назначения.

Митя опускает кофр на широкий бампер вездехода.

— А я здесь чем помогу? — спрашивает Лена. — Я же тестировщик айти.

— Вот и будем сканировать систему. Составим нейрокарту. Найдём в этой паутине затаившихся пауков.

Лена неловко закидывает голову, оглядывая ангар:

— Оно что, мыслящее?..

— Об этом тебе лучше говорить с Ярославом Петровичем…

Изумлённое лицо девушки за стеклом шлема растворилось в какой-то зыбкости. Митя лежал в окровавленных папоротниках и умирал, а его память извергалась образами и картинами. С прошлого спадали ветхие завесы.

Мите казалось, что он в полусне вытянулся на мягкой кушетке и его осторожно ворочают — приподнимают голову, чтобы поправить дыхательную маску, вводят в вену иглу. Это делает Ярослав Петрович. Низенький и толстый профессор похож

на хирурга, его сильные волосатые руки обнажены до локтей. По телу у Мити растекается холод. Так действует электролит.

— Пусть дойдёт до сосудов мозга, и начнём съёмку, — говорит Ярослав Петрович. — Лена, будьте готовы. Дима, ты меня слышишь?

— Соображаю… туго… — мямлит Митя.

— Так и должно быть. Тормозим нейронику для точности копирования.

Митя находится в одном из командных пунктов объекта «Гарнизон». Три стены заняты светящимися видеопанелями и пультами управления. Неровно горят тусклые лампы, сохранившиеся со времён эксплуатации «Гарнизона». Повсюду — на аппаратуре, на стенах, на бетонном полу и на бетонном потолке — плесень, мох, лишайники. За одним из пультов сидит Борька Мирошников.

— А почему Дима? — спрашивает Лена.

— Взяли самого бесполезного, — тотчас объясняет Борька.

— Не верьте ему, Леночка, — вздыхает Ярослав Петрович. — Причина — в отслеживании результатов эксперимента. Вдруг последствия проявятся только в лесу? Их сможет увидеть только Бродяга. А наш Бродяга благосклонен лишь к Диме и ни с кем другим из миссии сотрудничать не желает. Так что для эксперимента у меня не было иных кандидатур, кроме Димы. В общении с Бродягой он лучше прочих опознает своё собственное влияние на фитоценоз.

— Я сам… вызвался… Лена… — мямлит Митя. — Всё… нормально…

Лена подкатывает большой прибор на колёсиках — нейроэнцефалограф.

— Человек и мицелярис — существа разной природы, — Ярослав Петрович проверяет у Мити пульс. — Очень трудно найти область соприкосновения для контакта. Пока мы знаем одну сферу схожих действий — программирование. И мы, и фитоценозы программируют поведение машин. Поэтому мы попробуем наладить коммуникацию через компьютер.

— Сейчас ты снимешь нейроконтуры с этого балбеса, — весело заявляет Борька, — и мы получим информационного Димку. А я запихаю его сюда, — Борька пинает по опоре стеллажа для системных блоков. — Здешняя машина — видишь? — древняя, не фитронная, и вся заросла. Так что наш супергриб уже пролез в её мозги. Там-то он и встретится с инфокопией Димки. Посмотрим, что дальше будет. Авось до чего-нибудь толкового договорятся.

— А сами Бродяги — не образец контакта? — спрашивает

Лена.

— Увы, нет, — отвечает Ярослав Петрович. — И Бродяги, и машины — это инструменты селератных фитоценозов, а не собеседники. Фитоценозы отдают им команды, и не более того. Вы же не общаетесь с роботом-пылесосом.

— По-вашему, фитоценозы разумны?

— Сложно сказать, Леночка, — улыбается Ярослав Петрович. — Селератные фитоценозы обучаются, у них есть цель — самосохранение и есть воля для достижения цели. Они изменяют среду обитания. Пока ещё недостаточно, чтобы спастись от тотальных вырубок, однако интенция безусловна.

— Среди всех селератных фитоценозов фитоценоз Ямантау — самый умный, — добавляет Борька. — Потому что у него есть мицелярис.

— Я… выясню… что он… такое… — сквозь немощь обещает Митя.

Ярослав Петрович похлопывает его по плечу.

— Мы, друзья, делаем великое дело, — серьёзно говорит он. — Самое значимое в новейшей истории после изобретения интернета. Конечно, наши методы весьма топорны. Конечно, мы осмысляем новую реальность в старых категориях. Но мы с вами прорываемся к онтологии цивилизации. Мицелярис — это не просто экологическая аномалия. Грешное и корыстное человечество в процессе освоения среды неожиданно для себя породило нечто небывалое. И мы должны понять, что за чудо перед нами. Биологический компьютер, потенциально способный управлять планетой? Непроснувшийся ещё разум природы? Новый этап нашей эволюции? Артефакт ноосферы? Эмбрион бога?..

А потом Митя снова уплывает в беспамятство. Может быть, в то — уже давно прошедшее, а может быть, в нынешнее — в лесу возле станции Пихта.

61
Гора Ямантау (III)

А ведь однажды он уже умирал… Да, такое было. Но смерть он помнил отчуждённо, будто не свою. Смерть — это чёрная колыбель. И его укачивало, опуская всё глубже и глубже. Он тонул в болоте. Вокруг была бурая жижа. Он задыхался, и в груди у него тлела пуля, что утягивала его вниз, точно большой раскалённый камень. Он чувствовал, как жар от пули сопротивляется холоду болота. Прорва заботливо окутывает его зыбкими паучьими сетями, баюкает и запускает в него вкрадчивые чуткие щупальца. Камень в его груди остывает, всё меркнет, и он чувствует, что болото сначала пробует дышать за него, а потом и думать. Время для него останавливается, а для болота — нет, и болото будто бы неспешно расплетает свою добычу на нити, как пряжу, а потом сплетает нити обратно, и уже не совсем так, как было. И к нему сквозь муть возвращается ощущение себя самого, ещё живого: он покоится в трясине, словно в околоплодных водах, вокруг — ряска, водоросли, тина, мягкие комья ила и слизь. Он двигает ногами, разгребает жижу руками, давится чем-то, ползёт на берег, как древняя кистепёрая рыба, что первой выбралась из моря на сушу, корчится в грязи, выблёвывая гниль, и тоненько дышит…

Он и правда еле мог вздохнуть: рот его был заполнен чем-то рыхлым. Он лежал в папоротнике. Высоко вверху за кронами сосен блёкло синело небо — светало. Над Митей склонялась женщина, одетая в рваньё; в её длинных и грязных волосах запуталась трава. Рядом неподвижно стоял другой человек, одним боком заросший мхом, как высокий пень. Женщина отщипывала с него мох и пихала Мите в раны на животе. Лицо у женщины казалось никаким — общим. Митя ощутил, что из живота по нему расползается нежная прохлада.

Митя с усилием приподнялся и перевалился набок, чтобы выплюнуть всю дрянь изо рта. Вылетели комья такого же мха. Когда Митя снова посмотрел на женщину, что спасла его, женщина уже уходила прочь. Оба лешака уходили. Они словно бы тихо плыли по мягким волнам папоротника. Из прорехи на окровавленной рубашке, из ран на животе у Мити торчала мохнатая зелень. Вроде бы она шевелилась. Митя и внутри себя чувствовал щекотку шевеления.

Он глядел вслед лешакам. Ему было ясно, что лес впитал его кровь с дёрна и травы, понял, что человек умирает, и прислал

лешаков на помощь. И лешаки заштопали Митю, как сумели. Он же был частью леса. Порождением леса. Селератный фитоценоз собрал его из убитого Бродяги и нейроконтуров учёного, что работал на объекте «Гарнизон». Сварил себе человека в болотном котле. Но человека ли? Может, биоробота? Фитронного андроида?..

Митя медленно встал на ноги. Голова кружилась. Где-то пели ранние птицы. Сосновый бор пропитался туманной синевой рассвета. Митя ни о чём не думал. Что надо — он и так уже знал. Рассуждать, осмыслять — незачем это сейчас. Он ведь пошёл выручать брата. Всё остальное неважно. Неважно, кто он и как был создан, неважно устройство мира, неважно, что делают другие люди и что потом случится с ним самим. Он пошёл выручать брата. И судьба не смогла ему помешать. Значит, надо идти дальше. Его ведёт совесть. Она сильнее и человеческой подлости, и селератного фитоценоза. И Митя сделал шаг вперёд. Пошатнулся, но не упал. Сделал ещё один шаг. Ещё один. Ещё один. И побрёл сквозь бор по густой траве. Всё вокруг сверкало росой.

Ему прекрасно известны были окрестности Ямантау. Ну, не ему, а Диме Башенину и Харлею. Эти двое осмотрели тут всё: все выходы из «Гарнизона» и развалины сооружений, все заброшенные дороги — рельсовые и гравийные, все линии заграждения, все склоны, поляны, отвалы извлечённой породы, дренажные канавы и кладбища ржавых машин. Они вдвоём искали «вожаков»: определяли границы зоны, в которой росли коллигенты мицеляриса. Митя догадался, где Алабай разместил свою базу, учитывая, что на станции Пихта стоит Типалов, а люди Типалова ходят по дороге вдоль горы. В тех руинах устраивал себе лёжку и Харлей — не ночевать же ему в подземной миссии «Гринписа». И свой мотоцикл Харлею удобнее было прятать в развалинах.

Еле передвигая ноги, Митя брёл на северо-запад, а лес вокруг светился всё ярче и ярче — словно бы всё звонче пел беззвучный хор. Меж древесных стволов висела цветная алмазная пыль испаряющейся влаги, и чудилось, что по краю зрения разъезжаются веерами какие-то радужные ореолы. Перебор длинных голубых теней по золоту солнца превращался в перестук дятла по хрупкой свежести воздуха. А воздух состоял из бесплотных стеклянных плоскостей, что вращались и разбрасывали блики. Всё в лесу как будто бы широко разлеталось во все стороны, сохраняя нежную неподвижность.

Митя вдруг осознал, что он не один. Рядом с ним кто-то идёт — идёт не спеша, приноравливаясь к его ковылянию. Кто

это? Лешак?.. Митя повернул голову, чтобы посмотреть. Нет, это был не лешак. Это был он сам — точнее, фитоценолог Дима Башенин в голубой куртке с «пацификом» на плече. Митя смотрел сам на себя, и это его не удивляло. Это было как бы обыденно.

— А ты можешь воспринимать лес только внутренним чувством, а не на вид или на ощупь? — спрашивал Дима Башенин. — Ну вот если закроешь глаза, то определишь, где ты находишься, что вокруг тебя, какое настроение у леса?..

Вопрос Мите был понятен и в то же время лишён смысла.

— По-разному, — сказал Митя, чтобы не сказать ничего.

Слишком уж много умничают эти городские мудаки из «Гринписа».

— Мы провели эксперимент по воздействию на лес. В первую очередь — на область вокруг Ямантау. Мне интересно, ты ощущаешь какие-то изменения в окружающей среде? Может быть, какие-то процессы пошли иначе или тебе встретилось что-то новое? Ты один можешь это уловить.

— Да ни хрена ничего такого, — ответил Митя. — Не еби мозги, Димон. Мы будем искать «вожаков» или сегодня только треплемся на порожняк?

— Что ж, давай в этой части поищем. Но мы далековато от «Гарнизона» ушли. Вряд ли здесь такая же плотность коллигентов, как у склона Ямантау.

— Заценим.

— Но учти, Харлей, что здешние «вожаки» тоже в пределах территории, на которую ты не приводишь бригады. До железной дороги — наша земля. Мы тебе заплатили, и немало. Ты должен соблюдать условия контракта.

— Не очкуй, — усмехнулся Митя.

Ему на эти уговоры плевать. Деньги-то ему профессор уже перечислил. Значит, городские — сами лохи. У него в кармане лежит телефон и тихонько записывает трек. Он сдаст Типалычу всех здешних «вожаков» и срубит на них бабки по второму кругу. Вот так делаются нормальные дела. А мудаки из «Гринписа» пускай отсосут. Он к ним на работу не просился. И Димон для него ничего не значит. Нету его, Димона. Нету, и всё.

А его и вправду не было. В заторможенном изумлении Митя увидел, как «гринписовец» Дима прошёл сквозь куст сирени, словно тот был призраком, — нет, это куст прошёл сквозь Диму. Дима только чудился Мите. В сияющем рассветном лесу всё было странно, и чудился не только фитоценолог Дима.

Мир в глазах у Мити разделялся, расслаивался. Всё казалось не тем, чем было, хотя раннее утро в лесу — самое ясное, самое честное время. Но деревья будто раздваивались, умножались, их

очертания были зыбкими и непрочными. Они двигались, эти деревья. Когда Митя отводил взгляд, они меняли место, превращались одно в другое. Мягкая почва под покровом травы проседала и колыхалась. Вдали мелькали какие-то смутные тени, будто облака слепоты. Однако распад происходил всегда где-то сбоку, не напрямую перед Митей.

Пушистая молоденькая лиственница слева медленно зашевелилась, выворачивая свою зелень, как шубу, и перерождалась в какое-то чудовище с мохнатыми лапами и вытянутой древесной мордой, покрытой корой. В листве дрожащей осины мерещилась длинная многоногая тварь, спускающаяся вниз по стволу и ветвям. Полумёртвая большая берёза будто в агонии качала кроной — тонкие ветви её вершины закручивались растрёпанными узлами «вихоревых гнёзд». Ползучая жимолость лезла вверх по кряжистой сосне. В траве Митя угадывал просторные «ведьмины круги» из мелких грибов.

Чёрные коряги карабкались вперевалку, точно рептилии, — Митя наяву замечал их движение; тонкие, голые, изогнутые ветви упавшей ёлки торчали как обглоданные рёбра. Митя зацепился штаниной за растопыренный сук, наклонился освободиться и увидел, что его за ногу схватила костлявая деревянная рука с пятью пальцами. Митя дёрнул ногу, и рука сжалась крепче, а потом два пальца отломились. Но рядом поднялась, раскрываясь, огромная земляная пасть с гнилыми и кривыми зубами — вывороченное корневище сосны. Пасть дохнула на Митю могильным холодом.

Мите не было страшно — только дико. Он же учёный. У него, похоже, бред, а лес не способен оживать нечистью из сказок. И ещё Митя улавливал нечто знакомое… След чьей-то коварной воли — будто эхо заклинания… Щука! Ведьма! Это она взбудоражила фитоценоз, чтобы тот пугал пришельцев кошмарами из их собственных фантазий… Но Митя ничего не боялся.

Ничего? Не может такого быть! Все чего-то боятся!

За деревом Митю ждал Серёга. Митя замер на полушаге. Серёга поднял руку и нацелил на Митю пистолет.

— Хана тебе, гад! — с ненавистью сказал он.

Митя подумал, что Серёга обо всём догадался — и про Маринку, и про планы Мити на работу в бригаде — и встретил брата, чтобы отомстить.

— Ты что, Димон, за мной с «Гарнизона» припёрся? — глухо спросил Митя.

Это был не Серёга, а фитоценолог Дима.

— Берега попутал, козёл? — взбесился Дима.

— Оборзел в лесу, ага? — Митя ухмыльнулся ему в лицо. — Один хрен я сдам бригадам всё, что у вас там есть.

— Я Серёга Башенин, — ответил Дима. — Я с Маринкой хожу, племянницей Егора Лексеича Типалова.

— Чмо ты дворовое, — искренне выдал Митя, ведь так оно и было. — Отдай ствол и сдёрни отсюда.

Дима выстрелил. Митя окунулся в темноту.

Он всё так же стоял у дерева. Один. Ни Серёги, ни Димы. Сейчас он был Митей, а не Харлеем. Там, на автобазе у Магнитки, Харлей после выстрела потерял сознание, а потом умер — утонул. А Митю настиг ужас Харлея — ужас последних минут Бродяги, которого убил Серёга. Эти впечатления остались в памяти Харлея и всплыли в сознании Мити, когда по умыслу Ведьмы лес взбаламутил его сознание, вытаскивая забытые чужие страхи.

Митя распрямился. Кто он? Дима Башенин? Харлей? Или же всё-таки Митя? Имелся единственный способ остаться собой — идти на выручку брату. Ни Бродяге Харлею, окажись он живым, ни фитоценологу Диме, что прятался с миссией на объекте «Гарнизон», до Серёги не было никакого дела.

И Митя пошёл дальше. Потащился. Поковылял.

Солнца меж стволами стало больше. Приближалась опушка.

Впереди расстилалась обширная пустошь, засыпанная щебнем, а кое-где заросшая бурьяном и деревцами. Возле гравийных холмов располагалось кирпичное здание заброшенного завода, рядом толпились высокие и сложные ржавые сооружения — бункеры на опорах, мосты, вышки.

Из кустов вдруг поднялся незнакомый Мите человек с автоматом.

— Стоять, сука! — приказал он.

Это был караульный бригады Алабая.

— Я — Бродяга из бригады Типала… — еле выговорил Митя. — Я сбежал… Я правда Бродяга… Позвони Алабаю, пусть не трогает моего брата. Тогда я буду работать на вас.

62
Объект «Гарнизон» (IV)

Первой на рассвете проснулась Алёна, она подняла Егора Лексеича, и тот уже сам распихал бригаду. С особым удовольствием он пнул Матушкина — в отместку за унизительный ночной звонок Геворгу Арояну. Алёна сноровисто готовила завтрак: добавив воды, разогревала на костре остатки ужина.

Алёну, Муху и Митрия Егор Лексеич с собой не брал — нечего им делать на предстоящей бойне; Маринку с Митей он даже не будил, потому отсутствие Мити не заметил. А Костик заметил, но ничего не сказал бригадиру. Всю ночь Костика терзали сомнения: вдруг он мало подрезал Митяя и Митяй приползёт весь в крови? Тогда ему, Костику, за покушение на Бродягу будет полная жопа от бригадира. Но Митяй не приполз — и это хорошо. Значит, сдох. Осталось только Серого завалить. Спокуха: на бойне он Серого и кончит.

К месту засады Костик, Фудин, Матушкин и Калдей отправились пешком по рельсам, а Егор Лексеич поехал на харвере. Машину он загнал в тоннель: харвер, как шестиногая лошадь, послушно лёг на брюхо в грязь.

В капонире поутру было зябко. Невыспавшиеся бойцы Егора Лексеича, прислонив автоматы к стенам, сидели на замусоренном полу в полосах света из бойниц и мёрзли. Егор Лексеич выпихнул из амбразуры коптер и по монитору наблюдал за окрестностями. Курчавый лес на склоне и под склоном. Пустой заросший просёлок. Развалины. Мёртвый танк с дыркой люка в башне. Товарные вагоны на железной дороге. Никого не видно, лишь вдали через просёлок перешли две маленькие косули.

Солнце всплыло в зенит и начало пригревать. Зачирикали птицы. Время словно увязло. В капонире бойцы Егора Лексеича потихоньку задремали, Калдей растянулся на мусоре и захрапел. Сам Егор Лексеич неудержимо зевал и пил кофе из термоса. Бодрость духа сохранял один лишь Костик; маясь, он мотался туда-сюда, разбрасывал ногами сухие листья и даже пробовал отжиматься. Он твёрдо намеревался грохнуть Серёгу и боялся расслабляться.

Звонок одновременно грянул на всех телефонах. Звонил Алабай.

— Здорово, ребята! — весело сказал он с экранчика. — Записал вот видео и всем вам рассылаю. Заскучали, похоже,

да? — Алабай подмигнул. — Торчите в капонире и ждёте меня с бригадой? Скажу, хреновые из вас вояки.

Обливаясь то жаром, то холодом, Егор Лексеич исподлобья окинул своих бойцов яростным взглядом: все молча смотрели в телефоны.

— Дела у вас хуже некуда, ребята, — продолжил Алабай. — Мотолыга в хлам. Четверых вы уже потеряли, не считая Щуки. И вот ещё — полюбуйтесь…

На экране появилась какая-то комната с облупленной штукатуркой, и на полу там лежал связанный Серёга, а рядом сидел связанный Митя.

— Как видите, и Бродяги у вас тоже больше нет, — снова заговорил Алабай. — А у меня всё есть. И Бродяга ваш, и трелёвочник, и даже Ведьма. Бойцов у меня больше, вы только двоих убили. Но знаю, что Типалова это не заставит сдаться. Он всё равно поведёт вас в атаку на меня и устроит рубилово. Он же со стопоров слетел и всех вас без колебаний угробит. Так что я обращаюсь к вам, а не к бригадиру. Мне драка не нужна, мне бабки нужны.

Алабай сделал паузу, чтобы слушатели усвоили информацию.

— Бросайте Типалова и переходите ко мне. Условия — такие же. Не обижу. Моя база — на щебёночном заводе. Найдёте по карте, это близко. Но учтите: напасть не получится. Ведьма вокруг завода всякие ужасы по лесу распустила, друг друга сами перестреляете. Проход только один — по дороге. И я его держу под контролем. В общем, думайте, ребята. Мне работники требуются.

Ролик закончился.

Егор Лексеич снова посмотрел на бригаду. Сообщение Алабая никого даже не смутило: это ведь Лексеич командир, пусть он репу и чешет. Костик лишь обозлился, что у него не выгорит с Серым; Фудин просто ждал указаний; Матушкина угнетала необходимость что-то менять; Калдей ничего не понял. И Егора Лексеича пронзило острое предчувствие победы. Алабай, понторез, всё выводит на бабки. Он ни хера не понимает в людях. Он должен проиграть.

У Егора Лексеича затрезвонил телефон. Это была Алёна.

— Чё, вам тоже ролик прислал? — усмехнулся Егор Лексеич. — Согласен — охуеть… Короче, Алёна, грузитесь в мотолыгу и шуруйте сюда. Будет новый план. Жду. — Егор Лексеич повернулся к Костику: — Малой, дай сигарету.

Егор Лексеич курил возле амбразуры, словно сжигал у себя в голове все прежние замыслы. Внизу перед капониром солнце золотило сосновые стволы и заросли крушины, ветерок шевелил

траву на крышах двух ржавых товарных вагонов. Злоба не скручивала душу Егора Лексеича, как было перед мостом через Инзер. Тогда Алабай не оставил ему выхода, а сейчас разных вариантов было — море. Мозги у Егора Лексеича работали чётко и мощно, как смазанный механизм. Егора Лексеича распирала энергия: он чуял, что неудача засады обернётся удачей. Алабай — хитрожопый разводила, а он, бригадир Типалов, — свирепый хищник. И у него есть прекрасный шанс, ведь Алабай совершил сразу две ошибки: собрал свою бригаду в одном месте и указал это место врагу. К тому же Алабай не знал, что мотолыга уцелела.

— Так! — объявил Егор Лексеич бригаде. — Подходите ко мне!

Он опять достал телефон и порылся в переписке, потом выставил телефон экраном к своим бойцам — Фудину, Матушкину, Костику и Калдею.

— Это позавчера снял Серёжка. Межгорье. Двор стройуправления.

На экранчике поплыли горные машины: ковшовые погрузчики, скреперы, тоннельные самосвалы, сплитчеры, проходческие комбайны, траншейные экскаваторы. Жуткие полуживые агрегаты для разрушения каменных преград.

— Злоебучие, блядь, тракторы, дядя Егор! — восхитился Костик.

— Задача будет такая. До стройуправления отсюда километров семь. С него до базы Алабая — ещё пять. Вы на мотолыге покатите в Межгорье. Будете приманкой. Вам надо раздразнить там этот гадюшник и повести за собой на щебёночный завод. Чумоходы разнесут Алабаю всё до полного пиздеца.

— Опасно, шеф, — засомневался Фудин.

— Ну дак штаны сними заранее, вот и всё, — посоветовал Егор Лексеич.

— Чё, нормальный замес! — воодушевился Костик.

Егор Лексеич убрал телефон.

— То, что Алабай вам наболтал, — всё мудотень, — внушительно сказал он. — Башкой работайте. Хули, что у него бойцов больше? Мы же не врукопашную пойдём. Хули, что у него наш Бродяга? Мы вчера «вожаков» отметили больше сотки — это ебать сколько!.. Дело упирается в другое. В трелёвочник. Если мы расхуярим Алабаю трелёвочник, «спортсменам» кранты. Ясно?

Егор Лексеич достал планшет для коптера.

— Теперь сюда смотрим. Вот щебёночный завод. Трелёвочника не видно. Значит, Алабай загнал его куда-то внутрь через эти большие ворота с торца.

Егор Лексеич щёлкнул ногтем по экрану. Коптер снял сверху обширную серо-зелёную пустошь с холмами. С краю располагались здание небольшого завода и комплекс сложных железных сооружений, от них через пустошь тянулись тонкие линейки мостов. Завод дробил на щебень каменные обломки, извлечённые из Ямантау при строительстве объекта «Гарнизон». В здании находились силовые агрегаты, железные сооружения были дробилками, мосты — транспортёрами. А пустошь была площадкой для склада дикой породы, доставленной грузовиками, и произведённой заводом щебёнки.

— Когда чумоходы начнут громить завод, Алабай постарается смотаться на трелёвочнике. А мы должны встретить его у ворот. Вы — на мотолыге, я — на харвере. И уебошим трелёвочник с базук. После этого Ямантау за нами. Партизанить «спортсмены» не будут, если вообще выживут. Так что, мужики, Алабай сам себя закопал. Готовьтесь давайте, скоро мотолыга приедет.

Мотолыга приехала через полчаса. Скрежет стальных траков по ржавым рельсам был слышен издалека. Егор Лексеич и его бойцы уже выбрались из капонира и ждали возле товарных вагонов. Мотолыгу вела Маринка.

— Муха, вылазий, — распорядился Егор Лексеич. — Ты мне понадобишься на харвере. Мужики, выгружайте здесь всё спальное, жратву и мотопилы, а сами давайте налегке в коробочку.

— Егора, а куда направляешь? — спросила через борт Алёна.

— На Межгорье.

— Мне-то как? Можно с Костичком остаться?

— Не возражаю, — ответил Егор Лексеич.

— Чё, мам, ты липнешь ко мне, как баба? — прошипел Костик.

Он злился, потому что Митяй обнаружился живым, пускай и в плену. Придётся как-то выпутываться, когда дядя Егор потом выкатит ему, Костику, предъяву за нападение на Бродягу. А дядя Егор выкатит, это без байды.

— Шеф, кто у нас главный? — деловито осведомился Фудин.

— Я! — подскочил Костик, надеясь командованием заслужить прощение.

Маринка стояла рядом с Егором Лексеичем какая-то тусклая, понурая и уже не рыпалась занять важное место.

— Ты и командуй, Фудин, — подумав, решил Егор Лексеич.

А кого ещё назначить командиром? Сопляка Матушкина? Тупого Калдея?

— С Межгорья отзвонишься мне, усёк?

Груда оставленного снаряжения лежала возле

железнодорожной насыпи. Маринка и Егор Лексеич смотрели, как мотолыга, изрыгая бризоловый дым, разворачивается и, качая кормой, бодро ползёт мимо капонира.

— У нас в запасе пара часиков на массу придавить, пока они с Межгорья кашу заварят, — сказал Егор Лексеич Маринке. — А потом будет и дельце.

— Поняла, — кивнула Маринка.

Егор Лексеич не спросил, почему она такая квёлая. Видно, есть причины. И у него тоже есть вопросики к Мухе. Но задавать их пока ещё рано.

Егор Лексеич постелил бушлат на травку помягче и лёг немного поспать, а Маринка тупо сидела на ящике с продуктами. Сияло солнце, ветер ворошил кусты, стрекотали кузнечики, над товарными вагонами носились птицы.

У неё, у Маринки, в этой командировке ничего не получилось. Никаким начальником дядь Гора её не поставил, никто не начал её уважать, Серёжку она оттолкнула, а Митька оказался хер знает кем… Вон там, в тоннеле, они вчера целовались… А ночью… А ночью она увидела в Митьке черты Харлея.

Там, в ночном лесу, её, Маринку, пробил ужас. Сейчас он уже развеялся, но что-то внутри ещё содрогалось. Она ведь ничего не знала о радиоактивном лесе, ничего не знала о его мутантах. И херня, что она трахалась с Бродягой. Совсем недавно она не отличала Бродяг от лешаков, не верила в клумбарей, не подозревала о Ведьмах… Не представляла, что лес может вынудить людей блуждать как слепых, что может убить целую бригаду, что может гонять стада чумоходов, как звериные стаи. А ещё он способен вылепить человека заново: способен зарастить раны мертвецу, вдохнуть жизнь в его тело, перекроить облик, вшить пришлую душу. Зачем это надо лесу? Никто не ответит.

Конечно, Митька не был чудовищем… Но и человеком тоже не был. Они, мутанты, все — как чужаки. А она, дебилка, не разобралась сразу… Чужаком для неё стал отец, но он давно опустился, и она не чуяла его лесного нутра. Ясно, что чужаком был Харлей, но он всегда был скотиной, и его лесную суть она считала просто грубостью… А Митька — он умный, культурный, даже добрый… И всё равно чужой. Ему не нужно ничего такого, что нужно ей, Маринке: не нужно удачи, превосходства, восхищения, счастья… Там, в ночном лесу, она увидела в Митьке не чудовище, а чужака, которому не было никакого дела до неё. По-настоящему она была нужна только Серёжке, а не Митьке и не дядь Горе. Хотя Серёжка вёл себя как дурак, а потом вообще упёрся, чтобы доказать ей что-то своё дурацкое…

У спящего Егора Лексеича затрезвонил телефон.

— Фудин? — лёжа, спросил Егор Лексеич. — Ох, бля… Всё, встаю и еду.

Вскоре длинный трёхсоставный харвестер со сложенной на спине рукой вышел из тоннеля, будто сказочный шестиногий дракон из пещеры. Корпуса заблестели на солнце, под гладким ситаллом мощно гудел двигатель, щёлкали механические передачи. Комбайн остановился возле вагонов, и Егор Лексеич молча открыл дверь кабины, приглашая Маринку к себе.

63
Щебёночный завод (I)

Большая машина, плавно изгибаясь, скользила сквозь чащу леса с такой же скоростью, с какой шёл бы человек. Механические ноги ступали вкривь и вкось, задирали вверх колени, порой прижимаясь к выпуклым бокам харвера, внизу трещал и ломался валежник, но в сумме движение получалось мягким, как по волнам, когда качает то вверх-вниз, то вправо-влево. Выбирая дорогу меж стволов, харвер почти не использовал циркулярную пилу: тонкие деревья он сшибал грудью и выворачивал из почвы с корнем. Хвойные и лиственные ветви загораживали обзор и хлестали по кабине: можно было подумать, что лодка пробивается сквозь зелёную штормовую пену или вертолёт летит через зелёные грозовые облака. Егор Лексеич ориентировался по карте. Он не боялся мороков, которые Щука наплодила в лесу, — харвер дойдёт, куда велено.

Маринка стояла рядом, держась за кресло, как стоял Митя, когда бригада пробиралась по Инзеру. Егор Лексеич чувствовал напряжение племянницы.

— Скажи-ка мне, Муха, — рассудительно начал он, — почему это Митрий очутился у Алабая? С какого хера его туда унесло?

— Он Серого спасать хотел, — угрюмо ответила Маринка.

— Откуда же он узнал про Серёжку?

— Я проболталась, — Маринка решила ничего не скрывать.

— Вот оно как… — закряхтел Егор Лексеич.

Выходит, Митрий рванул за Серёжкой… Молодец, конечно… Только это означает, что Муха да и он сам, бригадир Типалов, для Митрия особой цены не имеют. Митрий променял их на брата… И на свои принципы. Предатель он, как и все городские. А вот Серёжка — кремень. Засаду спалил — а куда деваться, если поймали? — но про мотолыгу смолчал… Эх, ему, бригадиру, надо было на Серёжку ставку делать, а не на Митрия… Бродягу он и другого найдёт, а вот с надежными людьми — туго… Хорошо хоть Мухе он не доверился.

— Ты меня пиздец как подвела, Муха, — просто сказал Егор Лексеич.

— Знаю, — тихо согласилась Маринка.

Но ей сейчас на дядь Гору было плевать.

Лес наконец расступился, и перед харвером распахнулась промышленная пустошь — беспорядочное нагромождение целых гор из щебня или глыб. Кое-где эти горы поросли бурьяном

и тонкими деревцами. В разных направлениях отвалы были рассечены уже покосившимися эстакадами — конвейерами для подачи камня на дробильные установки. Эстакады, как нити паутины, вели к сортировочным мостам-«грохотам», к тушам дробилок и большим бункерам, оплетённым инженерными конструкциями. Ржавые растопыренные агрегаты столпились возле кирпичного двухэтажного здания с выбитыми окнами. Синело чистое и жаркое небо. Над многоярусной железной путаницей и над безжизненными каменными россыпями чуть дрожал горячий воздух.

Егор Лексеич приметил хорошее место возле мёртвого экскаватора: остов машины заслонял от возможного наблюдателя. Харвер лёг на захрустевшую щебёнку. От кабины, сверху, Егор Лексеич оглядел пустошь в бинокль — так полководец обозревает поле будущей битвы. Потом вытащил телефон.

— Фудин, вы где? — спросил он и выслушал долгий ответ. — Уже недалеко, — сообщил он Маринке, не убирая телефон. — Пойдём-ка вон туда, красавица.

Егор Лексеич зачем-то повесил на плечо автомат.

Друг за другом Егор Лексеич и Маринка выбрались из харвера и, увязая в щебне, взошли на склон ближайшего холма почти к вершине. Здесь Егор Лексеич остановился. Маринка тоже. Впереди, за округлыми макушками отвалов, щетинистыми от бурьяна, она видела воздетые стрелы «грохотов», угловатые кровли бункеров и балки арматуры. А позади неспешно растекались извилистые и ухабистые лощины меж оплывших каменных круч.

По одной из лощин, переваливаясь, катила мотолыга. За ней клубилось облако пыли — куда более обширное, чем можно было ожидать.

Егор Лексеич поднёс к уху телефон.

— Фудин, готовься, — сказал он. — Выскочишь к харверу — сразу сворачивай направо и пиздуй к воротам завода, а чумоходы я на себя приму.

Серая от грязи мотолыга вынырнула из лощины и, как было приказано, тотчас повернула направо, лихо брызнув камнями из-под гусениц. На корме торчали Костик и Калдей. Чумазый Костик помахал Маринке рукой. Маринка поняла, что Костик и Калдей служили приманкой: за мотолыгой вдали ползло стадо чумоходов — неуклюжих и страшных машин с промплощадки Межгорья. Мотолыга привела их на штурм щебёночного завода — крепости Алабая.

У Егора Лексеича зазвонил телефон.

— Алабай наяривает, — посмотрев на экран, сказал Егор

Лексеич. — Заметил пыль и занервничал, падла. Всё, отбазарились уже.

Презрительно ухмыляясь, Егор Лексеич сунул телефон в карман. А потом взял автомат поудобнее, переключил его на огонь одиночными, развернулся лицом к Маринке и выстрелил ей в бедро.

Маринку словно подшибло дубиной. Она рухнула на щебень, и её бедро пронзило раскалённым штырём. Маринка схватилась за ногу — ладони окрасило кровью. Глаза у Маринки полыхнули, как тёмные взрывы, но она не закричала.

Егор Лексеич внимательно рассматривал её.

— За проёб положено платить, племяшка.

Маринка ошеломлённо молчала.

— Чумоходы надобно прямо на завод натравить, — пояснил Егор Лексеич, будто смилостивился, — а мотолыга туда подъехать не сумеет. «Спортсмены» ведь тоже не дураки, сожгут её с базук, чтоб не лезла к ним. Требуется другая наживка, юркая. Типа тебя, Муха. Так что отрабатывай. Беги на завод, там твои близнецы-ёбари сидят. А чумоходы за тобой поползут.

— Ты меня ранил… — изумлённо ответила Маринка.

— Малёхо же. Вроде как стреножил тебя. Горные машины медленные.

— Я не побегу! — отказалась Маринка, лишь бы наперекор дяде.

— Побежишь, — заверил Егор Лексеич. — Иначе тебя чумоходы растерзают. Укрыться тебе здесь негде, только на заводе за стенами. В общем, давай, Муха.

Егор Лексеич ещё раз оглядел Маринку, точно механизм, тщательно настроенный им на выполнение задачи, и, покряхтывая, пошёл вниз по склону; из-под башмаков у него потекли потоки щебня. Со странной отрешённостью Маринка поняла, что дядя не зря завёл её на гору: после бегства мотолыги радары чумоходов легко обнаружат её здесь в качестве новой цели. А харвер внизу без усилий поднялся разом на шесть своих ног и тотчас равнодушно пошагал прочь. Маринка осталась одна — лицом к лицу со стадом чумоходов.

Они по частям вытаивали из клубов пыли, жуткие и безжалостные, словно ожившие пыточные инструменты, — тупые комбайны, приспособленные лишь для взлома, расчленения и сноса каменных пластов. Колёсные и гусеничные, приземистые и раскоряченные, они были вооружены зубастыми цепными резаками на рамах, скальными свёрлами и долотами, роторными пилами, фрезами, огромными ковшами и отвальными ножами, выгнутыми, как плуги. Они ревели и клокотали

могучими моторами. Это были подземные уроды, машины-мутанты с перезрело-огромными органами убийства. И Маринке стало ясно, что от нашествия монстров ей не спрятаться и не спастись.

В запасе у неё была минута, в лучшем случае — две. Трясущимися руками Маринка вытащила ремень из своих джинсов, обмотала вокруг бедра, чтобы пережать рану, и затянула так, что сама же и завизжала. Потом взгромоздилась на ноги и, словно проваливаясь на каждом шагу, устремилась по сыпучему склону в сторону щебёночного завода. Никто её не видел, и она в полную грудь зарыдала от боли, обиды и отчаянья. Размазывая слёзы окровавленными руками, она плелась, как сломанный робот, как покалеченное насекомое.

Позади неё широко разрастался рокот двигателей, лязг металла, скрежет, хруст и шуршание щебня — стая чумоходов потихоньку нагоняла жертву. Но Маринка не оборачивалась. Если она погибнет, если её раздавят, расплющат, размажут по камням, пусть это произойдёт внезапно, чтобы даже чумоходы не увидели, как в последний миг она испугалась.

Маринка обогнула очередной бугор, поросший редкой сухой травой. Взрытый пустырь: какие-то кусты, мусор, дырявые и мятые железные бочки, автопокрышки, трубы, ящики… Маринка подняла голову. Вот же он — завод! Двухэтажное здание из грязно-бурого кирпича, бурьян у фундамента, выбитые окна… Там — укрытие, защита, избавление… Там Серёга. В том, что с ней, с Маринкой, случилось, виноваты были все: дядь Гора, Митька, Костик. Все, кроме неё. И Серёги. Он один отговаривал её от опасных затей.

Но в тёмных окнах вдруг засверкали огоньки выстрелов.

Автоматная очередь пропахала склон наискосок перед Маринкой — свистнули полетевшие камни. Потом рядом прожужжала другая очередь — из другого окна. Маринка упала вниз лицом. Стреляли, конечно, «спортсмены» Алабая. Они сообразили, что девчонка ведёт на них чумоходы, и попытались уложить её — впрочем, какой в этом был смысл?.. Своими радарами чумоходы мгновенно засекли стрелков, и те стали новыми целями. Машины, что ползли за Маринкой, повернули морды к заводу. И тогда из окон забабахали базуки.

Маринка вжалась в склон. Взрывы расшвыривали щебень как шрапнель: камни лязгали и громыхали по корпусам комбайнов, вспарывали воздух над Маринкой. Граната ударила в отвальный щит чумохода и лопнула с огнём и звоном: комбайны, что прорубали шахты в недрах горы, были словно в броне. Чумоходы казались неуязвимыми, базуки не могли их остановить.

Но Маринка понимала, что про неё подземные твари всё равно не забыли. Не выдержав, она оглянулась через плечо. На неё уже надвигался левеллер — фрезерный комбайн. Широкие гусеницы. Горбатый капот, покрытый пятнами лишайников. Тесная кабина с кустами внутри — будто череп для крохотного мозга. На ободранных консолях, подпёртых толстыми поршнями, вращался клыкастый барабан скальной фрезы. Левеллер уже приподнял его перед собой, чтобы опустить на лежащую Маринку. Фреза заслонила Маринке солнце.

Взревело, полыхнуло — и тесную кабину снесло разрывом гранаты, грубо вскрыло капот, вывернув стальные лохмотья. Двигатель подавился и умолк. Фреза тяжело зависла над Маринкой. Левеллер сдох на середине движения.

Маринка лежала под фрезой, вцепившись пальцами в булыжники, будто под заклинившим ножом гильотины. И её заколотило. Кажется, даже щебень под ней зашевелился от бешеных ударов сердца. Угроза исчезла, однако запоздалый ужас был невыносим, и Маринка закричала:

— Серёга!.. Серёга!..

64
Щебёночный завод (II)

Алабай сразу уловил, что Митя не из лесорубов, и обращался на «вы».

— Я прекрасно осознаю положение дел, Дмитрий, и поддерживаю контакт с Ярославом Петровичем, — щеголяя интеллектом, поделился он. — Кратно увеличенная частота альфа-деревьев под Ямантау обусловлена присутствием вашего мицеляриса на подземном объекте. Если я вырублю все коллигенты, мицелярис погибнет. И мне это не выгодно. Мне выгодно взять половину стволов, чтобы к следующему сезону мицелярис восстановил их число. Мне нужна долговременная плантация, а не разовый хапок. Я бизнесмен, а не рвач.

Они сидели в бывшей комнате отдыха. Пыльные диваны, грязный стол, заплесневелый кулер в углу, на стене — выцветшая фотография круизного шаттла первого поколения. Алабай был рослым и подтянутым мужчиной, который явно следил за своей физической формой. Он то и дело широко улыбался, в модно подстриженной чёрной бороде блистали белые зубы. А Мите смертельно надоело всё это — расклады, выгоды, подсчёты, разводки…

— Я понял ваш план, — устало произнёс Митя. — И я найду вам «вожаков». Сколько потребуется, столько и буду работать. А сейчас покажите мне брата. Он правда жив?

— Жив и даже относительно здоров, — кивнул Алабай. — Он ведь нужен мне для шантажа. Извините, разумеется.

— Отведите меня к нему.

— Окей. Но вас свяжут.

— Зачем? Я же сам пришёл. Я не убегу.

— Да, вы поступили самоотверженно. Но вы можете выпустить брата.

Митя ничего не ответил.

— Антон! — крикнул Алабай в проём двери. — Отведи нашего гостя.

Дверь комнаты отдыха выходила на внутренний балкон. Он вытянулся вдоль продольной стены просторного и светлого агрегатного зала: окна здесь зияли дырами от выпавших стеклоблоков. Дизель-генераторы, что питали электромоторы дробилок, были демонтированы: на раскуроченном бетонном полу блестели лужи и зеленели островки мха. Посреди зала стоял длинный, как вагон, дорожно-строительный вездеход. У Алабая

он служил трелёвочным трактором. Под потолком на балках перекрытия висели два излучателя.

Балкон закончился лестницей. Митя и конвоир спустились на первый этаж и пошли по замусоренному, полутёмному коридору. В одной из комнат два бойца Алабая, свободные от караула, готовили обед на переносном кухонном комбайне, тут же вертелась Щука. Увидев Митю, она осклабилась.

Серёгу держали в каком-то кабинете. Выбитое окно, облезлые стены, перевёрнутый набок канцелярский стол, обломки стульев, упавший шкаф. Связанный по рукам и ногам, Серёга лежал в крошеве штукатурки и осколках стекла. Конвоир связал Мите руки за спиной, Митя сел, и конвоир связал ему ноги; вместо верёвок он использовал прочные пластиковые хомуты, которыми обычно крепили водопроводные трубы. Завершив процесс, охранник сфоткал Митю и Серёгу на телефон. Серёга молча и угрюмо наблюдал. Физиономия у него распухла от синяков и кровоподтёков.

— Позовёшь, когда надо будет, — сказал конвоир Мите. — Я недалеко.

Он вышел. Митя смотрел на брательника.

— Чё, поймали тебя? — хрипло спросил Серёга.

Митя выглядел не лучше его: грязный, бледный, одежда в крови.

— Не поймали, — устало возразил он. — Я сам сдался Алабаю.

— Лексеич мало платит, да? — издевательски скривился Серёга.

— Не хотел, чтобы тебя, придурка, застрелили.

Митю глодала тоска. Ему Серёга был безразличен, да и Маринка теперь тоже. Он поступил так, как должно, а не из любви или беспокойства.

— Пиздишь, — не поверил Серёга.

— Иди на хуй.

Серёга заворочался и с трудом сел на задницу, опираясь спиной о стену.

— Мы же друг другу в пятачины насовали… — напомнил он.

Митя ничего не ответил.

Серёга шумно сопел раздувшимся носом, как ребёнок, которого сначала отругали, и он собрался заплакать, а его уже простили.

— Сильно тебя отметелили? — спросил Митя.

— Зубы целы — и ладно… Митяй, чё, правда — ты из-за меня пришёл?

Серёга не знал человека, способного на такое ради него.

— Буду работать на Алабая, если «спортсмены» тебя больше не тронут.

Серёга растерялся. Что сказать Митяю? «Спасибо» слишком маленькое… Душу Серёги медленно плавило небывалым жаром благодарности и родства. Это его брат… Это, блядь, его брат!.. По жизни брат, по всему!..

Они сидели и молчали, даже не глядя друг на друга. Из разбитого окна были видны обширные развалы щебня с клочьями травы — каменная пустыня, а над ней сияло такое же пустынное синее небо. Мягкими порывами в комнату залетал лёгкий тёплый ветерок, сразу и пыльный, и хвойный. Под стеной стрекотали кузнечики. В проёме двери появился Митин конвоир — но ничего не происходило: пленные были смирные, тихие. Всё, оба отбегались.

Митя ощущал неподъёмную слабость, словно что-то изнутри высасывало его до полного истощения. Митя знал, что это — чужая природа. Чужая жизнь вкрадчиво и как-то лапчато расползалась, ветвилась и потихонечку осваивала его, Митю. Он — уже не он. Всё, что раньше было важно, теряло своё значение, переставало мучить. Родовая суть словно бы замещала в нём личную. Как в фитоценозе. Подобно дереву, ему уже не было дела до собственной судьбы, до поисков удобного места. Главное было не в нём. Не он — мера всех вещей.

— Серёга, — наконец заговорил Митя. — Ты должен знать… Я тебе не брат. Я — не настоящий. Я — Харлей, которого ты убил.

— Не понял, — помедлив, честно сказал Серёга.

— В «Гарнизоне» учёные проводили эксперимент. Скопировали личность настоящего Дмитрия Башенина и через компьютер ввели ну как бы лесу в мозги. А лес переписал эту копию в Харлея. Так я и получился.

Митя старался объяснить просто — чтобы до Серёги дошло.

— Харлей же сдох, сто пудов… Разве можно мертвяка оживить?

Митя вспомнил мёртвый, но живой пень в Межгорье — Митя показывал его Маринке. Вспомнил клумбаря в Белорецке.

— Лес всё может, Серёга.

Однако Серёга и не усомнился в способностях леса — хер разберёт, на что способен радиоактивный лес-мутант. Серёга усомнился в том, что Митяй ему не брат. Вот это — полная хуйня. Митяй пришёл за ним, за Серёгой — только брат мог так сделать. И Серёга больше не позволит отнять у себя брата.

— Пургу гонишь, Митяй, — осторожно возразил Серёга. Он очень боялся обидеть Митю. — То болото у автобазы за сто километров от Ямантау.

— Ну и что. Ты же пересылаешь фотки в телефоне? Вот и лес переслал программу — и загрузил в Харлея.

— А почему в Харлея-то? — почти разозлился Серёга.

— Не знаю, — Митя пожал плечами. — Может, у него не было под рукой другого мёртвого Бродяги. Может, потому что Харлей был знаком с Дмитрием Башениным. Программа как бы примагнитилась к Харлею.

В памяти у Серёги тотчас всплыло, как Харлей назвал его Димоном… Неужели Митяй прав? Но его правота в Серёге вызывала только несогласие.

— Ты на меня рожей похож, а не на Харлея!

— Наверное, лес как-то подлатал внешность Харлея — в соответствии с представлением Дмитрия Башенина о себе. Вроде пластической операции.

Лес заштопал в Мите порезы от ножа Костика, а в Харлее — дыру от пули Серёги. Это было посложнее, чем слегка перекроить черты лица.

Серёга не находил аргументов, чтобы опровергнуть слова Мити. Точнее, аргумент был один: Митяй — брат, значит, он не Харлей и не Димон Башенин.

— Байда помойная! — убеждённо отрёкся Серёга.

А Митя наконец-то сформулировал, что же его угнетало. Что стряслось с его восприятием самого себя, отчего он чувствовал себя призраком. Все вокруг делают вид, что он существует, а в реальности его нет: он ничего не может изменить и слова его не оказывают никакого воздействия на людей.

— Я — не настоящий. Не настоящий. Меня сконструировали, скопировали. Это не моя жизнь, а твоя. Не мой мир, а твой. Не моя девушка, а твоя. А я — какой-то морок, который возомнил себя живым человеком.

Мите вдруг стало стыдно от того, как доверчиво и тупо он пристраивал себя к обстоятельствам: намеревался работать Бродягой, любить Маринку, притерпеться к нравам бригад… Позорище!.. Он — случайное следствие эксперимента, порождение селератного леса, сблёвыш экологической беды, а посмел распихивать других людей, выгадывая местечко поудобнее…

— Я пришёл за тобой не только для того, чтобы спасти тебя. Я пришёл всё исправить, Серёга.

А Серёга догадался, что не Алабай отнимает у него брата, и не Типалов, и даже не Маринка. Сам Митя и есть главная угроза. Его дурацкие городские закидоны, его пизданутая совесть — путаное мочало, набитое в его башку.

— Хорош скулить! — разъярился Серёга. — Да плевать, как

ты получился! Я тоже доктором замастыренный: он меня в больничке с пипетки капнул! Я же не ною: «Ой, бля, меня мамке не папка сделал!» Это всё херня, Митяй! Подумаешь, с Харлея тебя вылупили!.. Да и хорошо — утырка в нормального пацана перешили, а мне брательника дали! Живи, кто тебе мешает?

Серёга словно встряхнул его — Митя смотрел на брата новыми глазами. В Серёгиной грубости тоже была правда. Вопрос: чья правда плодотворнее?

Серёга завозился, извиваясь всем телом, заёрзал.

— Развёл тут сопли! — прошипел он. — Съёбываться надо отсюда, вот и всё!

В каких-то странных и уродливых телодвижениях, страдальчески щерясь, пальцами связанных за спиной рук он вслепую нащупал на полу среди мусора осколок стекла, поднял его и подъехал на заднице к Мите.

— Зажми берцами! — велел он.

Митя сообразил, что задумал Серёга, рывком переволок связанные ноги и бережно перехватил осколок, стиснув его между подошв своих армейских ботинок. Серёга получил вертикально поставленное стеклянное лезвие.

— Поранишься… — предупредил Митя.

Серёга, пыхтя, ворочал плечами — пилил хомут на своих запястьях.

Митя боялся, что в их комнату внезапно войдёт конвоир, но тот, похоже, был занят обедом. До Мити доносились спокойные голоса «спортсменов».

Пластиковый хомут на запястьях Серёги распался с лёгким щелчком.

— Бля, аж плечи ломит… — разминаясь, блаженно прошептал Серёга.

Потом он сунулся Мите за спину и принялся резать стеклом хомут у Мити на руках. Теперь он работал гораздо быстрее. Митя тоже расцепил руки.

— На ногах сам давай! — торопливо бросил Серёга.

В этот момент «спортсмены» взволнованно загомонили. Что-то их там растревожило… А затем за стенами озлобленно затрещали автоматы, грохнул выстрел из базуки, за ним — второй выстрел. Эхо прокатилось по коридору. Ни Серёга, ни Митя не отвлеклись от своего дела: сначала — на свободу.

Наконец Серёга рассёк путы на ногах.

«Спортсмены» продолжали стрелять, но по ним самим никто не бил.

А за окном вдруг слабенько прозвучало:

— Серёга!.. Серёга!..

Это был крик Маринки. Призыв о помощи.

Серёга будто взорвался. Он вскочил на ноги и, расшвыривая поломанную мебель, метнулся к окну. Один миг — и он исчез, точно его выдернуло наружу.

Митя ожесточённо пилил стеклом пластиковую ленту на лодыжках.

В комнату ворвался конвоир с автоматом. Митя еле успел спрятать руки за спину, изображая, что связан. Конвоир мельком быстро глянул на Митю, не уловив обмана, и сразу увидел, что второй пленник сбежал. Конвоир кинулся к разбитому окну. Вот он — беглец! Совсем недалеко!..

На краю пустыря перед зданием завода застыл огромный заплесневелый вездеход, поднявший на консолях ржавый зубастый барабан скальной фрезы. Под барабаном лежала черноволосая девчонка. Беглец — тот наглый парень, что пытался заманить бригаду Алабая в ловушку, — сгибаясь, лез к девчонке.

Конвоир поднял автомат, чтобы одной очередью скосить обоих.

На затылок конвоира обрушилась какая-то огромная дубина, и мир в его глазах разлетелся на куски. Конвоир повалился на пол.

Митя отбросил ножку стула и принялся отдирать оконную раму.

Серёга через пустырь волок спотыкающуюся Маринку к зданию завода. Слева и справа рокотали горные машины: они шли на штурм крепости Алабая. Взрывы взметали фонтаны щебёнки, стелилась пыль, плыл бризоловый чад. Здание завода было уже совсем близко… Кое-где его тёмные окна порой вдруг озарялись вспышками выстрелов: крепость отражала натиск противника. А на первом этаже из оконного проёма высунулся Митяй. Серёга, ругаясь, подсадил Маринку, и Митя схватил её за руки, чтобы втащить наверх.

На мгновение он встретился с Маринкой взглядом — и сразу понял, что больше никогда в жизни не посмотрит ей в глаза.

65
Щебёночный завод (III)

Егор Лексеич ждал нужного момента; харвестер укрывался за кустами в стороне от базы Алабая, а над полем боя висел коптер. Егор Лексеич следил за схваткой по монитору. Изображение было чётким даже в мелких деталях. На пустыре перед заводом уже горели три комбайна, подбитые «спортсменами» из базук, и пространство заволакивало пеленой дыма. Егор Лексеич упивался картиной боя, ощущая себя могущественным полководцем.

А Серёга всей картины не видел, да ему и не требовалось. Мельком глянув в окно, он понял главное: через окно им теперь не уйти. Путь преградил гусеничный агрегат с двумя короткими и толстыми бивнями — скошенными поршневыми зубилами. Ржавый, грязный, обросший бурым лишайником, он напоминал окаменевшего мамонта, который вдруг ожил и двинулся вперёд. С его рыла сыпался песок, бренчала оторванная дверка моторного отсека.

— Сваливаем по коридору! — бросил Серёга Маринке и Мите.

Он без колебаний цапнул автомат конвоира. Сам конвоир, получивший по башке ножкой стула, сидел на полу и ощупывал затылок.

Митя не хотел бежать. Сил не было. Да и вообще — зачем? Он выручил Серёгу — и этого хватит. Что с ним, с Митей, случится дальше — неважно.

— Давай я останусь, Серёга, — предложил Митя. — Я вымотался…

— Пиздюлями погоню! — пригрозил ему Серёга. — Кто Маришку потащит?

— Не нужна мне его помощь! — выдохнула Маринка с тихой ненавистью.

— Конец базару! — оборвал Серёга.

Митя понял, что подчиниться Серёге будет проще, чем сопротивляться.

Серёга первым сунулся в коридор и сразу шарахнулся обратно — там, в коридоре, суетились «спортсмены». Запоздало прогремела автоматная очередь, и пули защёлкали по стенам. Серёга замер, соображая, что делать.

Вся комната дрогнула — это снаружи дизельный мамонт ударил зубилами в кирпичную кладку здания. Под потолком

закачался плафон, свисавший на проводе. Конвоир испуганно пополз подальше от окна.

Серёга метнулся к конвоиру, цапнул за шкирку, рывком поставил на ноги и толкнул к проёму двери. Пленник будет заложником, живым щитом.

— Шевели копытами! — прорычал Серёга.

— Только не стреляй! — ответил алабаевец.

— Маринка, за мной! — приказал Серёга. — Митяй — замыкающий!

Еле удерживая одной рукой увесистый автомат, Серёга уткнул ствол в поясницу пленника. Бывший конвоир всё понял.

Комнату сотряс второй мощный удар. Стена возле окна треснула, от неё, шурша, начала пластами отслаиваться штукатурка, заклубилась густая пыль.

Серёга выпихнул пленника в полутёмный коридор.

— Не стреляй!.. — заорал он «спортсменам» — Мы просто уйдём!..

За спиной Серёги в коридор скользнула Маринка, за ней — Митя.

Третий удар сокрушил стену: утробно захрустев, отделился здоровенный бесформенный блок и, ломаясь внутри себя, разъехался грудой кирпичных осколков. В кривой дыре шевелились могучие стальные жвала чумохода. Эта зверюга как раз и была предназначена для того, чтобы разбивать каменные пласты и прокладывать тоннели. Чумоход упрямо прорывался внутрь здания. Он обваливал куски стены себе на бесчувственное рыло и грубо протискивался в дыру. Ребристые траки гусениц свирепо скребли по нижнему краю пролома, поднимая многотонную тушу машины с грунта на высоту этажа.

А в коридоре Серёга заслонялся заложником, чтобы Маринка и Митя добрались до лестницы — другого пути не было. Маринка припадала на левую ногу, джинсы на бедре у неё почернели, но Митя боялся предложить помощь. «Спортсмены» наступали, выставив автоматы; Серёга пятился с заложником.

— Оставь Бродягу! — крикнул кто-то из «спортсменов» Серёге.

— Отсоси! — ответил Серёга.

— Лёнька, не надо!.. — истошно завопил заложник.

«Спортсмены» вжарили из автоматов.

Заложник заплясал у Серёги в руке, наливаясь неподъёмной тяжестью.

Еле удерживая мертвеца на весу, Серёга пятился и пятился, защищая и себя, и Маринку с Митей. Он уже думал, что вот сейчас выронит убитого — и надо успеть хотя бы очередь дать,

пока «спортсмены» будут прошивать его пулями: две секунды могут спасти Маринку и брата… Но коридор между ним и «спортсменами» словно изогнулся пополам. Одна стена лопнула каскадом кирпичей, и в коридор грузно выдвинулось механическое рыло чумохода с бивнями. Чумоход пролез через комнату и пёрся дальше сквозь стены.

Серёга разжал кулак, выпуская мертвеца, повернулся и побежал. Митя и Маринка уже почти поднялись на второй этаж.

Два лестничных марша вывели их на балкон, что протянулся вдоль стены просторного агрегатного зала. Под высоким потолком зала перекатывалось неясное, будто угловатое эхо. Мутный от пыли воздух резали косые лучи света из пробоин в больших окнах. А внизу стоял могучий вездеход Алабая.

Эта длинная гусеничная машина была оснащена самым разнообразным строительным оборудованием. Перед тупым капотом с запасными траками располагался клиновидный отвал — будто крейсерский нос. На покатой кабине торчала прожекторная батарея. За низким пассажирским отсеком была смонтирована башенка подъёмного крана с телескопической стрелой. Барабан лебёдки отделял башенку от второй кабины — водительского поста заднего хода и одновременно пункта управления баровым инструментом для рытья траншей. На левом борту лежал сложенный манипулятор с дисковой пилой. Такие универсальные комбайны — одновременно и бульдозеры, и траншейные экскаваторы, и автокраны, и тягачи — назывались «инженерными танками».

«Инженерный танк» клокотал двигателем: алабаевцы покидали завод.

С лестничной клетки вдруг раздался гулкий рассыпчатый грохот и тонкий скрежет рвущейся арматуры: лестница, задрав угол, тяжко осела и затонула в туче пыли, как в колодце, а потом стену извилисто рассекли юркие трещины. Видимо, внизу чумоход разрушил несущие конструкции здания.

— Туда! — Серёга указал на дверь в конце балкона.

Они побежали над агрегатным залом. Балкон ощутимо пошатывался и вздрагивал. Маринка плакала от боли, и Митя всё же подхватил её под руку. Внизу «спортсмены» загружались в вездеход; Серёга увидел, что Алабай стоит на крыше пассажирского отсека и командует эвакуацией. Серёга надеялся, что в суматохе «спортсмены» не заметят беглецов, но «спортсмены» их заметили. И Алабай не пожелал отдать Бродягу Типалову.

— Тимур, вали их всех! — крикнул Алабай.

Из верхнего люка пассажирского отсека вылез по пояс боец

с автоматом. Серёга не стал дожидаться стрельбы — без колебаний полоснул на опережение. Боец исчез, Алабай отскочил по крыше и ловко спрыгнул с дальней стороны вездехода. Серёга бежал, стараясь прикрывать собою Маринку с Митяем, и сверху как попало стегал короткими очередями по вездеходу, чтобы прижать алабаевцев. Борта «инженерного танка» гремели, будто пустая бочка; из люка пассажирского отсека, выставив голову, бешено лаял пёс; на бетонному полу полыхали цепочки бледных вспышек; лужи вскипали. Алабаевцы огрызались злым огнём из распахнутых дверей обеих кабин. Пули долбили потолок над балконом; на Митю, Маринку и Серёгу сеялась извёстка и кирпичная пыль.

Им повезло — их не задело. Дверь в конце балкона была не заперта, и за ней обнаружилась железная площадка, прикреплённая к внешней стороне стены. Железный мостик перекинулся с площадки к дробилкам и погрузочным бункерам — в запутанные ржавые дебри производственных сооружений.

Под тушами бункеров ползали и рычали движками чумоходы.

В агрегатном зале щебёночного завода издырявленный «инженерный танк» Алабая взревел, извергая струю выхлопа, и стронулся с места. Беречь ворота теперь не имело смысла. Визжа гусеницами по бетону, расплёскивая лужи, «танк» двинулся на таран — ударил в створки острым клином отвала. Запоры вывернуло, и помятые ржавые створки с лязгом распахнулись.

На заводе в опустевший зал хлынули новые густые потоки пыли. Балкон начал ломаться; из-под него, медленно кувыркаясь, будто в оползне, полезли дымные кирпичные глыбы. Вся сторона обречённого здания ветхо одрябла, и в зал из-под падающего балкона, расталкивая каменные обломки лбами, выползли сразу два стенобитных комбайна со злобно оскаленными клыками.

А перед зданием завода на пути «танка» раскорячился шестиколёсный грейдер — он словно бы охранял выход. Кабина грейдера заросла, на загривке торчали две тонкие берёзки, со скелета рамы свешивались бороды лишайника. Приподняв бульдозерные ножи, зачумлённый грейдер сразу пошёл в разворот навстречу Алабаю. Однако не успел. «Инженерный танк» рванул напрямую, вышвыривая камни из-под гусениц, и врезался в грейдер своим крейсерским носом, сломав чумоход пополам. И потом, не останавливаясь, взобрался на его хребет и перекатился, расплющив кабину. Мосты у грейдера исковеркало, и грязные колёса вывихнуло вкривь и вкось. А «танк» помчался на простор.

Егор Лексеич по монитору внимательно следил за ситуацией. Харвестер терпеливо ждал приказа хозяина и порой сам по себе

переступал ногами, по-новому распределяя свою тяжесть на зыбкой каменной россыпи. На экране здание завода, окружённое чумоходами, словно бы горело изнутри: из окон и проломов курилась бурая муть, будто пар из натопленной щелястой бани. Егор Лексеич уважительно хмыкнул, когда «инженерный танк», вылетев из ворот, с ходу раздавил грейдер. Да, нехилую зверюгу Алабай приручил… Но ничего. Главное — что эту тварь подняли с лёжки, выгнали из берлоги. В чистом поле харвестер всё равно растерзает её, как тряпичную куклу.

А ещё Егор Лексеич заметил и другое — мелкое мельтешение среди дробилок, бункеров, «грохотов» и эстакад. Егор Лексеич увеличил картинку на мониторе. Ёб твою мать! Муха и Башенины — два брата-акробата! Выходит, они удрали от Алабая! Так вообще заебись! Ему, бригадиру Типалову, нужен Бродяга, а не Алабай! И Бродяга резвится на волюшке, а не сидит пленный в «танке». Значит, «танк» можно не щадить! Задача упрощается!

Егор Лексеич вытащил телефон.

— Фудин, трансляцию смотришь? — спросил он. — Ну молодец, молодец… Я сейчас пойду за Алабаем, башку ему отвинчу, а ты шуруй за Митрием. Привези его живым, остальных — как получится. Работай, короче.

66
Щебёночный завод (IV)

Митя, Серёга и Маринка карабкались по монтажной лесенке огромного ржавого бункера. Бункер стоял на крепких опорах из решетчатых ферм. Когда-то в его железное нутро поступал намолоченный дробилками щебень; снизу подъезжали пустые самосвалы; в призматических днищах бункера размыкались затворы, и щебень тяжёлым потоком сыпался в кузова. Теперь вместо самосвалов погрузочную площадку утюжили чумоходы.

Их радары легко нащупывали фигуры людей среди переплетения железа, но добраться до жертв чумоходы не могли. Однако их мозги, приученные к работе под землёй, подсказывали, как надо сносить препятствия. Гусеничный проходчик с тупым упрямством атаковал одну из опорных ферм скальным сверлом — ребристым стальным конусом диаметром с автомобильное колесо. Режущие грани сверла драли металл с жутким визгом и скрежетом; полыхая, разлетались снопы искр. В другую опору безостановочно долбил самоходный гидромолот. Бункер всей тушей грузно покачивался и скрипел.

— Уронят они нас!.. — перекрикивая шум, предупредил Серёга. — Надо куда-то подальше отсюда сдриснуть!..

По аппарели транспортёра они полезли вниз — к приземистой дробилке. Маринка почти не отставала от Серёги: аппарель имела ограждение из уголка, и Маринка могла помогать себе руками. Митя спускался последним.

Массивная и длинная камнедробилка, похожая на составную цистерну, покоилась на фундаменте. Под кожухами, на которых зеленел мох, прятались чудовищные челюсти, что пережёвывали глыбы в щебень. Из труб воздушного охлаждения и решёток вентиляции торчала зелёная трава. По хребту дробилки был проложен узкий сварной мостик. Ползающие по промплощадке чумоходы не дотянулись бы до него, но чумоходы не только ползали.

К дробилке повернули два колёсных чудовища: погрузчик с раздвижной рамой, снабжённой рогатыми вилами, и комбайн с горной пилой. Комбайн тоже был сплитчером, но не роторным, как тот, что напал на мотолыгу в Межгорье, а баровым; баром называлась пила — длинная подвижная лопасть, обтянутая стальной гусеницей с массивными зубьями. Эти две зверюги, погрузчик и сплитчер, были куда опаснее других сумасшедших машин.

— Не достанут, — простодушно понадеялся Серёга.

— Достанут, — возразил Митя.

Серёга посмотрел на него со страданием и отчаянием.

Горные чумоходы поражали воображение изощрённостью своих орудий, словно подземелья Ямантау исторгли одержимых механических демонов с рогами, когтями, шипами, клыками, клешнями, резцами и бивнями. Демоны не ведали пощады, не испытывали усталости и никогда не сдавались.

С мостика дробилки Серёга отбил по чумоходам последнюю очередь из автомата. Бесполезно. Здесь гранатомёт нужен или противотанковая ракета… Серёга с досадой швырнул вниз автомат с пустым рожком.

— Бежать надо, — сказал он. — Мариш, давай на закорках тебя понесу?

— Я сама смогу идти! — непримиримо ответила Маринка.

Рогатый погрузчик и карьерный комбайн были уже недалеко.

Серёга слез в приёмный отсек дробилки, ещё заполненный валунами, и протянул руки, чтобы подхватить Маринку. Митя оглянулся. Погрузчик подкатил совсем близко и поднял свои острые вилы, на которых, как кишки, болтались плети жимолости. Митя спрыгнул вслед за Маринкой. Погрузчик ударил вилами в мостик, на котором только что стоял Митя, с треском сорвал его с креплений и приподнял. Мостик натужно выгнулся. Чумоход сообразил, что промахнулся, и двинул вилы назад, но решетчатый мостик прочно застрял на их рогах, и чумоход завяз. Он тупо дёргал вилы, пытался сдать обратно, завывал дизелем и никак не мог отцепиться: рваные конструкции защемили его растопыренную лапу и держали возле дробилки намертво, будто в капкане.

А сплитчер, карьерный комбайн, и не думал прекращать охоту на людей.

— Давайте на эстакаду! — приказал Серёга Маринке и Мите. — Попробуем уйти в развалы, может, затеряемся…

Митя первый полез вверх по «грохоту» — задранному пандусу, на котором под воздействием вибрации сортировались куски породы. В ячейках решётки «грохота» ещё кое-где торчали камни, а изнутри уже росла трава. За Митей с трудом карабкалась Маринка, за ней — Серёга. Пандус поднимался к эстакаде. Сплитчер, обшаривая сооружения радаром, тоже повернул к «грохоту».

Над верхним концом «грохота» нависал край эстакады — тяговый вал со стальными сегментами ленточного конвейера. Цепляясь за ржавые пластины транспортёрной ленты, Митя неловко взобрался на эстакаду. Серёга подсадил Маринку —

Маринка изнемогала и уже не спорила. Карьерный комбайн покатил правее: со стороны «грохота» он не въехал бы на крутой глыбовый склон под эстакадой и потому устремился в обход каменного холма к лощине.

Линии эстакад опутывали всё пространство пустоши, как кровеносная система. Грузовики привозили битую породу со строительства «Гарнизона» и ссыпали в отвалы, а оттуда экскаваторы гребли каменные обломки ковшами и переносили на эстакады; по длинным транспортёрам эстакад разнокалиберные каменюки покорно ехали на «грохоты» дробилок. Когда-то здесь, на отвалах, всё работало, шевелилось, оглушительно шумело, а сейчас царили тишина и неподвижность. На склонах окостеневших холмов ветерок качал сухую траву, шелестел редкой листвой чахлых берёзок. Однако покой и запустение отвалов были обманчивы, потому что по лощинам в поисках жертв ползали чумоходы.

Эстакада широко шагала через каменные россыпи, порой утопая по колено, и сверху казалось, что это виадук над валунными волнами. А из волн упрямо вынырнул обросший мхом карьерный комбайн с огромной баровой пилой и кустом смородины в кабине. Комбайн ринулся к опоре эстакады. Пила врезалась в стальную ферму. Горный инструмент не смог бы рассечь металл, но резцы драли и корёжили его — измочаленная конструкция подалась и медленно согнулась, как колено. Два соседних пролёта, что опирались на эту ферму, с долгим скрежетом просели, подломились и перекосились.

Маринка почти падала, и Серёга с Митей потащили её, закинув её руки себе на плечи. Они еле умещались на полосе конвейера. Ноги подворачивались на камнях. Сплитчер не отставал: катился понизу по глыбовым буграм, грозно вздымая перед собой непропорционально большую лопасть баровой пилы, и подрубал опоры эстакады. Ржавый мост шатался, шатались мёртвые отвалы, сизый горб Ямантау вдали и голубой небосвод с белым облаком. Серёга и Митя волокли Маринку, но Митя тоже был плох — он то и дело спотыкался. Обнявшись, они хромали по высокому транспортёру втроём, а сплитчер подбирался всё ближе. Был бы этот комбайн хоть немного поумнее, то заехал бы вперёд, чтобы перехватить беглецов, но он умел только преследовать. Хотя и так он вскоре добился бы своего: вон там, совсем уже рядом, он мог въехать на пологий склон, с которого чудовищная пила дотягивалась до эстакады.

Серёга, кашляя, лихорадочно соображал, что же ему предпринять. Он чувствовал ответственность за Маринку и Митяя — за раненую и полудохлого. И Серёгу почему-то

не тяготила необходимость не думать о себе. Душа словно бы наконец-то заняла правильное положение. Он же сильный. Он рулит.

— Я спрыгну и уведу чумоход за собой!.. — яростно прохрипел Серёга.

— Нет! — яростно прохрипела Маринка.

— Да всё нормально!..

— Пусть он идёт! — Маринка мотнула головой на Митю. — Он Бродяга, его чумоход не убьёт!..

Митя молчал: пусть эти двое решают его судьбу.

— Да как он заманит тогда эту суку? — спросил Серёга. — Надо мне идти!

— Нет! — твердила Маринка. — Не уходи!

Она надеялась только на Серёгу.

Вряд ли они успеют преодолеть опасный участок эстакады раньше, чем его перекроет осатаневшая механическая нежить… И надвигающаяся гибель дохнула на Серёгу холодным ознобом. Ёптыть, от этого чумохода с горной пилой Маринка не убежит — а он, Серёга, и не будет убегать в одиночку…

— Тогда скачем дальше! — объявил Серёга. — Авось повезёт!..

И они поковыляли дальше.

Может, это их и спасло.

Над ломаной кромкой валунного откоса вдруг высунулась щербатая морда мотолыги. Рыча, мотолыга поднялась, осыпая с гусениц всякий мусор, накренилась на борт и перевалила через гребень. И Серёге, и Мите, и Маринке она показалась спасательным кораблём, бравым истребителем драконов. И тотчас бабахнули сразу два выстрела из гранатомёта. Один снаряд взорвался в щебне возле рубчатого колеса чумохода, а другой — в кабине. Во все стороны разлетелись камни, кривые железяки и зелёные листья смородины. Сплитчер словно подавился рокотом своего двигателя, поехал куда-то вбок и, принимая поражение, уронил баровую пилу — она врылась в кучу глыб. Из моторного отсека что-то потекло, заструился дымок, и потом на капоте вспыхнуло пламя.

В мотолыге что-то радостно орали Костик и Матушкин.

Измождённая Маринка опустилась на ленту транспортёра, и Митя тоже молча сел рядом. А Серёга всё стоял. Он смотрел не на мотолыгу и не на горящий чумоход, а на склон дальнего холма. Там полз «инженерный танк».

На самом деле это лишь издалека казалось, что «танк» неспешно ползёт, а «танк» мчался по распадку меж двух отвалов, на пределе форсируя движок. И по склону левого отвала в атаку

на врага, поблёскивая ногами и корпусами, сверху вниз бежал харвестер Егора Лексеича.

Коптер по-прежнему транслировал с неба панораму всей пустоши возле щебёночного завода, и Егор Лексеич прекрасно знал, где находится машина Алабая и куда она направляется. С Алабаем следовало покончить. И Егор Лексеич устремился в погоню — по каменному косогору наперерез Алабаю. Харвер был и быстрее, и манёвреннее «инженерного танка».

Многоногий комбайн, изгибаясь, преодолел очередной валунный холм, и Егор Лексеич наконец-то увидел «танк» собственными глазами. Длинный, загромождённый оборудованием вездеход пылил по лощине, как неуязвимый носорог. Егор Лексеич почувствовал злорадное удовлетворение: вот ты и попался, гад! Ничего тебя теперь не спасёт! Егор Лексеич повёл харвер по самому выгодному направлению, чтобы напасть на «танк» с кормы.

Возможно, «танк» и принял бы сражение лоб в лоб, но это означало, что надо тормознуть и дождаться летящего с возвышенности противника, утратив инициативу; Алабай предпочёл скоростное отступление. «Танк» наддал газу, выбрасывая струю выхлопа. Но из пассажирского отсека выпрыгнул человек с гранатомётом в руках. Это кто-то из «спортсменов» решил погеройствовать: типа как харвер всё равно помчится за более важным врагом, то есть за «танком», — и получит от героя гранату в бочину. Ага, дерзай, чепушила.

Егор Лексеич не купился на дешёвую разводку. Харвер несся прямо на героя. Тот очканул, второпях пульнул из базуки — снаряд просвистел мимо — и сиганул во всю прыть куда-то в сторону. Харвер нагнал его за десять шагов и пнул стальной ногой в спину. Человек распластался в воздухе, как кленовый лист, и шлёпнулся на камни безобразной тёмной кляксой.

Экипаж «инженерного танка» не мог отстреливаться от противника, что находится за кормой: тому, кто вылез бы из люка пассажирского отсека, мешала башенка подъёмного крана. Харвер топал в пыли, снова приближаясь к «танку» сзади. В кабине харвера Егор Лексеич деловито сунул пятерню в перчатку гаунтлет-пульта. Харвер расправил суставчатую ручищу с чокером и жадно потянулся к «танку». А на «танке» другой алабаевец, хватаясь за скобы и поручни, на ходу пробрался по корпусу к башенке крана. Кран ожил. Его стрела, удлиняясь, выехала над кормой «танка» и отбила ручищу харвера.

«Танк» отмахивался крановой стрелой, не позволяя харверу цапнуть себя за загривок. Алабаевец болтался в трясущейся башенке, но ловко орудовал рычагами. Стрела качалась перед

харвером в клубах пыли, не подпуская к «танку», камни из-под гусениц врага стучали по корпусу комбайна, жёстким хвостом перед харвером топырился утыканный резцами траншеекопатель: «танк» ощетинился, защищаясь всем, что имел. И Егор Лексеич разозлился.

Ручища харвера изловчилась поднырнуть чокером под стрелу, и чокер схватил её будто снизу за горло. Егор Лексеич бросил комбайн вперёд. Харвер начал заламывать стрелу вверх; подъёмный поршень стрелы вытянулся из гидроцилиндра до предела; харвер нажал ещё, и опорная платформа крана от толчка выскочила из поворотного кольца. Харвер убрал руку — кран остался парализован. И тогда харвер уже беспрепятственно двинул руку вперёд, смял башенку, точно картонную, вместе с алабаевцем внутри, и потащил всю сложную и растопыренную конструкцию крана через корму «инженерного танка». Бесформенная груда металлолома жестоко пропахала корму, своротив и заднюю кабину, и механизм траншеекопателя, рухнула вниз, на камни, и поволоклась за «танком», словно ком железных внутренностей.

Харвер легко переступил через него, заходя к «танку» с борта. А «танк» всё мчался вперёд, напоминая огромную раненую крысу. И харвер принялся громить его чокером, кусать и рвать на ходу: выдирал из него куски, лоскуты и лохмотья — обломок крыла над гусеницей, боковину от кожуха моторного отделения, резервный топливный бак, угол крыши пассажирского отсека. Тонкие ноги харвера мелькали мимо окошек «танка» стальными молниями.

У «танка» ещё уцелела водительская кабина. Егор Лексеич берёг её на сладкое, ведь там сидел сам Алабай. Егор Лексеич ощущал мощь харвестера, будто собственную мощь, наслаждался своим гневом и торжеством возмездия. Как этот городской говноед посмел пойти залупой против него, бригадира Типалова, который столько лет царил в этих диких лесах?..

Егор Лексеич уже занёс над кабиной «танка» тяжёлый чокер — карающий меч своего правосудия. Алабай не стал дожидаться рокового удара. Откинув дверь кабины, он выпрыгнул наружу, упал, сгруппировавшись, и перекатился в сторону, уворачиваясь из-под ног харвера. Вслед за Алабаем метнулся его рыжий пёс — и тотчас угодил под стопу комбайна: за стопой на вдавленных камнях вспыхнуло кровавое пятно. А на кабину рухнул сверху раззявленный чокер. Брызнуло стекло прожекторов; чокер пробил крышу, скомкал в горсти и кресло водителя, и колонку управления и вырвал всё с потрохами.

Дизель «инженерного танка» продолжал работать, но правую гусеницу заклинило. «Танк» по инерции ещё промчался вперёд

и затем начал медленно поворачивать вправо, словно закрутился на месте от нестерпимой боли. Возле правого борта нагребало вал из каменных обломков — и наконец этот вал остановил слепое движение могучей машины. Двигатель заклокотал в агонии, подавился и умолк. Из кривой дыры моторного отсека пополз синий дым — будто отлетающая душа механической твари. «Инженерный танк» сдох.

Лощину затопила взрыто-белёсая полоса пыли — след от сражения машин. И в светлой мгле смутно обрисовался тёмный силуэт мотолыги.

67
Щебёночный завод (V)

Время, оказывается, не застыло на месте, и солнце сдвинулось под уклон небосвода. Оно ещё не начало краснеть, но отяжелело, и всё вокруг обрело свою тень — каменные глыбы, машины, люди. Восточные склоны холмов стали рябыми, и выявилась фактура отвалов — их сыпучесть, выпуклость, объём.

Изуродованный «инженерный танк» покрылся налётом осевшей пыли, словно бы уныло проторчал в этой лощине уже сотню лет. А харвер выглядел как новый: технологичный, сложный, отсвечивающий гладкими корпусами из ситалла. Это были машины разных поколений — грубая и варварская механика против тонкой и жестокой электроники, и не мудрено, что «танк» проиграл.

Война бригадиров завершилась разгромом Алабая. Дело было не в гибели «танка». У Алабая осталось всего два бойца плюс Вильма и Щука. С таким войском не повоюешь. Егор Лексеич сам удивился, как мощно он расправился с противником — разбил наголову. Что значит опыт. Понторез Алабай связался с тем, кто ему не по зубам. И теперь его бойцы сидели на камнях возле «танка» не столько подавленные поражением, сколько смущённые своей открывшейся глупостью. Зачем они поверили Алабаю? Он же щенок перед Типаловым!.. Одной лишь Щуке всё было похер. Она весело улыбалась и Егору Лексеичу, и его людям — старым знакомым. Дескать, круто опять встретиться, кенты.

— Недооценил я тебя, Егор Алексеич, — дружелюбно признал Алабай.

Он держался так, будто все они участвовали в каком-то соревновании и Типалов победил, однако в остальном они равны и друг другу не враги. Егор Лексеич понимал, что это форма защиты. Алабай боится и как бы наводит его, Типалова, на мирный настрой: дескать, разойдёмся по-спортивному.

— Что делать будешь, чемпион?

Егор Лексеич стоял над сидевшими пленниками, заложив руки за спину.

— Тебя — вальну, — сказал он Алабаю, — про других ещё не решил.

Алабай засмеялся, точно оценил хорошую шутку.

Возле мотолыги Матушкин возился с бризоловой плиткой: ему поручили сделать кофе. Алёна разбирала кучу продуктов — трофеи из «танка». Калдей что-то жрал из пакетика, чипсы или

орешки. Костик и Фудин с автоматами в руках охраняли пленников. Фудин смотрел на них назидательно, а Костик нетерпеливо переминался: ему любопытно было, как дядя Егор убьёт Алабая.

— Слушай, командир, возьми нас с Тимуром к себе, — обратился к Егору Лексеичу один из «спортсменов». — Мы же тут за деньги, а не за идею, — боец хмуро глянул на Алабая: — Извини, конечно, Эдик.

— Без обид, Лёнька! — охотно согласился Алабай.

Вильма, закрыв глаза, прижималась к его плечу. Казалось, она ничего не слышит, ни во что не вникает — она просто счастлива быть рядом.

— Откуда я знаю, что вы мне подляну не кинете? — спросил Егор Лексеич.

— Да накидались уже…

— Ну-ну.

— И меня тоже возьми, начальник! — подсунулась Щука.

Егор Лексеич не удостоил её ответом.

Маринка с перевязанным бедром лежала в мотолыге на ящиках и ни о чём не думала. Душа у неё опустошилась. Маринке требовалось время, чтобы понять, как она теперь относится ко всем — к дядь Горе, к Серёге, к Митьке, к бригаде… И к командировкам тоже. Все её обманули, всё было не так.

А Митя с Серёгой примостились на большом валуне и наблюдали. Обоим им было ясно, что Егор Лексеич кончит Алабая. Митя не испытывал никаких чувств: просто два паука грызутся в банке. Серёга же мрачно курил. Бригадира «спортсменов» он не жалел. Там, на щебёночном заводе, Алабай избивал его с явным удовольствием — хвастался приёмчиками. Но сейчас Серёгу что-то давило изнутри. Ему словно бы стало тесно на этих просторных отвалах. Чё, вот так, что ли, жить-то надо — мочить друг друга, драть бабки, пиздить, нагибать, наёбывать… Чё, по нормальному-то нельзя? Волчары они, что ли? Маринку вон дядя подранил и на смерть послал… Да и его самого тоже…

Егор Лексеич протянул руку, и Фудин передал ему автомат.

— Может, этих двоих заставить, шеф? — он кивнул на пленных.

— Заткнись.

Егор Лексеич знал, что городские отличаются от лесорубов. Городских нельзя повязывать кровью. Городские не хотят запачкаться. Если вынудить их грохнуть своего бригадира, то потом они легко грохнут и чужого — то есть его, Типалова. Что ж, пусть чистенькие бегают. Верней служить будут.

— Ладно, Алексеич, напугал — и довольно, — забеспокоился Алабай; он ещё надеялся выжить и сохранить лицо. — Давай торговаться.

— Торговаться? — удивлённо хмыкнул Егор Лексеич.

— Я тебе сдам сделку с «гринписовцами», — Алабай опять приглашающе улыбнулся. — Все контакты, счёт в банке и деньги, что они уже перевели. Я договорился под Ямантау плантацию «вожаков» организовать. Каждый сезон буду вырубать одну половину стволов, а за счёт другой половины плантация будет восстанавливаться. И «гринписовцы» проследят за восстановлением. Это на годы вперёд стабильный заработок!.. Ты же умный мужик, Алексеич!..

Егор Лексеич, конечно, сразу уловил суть. Но это ничего не меняло.

— Плевать мне на твои расклады, — ответил он. — Я и сейчас всё вырублю, и на будущий год всё вырублю. А не вырастет — дак ещё где-нибудь найду. С хуя ли мне за кого-то цепляться? Лес большой! Мне по-любому хватит!

— Нет, ты прикинь!.. — заторопился Алабай.

Егор Лексеич отбил короткую очередь — она взрыла Алабая поперёк груди. Алабай, выпрямившись, задрожал, словно пытался перетерпеть, чтобы потом продолжить торг, но не перетерпел, выдохнул и повалился на спину.

— Да прикинул я уже, — с презрением сказал ему Егор Лексеич.

С Вильмой случилось что-то странное. Она будто сошла с ума. Она тихо поползла на упавшего Алабая — маленькая на большого, легла на него, как в постели, обняла его за голову, но всё время беззвучно кричала. Её крик был слышен всем, хотя после автоматной очереди воцарилась огромная и жуткая тишина, невыносимая даже для Егора Лексеича. Тогда Егор Лексеич повернул автомат и оборвал тишину второй очередью — уже по Вильме. А Вильма и не шелохнулась под пулями, умирая с таким блаженным облегчением, словно после долгих мытарств наконец-то исполнилась её самая заветная мечта.

Щука инстинктивно шарахнулась в сторону от покойников. Алабаевцы отвернулись. Серёга страдальчески сморщился. Фудин печально кивал — вот, мол, до чего доводит ссора с бригадиром… Костик злорадно улыбался. Алёна, прикрывая ладонью глаза от солнца, смотрела на всех с осуждением, будто виноваты были те, кто вокруг, а не Егор Лексеич. Сам же Егор Лексеич зорко следил за мертвецами — не оживут ли?.. А Митя ничего не почувствовал. Его давно переполнило переживаниями, новые в него больше не вмещались. Есть ведь предел любым

впечатлениям. Митя ощущал себя бочкой, в которую боль и гнев залили под самую пробку, и теперь в бочке ничего не колыхалось. Он понял, что сравнялся с Егором Лексеичем: отныне его ничем не пронять.

— Круто! — восторженно подытожил Костик. — Пиздец Алабаю!

Егор Лексеич вернул автомат Фудину.

— Дело к вечеру, — обыденно заметил он, щурясь на небо. — А мы с утра не жрали… Короче, собирайтесь. База будет у капонира. Едем туда.

Фудин засуетился:

— Шеф, бризола в мотолыге полбака осталось. Можно я с «танка» солью? Там главный бак почти полный. Только вручную придётся качать, это долго.

Егор Лексеич недовольно засопел.

— Лады, — согласился он. — Алёна, залазий в харвер, поедем ужин готовить.

— А эти с нами теперь? — Костик указал на двух алабаевцев и Щуку.

— По ходу, с нами, — подтвердил Егор Лексеич. — Но тебе, Константин, поручаю охрану. Следи за новенькими… — Егор Лексеич глянул на Серёгу с Митей. — И за старенькими тоже.

Польщённый Костик браво отдал честь бригадиру.

Егор Лексеич вскарабкался в комбайн; за ним, ворочая крупным задом, неуклюже влезла Алёна. Харвер загудел, распрямил длинные суставчатые ноги, развернулся и ушагал за глыбовый холм. Два «спортсмена» и Щука по указанию Фудина перетащили трупы Алабая и Вильмы подальше; на то место, где лежали тела, тарахтя, переехала мотолыга. Фудин и Матушкин выгрузили ручную помпу. За её рукояти взялись «спортсмены». Пока никто не видит, Щука быстро обшмонала мертвецов и рассовала мелкую добычу по карманам.

Костик как бы случайно подошёл к Мите.

— Чё, живой, да? — ухмыляясь, спросил он.

Митя промолчал.

— Ты не докажешь дяде Егору, что я тебя пырнул, — негромко произнёс он. — Я скажу, что это «спортсмены» тебя порезали.

— Вали отсюда, — угрюмо посоветовал Костику Серёга.

Костик отвалил.

Митя и Серёга по-прежнему сидели на валуне и наблюдали, как Фудин, Матушкин и «спортсмены» возятся с насосом. Пригревало солнце. За горбами каменных бугров тянулся туманно-зелёный массив Ямантау. Пахло пылью.

— Обрыдло мне здесь, — признался Митя. — И бригада, и война, и вообще всё… Я сбегу, Серёга, как только выдастся случай. Давай вместе сбежим.

Серёга в досаде поддел булыжник носком кроссовки. Чё за дела? Всё же устаканилось, Алабая вот спихнули с пути, а Митяй новую херню затевает!..

— Я думаю, что ты из этой командировки не вернёшься, — добавил Митя.

Серёга и сам порой чуял, что добром командировка для него не кончится.

— Обоснуй, — мрачно потребовал он.

— Типалов устроил беспредел — даже, наверно, по меркам лесорубов. Ему придётся заметать следы. Убирать свидетелей. Типалов доверяет лишь Алёне, следовательно, и Костику. Их он и привезёт обратно. Возможно, Фудина и Калдея тоже привезёт. Но остальных не пощадит. И Марину не пощадит.

— Гонишь, — холодея, не поверил Серёга. — Людоед он, что ли?

Расстрел Алабая и Вильмы Серёгу, похоже, ещё ни в чём не убедил.

— Тебя он уже подставил. Марину тоже. Конечно, людоед.

Серёга размышлял. Над отвалами носились птицы. Мягкий ветер обдувал горячий лоб. Всхлипывала и сопела помпа, качающая бризол.

Рядом как-то сама собой образовалась Щука, она лыбилась во весь рот.

— На рывок мастыритесь? — шёпотом спросила она. — Примите меня!

— Подслушивала, падла? — разозлился Серёга. — Я тебе череп расколю!

— Да не ссы, не стукану! — сразу пообещала Щука.

— Ты же у Типалова работать хотела, — Митя поглядел Щуке в глаза.

— Ну щас. Спиздела просто, не то Типал меня как Алабая бы ухлопал.

— Ладно, держись рядом с нами, — спокойно согласился Митя. — Но сейчас уйди, не мешай мне с братом говорить.

— Замётано! — заявила Щука и немедленно исчезла.

Серёга колупал ногтями камень.

— Я бы дёрнул с тобой, Митяй, — убито сказал он, — но Маринка-то ведь упрётся. Она же на бригадира целит. Не будет она ссориться с дядей.

— И после пули в ногу не будет?

— Сглотнёт, — горько ответил Серёга. — Все мы сглатываем.

Митя помолчал, рассматривая дальнюю громаду Ямантау.

— Попробуй убедить её. И ночью уйдём вместе. Или я со Щукой уйду.

Серёга сплюнул — яростно и далеко.

— А куда бежать? Лексеич с бойцами догонит нас. Маринка-то ранена.

Митю это не смутило.

— Когда я вспомнил про Харлея, то вспомнил и остальное, — сказал он. — Я знаю, где вход в «Гарнизон». Мы попросим убежища в миссии «Гринписа».

Серёга тоже вспомнил про вход в «Гарнизон». Туда его с Вильмой привёл трек Алабая. Серёга хмыкнул, оценивая план брата, а потом вдруг спросил:

— Получается, ты мог слинять, но всё равно пошёл за мной на завод?

Митя спокойно пожал плечами: а что такого?

68
Гора Ямантау (IV)

В мотолыге опять было тесно — в отсек загрузили трофеи: мотопилы, генератор и канистры из погибшего «танка», ящики с боеприпасами и сумки с продуктами. Щука и Костик сидели у заднего борта друг против друга; Костик с грозным видом держал на коленях автомат, перекинув ремень через шею, а Щука нагло улыбалась. Рядом с Костиком разместились Серёга и Маринка, рядом со Щукой — Митя и Матушкин. Два «спортсмена» втиснулись в закуток возле дизеля; Фудин вёл машину, Калдей занял кресло штурмана.

Мотолыгу качало и потряхивало, хотя в целом она ехала ровно: старая техническая трасса, раздавленная тяжеленными самосвалами, зарастала плохо — только жидкими кустами. Но мимо бортов плыли мощные стволы сосен.

Мотолыга неожиданно повернула, сдирая гусеницами дёрн, и оказалась на просеке — той самой, которую вчера бригада Егора Лексеича расчищала под руководством Маринки. Просека соединяла портал, где заканчивалась ветка железной дороги, и площадку с ракетными шахтами. Мотолыга покатилась направо, в сторону портала и капонира, — к новой базе Егора Лексеича.

Маринка навалилась плечом на кожух двигателя и закрыла глаза, чтобы не смотреть на Митю. Митя понимал, что она до сих пор видит в нём Харлея, видит что-то чужое, противоестественное, краденое, и никуда от этого уже не деться. Но со своими страхами Маринка пусть разбирается сама. Митя глянул на Серёгу, и тот легко прочёл безмолвный вопрос: удалось ли уговориться на побег? Перед выездом Серёга долго шептался с Маринкой.

— Всё пучком будет, — вслух заверил Серёга.

Костик покосился на него с подозрением.

— Слышь, Митяй, — обратился он, чтобы перебить общение братьев, — а много ваши мудаки платили Алабаю?

Костика точило сожаление, что дядя Егор пристрелил Алабая, не выяснив про деньги от «гринписовцев», которые Алабай готов был отдать.

— Мудаки — это вы, — спокойно поправил Митя; он бесконечно устал от быдлячества лесорубов. — А в миссии «Гринписа» люди порядочные.

— Ну да, ага, — не обидевшись, ухмыльнулся Костик.

— Туда не за деньгами идут… — Митя говорил медленно

и задумчиво. — Там не те, кто убивает, ворует и рушит. Там за правду готовы под арест и в лагеря. Вы даже представить не можете, что такие люди существуют. А они строят будущее — из того, что вы тут наворотили со своими войнами.

На Костика эти слова не произвели никакого впечатления. У Маринки упрямо ожесточилось лицо — Маринка ничего не желала знать от Мити. А Серёга возмутился — как бы против воли, но возмутился:

— Да чего они тут строят? Тут только лес да машины психованные!

— Я вам даже объяснить не могу — вы невежи! — ответил Митя. — Что вам скажет формулировка «транспозиция нейлектрических контуров»?

— А ты по-человечески!.. — упорствовал Серёга.

Матушкин внимательно слушал Митю.

— Транспозиция нейроконтуров — это перенос личности. Срастание любых организмов. Управление природой. Объединённый разум Земли…

Митя видел, насколько пусты и бесполезны его слова. Понимать смысл — этого мало. Надо, чтобы смысл был важен, востребован. А зачем этим людям информационное бессмертие или управление природой? Зачем объединённый разум планеты? Что делать с этими возможностями? На сковородке их не пожарить, спину ими в баньке не потереть и в автомат не зарядить!

Практическую пользу из Митиных слов извлекла только Щука.

Пока Костик пялился на Митю, она тихонько вытащила из ящика под собой банку с тушёнкой — и, привстав, с размаху ударила ею Костика в лоб. Всплеснув руками, Костик отлетел к борту мотолыги. Щука бросилась к задней стене железного короба, сдвинула засов и распахнула дверку.

— Винтим отсюда! — крикнула она Мите и Серёге. — Сами же хотели!

Она всё рассчитала. Стрелять способен только Костик. Витюра — дристун, алабаевцы — без оружия; Фудин и Калдей — впереди, пока ещё до них шухер дойдёт… Надо вырубить малого — и путь открыт.

Никто Щуку не просил устраивать побег, ни с кем она не советовалась — просто ей показалось, что так будет зашибись.

Митя впился взглядом в Серёгу. Серёга, встрепенувшись, посмотрел на Маринку. А Маринка молча отстранилась от него. Она не хотела бежать. Во всяком случае — с Митей. Ошарашенный Серёга на мгновение застыл, а потом перевёл глаза

на брата. И в глазах у него горело отчаяние.

— Беги сам… — сказал он.

Щука юркнула в проём, зиявший в железном коробе, и соскочила наружу. Митя метнулся за ней. Второго шанса у него не будет. Щука спалила их с Серёгой. Если он сейчас останется, то его просто свяжут и плотно возьмут под контроль — Типалову нужен Бродяга. А Серый… Что ж, это его выбор.

Митя на ходу спрыгнул с невысокой кормы транспортёра и упал в траву. Прыжок отозвался острой болью в животе, но Митя сразу поднялся и побежал по просеке — впереди мелькала удирающая Щука. Из перспективы просеки сквозь растрёпанные кроны деревьев слепило вечернее солнце.

Мотолыга уезжала дальше: Фудин, водитель, ничего не знал о том, что произошло в десантном отсеке, и ничего не слышал за шумом двигателя. А Костик, ошеломлённый ударом, размазал по морде кровь из рассечённого лба и, пошатываясь, встал. Толком не соображая, он вскинул автомат и выпустил очередь по беглецам. Серёга накинулся на Костика всем телом и повалил на ящики, где только что сидели Щука и Митя. В закутке у дизеля засуетились алабаевцы, и один из них полез к Фудину, чтобы сообщить о побеге.

Митя даже не понял, в каком месте его прорезало болью. Он схватился за живот, под рукой хлюпнуло что-то мокрое — лопнувшая рана от ножа. Ладонь была в крови, но не красной, а бурой, с зелёными волокнами. И через спину в грудь Митю пронзило странное ощущение чужеродности. Митя догадался, что прошит пулей навылет — от лопатки сквозь лёгкое. Ему показалось, что он — лодка с пробоинами: как вода, его заполняет неподъёмная слабость, и всё тело тягуче заныло от каждого движения. Теряя силы, Митя ещё бежал, но плечи и ноги наливались каменной тяжестью, и Митя, задыхаясь, перешёл на шаг.

Словно сочувствуя Мите, лес расступился перед ним. Впереди светлела знакомая поляна: ядрёный сосновый строй на крутом склоне Ямантау, а в нём — замурованная потерна; брошенный трал, заросший травой; развалины зданий с дырами окон и кустами на кровлях; обломки плит в мелких зарослях… В центре пустыря зияли две громадные ракетные шахты, затопленные бризолом; рядом лежали сдвинутые бетонные крышки. На краю дальнего колодца висел раскоряченный харвер… Однако мир вокруг Мити будто поблёк: его краски, прежде яркие и насыщенные, теперь содержали больше объёма, чем цвета. Всё потеряло материальность, сохранилась только бестелесная форма.

Митя упал на колени. Голова не соображала. Земля куда-то плыла.

Щука быстро трогала Митю ловкими пальцами воровки.

— Э-э, бля, подстрелили тебя, — охнула она.

— Дотащи до входа в миссию… — еле сумел попросить Митя.

— Не-е, тогда меня саму словят, — бесстыже отпёрлась Щука. — Извини, кореш, не фартовый ты… Зашкерься куда, глядишь, не заметит погоня… А я додикам с бункера замажу за тебя, вдруг помогут?.. Короче, давай!

И она полетела дальше.

Митя постоял на четвереньках и усилием воли снова поднял себя на ноги — медленно, точно боялся расплескать сознание. За эти сутки он уже второй раз вот так вот падал — и вставал. Нет, он не сдастся. Если он снова угодит в лапы к Типалову, то его перебинтуют, накачают чем-нибудь и вынудят искать «вожаков». Калдей на руках его носить будет, а Типалов начнёт угрожать: брата убью, Маринку убью… Хватит этой погани… И хватит убегать от людоеда.

Мотолыга выкатилась на поляну, сминая мелкие деревца. И Фудин, и Костик, что торчал у Фудина за спиной, и Калдей, и Серёга, взобравшийся на кожух двигателя, — все они среди заросших развалин тотчас увидели Митю. Сгорбившись, он брёл к харверу, что застрял на краю ракетной шахты. Под вечерним солнцем блестели задранный задний корпус комбайна и шарниры его коленных суставов. Лапа комбайна с разинутым чокером шарила в воздухе над Митей, но не могла его нащупать. И Серёга тотчас вспомнил, что Маринка сказала, будто чумоходы не трогают Бродяг. Похоже, и правда не трогают…

Митя перелез борт колодца, вскарабкался на корпус харвера и пропал из виду. Фудин тормознул мотолыгу возле какой-то бетонной коробки.

— Он что, в кабину забрался? — спросил Костик в злобном изумлении.

— В кабину, — подтвердил Фудин.

— Да как так-то — в чумоход?..

— Загадка природы, Константин, — авторитетно объяснил Фудин.

Больше спешить было некуда. Митрий никуда уже не денется. Фудин, Костик, Калдей, Серёга, Маринка, Матушкин и оба алабаевца спустились из мотолыги на землю. Яростно пылало низкое солнце, стрекотали кузнечики.

— Слышь, командир, как нам к тебе обращаться? — поинтересовался у Фудина один из алабаевцев.

— Михаил Георгиевич, — с важностью сообщил Фудин.

— Давай мы с Лёнькой тебе обратно Ведьму приведём. Скорее всего, она надеется укрыться в «Гарнизоне». Кукует там у входа. Это недалеко отсюда.

— Чё, хотите сами вместе с ней смыться, да? — ухмыльнулся Костик.

— Хотели — давно ушли бы, — пренебрежительно ответил «спортсмен». — Из тебя охранник — никакой. Ты же прохлопал Ведьму с Бродягой.

Морда у Костика была перемазана кровью, но никто его не боялся.

— Учёные не пускают посторонних к себе в катакомбы, — сказал другой алабаевец. — Ведьма этого не знает. Она же у нас новенькая.

— Оружия вам я не доверю, — свысока предупредил Фудин.

— Не надо оружия. Голыми руками её скрутим.

— Тогда даю вам времени до темноты.

Алабаевцы повернулись и двинулись к лесу.

Фудин, Костик, Серёга и Матушкин направились к шахте.

Стены колодца растрескались, поросли мхом и лишайником, арматура заржавела. Буро-зелёная болотная жижа, заполняющая шахту, казалась живой, да она и была живой — с ряской и тиной, с пузырями, с пучками редкой травки на плавающих гнилых комьях. Харвер висел прямо над жижей, запутавшись ногой в монтажной лесенке. Поймав радаром людей, он загудел громче, заворочался, задёргался; ручища с чокером то вытягивалась, то складывалась.

Серёга смотрел на мутные стёкла кабины, пытаясь увидеть за ними брата, но не мог ничего различить. Он попытался представить, как Митя сидит там в дикой зелени, одинокий и затравленный, и почему-то его охватила тоска. Почему-то ему стало ясно, что Митька не выйдет из этой кабины никогда.

— Ёбнуть по нему с базуки, и всё, — азартно предложил Костик.

— Шефу Бродяга живым нужен, — возразил Фудин.

— А если чокер отстрелить? Тогда Митяя можно за шкирку вытащить.

— Из автомата чокер не повредить, — подумав, рассудил Фудин. — А из базуки — не попасть. Тем более, чокер вон как мотается.

— Да я попаду, говно вопрос! — упрямился Костик.

Никто не стал с ним спорить.

Серёга заметил, что Матушкин глядит на харвер со странной надеждой.

— Ты чего, Витюра? — негромко спросил Серёга.

Матушкин не ответил, отвернулся и молча пошагал к мотолыге.

— Сдулся Витюра без своей прошмандовки, — хохотнул Костик.

— Зато ты вонью надут — аж травит по щелям.

— Я тебя убью, Башенин! — от всего сердца пообещал Костик. — Как дядя Егор даст добро, так сразу и убью!

— Прекратите! — начальственно поморщился Фудин. — Дисциплины у вас нет никакой!.. Судя по всему, Бродягу нам не достать. Против харвера только харвер нужен, — Фудин вынул телефон. — Придётся шефа сюда вызывать.

69
Объект «Гарнизон» (V)

По гидравлической системе левой задней ноги Митя вскарабкался на задний корпус харвестера, через стыковочный узел перелез на средний корпус и, лёжа на спине, поехал вниз по шершавому от лишайников ситаллу, пока не уткнулся ногами в затылок кабины. Конечно, он мог соскользнуть, сорваться и упасть с комбайна в бризоловую болотину, заполнявшую бетонный колодец ракетной шахты, однако на страх у Мити уже не было сил. А двигаться дальше оказалось проще. Хватаясь за поручни, Митя добрался до двери.

Высокий борт колодца отрезал свечение вечернего неба, харвер висел на стене в тени; кабину заполнял призрачный синеватый полумрак — ещё горели мониторы, густо оплетённые зеленью. Зелень заняла весь объём помещения, как живая пена, колыхалась в воздухе — то ли моховая паутина, то ли сети водорослей, то ли пух из плесени. Митя погрузился в мягкую и влажную прохладу. Он даже не понял, попал ли на водительское кресло: его держало как в гамаке, как на зыбкой перине. И он наконец ослабил волю. Он ведь дошёл до конца своего человеческого пути.

Это было блаженством — тихо растворяться в огромной жизни, сохраняя себя лишь настолько, насколько хотелось. Чужая вегетация впитывала его в себя — и становилась его собственной. Не испытывая ни страха, ни отторжения, Митя ощущал, как его почти неосязаемо оплетает, опутывает и окутывает что-то невесомое и всесильное, будто магнитное поле. Оно проникает в тело, подключается к нервам, снимая боль, сшивает его с миром, пусть и не так, как он привык. Что-то в нём размывается, тает — то, что было неважным; рисунок его взаимосвязей с окружающим разбегается и ветвится, словно изморозь на окнах; но что-то в нём и остаётся неизменным — то, без чего нельзя.

В нём оставалась горечь. Горечь за Серёгу. Иррациональное сожаление — ведь Серёга не был ему братом ни физически, ни ментально. И тем не менее что-то странное ведь соединило их накрепко… Однако Серёга не осмелился сделать самый главный шаг, не решился уйти — и увяз там, где бригады и бригадиры, где ложь, насилие и подлость. С лесорубами ему было понятнее и проще. Как и всем лесорубам, ему не нужны были ни совесть, ни будущее. Ну и ладно. Не для Серёги же он, Митя, был создан селератным лесом…

А для кого? Для чего? Глупо спрашивать, но в чём смысл его появления?

Природа функциональна. Даже ошибки её — стратегические страховки, которые просто не потребовались. Цель у жизни одна: продлиться, выстоять в борьбе за существование. А селератный лес тоже ведёт яростную борьбу. Он не хочет превращаться в бризол или фитронику. Не хочет, чтобы его вырубали. Он врастает в машины и людей, превращая их в чумоходы и лешаков. И появление Мити подчиняется той же логике — как иначе? Он, Митя, создан, чтобы защищать селератный лес. Создан, чтобы спасти.

У фитоценозов нет никаких орудий, нет изобретательного мозга и ловких конечностей, поэтому для обороны селератный лес использует достижения врага. Чумоходы — инструменты фитоценозов, а лешаки — наверное, их разум. Селератный лес отбивается чумоходами, а думает лешаками. Конечно, Митя знал это выражение: бог не имеет иных рук, кроме наших. И селератный лес мог защищаться от людей только людьми. Но что же такое тогда мицелярис?

И Митя понял, в чём ошибались Ярослав Петрович и его работники из «Гринписа». Мицелярис — не мозг. Ему нет аналога в организмах других обитателей Земли. Мицелярис нужен не для того, чтобы мыслить. Он нужен для эволюции, для развития, для создания чего-то нового. Он способен транслировать эволюционные технологии жизни, программы преображения — потому и способен воспринимать, копировать и переносить нейроконтуры. Селератный фитоценоз как бы меняет водителя в машине — хоть в лесорубном комбайне, хоть в человеке, а мицелярис меняет саму машину. Мицелярис — это воплощение потенциала жизни. Живой артефакт невероятного и прекрасного будущего, который вдруг провалился в гнусный день сегодняшний.

Конечно, мицелярис возник в результате случайного сочетания факторов. Сошлось всё: излучение со спутников, нетронутый селератный фитоценоз в бывшем заповеднике, вечная угроза вырубки, заброшенный военный объект в недрах горы… Но какая разница, что мицелярис — дитя случая? Мицелярис — первая искра, которую первый троглодит вдруг высек из камня, и неважно, в какой пещере это произошло. А Митя должен сберечь чудотворный огонь.

Да, сберечь, потому что Егор Лексеич Типалов его бестрепетно погасит.

Бригада Типалова вырубит всех «вожаков» Ямантау, и ебись оно конём.

И у Мити было оружие против бригады — харвер.

А Егор Лексеич в это время стоял на краю затопленной ракетной шахты и рассматривал чумоход, в котором спрятался Митрий. Надёжное местечко, ничего не возразишь. И пешком не подойдёшь, и стрелять нельзя.

За волнистым гребнем дальнего хребта высоко и просторно разгорелся багряный закат, по горизонтали его зарево было рассечено синим лезвием плоского облака. В ожесточённой и нежной красоте небесного пожарища чудилось что-то печальное, будто неотвратимость судьбы. Через поляну с бетонными руинами и жерлами ракетных шахт от одиночных сосен на опушке протянулись узкие, длинные тени. Ядрёный бор на склоне и зеленел, и краснел, а над ним в густом сапфировом небе лунной бледностью проступал промятый и потрескавшийся купол горы Ямантау. Харвестер Егора Лексеича причудливо торчал над краем шахты, словно выпрыгнул из неё, как гигантский кузнечик со своими усами, крыльями и задранными коленями.

— А где Щука и «спортсмены»? — не оборачиваясь, спросил Егор Лексеич у бригады, что виновато толпилась у него за спиной.

— Ведьма тоже сбежала, а «спортсменов» я за ней отрядил, но без оружия, — тотчас деловито отрапортовал Фудин. — Им срок — до темноты.

— Ну-ну, — скептически сказал Егор Лексеич.

— Они знают, где Ведьма спрятаться хочет, — поясняя, добавил Фудин.

Егор Лексеич тяжело развернулся лицом к своим людям.

— Я вот одного только, голуби, понять не могу, — с чувством произнёс он. — Как можно такими долбоёбами быть?

Бригада молчала. Алёна, послюнявив платок, вытирала у Костика со лба засохшую кровь. Фудин ел Егора Лексеича глазами.

— Ну простенькое же задание — взять и привезти Бродягу!.. — Егор Лексеич развёл руки в картинном бессилии. — Как можно всё на ровном месте просрать, а? Ну что за мудачьё? Кто вот Митрия охранял, признавайтесь?

— А чё, дак я охранял, — неохотно признался Костик, отстраняя мать.

— И-и-и?!..

— Дак они уговорились на рывок! — закричал Костик и ткнул пальцем в Серёгу: — Он там со всеми шептался! Я-то чё сделаю? Я один, а их четверо!..

— Смотри, Егора, как его ударили! — сурово сказала Алёна,

трогая Костику лоб. — Убить вообще могли, нелюди!

Серёгу словно окатило ледяной водой — Костик заложил его с потрохами, но Егор Лексеич, похоже, теперь уже не принимал Серёгу в расчёт.

— И ты с братьями сдриснуть хотела? — Егор Лексеич вперился в Маринку.

Маринка не отвечала, кусая губы.

— Она отказалась, — глухо ответил за неё Серёга.

Егора Лексеича раздувала злоба на племянницу.

— А всё равно ведь знала, сучка мелкая, что Митрий мотанётся, и никому не стуканула, да? Хуй тебе в рот, дядя Гора, да?

— Ты в меня стрелял, — почти прошептала Маринка.

— Я тебя учил, дура! — Егор Лексеич будто вырвал эти слова из сердца; он и сам сейчас верил, что лишь учил Муху, а не подставлял. — А ты меня кинула?!

Серёга угрюмо шагнул вперёд, загораживая Маринку:

— Харэ бугровать, Лексеич. Отъебись от неё.

— О, гляжу, тут банда нарисовалась? — оскалился Егор Лексеич.

— Шмальни его, дядя Егор! — азартно крикнул Костик, надеясь руками бригадира избавиться от соперника.

— Завали ебало! — рявкнул на Костика Егор Лексеич.

Он звериным чутьём ловил, когда его пытаются использовать.

— Пусть Митяй уходит, — Серёгу трясло; он понял, что Митя был прав — Егор Лексеич похоронит его здесь. — Хватит тебе «вожаков», которых Митяй вчера наметил! Нажрись наконец, Лексеич! И племяшку не трогай!

— Ох, парень, трону… — простонал Егор Лексеич, будто сам изумлялся глубине своего гнева. — Ох ведь трону…

Тронуть он не успел.

Из ракетной шахты донёсся протяжный скрежет, непохожий на прежнее громыхание. Харвер, что висел на стене колодца, запутавшись одной ногой в арматуре, зашевелился по-другому — более осмысленно, что ли. Он перестал скрести бетонный край шахты, а загнул и опустил суставчатую ручищу, будто сунул куда-то. Егор Лексеич поневоле встревоженно шагнул к жерлу колодца — он должен был разобраться, что такое странное там происходит.

Зрелище поразило его — да и не только его. Как волк, попавший в капкан, отгрызает себе лапу, чумоход отгрызал себе ногу, чтобы освободиться. Чокер, жужжа и клацая, кусал и выдирал подвижные сегменты стопы, застрявшей в переплетениях исковерканной монтажной лестницы. Обломки

с плеском падали вниз, в бризол. Компьютер комбайна не придумал бы столь зверского способа вырваться на волю. На подобное был способен лишь человек.

Конечно, харвером управлял Митя. Никто не мог видеть его сейчас, но это и к лучшему: прежнего Мити больше не существовало. Он лежал в тёмной кабине, оплетённый мицелием и зеленью, будто на хирургической операции, когда в сосуды и в трахею вводятся трубки жизнеобеспечения. Жил уже не он, порезанный ножом и пробитый пулей: жил тот организм, что подчинил себе чумоход. Теперь он принял в себя и Митю — а Митя принял его. Митя ощущал машину как собственное тело: ноги харвера были его ногами, манипуляторы — его руками, радары были зрением, компрессоры и поршни — мускулатурой, а дизель и генератор — сердцем. Митя осознавал себя ясно и чётко, понимал, что с ним случилось, но сожалений не испытывал и о Серёге с Мариной не думал. Он должен был решить главную задачу — устранить угрозу. Защитить лес.

С надсадным железным шорохом чумоход наконец вынул из ловушки свою искалеченную ногу — так извлекают гарпун. Вместо стопы висели шланги гидравлики и провода. И замшелый, заплесневелый чумоход полез из ракетной шахты наружу — будто в недрах земли ожило какое-то окаменевшее ископаемое, древний ракоскорпион, и теперь выползает на поверхность.

Егор Лексеич сориентировался мгновенно. Для него чудес в мире не было, и сейчас тоже нечему изумляться. Митрий приручил чумоход. Молодец, гадёныш!.. Но харвестер — самый сильный и опасный зверь в этих чащобах, и справиться с ним, чтобы не убить водителя, может лишь другой харвестер. Егор Лексеич кинулся к своему комбайну. Что ж, хищник — против хищника.

А бригада разбегалась от мотолыги в разные стороны.

Горел закат, и пустырь с ракетными шахтами заливало жарким красным светом. Два комбайна шагали друг на друга, поднимая раззявленные клешни. Взвыли циркулярные пилы на манипуляторах. Митя первым нанёс удар, и Егор Лексеич встретил его локтем своей ручищи. Обе машины сблизились и закружились, изгибая корпуса и переступая множеством ног, будто их властно затягивало в одну воронку. Со стороны казалось, что комбайны танцуют вальс, но вместо музыки у них рёв дизелей, гул компрессоров, визг циркулярных пил, топот и лязг металла. Над движущимися машинами, точно в некоем камлании, угловато извивались ручищи с чокерами, скрещивались и ныряли в ударах.

Егор Лексеич не спешил атаковать, он хотел проверить

Митрия. Опыт подсказывал ему, что Митрий — противник несложный: бьёт с силой, но глупо. Егор Лексеич не сомневался в своей победе. Он хотел увидеть Митрия, однако стёкла в кабине вражеского харвера ослепли от грязи, и за ними шевелилась какая-то дикая зелень, а не тень человека. Своим комбайном гадёныш владел, пожалуй, даже лучше, чем сам Егор Лексеич, пусть харвер у Митрия и хромал на покалеченную ногу, зато Егор Лексеич освоил приёмы сражения, которых Митрий не знал: неоткуда ему было знать, не наловчился ещё.

Митриева циркулярка пару раз полоснула харвер Егора Лексеича по боку, оставив глубокие разрезы в ситалле, но в целом её прямолинейные броски Егор Лексеич отводил коленом средней ноги. С чокером дело было сложнее: Митрий явно целил в кабину. Егор Лексеич отбивался длинной лапой — вертел её, складывал и расправлял, порой подставляя сустав под укус, чтобы чокер Митрия поломал зубы. Егора Лексеича колотило бешенство, оно отзывалось рывками и тряской машины, неточностью, судорогами, лишней суетой. Драке это не мешало, но будь такая возможность — Егор Лексеич перепрыгнул бы на харвер противника, выволок бы Митрия из кабины и расшиб бы ему морду.

А Митя, не шевелясь, лежал в своём зелёном колыхающемся гамаке, прошитый чужой ещё жизнью — почти невидимыми тончайшими корешками, жгутиками, волосками, гифами, жалами. Поединок харвестеров он наблюдал как бы внутри себя в стереоскопическом объёме: многообразно и сложно двигались две серебряные математические модели комбайнов, и одна из них — это он сам. Митя был спокоен. Он не дрался, а решал инженерную задачу — но не угадывал динамическую картину перемещений и трансформаций врага.

Харверы топтались на пустыре перед ракетной шахтой, крошили ногами бетонные обломки, толкали друг друга, резали циркулярками, били и грызли чокерами. Двигатели ревели; громыхали, как пустые бочки, ситаллические корпуса; визжала сталь. Гневно клубилась красная от заката мгла из поднятой пыли и бризоловых выхлопов, и в этой кровавой мгле клокотала и металась мезозойская битва промышленных ящеров.

Незачем было больше приваживать и заматывать противника, и Егор Лексеич попёр в атаку. Его циркулярка вскрыла борт у харвера Мити, нога подсекла ногу, и Митя промахнулся чокером, а чокер Егора Лексеича впился в пробоину и принялся со скрежетом глодать какой-то узел. Митя повернул машину — удобнее для нападения и не придумать, и тогда Егор Лексеич поднял переднюю часть своего комбайна на дыбы. Всей тяжестью

он обрушился на харвер Мити и навалился сверху поперёк врага; длинные ноги свирепо пинали Митин харвер, с треском проламывая корпуса; циркулярку Мити вывихнуло, а рука с чокером бесполезно дёргалась в воздухе, словно кривлялась. Егора Лексеича, пристёгнутого ремнями, болтало в кресле, а Мите в опрокинутой кабине показалось, что у него растягиваются жилы. Два трёхкорпусных комбайна ворочались на краю шахты, будто борцы в удушающем захвате.

Но Митя имел преимущество, которого не было и не могло быть у Егора Лексеича. Стереоскопическая картина с серебряными моделями теперь зияла прорехами, однако Митя помнил пустырь, где сейчас бился с бригадиром Типаловым. Ручища Митиного харвера вцепилась чокером в бетонное кольцо по краю шахты и на один изгиб локтя рывком подтащила обе машины к провалу. Ещё рывок — и ещё подтащила. Ещё рывок — и ещё чуть-чуть…

Егор Лексеич увидел, что их с Митрием сплетённые воедино харвестеры находятся в опасной близости к шахте. Егор Лексеич хотел выкрутить задний корпус своего комбайна и приподняться, чтобы задними ногами оттолкнуться от края, а Митин харвер вдруг уткнул в землю ноги правой стороны. На миг машины замерли в напряжённом противоборстве — двигатели захлёбывались, а затем харвер у Мити всё-таки пережал противника, и оба комбайна единой громадой начали медленно-медленно клониться через бетонное кольцо. Егор Лексеич понял: упрямый пацан осознал, что проиграл ему в драке, но не хочет покориться; он ползёт, чтобы кувыркнуться в пропасть и забрать врага с собой. Душа у Егора Лексеича будто взвилась в панике. Но по закатному небу широко махнули отчаянно вскинутые суставчатые ноги комбайнов, и оба чудовищных харвера, так и не выпустив друг друга из гибельных механических объятий, спутанно рухнули в шахту, заполненную бризолом.

Густая бурая жижа гибко бултыхнулась всей своей плоскостью. Харверы завязли в ней, ещё продолжая переворачиваться, будто закутывались в одеяло. Блеснул красным отсветом кормовой корпус комбайна Мити, и, не сгибаясь, ушла в болотину воздетая ручища с чокером. Бризоловая прорва неспешно поглотила добычу. Всплыли и лопнули толстые, мутные пузыри. Егор Лексеич орал от ужаса, пока бризол заполнял его кабину, и бешено колотился в крепких ремнях водительского кресла, а Митя погрузился спокойно и даже безмятежно — он всё исполнил как надо и теперь возвращался домой.

70
Объект «Гарнизон» (VI)

Алёна долго стояла на краю ракетной шахты, в которой утонули харверы, будто верная жена моряка, ожидающая мужа на прибрежном утёсе. Бризол в шахте не шевелился, комбайн Егора Лексеича не выбирался на поверхность. Но Алёна не уходила. Бригада ждала, когда подруга бригадира сломается — заголосит, упадёт на колени, начнёт звать Егора Лексеича и рвать волосы. Даже Костик не подсовывался к матери. Алёна же всё никак не ломалась.

Никто в бригаде не думал про облучение и не лез в тесную мотолыгу под интерфератор: всем надоели эти предосторожности; к мотолыге пошёл один лишь Калдей — он хотел жрать. Фудин с автоматом прогуливался поодаль от Алёны, точно оберегал её уединение. Два алабаевца и пойманная ими Щука сидели в траве и тихо переговаривались. Матушкин, тоже с автоматом, сидел рядом — Фудин назначил его в караул при Щуке. Непонятно было, кто теперь главный в бригаде — Фудин, что ли?.. А Фудин пока не осмеливался приказать бригаде загружаться в машину и ехать на базу; тень Егора Лексеича лежала на Алёне, и Фудин решил сначала дать Алёне время, чтобы погоревать.

Скучающий Костик валялся на бетонной плите и нагло разглядывал Маринку. Маринка, не стесняясь, стащила джинсы; Серёга полил ей на бедро из канистры, смывая запёкшуюся кровь, потом помог протереть рану спиртом, забинтовать ногу и натянуть джинсы обратно. Маринка мычала от боли. Нога у неё распухла и покраснела — дело было худо. А Костик довольно лыбился.

— Митька что — насовсем погиб? — спросила Маринка, чтобы отвлечься.

— Насовсем, — ответил Серёга.

В этом он не сомневался.

Маринка не ощущала горечи потери. Ей некого было терять. Митька для неё перестал быть человеком. Тогда, перед схваткой комбайнов, она видела, как Митька заползает в харвер, но ей казалось, что Митька не заполз в машину, а будто бы сам превратился в чумоход, и сочувствовать чумоходу Маринка не могла. К тому же сейчас ей было совсем не до Митьки.

И Серёга тоже ещё не освоился со смертью брата. Нет, Митяй не погиб, как может погибнуть любой человек, как погиб Егор

Лексеич… Митяй просто где-то скрылся, как скрывался все предыдущие годы. Он просто на какой-то левой стороне мира, но всё равно жив. Его же не было раньше — но он где-то был, вот и сейчас его не стало, но он где-то есть… Серёгу поразило другое.

Он знал, что такое смерть. На его глазах умерли Холодовский, Алабай и Вильма. Но это не мешало жизни оставаться прочной и надёжной. А теперь с жизни словно содрали шкуру, словно вспороли ей брюхо, и Серёга обомлел от зрелища её внутренностей. Жизнь сама оказалась живой, плотской, осязаемой. Она могла оборваться — но могла и зарасти, снова сделаться прекрасной. И всё зависело только от него, от Серёги. Как он захочет, так и будет. Жизнь — это не безликая внешняя сила, которая им управляет, а ранимое существо, которое слабее его воли. Он сам здесь важнее всего, а не законы вегетации.

Вокруг почти стемнело. За дальним хребтом догорала полоса янтарного зарева, а в густой синеве неба появилась бледная ущербная луна. Лес слился в единую массу, закосматился, ощетинился. Через пустырь между развалинами поплыли шевелящиеся струи тумана, словно призраки начали ночное кочевье.

Алёна, стоящая на краю шахты, вдруг вынула телефон и принялась что-то проверять. Это занятие странно противоречило духу скорби, будто Алёна не горевала, а высчитывала в уме какую-то сумму и потом проверила итог на калькуляторе. Засовывая телефон в карман, Алёна направилась к бригаде. Фудин спешил следом. Щука, «спортсмены», Матушкин и даже Костик поневоле поднялись, а Маринка с Серёгой — нет.

Алёна оглядела всех — требовательно и ласково.

— Вот и покинул нас Егорушка… — напоказ вздохнула она.

Бригада не знала, что ответить. Алёна задумчиво отвела от лица лёгкую прядь. В последних мрачных отсветах заката было по-особому заметно, какая она, Алёна, красивая: строгие, правильные и точные черты лица — и мягкая полнота, словно бы чувственность созрела в запрете до полной спелости. Да, Егор Лексеич сумел подыскать себе редкую женщину.

— Но некогда вам, ребята, булочки греть, — сказала Алёна.

Бригада молчала.

— Жизнь-то, она не закончилась, — продолжила Алёна. — Война идёт, сами помните. С Китая нас угнетают, враги всякие за границей. Егор Лексеич — он за страну боролся. Нам тоже надо за неё помогать. Страна «вожаков» требует, чтобы взрывчатку делать. Так что уж не подкачаем.

Бригада по-прежнему молчала. А на Серёгу словно бы волной

холода вдруг накатило прошлое — то время, когда Егор Лексеич был жив, а Митяй ещё не появился, когда Харлей трахал племянницу бригадира, а он, Серёга, как лох, позорно рыскал вокруг… Это тогда верилось про войну и про помощь стране… Хер вам: обратно в это прошлое Серёга не желал.

— Вернёмся на базу, покушаем, а завтра за работу. Трелёвочная машинка у нас есть, — Алёна кивнула на мотолыгу, — а рубить придётся вручную. Ну ничего, другие бригады тоже вручную рубят. Денег дам по пятьдесят за ствол.

— Так мы не по домам?.. — удивился один из алабаевцев.

— А разве я обещала кому? — спросила Алёна так, что стало страшновато. — Дело-то не сделано. Егора сто восемнадцать «вожаков» нашёл, все места у меня с телефона обозначены. Будем дальше деревья валить, на то ведь мы и бригада. Или кто-то не хочет страну свою поддержать? Назовитесь мне.

Никто не назвался.

— Теперь Алёна бригадир, — шепнул Серёга Маринке.

Загорелое лицо у Маринки побледнело.

— Серый, надо сматываться от неё, — беззвучно произнесла Маринка.

Сматываться из командировки надо было раньше — ещё когда Митяй их уговаривал… Но Серёга не стал упрекать Маринку.

— Я тебя утащу, — сказал он. — Никого не бойся.

Алёна по-хозяйски сняла с Фудина автомат — будто зонтик с вешалки, и принялась неумело возиться с предохранителем.

— Это ты, подруга, моего Костика по лбу ударила? — поинтересовалась она у Щуки, не поднимая головы.

— Она, кто ещё-то? — гневно крикнул Костик.

— Да не парься ты. — Щука тотчас широко заулыбалась Алёне, делая вид, что ничего особенного она не сотворила. — Жив-здоров углан у тебя…

Алёна, тоже улыбаясь, посмотрела Щуке в глаза:

— И Бродягу ты выпустила, да? А ведь он Егору убил.

— Слышь, сестра, — откровенно забеспокоилась Щука. — Я ведь их не…

Алёна подняла автомат, расставив локти, и всадила в Щуку очередь. Щука затряслась, точно её били в живот мелкими тычками.

— И-и… иб-бать… — изумлённо прошептала она и словно по частям упала.

Бригада стояла вокруг мёртвой Щуки, распростёртой в траве, безмолвно и потрясённо. В небе чуть светилась неполная луна. В лесу гугукнул филин.

— Кто-то чем-то недоволен? — осведомилась Алёна.

Один из алабаевцев ответил очень аккуратно:

— Никто за эту уголовницу не вписывался.

Алёна повесила тяжёлый автомат на плечо.

— Вот и я так думаю, — невозмутимо согласилась она. — И предателей с халявщиками не потерплю. Короче, ребятушки, все в машинку. Ехать пора.

Мотолыга невдалеке вхолостую тарахтела движком. Как её бросили, когда началась драка харверов, так она и торчала возле плоского здания в один этаж. Из чёрных окон бетонной коробки высовывались кусты, проваленная крыша топорщилась концами балок. В десантном отсеке мотолыги, наверное, дрых Калдей: даже стрельба его не разбудила.

— Я не поеду, тётя Лёна, — угрюмо заявила Маринка. — Я ухожу с бригады.

Алёна, картинно задрав брови, посмотрела на Костика.

— Что скажешь, сына? — заботливо спросила она.

Костик всю дорогу цеплялся к Маринке — ему и решать её судьбу.

— Хуй тебе, — сказал Костик Маринке. — Поедешь как милая.

Серёга, сидевший на бетонном блоке, с угрозой поднялся на ноги.

— Глухой, что ли? — пробурчал он. — Маринка уходит! И я с ней тоже!

Алёна наблюдала за Костиком с ласковой материнской улыбкой — как за младенцем, который делает первые неуклюжие шаги.

— Чё ты там тявкнул, педрила? — Костик презрительно сморщился на Серёгу. — Я теперь тут хозяин! Как захочу — так и сделаю!

— Отсоси! — ненавистью окатил его Серёга.

— Сосать она у меня будет! — Костик уткнул палец в Маринку. — Сёдня вечером, понял? А тебе даже посмотреть не повезёт!

Серёга злобно почернел. Костик торопливо попятился и цапнул автомат, висевший у Алёны на плече. Алёна расслабила плечо; глядя на Серёгу с каким-то вызывающим и бесстыжим кокетством, она стряхнула ремень автомата, словно бретельку лифчика. Ободрённый Костик наставил автомат на Серёгу.

— Мне ещё вчера дядя Егор дал добро тебя пристрелить! — сообщил он, глумливо торжествуя. — А ты, блядь, юркий, как понос!

Серёга пластом рухнул за бетонный блок, на котором только

что сидел, и автоматная очередь Костика пронеслась над ним сверху — рядом с Маринкой.

— Беги! — отчаянно закричала Маринка, спрыгивая с блока.

Костик не сразу сообразил: чё это — Башенин увернулся, что ли?..

Алёна, Фудин, Матушкин и два алабаевца стояли неподвижно.

Едва ли не на четвереньках, как вспугнутый зверь, Серёга опрометью ринулся из бурьяна к ближайшей бетонной развалине. Костик снова вскинул автомат и прижался щекой к прикладу, пытаясь поймать Серёгу в подковку автоматной мушки. А между Костиком и Серёгой внезапно выросла Маринка. Она широко раскинула руки и бесстрашно загородила Серёгу собой.

— Уйди!.. — взвыл Костик.

Маринка раскачивалась, как деревце, не давая прицелиться.

Серёга скрылся за обглоданным бетонным углом.

Костик опустил автомат и стремительно глянул направо и налево. Куда Серёге бежать? Можно к лесу — спасаться, можно к мотолыге — вооружиться. Сам Костик дунул бы к лесу. Значит, и Серёга побежит туда же… Но не хило и подстраховаться… Второй автомат был у Матушкина.

— Витюра, блядь! — гаркнул Костик. — Чеши левее с той халабуды! Перехватишь Серого у машины!..

Костик метнулся вслед за Серёгой и по пути ударил Маринку в лицо:

— С-сука!

Сумерки затопили пустырь синевой, лишь чуть белели бетонные руины. Матушкин послушно потрусил к левой стороне развалин — ближе к мотолыге.

Он обогнул угол — и едва не налетел на Серёгу: растрёпанного, почти обезумевшего, разинувшего рот. Серёга бежал к мотолыге. Ему нужно было оружие, чтобы выручить Маринку. Он споткнулся, увидев Матушкина на своём пути, и чуть не упал. Рожа у Серёги была как взрыв.

Матушкин должен был пристрелить Серёгу — так было приказано, однако он, ничего не объясняя, молча протянул Серёге свой автомат.

А Костик, запыхавшийся и разгорячённый, повертелся справа за углом развалин — Серёга словно провалился под землю — и бросился к другому углу, дальнему: вдруг Серёга там?.. И за дальним углом в грудь ему, останавливая, больно упёрся автоматный ствол. Автомат держал в руках Серёга.

— Ой, ёптыть… — выронил ошеломлённый Костик.

Серёга чуть оттолкнул его и тотчас врезал короткой

трёхтактной дробью.

Костик с размаху шлёпнулся на задницу в траву. Он не почувствовал, что его прошило насквозь, но глупо пошлёпал ладонью по груди, чтобы погасить затлевшую футболку. Он уже понял, что убит, но как-то всё не умирал.

— Мамка тебя уроет за меня… — свистяще сказал он.

Серёга свалил его второй трёхтактной очередью.

Костик опрокинулся, и в его открытых глазах отразилась луна. А Серёга испытал такое облегчение, словно родился заново — и в мире, который куда лучше этого. Матушкин вынырнул из-за Серёги и подобрал автомат Костика.

Алёна, Фудин и два алабаевца ждали там, где и остались, — возле тела расстрелянной Щуки. Они не рискнули ходить в темноте среди развалин, в которых ловят беглеца. Оружия у них никакого не было. Маринка сидела на бетонном блоке и сплёвывала кровь из разбитых Костиком губ.

Они слышали две короткие очереди. Понятно: это Костик и Матушкин догнали Серёгу… Маринка словно стиснула свою душу в кулак, чтобы не думать сейчас ни о чём. В развалинах появились две тёмные фигуры. И Фудин с Алёной, и алабаевцы оживились: Костик и Матушкин идут… Маринка не оглядывалась. Но от развалин к бригаде шли Матушкин и Серёга. И они уже держали бригаду под прицелом автоматных стволов.

— Я ухожу и Маринку забираю, — подходя, глухо произнёс Серёга.

Маринка взвилась на месте, разворачиваясь.

— И я с ними, — добавил Матушкин.

71
Гора Ямантау (V)

Ничего ещё не закончилось, и Серёга понял это, когда до него донёсся волчий вой Алёны. В её голосе слились тоска, материнское горе и свирепая ярость. Приглушённый расстоянием, вой всё равно оставался таким жутким, что лес вокруг Серёги затих, будто прихлопнутый заморозком. Серёга слышал только треск хвороста, шелест папоротника и собственный сдавленный хрип. И ещё, конечно, слышал Маринку — как она задыхается, стараясь не стонать.

— Погоня будет… — тяжело пропыхтел Матушкин.

— Не зуди, — пропыхтел в ответ Серёга.

Они тащили Маринку вдвоём, перекинув её руки себе на плечи. Маринка прыгала между ними, подволакивая простреленную ногу. Серёга понимал, что Маринке больно, и чем дальше — тем больнее. Не добраться им ни до каких Татлов. И даже до Межгорья не добраться, хотя что им делать в заброшенном городе? Маринке нужен врач, нужны лекарства. Иначе заражение — и конец.

Они усадили Маринку в траву под сосной, чтобы перевести дух. Маринка откинулась спиной на ствол и закрыла глаза. Матушкин тихонько подтолкнул Серёгу в сторону и сунулся губами ему в ухо:

— Серый, а куда мы идём?

Конечно, он должен был об этом спросить, и он ни в чём не был виноват, но Серёга взбесился, срывая зло на Витюре:

— А чё, жопу подпалило? Дак проваливай на хуй!

В темноте морщинистое и щетинистое лицо Матушкина зашевелилось, как паук. Но Матушкин был какой-то смиренный и покорный, словно тащили его самого, а не Маринку. Он принял слова Серёги как нечто заслуженное.

— Чё ты… — виновато отступил он. — Я же просто предложить хотел…

Серёга и сам догадался, о чём хочет сказать Витюра. Прятаться в лесу так же бессмысленно, как и пытаться дойти до Татлов: в лесу Маринка умрёт. Да и разыскать их могут, ведь Алёна обязательно отправит погоню. Спасение было только одно — в миссии «Гринписа». Там, где укрывались друзья Митяя.

— Ладно, — миролюбиво сказал Серёга Матушкину. — Предлагай.

— Давай туда, куда Щука сдёрнула… К учёным. Знаешь, где

они?

Серёга закурил, сигарета прыгала в пальцах.

— Знаю.

Серёга помнил, где находится вход в «Гарнизон». Его привёл туда трек Алабая, когда Серёга, изображая Бродягу, сбежал из бригады с Вильмой.

— А далеко это?

— Да не особо…

Даже ночью и в лесу, даже зажмурив глаза, Серёга всё равно ощущал в пространстве тяжкое присутствие громады Ямантау — он не собьётся с пути.

— Давай, маленькая, — ласково прошептал Серёга, поднимая Маринку.

Они поковыляли дальше, продираясь сквозь густые и колючие заросли подроста, ломая сухостой и перелезая через замшелые, сучкастые валежины. В хвойных и лиственных толщах над ними изредка мелькал просверк луны. Серёга обнимал Маринку — такую непокорную и хрупкую — и думал, что ни хера не сдастся. Если их настигнут, то он отправит Маринку с Матушкиным, а сам ляжет в заслоне с автоматом. Застрелят его или патроны кончатся — так он, хоть убитый, хоть безоружный, всё равно будет драться и зубами рвать… Неужто эти твари отнимут у него всё — и брательника, и девчонку, и жизнь?..

— Бля!.. — вдруг взвизгнул Матушкин, роняя Маринку. — Бля, бля, бля!..

— Ты чего? — опешил Серёга.

Матушкин смотрел куда-то вперёд сумасшедшими глазами.

— Талка там!.. Мёртвая!..

Серёга глянул туда, куда смотрел Витюра. Просто какой-то куст.

— Сидит, вся распухла уже… — У Матушкина плясала морда.

— Она же на Татлы ушла, — неуверенно произнёс Серёга.

— Соврал мне Лексеич, падла! Никуда она не ушла, тут умерла…

Маринка тоже щурилась в темноту.

Серёга вспомнил, как сам он увидел на этой дороге Холодовского. А Вильма увидела бригадира Типалова…

— Это мороки… — сказала Маринка. — Их Ведьма здесь распустила, чтобы загородить базу «спортсменов». Алабай предупреждал, когда всем позвонил.

Маринка высвободилась из объятий Серёги, допрыгала до куста, который испугал Матушкина, и свалилась в траву отдохнуть. Витюра всё озирался. Серёга успокаивающе сжал ему плечо. Что за хрень-то? Маринка — одноногая, Витюра — псих!..

А Матушкин вдруг сгорбился, затрясся и заплакал.

— Сука я… Сука!.. — всхлипывая, твердил он. — Ты, Серый, свою девку тащишь, ты не зассал, а я Натахе не помог, я зассал… Сука я!..

Серёга никогда не воспринимал Матушкина всерьёз — шут гороховый, и только… А вот надо же — страдает… Но у Серёги не было сил его утешать.

Серёга понял, что они уже выбрались на заросшую просеку, которая ведёт от портала с железнодорожной веткой к выходу из объекта «Гарнизон». До той башни с лестницей, где его с Вильмой встретили «спортсмены», сейчас рукой подать… Однако на дальнем конце лесной галереи во тьме вдруг обозначились отдельные деревья — ёлка, две сосны, что-то лиственное… Серёга сообразил, что видит рассеянный свет фонарей. Это погоня. Алёна не отстанет, пока не отомстит за убийство сына. А Фудину с Калдеем и алабаевцам плевать на всё. Они выбрали служить Алёне. Что она прикажет, то и сделают. Они — бригада.

— Как они прочухали, куда мы идём? — спросил Серёга сам у себя.

— А куда ещё меня тащить, Серый? — угрюмо ответила Маринка.

Ну да, ясное дело… У них же алабаевцы, которые тут всё знают.

На склоне Ямантау шумел ветер. Над просекой быстро пролетела какая-то мохнатая птица. Деревья лепились зыбкими громадами мрака, сливались друг с другом, сплетаясь ветвями, и тихий шелест перетекал с громады на громаду, как вода переката по гладким камням. Под луной серебрились перья папоротника. Косо поваленные стволы словно стягивали на себя напряжение, ведь лес, как грозовая туча, был полон энергии: он жил, менялся, желал чего-то и потаённо двигался внутри себя, отвечая миру на своём неведомом языке.

— Серый, уходи с Матушкиным без меня, — попросила Маринка.

Глаза её чернели обречённостью.

— Чё за хуета? — рассердился Серёга.

Маринка кусала разбитые губы.

— Нас всё равно не пустят на «Гарнизон»… Щуку же не пустили.

— Щука — воровка, а мы нормальные!

— Им-то, городским, откуда знать?

— Оттуда, что мы тебя притащили, не бросили! Мы не гнильё!

— Да насрать им на это.

Серёга видел, что Маринка потеряла надежду. Нет, так нельзя. Неважно, что от Маринки сейчас ничего не зависит: надежду всё равно терять нельзя.

— Если городские с того бункера такие же, как Митрий, то они нас пустят! — убеждённо поддержал Серёгу и Матушкин. — Митрий бы пустил!

Маринке хотелось сказать Витюре что-нибудь презрительное — так всегда ему отвечали, однако из-за Серёги она сдержалась. Она не верила в городских. Да, Митька вроде был хорошим… Но «спортсмены» тоже были городскими.

— Может, Митька пустил бы… — Маринка спрятала глаза от Серёги. — А может, и нет. У него свои заморочки были. Чего вы тут запели про него оба?

Серёга присел перед Маринкой на корточки — как перед ребёнком.

— Митяй за нас с тобой погиб, Маришка! — проникновенно произнёс он.

Это не укладывалось у Маринки в голове, и Маринка упрямо молчала.

— Он за мной к Алабаю пришёл. Там, на отвалах, он говорил, что твой дядя нас грохнет с конца командировки. Митяй звал сбежать, а мы скосячили, вот он и полез на харвер биться с Лексеичем… Он прикрыл нас, понимаешь? А ведь мог бы спокойно съебаться к своим в «Гарнизон»…

Серёга не знал, что Митя был ранен и не добрался бы до миссии — попал бы обратно Типалову в лапы. Не знал, что Митя вступил в последний бой ради того, что делали его товарищи по «Гринпису», а не ради Серёги с Маринкой. Для Серёги Митя превратился в какого-то огромного героя — безупречного и доброго. Всё, что делал Митя, было правильно. Всё, что говорил, — правильно. И Серёга жалел, что мало слушал брата: больше сам базарил, мудак… Жалел, что ни шиша толком не помнит. Чего там ему впрягал Митяй? Ага: войны нет, радиации нет, лес управляет чумоходами и Бродягами, а бризол — это плохо. Пурга какая-то… Ну и хер с ней! Главное-то — сам Митяй! Настоящий брат! Он заменил Серёге войну на братство, вот и всё! Он стал светом, на который можно идти! И за спасением они сейчас рвутся к его друзьям! Не верить в Митяя — значит не верить в спасение. А без веры им сейчас не выжить.

— Он у тебя за спиной стоит, — глухо сообщила Маринка.

Серёга осёкся.

— Он мертвец. У него глаз нет, а с башки торчат корни…

Маринка знала, о чём говорила, — она смотрела куда-то мимо Серёги. И Серёгу по лопаткам и по загривку пробрал холодок ужаса.

— Это не он, — не оглядываясь, ответил Серёга. — Это морок Ведьмы. Кого ты боишься или ненавидишь, того тебе лес и показывает. Пугает.

Маринка молчала. А Матушкин не сумел удержаться — тоже уставился ошалелыми глазами Серёге за спину.

Но Мити там не было. Была какая-то коряга, высокий обломанный пень. А за ним вдали на просеке горели, покачиваясь, пять неярких звёзд — пять фонарей. Это Алёна и её бойцы шли за теми, кого Алёна жаждала убить.

72
Объект «Гарнизон» (VII)

Серёга тут всё помнил: лишь сутки назад они с Вильмой шли по этой вот прогалине ко входу в «Гарнизон». Вход — он вон там, за поворотом заросшей просеки, где лес отступает от склона и над поляной, как нос корабля, высится бетонный корпус врытого в гору сооружения. Так что ведёт он правильно… Однако добраться до «Гарнизона» они чуть-чуть не успели.

Маринка не жаловалась, не стонала, не плакала, хотя джинсы на бедре у неё вновь намокли — рана кровоточила под неумелой повязкой. И Матушкин, и Серёга одинаково обессилели, а преследователи неумолимо приближались. Скоро они поймают беглецов лучами фонарей — значит, вспыхнет бой. Нет, Серёга с Матушкиным не сдадутся: займут оборону, будут отстреливаться, покуда хватит патронов в рожках, но в итоге их всё равно окружат и перебьют.

— Надо спрятаться… — прохрипел Серёга.

Они залезли в густой и мелкий пихтарник на обочине просеки и легли.

Первым шёл один из алабаевцев — указывал дорогу, за ним — Калдей и Фудин, потом Алёна, замыкал другой алабаевец. Двигались они свободно и даже негромко переговаривались, шарили лучами фонарей по сторонам. Все были с автоматами, а здоровенный Калдей нёс ещё и гранатомёт. Похоже, Алёна собиралась брать «Гарнизон» штурмом. Серёга разглядывал недавних товарищей по бригаде и недоумевал: как так?.. Ещё днём они были заодно, а сейчас готовы в глотки друг другу вцепиться… Что случилось? Да ничего! Просто такая вот у них жизнь. Не нравится? Херня, привыкнешь…

Алабаевец, который шёл последним, вдруг замедлил шаг, остановился и навёл луч фонаря на заросли. Серёга, Маринка и Матушкин, что прятались в пихточках, словно оказались в облаке игольчатой светотени. Серёга вспомнил, что этого мужика зовут Лёнька. Вместе с Алабаем Лёнька бил его, Серёгу, пленного, на щебёночном заводе, а после поражения «инженерного танка» на отвалах Лёнька отрёкся от своего бригадира и переметнулся к Типалову.

Лёнька вскинул автомат, нацелив на пихтарник.

Серёга схватил лежащего рядом Матушкина за плечо: не стреляй!

Лёнька что-то искал в пихтарнике лучом фонаря.

— Эдик?.. — неуверенно спросил он.

Эдуардом звали Алабая.

— Морока увидел!.. — одними губами сказал Матушкину Серёга.

Лёнька ещё постоял, потом повернулся и поспешил за своими.

Когда бойцы Алёны ушли далеко вперёд, Серёга и Матушкин вынесли Маринку из зарослей. Уже без спешки, не надрываясь, они двинулись по лесу вслед за погоней — поменялись с ней местами.

Бетонный корпус, освещённый луной, торчал из склона горы как нечто инородное — слишком ровный и прямоугольный для разлапистого и дикого леса, где всё враскос и всё перепутано. Серёга усадил Маринку под сосной и повалился в густую траву рядом с Матушкиным. До железной лестницы, что примыкала к узкому торцу здания, как башня из арматуры, от них было метров пятьдесят. Совсем малёхо. Бросок на несколько секунд. Но под лестницей топтались бойцы Алёны. Алабаевец Лёнька, оказывается, уже поднялся до самого входа в «Гарнизон», оглядел всё и теперь спускался.

— Там заперто, — донеслось до Серёги. — И непохоже, чтобы кто-то был…

— Может, они и не сюда побежали, Алёна Игоревна? — спросил Фудин.

— Всё равно сюда вернутся, — сказал другой алабаевец. — Девчонка — не ходок. У неё сепсис. А в миссии — медпомощь. Поблудят по лесу и придут.

— Тогда здесь и подождём, ребятки, — определилась Алёна.

Матушкин рядом с Серёгой засопел от досады.

— Чё делать будем, Серый? — спросил он шёпотом.

Серёга подумал.

— Ждать, пока им не надоест.

— А если они вокруг обыскивать начнут?

Серёга принялся скрести землю пальцами. Он уже понял, что ему следует предпринять. И для него это вряд ли кончится чем-то хорошим.

— Можно так, Витюра… — заговорил Серёга. — Я переберусь на ту сторону и шугану их. Они за мной погонятся. Я их уведу, а ты Маринку наверх тащи.

— Тебя грохнут.

— Как уж карта ляжет… Но ты ведь не бросишь Маринку?

Матушкин пошевелил щетинистыми морщинами.

— Серый, я к городским хочу жить уйти. Прицеплюсь к этим учёным, и они меня заберут с собой. А без раненой девки кто мне

там откроет?

— Жопа ты хитрая, — горько усмехнулся Серёга.

— Да чё такого-то? — даже обиделся Матушкин.

Серёга согласился: а чё такого? Матушкин, крыса позорная, помогал ему ради себя, а не ради Маринки… Но ведь всё равно помогал.

— А на хера тебе на город? — напоследок поинтересовался Серёга.

Матушкин смущённо заёрзал:

— Ну… Митрий сказал, что я талант… И в городе нужны такие, как я.

— Ох, бля-я… — тихо простонал Серёга. — Чё, правда ты из-за этого?

— Иди на хуй! — разозлился уязвлённый Матушкин.

Договорить не удалось: по ним вдруг хлестнул бешеный крик Алёны:

— Башенин, стоять!.. Вон он!.. Стоять!..

Серёгу подбросило, он стиснул автомат, ещё миг — и врежет огнём.

Однако Алёна, застыв у башни с лестницей, смотрела вовсе не туда, где прятались Серёга, Маринка и Матушкин, а совсем в другую сторону, и длинные лучи фонарей ворошили опушку на дальнем конце поляны.

— Вон он! — опять крикнула Алёна.

— Морок увидела… — злорадно догадался Серёга. — Меня — мороком…

Алёна побежала к лесу прочь от лестницы, бойцы — за ней.

— Стреляйте по гаду, ребята!.. — кричала Алёна.

Пара автоматных очередей вслепую вспорола заросли: бойцы не видели чужой морок. А поляна под бетонным утёсом опустела. И это был шанс!

— Витюра, Маришка, стартуем!.. — не раздумывая, скомандовал Серёга.

Вместе с Матушкиным он подхватил Маринку, и втроём, пригибаясь, они бросились через поляну к лестнице. Серёга и не представлял никогда, что можно бежать одновременно так быстро и так медленно. Ржавая лестничная башня качалась впереди, похоже не приближаясь ни на самую малость. Для Маринки каждый шаг был словно удар штыком в ногу, но Маринка терпела. Поодаль в лесу метались и скрещивались лучи фонарей, трещали автоматы. Над Ямантау, как маятник, шаталась луна. Башня толчками увеличивалась в размерах: росла вверх, раздвигала пролёты, расправляла ржавые балки.

Они добежали, и Маринка ухватилась за стальные перила,

почти упала на них. Серёга безжалостно подтолкнул её дальше:

— Маришка, не тормози…

Захлёбываясь стоном, преодолевая боль, Маринка принялась отчаянными рывками втаскивать себя на ступеньки — одну за другой, одну за другой.

— Серый, ты давай с ней! — жарко прошептал Матушкин и взял автомат наизготовку. — А я снизу прикрою, если что!..

Над их головами угловатыми изломами воздвигались два стальных этажа — четыре марша лестницы. Маринка проползла только половину нижнего марша. Серёга оторвал её руки от перил и скорчился, подставляя спину:

— Маришка, я тебя понесу! Держись за шею!

Он почувствовал, как Маринка повисла на нём сзади, крепко обхватив его тонкими руками. Он с трудом распрямил ноги, вставая, и попёр по ступенькам. Шаг. Шаг. Шаг. Шаг. Поворо-о-от… Шаг. Шаг. Шаг. Шаг…

А на третьем марше Серёга услышал, как в лесу завопили:

— Сука, они же на лестнице!..

Бойцы Алёны их заметили.

И тотчас всё вокруг ярко осветилось полосами и складками, пересеклось узкими тенями — это лучи фонарей нащупали их и уткнулись Серёге в глаза.

— Серый, я их прижму! — крикнул Матушкин. — Иди!..

С площадки второго марша затарахтел автомат Матушкина. Витюра бил по фонарям, не позволяя бойцам Алёны подобраться к лестнице.

Серёга медленно и тяжело шагал вверх, точно робот. Маринка висела на нём, и он чувствовал, как девчонка дышит ему в скулу. Мышцы скрипели от напряжения. Свет вокруг погас — бойцы Алёны выключили фонари. Серёга слышал голоса на поляне, слышал внизу треск автомата Матушкина. Всё огромное сооружение лестничной башни вразнобой неровно громыхало, с лихим визгом вспыхивали огни — это пули лупили по стальным конструкциям и рикошетили. Шаг. Шаг. Шаг. Поворо-о-от… Шаг. Шаг. Шаг. Шаг…

Перед Серёгой распахнулся прямоугольный проход в бетонной стене — путь на объект «Гарнизон». Серёга переступил высокий порог, ощущая лишь объём пустого помещения с пещерным запахом мокрого камня. А на два пролёта ниже охнул Матушкин, и его автомат умолк.

Серёга ничего не видел, не знал, куда он попал. Он осторожно сгрузил Маринку в темноту на бетонный пол и, задыхаясь, пояснил:

— Я за Витюрой…

Он скатился обратно по ступеням — поворот и ещё поворот. Матушкин лежал поперёк лестницы, неестественно откинув голову. Серёга понял, что Матушкин мёртв. Лицо его, такое подвижное, морщинистое и щетинистое, сейчас непривычно разгладилось и замерло в странной и горделивой улыбке. Глаза были закрыты. Матушкин будто исполнил номер и ждал аплодисментов.

— Спасибо, Витюра… — прошептал Серёга.

Снизу стреляли, арматура лязгала.

Серёга взлетел обратно к проёму входа и на пороге оглянулся. Почему-то ему стало очень нужно увидеть это с высоты башни… Небо на востоке чуть-чуть посинело. Не так, чтобы рассеять тьму, но достаточно, чтобы проявилось всё космически-обширное и сумрачное пространство в его протяжённом и таинственном разнообразии. Холмистые леса — как шерсть на звере, неясно расплывающиеся горные хребты с редкими и острыми зазубринами скал, дымящиеся туманом впадины болот, мягкие изгибы речных долин… Серёгу пробрал озноб: эта земля была прекрасной, а что они, люди, с ней сделали?..

Посиневший восток высветил и внутренность помещения, где очутились Серёга и Маринка. Это был тамбур: четыре шага в ширину, десять шагов в глубину. В дальней стене располагалась могучая стальная дверь в стальной раме. Ни ручки, ни звонка — ничего. Гостей здесь не ждали. Серёга поднял с пола обломок бетона и принялся молотить по двери. Дверь не дрогнула.

В потолок ударила пуля и, отскочив, сочно тюкнула в пол рядом с Серёгой. Серёга отшвырнул бетонный обломок, метнулся к сидящей у стены Маринке и перетащил её в угол — в мёртвую зону для рикошета. А сам с автоматом лёг на порог и высунулся наружу.

Кто-то из бойцов Алёны поднимался уже по второму маршу. Серёга дал вниз сквозь арматуру короткую очередь, и боец шарахнулся обратно.

С земли начали поливать огнём верхнюю площадку лестничной башни и дверной проём. Конструкции башни лязгали, звонко цокал бетон.

— Не боись! — через плечо бросил Маринке Серёга.

— Серый, нам не откроют… — из-за стены тоскливо ответила Маринка.

— Откроют! — уверенно заявил Серёга, но сам он в это уже не верил.

Он лежал на пороге и одиночными выстрелами, экономя патроны, бил внутрь конструкций, защищая лестницу. Восток

светлел. Внизу под лестницей обозначилась поляна, по ней туда-сюда перебегали бойцы Алёны. Серёга понял, что завёл Маринку в западню. На землю — нельзя, в «Гарнизон» не пускают. Серёгу жгли обида и гнев, а ещё — пронзительная жалость к Маринке.

— Щас там, внутри, расчухают, что да как, и откроют! — пообещал Серёга.

Маринка промолчала.

На лестничном марше опять кто-то мелькнул. Серёга хотел пальнуть — но автомат только щёлкнул, будто икнул от голода. Патроны закончились.

Серёга вскочил, спрятался за стену, отстегнул рожок и поднял автомат как лопату. Когда враг ломанётся в проём, надо с размаха ударить его в рыло прикладом… Но снизу донёсся голос Алёны:

— Леонид, вернись!..

Серёга чутко прислушивался — вроде, противник отступил…

— Серёжка! — по-домашнему крикнула Алёна. — Выходите давайте оба! Так я тебя одного убью, а Мариночку не трону! Её же Костик любил!

Серёга посмотрел на Маринку, сжавшуюся в углу.

— Врёт она, — спокойно сказала Маринка.

— Тогда гранату ловите!.. — крикнула Алёна.

Серёга ждал, надеясь непонятно на что. Снаружи на стене возле проёма грянул взрыв, и осколки забарабанили по арматуре. Стрелок промахнулся.

Серёга встрепенулся. Он что, совсем мудак?!.. Он бросился в угол к Маринке и навалился на неё спиной, заслонил её, как бы залепил собою. Он — большой, широкий, а она мелкая. Когда граната — вторая, пятая или десятая — наконец-то взорвётся в тамбуре, его тело должно уберечь Маринку, принять убивающую сталь в себя, остановить собой лезвия смерти. Маринка сдавленно мычала и трепыхалась, но Серёга зажал её прочно, не выскользнет.

И лишь тогда могучая дверь вдруг заскрипела, застонала и открылась.

Серёга вскочил, сгрёб Маринку, перенёс её в два прыжка и вместе с ней, ничего не видя, ломанулся в убежище. Дверь нехотя поехала обратно, а потом взрыв гранаты в тамбуре туго ударил в неё снаружи и мгновенно захлопнул.

Серёга бережно опустил Маринку, и она встала рядом.

Они будто бы очутились в другом мире: яркий белый свет, окрашенные стены, мониторы… Контраст ошеломлял. Всё казалось нереальным. Там, за дверью, темнота, там стреляют на поражение, там сумасшедший лес, бригады, радиация,

чумоходы, мутанты, призраки… А здесь и правда другой мир… И другое человечество… Серёга смотрел на стоящих перед ним учёных. Их было с десяток. Все в чистых голубых комбинезонах с «пацификами»… И все какие-то… прямые, что ли?.. Какие-то… невозможные! Да, встревоженные, да, насторожённые — и в то же время с глубинным спокойствием, будто за ними такая сила, что ни бригадам, ни чумоходам их не победить. В основном — молодые, почти мальчишки и почти девчонки… И начальник — низенький строгий дедок с седой бородкой… А Серёга с Маринкой — точно черти из преисподней: измученные, грязные, оборванные, перепачканные кровью…

Маринка ничего не говорила. У неё не было нужных слов.

А Серёга среди этих людей вдруг узнал Митяя. Конечно, Серёга сразу понял, что это не Митяй, не он, это типа как другой Митя, как его?.. это Дима Башенин… Но ясное лицо и внимательные глаза — это же Митька! Митька!

Серёга шагнул вперёд, протянул руку и сказал:

— Здравствуй, брат!

notes

Примечания

1

Генеральная прокуратура РФ признала нежелательной деятельность Greenpeace в России. — *Прим. ред.*